

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 27. № 2

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Внешняя политика США: история и современные вызовы»

U.S. Foreign Policy: History and Current Challenges

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 27. No. 2

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) and Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index, CrossRef (USA), DOAJ (Sweden), EBSCO (USA), Google Scholar (USA), JournalSeek (USA), MIAR (Spain), OCLC WorldCat® (USA), ProQuest (USA), Research Bible (Japan), ROAD (France), SHERPA/RoMEO (Spain), SSOAR (Germany), ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (USA), Western Theological Seminary (Holland), ZDB (Germany), CyberLeninka (Russia), etc.**

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, M.V. Gayval, Yu.I. Nedelkina*

Editor of English texts *E.A. Agarkova*
Making up and technical editing:
E.S. Reshetnikova

Passed for printing Jan. 8, 2022.

Date of publication: Apr. 19, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 24.9. Published pages 26.8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32). Order 42. «С» 6.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) и Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (США), DOAJ (Швеция), EBSCO (США), Google Scholar (США), JournalSeek (США), MIAR (Испания), OCLC WorldCat® (США), ProQuest (США), Research Bible (Япония), ROAD (Франция), SHERPA/RoMEO (Испания), SSOAR (Германия), ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (США), Western Theological Seminary (Голландия), ZDB (Германия), КиберЛенинка (Россия) и др.**

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькина*

Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 08.01.2022 г.

Дата выхода в свет: 19.04.2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 26,8.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 42. «С» 6.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Tel.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022

Том 27. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2022

Volume 27. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2022. Vol. 27. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: U.S. Foreign Policy: History and Current Challenges

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Volgograd);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg)
took the position of the Executive Editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022. Т. 27. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Внешняя политика США: история и современные вызовы»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающим редактором номера является д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

США на перекрестках мировой истории
и международных отношений
(Редакционная коллегия) 6

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США (1861–1865)

Латыпова Н.С. Дискуссия о причинах
Гражданской войны в США (1861–1865):
периодизация историографии 8

Алентьева Т.В. Визуальная пропаганда
в американской Гражданской войне
1861–1865 годов 21

Кирчанов М.В. Память о Гражданской войне в США
в историческом воображении
общества потребления 32

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В XX ВЕКЕ

Архипова Е.В. Вклад США в урегулирование
территориальных споров в Закавказье
в 1919–1920 годах [На англ. яз.] 45

Минкова К.В. Проблема выбора кандидатуры
нового посла США в СССР в 1941–1942 гг.
(по новым архивным документам) 58

Зорин А.В. Февральский кризис 1948 г.
в Чехословакии: реакция, оценки и последствия
для внешней политики США 67

Малкин С.Г., Буранок С.О. Разработка
корпорацией РЭНД практических рекомендаций
для вооруженных сил США во Вьетнаме
на основе анализа опыта борьбы Японии
с манчжурскими повстанцами 81

Сенников А.И. Курды в иракской политике США
в 1958–1960 годах [На англ. яз.] 90

«СДЕЛАТЬ АМЕРИКУ СНОВА ВЕЛИКОЙ»:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Хид Т., Кубышкин А.И.
Сделать Америку снова великой?
Как мы понимаем трампизм [На англ. яз.] 101

Еремина Н.В., Игнатьева О.А. Концепт демократии
во внешней политике США
в условиях постбиполярной системы 112

Пушкина Д.Б., Хазанова А.Л. Политика США
в отношении операций ООН по поддержанию мира
при президенте Трампе [На англ. яз.] 126

Харкевич М.В., Зиновьева Е.С.
«Вакцинный национализм» в контексте конкуренции
великих держав: анализ с позиций
теории секьюритизации 137

США, КАНАДА

И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Соков И.А. Доктринальные основы смены
внешней политики США в период президентства
Д. Трампа: Мексика и Канада 151

Евсеев А.С. Расширение присутствия КНР и РФ
в Латинской Америке как вызов
американским интересам 163

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и истоки
современного социалистического боливарианнизма
[На англ. яз.] 178

Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А.
Цифровая дипломатия США в зеркале
больших данных: уроки венесуэльского кризиса
2018–2019 годов 192

Воротникова Т.А. Идеология и прагматизм
в отношениях с США: Бразилия и Боливия 204

Гриценко И.А. Трансформация
аргентино-американских отношений
на рубеже десятилетий 215

США И РОССИЯ

Коньшиев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция
концептуальных основ
арктической стратегии США 225

Курилла И.И. Политика по отношению к России:
дебаты в американском экспертном сообществе
осенью 2020 года 237

Парубочая Е.Ф., Ковач К.Дж. Инструменты
реализации «мягкой силы» в США и РФ 245

США И СТРАНЫ АЗИИ

Баженова О.А. Индия – потенциальный союзник
США вне НАТО 255

CONTENTS

USA on the Crossroads of World History and International Relations (<i>Editorial Staff</i>)	6
---	---

HISTORY OF THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865)

<i>Latypova N.S.</i> Discussion on the Causes of the American Civil War (1861–1865): Periodization of Historiography	8
<i>Alentieva T.V.</i> Visual Propaganda in the American Civil War of 1861–1865	21
<i>Kyrchanov M.W.</i> Memory of American Civil War in the Historical Imagination of Consumer Society	32

U.S. FOREIGN POLICY IN THE 20th CENTURY

<i>Arkipova E.V.</i> The USA's Impact in Solving Border Disputes in the Transcaucasia in 1919–1920	45
<i>Minkova K.V.</i> The Problem of Choosing the Candidate of the New U.S. Ambassador in the USSR in 1941–1942 (According to New Archival Documents)	58
<i>Zorin A.V.</i> The February 1948 Crisis in Czechoslovakia: Reaction, Assessments And Consequenses for the USA Foreign Policy	67
<i>Malkin S.G., Buranok S.O.</i> Development by RAND Corporation of Practical Guidelines for the U.S. Armed Forces in Vietnam Based on Analysis of Japanese Experience with the Manjuri Rebels	81
<i>Sennikov A.I.</i> The Kurds in the U.S. Iraqi Policy in 1958–1960	90

“MAKE AMERICA GREAT AGAIN”: FOREIGN POLICY OF THE D. TRUMP ADMINISTRATION

<i>Heed T., Kubyshkin A.I.</i> Make America Great Again? How Do We Explain Trumpism	101
<i>Eremina N.V., Ignatjeva O.A.</i> The Concept of Democracy in U.S. Foreign Policy in a Post-Bipolar System	112
<i>Pushkina D.B., Khazanova A.L.</i> The United States Policy Towards UN Peacekeeping Operations Under the Trump Administration	126
<i>Kharkevich M.V., Zinovieva E.S.</i> “Vaccine Nationalism” As a Great Power Competition: Analysis from the Standpoint of the Securitization Theory	137

U.S., CANADA, AND LATIN AMERICA

<i>Sokov I.A.</i> The Doctrinal Foundations of the Change in U.S. Foreign Policy During Trump's Presidency: Mexico and Canada	151
<i>Yevseenko A.S.</i> China's and Russia's Growing Footprint in Latin America As a Challenge to American Interests	163
<i>Jeifets V.L., Jeifets L.S.</i> The Cominternist Origins of Current Socialist Bolivarianism	178

<i>Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A.</i> U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019	192
<i>Vorotnikova T.A.</i> Ideology and Pragmatism in the Bilateral Relations with the United States: Brazil and Bolivia	204
<i>Gritsenko I.A.</i> The Transformation of Argentine-U.S. Relations at the Turn of the Decade	215

U.S. AND RUSSIA

<i>Konyshchev V.N., Sergunin A.A.</i> Evolution of the U.S. Arctic Strategy's Conceptual Basis	225
<i>Kurilla I.I.</i> Policy Toward Russia: American Expert Community Debating Future in the Fall of 2020	237
<i>Parubochaya E.F., Kovach K.J.</i> “Soft Power” Tools in the USA and the Russian Federation	245

U.S. AND ASIA

<i>Bazhenova O.A.</i> India – a Potential Major Non-NATO Ally	255
---	-----

USA ON THE CROSSROADS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

США НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный этап международных отношений характеризуется острым кризисом системы глобальной безопасности. Во многом это объясняется последствиями мирового экономического кризиса, сменой политических элит, все более следующих рецептам неолиберальной идеологии и неолиберальной экономической практики. В авангарде этого процесса стоят США, столкнувшиеся в последние годы с чрезвычайно сложными вызовами, в основе которых лежит оспаривание лидерства Соединенных Штатов со стороны новых мировых центров силы, в первую очередь со стороны Китая и России. Кризис глобальной экономики, активизация старых и появление новых региональных конфликтов (кризис на Украине) отражают новую реальность, в которой доминирующая роль США все чаще подвергается сомнению, а их внешняя политика сталкивается с противодействием.

США изо всех сил стремятся сохранить и в новых условиях имидж супердержавы, образчика страны, в которой экономические, военные и политические ресурсы способны обеспечить им мировое лидерство. Вступая в новый избирательный цикл (в ноябре 2022 г. состоятся выборы в конгресс), властвующая элита США старается минимизировать политический и социальный раскол в стране, чтобы сохранить роль главного гаранта западной демократии и безусловного вершителя судеб государств Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Главная цель – остановить и обернуть вспять переход от однополярного мира к многополярному, в котором блага и обязанности были бы распределены более сбалансированно, прежде всего, в интересах всеобщей безопасности, а не безопасности исключительно для США и их союзников.

В специальном выпуске Вестника ВолГУ, посвященном актуальным проблемам внутренней и внешней политики США, представлены 22 статьи исследователей-американистов разных стран различных политических взглядов, как ведущих ученых из российских и зарубежных университетов, так и начинающих свой путь в американистике молодых исследователей. Номер был подготовлен к печати до 24 февраля 2022 года. В сложившейся ситуации редакционная коллегия считает, что всем нам будет полезно взглянуть на происходящие события через призму «не сконструированного», а исследованного реального прошлого, с холодным умом, без эмоций, как это положено в науке.

В первом разделе публикуются статьи, относящиеся к изучению одного из наиболее драматических эпизодов в истории Соединенных Штатов – Гражданской войны 1861–1865 годов. Годовщину начала Гражданской войны в 2021 г. американцы отметили весьма своеобразно: на фоне расовых волнений, активизации движения БЛМ и повсеместного распространения так называемой культуры отмены (cancelling culture). Последняя означает фактически ревизию истории Гражданской войны, точнее, исторической памяти о ней с позиции негативизма и исторического релятивизма.

В следующем разделе помещены статьи о внешней политике Соединенных Штатов в прошлом столетии, когда США превратились в страну с мировыми амбициями и преследовали свои интересы, прежде всего экономические и политические, во многих регионах, зачастую вопреки национальным интересам других государств. Эта стратегия приводила к острым международным кризисам, которые отражали специфику американской политики во времена холодной войны.

Третий раздел посвящен некоторым особенностям политики администрации Д. Трампа – одной из самых колоритных и противоречивых фигур последних десятилетий. Столь громогласно провозглашенная самим 45-м президентом «эпоха Трампа» отнюдь не закончилась его поражением на выборах 2020 года. Д. Трамп не признает победу своего соперника Дж. Байдена на прошедших выборах и обещает новое пришествие трампизма уже в 2024 году.

Далее следует блок публикаций, связанных с региональной политикой США в современный период. Статьи охватывают регионы от Канады и Арктики до азиатского субконтинента. Несмотря на очевидную необходимость для США учитывать региональные особенности взаимоотношений со своими партнерами, многие авторы отмечают наличие стандартного набора инструментов жесткой и мягкой силы в отстаивании американцами своих внешнеполитических приоритетов. Особое внимание уделяется анализу новых методик в стратегии США (цифровая дипломатия), а также роли экспертного сообщества в выработке современных внешнеполитических инициатив и оценке внутренней политики самих США.

Редакционная коллегия считает, что в условиях обострения международной обстановки в целом и ухудшения отношений России со странами «коллективного Запада» и, в частности, с США, особенно важно не прерывать процесс научного анализа причинно-следственных связей, помогающих не только объяснить суть этих противоречий, но по возможности обнаружить и охарактеризовать экономические механизмы и политические инструменты для их преодоления.

Нельзя забывать, что прошлое есть причина настоящего, а настоящее есть следствие прошлого. Нельзя «конструировать» историю под сиюминутную политическую конъюнктуру, нельзя опираться в принятии судьбоносных решений на пышно расцветшие ныне дилетантские «альтернативную» и «конспиралогическую» истории. Нам всем необходимо осознать, что историю нужно изучать тщательно и профессионально и осторожно использовать в общественно-политической практике, от которой зависит мир и развитие цивилизации.

Мы надеемся, что работы ученых, опубликованные в предлагаемом номере, в определенной мере будут способствовать решению этой чрезвычайно важной задачи.

Редакционная коллегия

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США (1861–1865)

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.1>

UDC 342.6
LBC 63.3(7)

Submitted: 31.08.2021
Accepted: 21.11.2021

DISCUSSION ON THE CAUSES OF THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865): PERIODIZATION OF HISTORIOGRAPHY

Nataliya S. Latypova

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Civil War in the United States (1861–1865) has been of considerable interest to historians, lawyers, economists, and political scientists for more than 150 years. The internal political struggle that broke out in the middle of the 19th century between the two regions of the young democratic state seems to be a valuable object of research. However, scientific approaches to the study of the causes of the “inevitable conflict”, their transformation and rebirth depending on the historical period and the political situation are of even greater interest. This article attempts to summarize the main trends in the historiography of the causes of the Civil War in the United States, mainly in foreign historiography. *Methods of research and materials.* The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific methods. The historical-legal, comparative method, as well as sociological, concrete-historical and systemic methods are used. The theoretical basis of the study was the work of mainly foreign historians, lawyers, political scientists and state historians. *Analysis.* Without denying the centrality of slavery among the causes of the Civil War, researchers identify religious, economic, political and social factors as the key determinants of the separatist movement in the South. A special place in American studies is occupied by the consideration of the role of African Americans in inciting conflict, the personality factor of A. Lincoln, as well as the influence of the abolitionist movement and journalists on the growing confrontation between the North and the South. At the same time, all directions, one way or another, boil down to the fact that it was slavery that was the fundamental cause of the Civil War. The peculiarities of the formation of each of the scientific directions were determined by the socio-economic and political conditions that took place in a particular historical period. *Results.* The periodization of scientific approaches to the study of the causes of the Civil War in the United States in the historical and legal literature can be carried out by dividing the research into three main periods: the “confrontational” (second half of the 19th century); the “socio-economic” (beginning – middle of the 20th century); the “industrial” (middle of the 20th century – the beginning of the 21st century). In the period from the beginning of the 21st century to the present, there is an obvious consensus on the central role of slavery among the determinants of war, but approaches to this problem in recent years have been characterized by interdisciplinarity, complexity, taking into account completely different sides of the conflict. Each of these areas has contributed to the formation of a holistic view of the causes of the Civil War, allowing us to realize the complex, multifaceted nature of the causes of the conflict and to reject two-dimensional approaches to their understanding.

Key words: American Civil War, causes of the Civil War, Abraham Lincoln, slavery in the United States, the Missouri Compromise, abolitionists, history of the USA.

Citation. Latypova N.S. Discussion on the Causes of the American Civil War (1861–1865): Periodization of Historiography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 8-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.1>

ДИСКУССИЯ О ПРИЧИНАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США (1861–1865): ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Наталья Сергеевна Латыпова

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Гражданская война в США (1861–1865 гг.) уже более 150 лет вызывает немалый интерес историков, юристов, экономистов, политологов. Большой интерес вызывают научные подходы к исследованию причин «неотвратимого конфликта», их трансформация и перерождение в зависимости от исторического периода, политической обстановки. В данной статье предпринята попытка обобщить основные тенденции, преимущественно в зарубежной историографии, причин Гражданской войны в США. Применяются историко-правовой и сравнительный, а также социологический, конкретно-исторический и системный методы. Не отрицая центральное место рабства в ряду причин Гражданской войны, исследователи выделяют в качестве ключевых детерминантов сепаратистского движения на Юге религиозные, экономические, политические и социальные факторы. Особое место в американских исследованиях занимает рассмотрение роли афроамериканцев в разжигании конфликта, фактора личности А. Линкольна, а также влияние аболиционистского движения и журналистов на разрастающееся противоборство Севера и Юга. При этом все направления сводятся к тому, что именно рабство являлось основополагающей причиной Гражданской войны. Можно выделить 3 основных периода: «конфронтационный» – вторая половина XIX в.; «социально-экономический» – начало – середина XX в.; «индустриальный» – середина XX в. – начало XXI века. В начале XXI в. очевиден консенсус в отношении центральной роли рабства среди детерминантов войны, подходы к этой проблеме характеризуются междисциплинарностью, комплексностью, учетом совершенно разных сторон конфликта. В итоге к настоящему моменту сформировалось целостное представление о причинах Гражданской войны, что позволяет осознать сложный, многогранный характер причин конфликта и исключить двухмерные подходы к их пониманию.

Ключевые слова: Гражданская война в США, причины гражданской войны, Авраам Линкольн, рабство в США, Миссурийский компромисс, аболиционисты, история США.

Цитирование. Латыпова Н. С. Дискуссия о причинах Гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 8–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.1>

Введение. Гражданская война в США, унесшая жизни нескольких сотен тысяч американцев, является ценным для исследователей периодом всеобщей истории. Интерес представляет цепь закономерностей, приведших молодое демократическое государство к кровопролитной внутренней войне, ее правовые последствия, трансформировавшие американское государство и право, а также коренная перестройка ценностных ориентиров в направлении признания и распространения теории естественных прав человека на афроамериканцев в послевоенный период. Гражданская война в США стала объектом исследования ученых уже с момента ее окончания и продолжает вызывать интерес историков по сей день. При этом, если в отношении последствий «неотвратимого конфликта»¹, роли его

основных участников и значения для дальнейшего развития государства в научной среде существуют устоявшиеся точки зрения, то вопрос о причинах Гражданской войны стал почвой для исследовательской полемики в течение всех 156 лет, прошедших с момента ее окончания [15, с. 196–198].

Особое внимание к исследованию причин Гражданской войны, а также ее последствий в последние годы было вызвано событиями в США в 2017 г., связанными со сносом памятников конфедератам и переносом подобных дискуссий на первые полосы американских газет. В апреле того же года Президент США Д. Трамп в радиointerview задан вопрос о возможности нахождения компромисса политиками того периода, а действующий глава администрации Президента

вслед за ним признал «неспособность найти компромисс» основной причиной Гражданской войны.

Называемый одним из самых обсуждаемых в американской истории вопрос о причинах войны Севера и Юга США становился объектом исследования в нескольких сотнях научных работ. Ряд исследователей ставил в качестве краеугольного камня проблеме рабства в ее социальном и моральном аспекте, экономические различия индустриального Севера и аграрного Юга, культурные, религиозные и политические причины. Многие научные направления исследований причин Гражданской войны формировались под влиянием социально-экономической и политической обстановки, в которых происходило их зарождение и развитие, а также значительно отличались в самих США и в зарубежных странах.

В настоящей работе стоит цель исследовать трансформацию научных подходов к пониманию причин Гражданской войны в США (1861–1865 гг.), исходя из изучения широкого круга преимущественно зарубежной историко-правовой литературы. Данная цель достигается путем установления периодизации историографии о причинах войны.

Рассмотрение основных научных направлений, определяющих причины Гражданской войны, представляет как теоретическую, так и практическую значимость в условиях разгорающихся внутривнутриполитических конфликтов в современном мире. Такого рода аналитическая работа позволит сформировать целостное представление о детерминантах сепаратистских явлений в многонациональном федеративном государстве и осветит с различных сторон социальные и политические процессы, которые заложили основу такого разрушительного по своим последствиям события как гражданская война.

Методы и материалы. Методологическую основу исследования составили общие и частно-научные методы. Применяются: 1) историко-правовой метод, позволивший выявить взаимосвязь смены научных подходов в исследовании причин Гражданской войны и происходящими изменениями в государственно-правовом развитии США; 2) сравнительный метод при сопоставлении научных направлений с целью выявления их характерных черт;

3) метод экспертных оценок как инструмент прогнозирования развития научных направлений исследований в XXI в.; 4) социологический метод, обосновавший роль новых социальных отношений в начале XX в. в качестве причины перехода к новому этапу научных исследований детерминантов Гражданской войны; 5) историко-системный метод, сделавший возможным рассмотрение динамических изменений в направлениях исследований причин Гражданской войны в исторической ретроспективе.

Особое значение при написании работы имели труды зарубежных авторов: Ч. Бирда, Д. Голдфилда, Дж. Макферсона, Э.А. Полларда, Дж. Рэндалла, У.Х. Сьюарда, Ф.Дж. Тернера, Э. Уилсона, Е. Фонера, Л.К. Форда, М.Ф. Холта, и др., а также отечественных исследователей: Т.В. Алентьевой, И.П. Дементьева, Р.В. Зотова, В.И. Лафитского, Д. Ратмана, В.В. Согрина и др.

Анализ. С первых дней начала Гражданской войны учеными, политиками и общественными деятелями предпринимались попытки понять причины кровопролитного конфликта двух частей некогда целостного государства. Дебаты среди них зачастую бывают достаточно ожесточенными, однако именно такие споры выполняют одну из главных целей современного исследователя – поиск объективной истины, то есть объективного содержания истинного знания, независимого от человека, через научный диалог. Такого рода диалоги позволяют выявить ошибки и просчеты в исследованиях, во все времена подвергающихся как внешнему, так и внутреннему влиянию.

Путем последовательного изучения научных подходов к исследованию причин Гражданской войны в исторической ретроспективе нами были выделены 3 основных направления, сформировавшихся со дня начала военных действий и по сегодняшний день, и дана их периодизация: первое направление, господствовавшее с момента начала войны и до начала XX в., продолжало невидимую войну уже на исследовательском поле и отражало взаимные обвинения в развязывании войны южан либо северян, которое можно назвать «конфронтационным»; второе – освещало вопрос о причинах войны с начала до середины XX в.

в свете попыток найти корень разногласий не в политических лидерах и сторонах конфликта, а в самом социуме, политических партиях, географических и культурных особенностях двух регионов, что дает возможность условно именовать данное направление «социокультурным»; третье направление – «индустриальное», сформировавшееся в середине – конце XX в. в условиях промышленной революции, поставило в центр внимания исследователей вопрос об экономических причинах Гражданской войны, отражавших несовместимость промышленного Севера и отсталого аграрного Юга, а также рабство в качестве экономически ретроградного института.

Данная периодизация, по нашему мнению, является доказательством стабильности научных изысканий на протяжении всей истории исследований Гражданской войны, несмотря на различные направления исследований, сосуществующие в рамках одного периода. Отходя от классической историографии Гражданской войны, различающей представления о ее причинах в зависимости от научных школ, мы целенаправленно сконцентрировали внимание не на них, а на основных категориях, помещенных в центр внимания исследователей в разные исторические периоды. Таким образом можно проследить закономерную и последовательную смену представлений о причинах Гражданской войны.

Первое направление – «конфронтационное», сложилось с момента окончания Гражданской войны в 1865 г. и продолжало доминировать вплоть до начала XX века. Наступившая эпоха «нового империализма» (1901–1921 гг.) означала модернизацию экономики, появление монополий и крупных корпораций, что в свою очередь привело к появлению реформаторского движения прогрессивизма (1901–1914 гг.), поместившего в центр внимания государства человека и его социальные права. Именно оно, а также спад эмоционального напряжения спустя более 30 лет после окончания войны привели к смене научных подходов и переходу к «социокультурному» направлению.

Переходя к рассмотрению первого направления, хотелось бы отметить условия, в которых оно формировалось – оставшийся в запустении, разоренный и опустошенный по-

ражением Юг и победивший, но потерявший тысячи солдат, работников, отцов и сыновей Север, фрустрация² и еще не остывшая ненависть к противнику, укоренявшаяся в течение четырех последних лет. Все эти факторы не могли не отразиться и на восприятии причин войны, описанных в многочисленных послевоенных публицистических и научных источниках.

Первой и вполне естественной реакцией стали попытки обеих сторон обвинить противников в развязывании войны и в то же время постараться оправдать действия своего правительства, тем более, что первыми исследователями стали так называемые «любители», а также свидетели событий и журналисты, поддержанные успешными продажами литературы, описывающей события Гражданской войны. В данном ключе авторы уделяли особое внимание личностям глав Союза и Конфедерации, представляя поочередно именно их виновниками конфликта. Более поздняя полемика привела к зарождению двух антагонистических научных направлений – северного и южного, которые продолжают вести дебаты по сей день. Как отмечал Д. Ратман, «изучение Севера и Юга идет как бы двумя потоками, параллельно. Эти две историографические волны ни разу не сливались» [6, с. 66]. Каждая из сторон оправдывала свои действия и обвиняла противника. С учетом того, что первое историографическое направление формировалось еще современниками событий, подобная полемика объяснялась устоявшимися моральными убеждениями бывших северян и южан, лишь несколько лет назад готовых отдать за них свои жизни, и желанием найти виновного в произошедших событиях.

Южане обосновывали сецессию агрессивной политикой северян и оправдывали отделение борьбой за равноправие штатов. В их работах политики Севера выставлены интриганами, лишь прикрывающимися официальными лозунгами об аморальности рабства. Бывший Президент Конфедерации Дж. Дэвис в послевоенной книге писал: «Рабство, возможно, и было спорным вопросом между нами и северными штатами, но далеко не оно стало причиной конфликта. Раскол был протестом против систематической и постоянной борьбы с целью лишения южных штатов равен-

ства в Союзе» [24]. Многие историки Юга поддержали подобную позицию своих бывших лидеров и в своих работах отразили события Гражданской войны как борьбу Юга за права штатов, дав ей тем самым моральное оправдание. Оценивая данную точку зрения, М. Нуссбаум отмечает, что «миф о том, что Гражданская война велась не из-за рабства, а из-за прав штатов, стал предметом веры для некоторых южан и тех, кто участвует в движении за превосходство белых» [17]. Данная полемика была отчасти поддержана на государственном уровне во времена и Первой, и Второй мировой войны, чтобы объединить «белую» и «черную» Америку против общего врага – Германии, в том числе, за счет афроамериканских солдат. В этот период в честь конфедератов называются военные базы, такие как Форт-Брэгг и Форт-Худ, а также воздвигаются памятники и мемориалы в южных штатах.

Северяне обвиняли южан в нежелании идти на уступки в вопросе отмены ретроградного института рабства и соблюдения федерального законодательства, что вынудило федеральные войска начать войну за сохранение Союза. Доводы сторонников Союза также основывались на довоенном положении штатов. В 1862 г. британский экономист Дж.Э. Кэрнес, пытаясь поддержать действия А. Линкольна, писал: «Система рабства мешает Соединенным штатам получить пропуск в сообщество цивилизованных стран» [9, с. 23]. Он полностью разделял мнение сторонников Севера в том, что именно южные штаты ответственны за начало войны.

Однако и те и другие сходились в том, что именно рабство как экономический институт неизбежно стало основным детерминантом войны. Как писал еще в довоенное время сенатор У.Х. Сьюард, «Соединенные Штаты – две радикально разные политические системы; одна основана на рабском труде, другая – на добровольном труде свободных людей <...> что создает непреодолимый конфликт» [24]. С данной позицией не был согласен Э.А. Поллард, считавший, что причиной войны была вражда между двумя регионами страны и рабство стало лишь удобным поводом и обоснованием взаимной ненависти. Поддерживая политику южан и возлагая от-

ветственность за начало войны на северян, Э.А. Поллард писал: «Аболиционистам наконец удалось установить полный контроль над правительством в Вашингтоне и привнести в войну часть своего фанатизма. <...> Всеобщее освобождение на Юге и полное уничтожение всей собственности были теперь объявленной политикой отчаявшихся и безумных лидеров войны» [18, с. 345].

В 1870–1880-х гг. в рамках конфронтационного направления появились теории заговора южан, поддержанные немецким историком Г. Хоистом, называвшим в качестве причины Гражданской войны внушение радикальными рабовладельцами широким массам населения опасность, исходящую от северных штатов, и необходимость предпринять решающий шаг к отделению, дабы защитить свой привычный уклад жизни. Сторонники большого заговора считали сецессию следствием воздействия небольшой группы влиятельных южан на решение всей Конфедерации об отделении. Рабство в этот период рассматривалось как ресурс, эксплуатируемый южными штатами, а не фундаментальная причина войны.

В 1890-х гг. социально-экономическая обстановка и господство расовой сегрегации обусловили появление концепции «согласования интересов», принимавшей довод северян о незаконности сецессии, однако оправдывая ее излишней агитацией аболиционистов. Ученый из южных штатов В. Уилсон указывал на оскорбленные чувства жителей Юга аболиционистским морализированием и был убежден, что раскол являлся способом отстаивания своих прав рабовладельческими штатами. Тем не менее В. Уилсон не отрицал, что лидер Союза А. Линкольн «уважал конституцию», и «стремился объединить штаты с благой целью сохранения Союза» [27, с. 194]. Д.Ф. Родс характеризовал антирабовладельческих активистов как «простофиль и честолюбивых политиков». «Согласователи» видели решение вопроса о поиске виновника в войне в возложении ответственности на лидеров Союза и Конфедерации.

Лишь в конце XIX в. исследователи пришли к выводу о незаслуженно возлагаемой на политическую верхушку воюющих сторон ответственности, избегая главного вопроса –

рабства. Ф.Д. Тернер активно критиковал существующие исследования, отмечая, что «лишь истинный историк, который хочет проникнуть в суть явления может абстрагироваться от обвинений сторон и попытаться взглянуть на Гражданскую войну с социальной и экономической точки зрения» [25, с. 217].

Последующий с начала до середины XX в. этап социокультурных исследований был обусловлен угасающим духом соперничества и вражды между северянами и южанами по прошествии полувека после окончания войны и переходом к объективной истории, стремящейся не к поиску виновников войны, а к установлению ее истинных причин. Новые исследования пытались установить социальные, культурные, географические факторы, проводя аналогию между событиями Гражданской войны и общественными явлениями, происходившими в начале 1900-х гг., поместив в центр внимания исследователей реальных людей, участвовавших в войне. Подобное смещение можно объяснить усилением в начале XX в. движений за гражданские права женщин, афроамериканцев и простых работников. Борьба за социальные и политические реформы, имевшая место в период «прогрессивизма», способствовала возвышению роли обычных людей в разжигании «неотвратимого конфликта» и начале войны.

Данный этап ограничен периодом с начала XX в. (начала эры прогрессивизма, 1901–1914 гг.) и до его середины (окончания Второй мировой войны и начала бурного экономического роста, когда американская история стала рассматриваться как исключение по отношению к идеологическим крайностям в Европе, а развитие промышленности переместило центр внимания исследователей Гражданской войны от человека к экономике).

Согласно данной точке зрения, именно «простой народ» был творцом истории Соединенных Штатов. Как отмечал Ф.Д. Тернер, историк должен видеть в американском обществе с его многонациональным, многоконфессиональным и мультикультурным составом, а также особой социальной психологией и идеалами богатейшую почву для исследований закономерностей развития общества и взаимодействия сил, влияющих на его трансформацию [25, с. 217].

В первой половине XX в. в рамках данного направления распространение получило движение фундаменталистов, считавших основной причиной войны рабство в его моральном аспекте, а также утверждавших тезис о непримиримости различий в идеологии, экономике и культуре Севера и Юга, которые привели к неизбежной войне. Соглашаясь с фундаменталистами, Чарльз и Мэри Бирд признавали неотвратимость войны, однако считали, что главную роль в ней играли не моральные причины, а социально-экономические. Они отмечали, что «Гражданская война представляла собой вторую американскую революцию, характеризовавшуюся социальным расколом, в ходе которого капиталисты, рабочие и фермеры Севера и Запада отстранили от власти в правительстве аристократию Юга» [8, с. 53–54]. Данная интерпретация причин Гражданской войны и сведение их в социальную революцию была оспорена марксистом В. Дюбуа, который поставил под вопрос отсутствие среди истинных причин конфликта моральной стороны рабовладения. По мнению И.П. Дементьева, отличительной чертой концепции У. Дюбуа явилась мысль о развитии двух Реконструкций, имевших между собой принципиальные различия: первая воплотилась в программе и действиях Конгресса США, вторая выразилась в революционных инициативах и достижениях негритянского народа [3, с. 107].

Отдельной группой историков, называемых ревизионистами, причина конфликта объяснялась неумением политических лидеров найти компромисс из-за активизации деятельности экстремистов с обеих сторон. Популярной данная трактовка причин Гражданской войны стала в 1930–1940-е годы. Как отмечает М. Ширер, «ревизионисты в целом признавали, что рабство играло определенную роль, но находили более сложную причинно-следственную связь в среди политических и экономических причин» [21, с. 2]. Как писала видный ревизионист М. Скрагэм, войны можно было бы избежать, если бы американский народ того времени обладал достаточной политической проницательностью, чтобы отличать видимость от реальности: «Главная причина распада Союза заключается в том, что народ Севера и Юга был обманут и предан политиками. Юг заставили верить, что Север

ненавидит их и будет попираť их права и собственность, а Север заверяли в том, что Юг относится к ним с презрением» и выступает против расширения прав и свобод [22, с. 70].

Подобные точки зрения нашли благодатную почву после Первой мировой войны среди населения, в котором широко были распространены антивоенные настроения.

Дж.Г. Рэндалл также поддержал идею ревизионистов, утверждая, что конфликта можно было избежать, поскольку рабство изжило бы себя само, не имея возможности распространения дальше на запад из-за географических и климатических причин. Однако кровопролитие произошло, поскольку с помощью него политическая верхушка удовлетворила свои корыстные интересы, а народ, который он называл «благочестивыми чудаками», смог выплеснуть эмоциональный накал. Дж.Г. Рэндалл считал, что причиной войны было одно слово – «фанатизм», а саму войну называл «смесью мелодрамы кризиса, раздутого красноречия, неразумия, религиозной ярости, самодовольства, елейного самообмана и ненависти» [20, с. 20].

Т.Дж. Пресли, также описывая подобную полемику среди историков, отмечал, что, по их мнению, рабство действительно достигло к 1860 г. своих естественных географических и экономически целесообразных пределов и война представляла собой «ненужный конфликт», спровоцированный корыстными политиками Севера, стремившимися путем запугивания избирателей прийти к власти и заполучить южное сырье по еще более выгодным ценам. Как отмечает Т.Дж. Пресли, «их самодовольная, анти-южная риторика окончательно подтолкнула рабовладельческие штаты к отделению, когда Авраам Линкольн стал президентом в 1860 году» [19, с. 289].

В следующее десятилетие «усилия ученых синтезировать единую точку зрения по данному вопросу привели к формированию вывода о том, что именно эмоциональный перегрев общества стал силой, которая превратила частные споры в вооруженное столкновение» [4, с. 33].

Данная точка зрения о психологических и иррациональных детерминантах войны продолжала доминировать в 1950-х годах. Однако оппоненты подобной теории указывали на

ее изъяны, предлагая новое направление исследования причин Гражданской войны – «индустриальное», связанное с понятиями модернизации, индустриализации и экономики. Обусловлен переход от обычного человека к экономике в ряду центральных причин Гражданской войны во второй половине XX в. бурным развитием промышленности, а также тем, что «Вторая мировая война и последовавшая за ней холодная война стали причиной того, что в среде ученых американская история стала рассматриваться как исключение по отношению к идеологическим крайностям, существовавшим в Европе и отсутствовавшим, по их мнению в США» [4, с. 33].

Данный период длился с момента окончания Второй мировой войны вплоть до начала XXI в., когда рост популярности междисциплинарных методов исследований и усиление тенденций глобализации сформировали новые взгляды на причины войны Севера и Юга. Некой точкой отсчета можно считать 2011 г., когда в свет вышло несколько сотен новых научных работ, приуроченных к 150-летию начала Гражданской войны и поставивших на повестку дня новые исследовательские темы.

В 1962 г. Э. Уилсон в своей книге «Патриотическая кровь: исследования литературы гражданской войны в США» отметил, что отсталый аграрный Юг и промышленный Север были несовместимыми частями одной страны и причиной войны стало бескомпромиссное решение диктатора А. Линкольна, которого автор сравнивал с О. Бисмарком и В.И. Лениным, объявить войну, дабы окончательно решить вопрос об экономическом объединении нации [26, с. 16–17].

В 1976 г. неофундаменталисты Д. Поттер и Д. Ференбахер попытались возродить идеи о том, что Гражданская война была вызвана социальным кризисом, кризисом моральных ценностей в отношении свободы и рабства. И именно политики «открыли шлюзы секционизма, поскольку теперь все сдерживаемое моральное возмущение может быть выражено в территориальном вопросе», а избрание А. Линкольна создало у простых южан «ощущение страшной опасности». Однако идея Д. Поттера о существовавшей в тот период атмосфере страха в основном не привлекла к себе внимания современников.

Э. Фонер считал необходимым «рассматривать Гражданскую войну в общем контексте уничтожения системы рабского труда», которую легче было понять в ее связи с «масштабными экономическими и социальными преобразованиями девятнадцатого века». Что же касается моральной стороны рабства, то тогда она «была лишь одной частью республиканской идеологии, которая боролась за контроль над политической системой» [11, с. 5].

Республиканцы поддержали индустриальных капиталистов и эгалитарную идеологию свободного труда, которая, как выразился Э. Фонер, «являлась подтверждением превосходства общественной системы Севера – динамичного, стремительно развивающегося капиталистического общества», основанного на том, что «эта система давала много возможностей трудящимся и придавала им чувство собственного достоинства» [11, с. 5].

Увязав жесткую критику рабовладельческой экспансии с переходным периодом от аграрного капитализма к урбанистическому индустриализму, Э. Фонер попытался найти связь между антирабовладельческим движением и развитием современного капитализма.

Подтверждая тезис об экономических причинах войны в русле индустриализации, Л. Форд писал, что в Южной Каролине «в течение 1850-х гг. экономика провинции переживала первые болезненные последствия модернизации. Продвижение экономических реформ на Юг вызвало среди фермеров волнение и беспокойство, что в свою очередь привело к длившимся в течение десяти лет политическим беспорядкам, закончившимся революцией» [12, с. 51].

Во второй половине XX в. широкое распространение получили также идеи представителей так называемой «политической истории», которые считали, что крах национальных партий в 1850-х гг. привел к началу войны. Объяснялось это тем, что «современные партии» возникли в спорный период президентского правления Э. Джексона в 1830-х гг. Улучшение транспортного обеспечения и коммуникаций, а также ослабление прежних политических авторитетов обеспечили возможность для массового вступления граждан в партии, роста бюрократических организаций и агитации избирателей с помощью газет и масштабных

митингов. И именно существенные партийные разногласия привели страну к расколу и Гражданской войне [14, с. 161].

С точки зрения представителей новой политической истории, Нижний Юг, большая часть населения которого принадлежала к демократической партии, являл собой образец «политики лояльности», где кандидаты старались превзойти друг друга в попытках оправдать существование института рабства. На Верхнем Юге существование двухпартийной системы дало унионистам возможность продержаться до сражения за форт Самтер. Что касается Севера, новые политические историки вели дебаты относительно того, что было основным фактором партийной реорганизации: борьба с рабством, нежелание части партийных членов участвовать в конфликте с Югом или проблемы культурно-нравственного характера.

С критикой подобного подхода выступает В.В. Согрин, который считает, что, если довериться выводам представителей политической истории, то происхождение Гражданской войны становится вообще необъяснимым и она оказывается исторической нелепостью, явлением сродни «черту из табакерки» [7, с. 118].

С 2000-х гг. попытки переосмыслить причины Гражданской войны становятся все более популярны, особенно с 2011 г., когда исполнилось 150 лет с момента ее начала. Многие специализированные журналы, посвященные Гражданской войне в США, такие как *Civil War Monitor*, *Civil War Times*, *America's Civil War*, *Civil War Quarterly* и др., выпустили целый ряд статей, посвященных анализу и выявлению новых подходов к осмыслению причин кровопролитного конфликта Севера и Юга.

Самый первый выпуск журнала *Civil War Monitor* был озаглавлен статьей Р. Макклинтока [16, с. 22], ставившего вопрос о причинах войны и возможности сохранения компромисса А. Линкольном и Дж. Дэвисом. Обращаясь к политическим взглядам лидеров Союза и Конфедерации, автор пытается найти причину конфликта, ведь они оба были умеренными политиками, которые в 1861 г. глубоко желали мира. Автор видит парадокс в том, что неспособность достичь компромисса не была обусловлена стремлением какой-либо из сторон начать военные действия,

напротив, большинство политиков как на Севере, так и на Юге были склонны урегулировать конфликт мирным путем, также как и их лидеры. Причина произошедших событий, по мнению Р. Макклинтока, кроется в образовавшейся к 1860-м гг. пропасти между условиями, на которые готовы были пойти стороны для разрешения конфликта и теми минимальными уступками, на которые были готовы пойти их оппоненты. Как отмечает в своем недавнем исследовании «Роберт Э. Ли и я: Южане, расплачивающиеся за миф о проигранном деле» Т. Сейдуле, «делегаты Конгресса в 1860–1861 гг., не признавали ни необходимости, ни даже желательности того, чтобы обе стороны шли на жертвы» [23]. Д. Дэвис считал провал компромисса следствием слепого фанатизма северян в вопросе отмены рабства и их упрямство он расценил как повод к отделению, что и принялся демонстрировать тем заблудшим южанам, которые все еще цеплялись за иллюзию, что их общество будет в безопасности в Союзе, в котором доминируют северяне.

Поскольку умеренность – категория оценочная, то кажущиеся умеренные действия и условия одной стороны для другой казались радикальными. Свою отрицательную роль сыграл и имевшийся «багаж» из десятилетних обвинений и конфликтов, порожденных институтом рабства, который сбросить в одночасье оказалось невозможно.

Т.В. Алентьева, оценивая роль экстремистских групп, «пожирателей огня» в расколе страны, также отмечает, что «определяющее значение имел нарастающий радикализм политической риторики в обеих секциях» [1, с. 66], подогреваемый средствами массовой информации. В данном случае автор подчеркивает решающую роль прессы в формировании «образа врага», «способствовавшему возбуждению ненависти и вражды в американском обществе, что делало раскол Союза и Гражданскую войну неизбежной» [1, с. 66]. При этом отмечается, что избежать конфликта помогло бы введение цензуры, которая остудила бы горячие головы, однако введена она так и не была.

В апреле 2017 г. в своем радиointerview Президент США Д. Трамп задался вопросом о возможности предотвращения войны и при-

чинах, по которым политики не сделали для этого все возможное, видя корень проблем в невозможности договориться, а также в проявлении слабости руководства Союза, не решившегося ввести войска в южные штаты несколькими годами ранее [23].

Таким образом, одной из причин начавшейся в 1861 г. войны современные историки и политики все чаще видят недостаточные усилия, предпринятые для нахождения компромисса. Однако при общей умеренности взглядов обеих сторон и попытках мирного урегулирования, в условиях многолетнего противоборства их оказалось недостаточно и то, что одной стороне казалось приемлемым компромиссом, другой казалось эгоистичным и радикальным условием.

При этом президентские выборы в США 2020 г., которые по мнению В.И. Лафитского «привели к самым драматичным событиям в США после Гражданской войны 1861–1865 гг.» [5, с. 55], показали неспособность находить компромиссы и современными президентами США.

Следует отметить, что, ограничив направления исследований хронологическими рамками, мы отнюдь не говорим о полном прекращении их существования вне обозначенных периодов. Несомненно, «пики» популярности исследовательских направлений совпадают с указанными временными промежутками, однако отдельные исследовательские работы продолжают традиции представителей практически всех рассмотренных направлений и сегодня.

Примером тому может служить возрождение в последнее десятилетие идей ревизионистов. Д. Голдфилд, вторя знакомой полемике утверждает, что войны можно было избежать, однако представляя основными ее причинами не действия корыстных и недальновидных политиков, а «вторжение евангельского христианства в политические дебаты, способствовавших возвышению политических вопросов до моральных причин», особенно против рабства» [13, с. 268]. В своем исследовании он указывает на особую роль А. Линкольна, который отождествил республиканскую и демократическую партию с силами добра и зла, а саму войну как борьбу за установление Царства Небесного или царства са-

таны. Привнесение моральной стороны конфликта Севера и Юга автор оценивает в качестве одной из причин разгоревшегося противостояния.

Среди современных ревизионистов появляются дискуссии относительно не только роли близоруких политиков, но и безответственных журналистов, проповедников, южных экстремистов и фанатичных аболиционистов Севера в развязывании кровавой войны. Во многом их действия объяснялись слепой верой в невозможность реальных военных действий, южане не могли поверить в то, что А. Линкольн объявит войну против половины страны. Северяне в своей недалёковидной политике, фанатичной агитации за освобождение рабов и «наказание» южан за непослушание также с насмешкой воспринимали угрозы южан о выходе из состава страны.

Б.М. Элдридж, анализируя в 2021 г. направления исследований причин Гражданской войны в XXI в., указывает на возрождение историком М.Э. Нили идеи о решающей роли личности А. Линкольна и изучение У.А. Блэром возможности вмешательства третьей стороны из-за рубежа. В целом же автор указывает на возникновение новых междисциплинарных концепций и изучение других нюансов войны, которые традиционно оставались за рамками историографии [10, с. 58–60]. Избирая различные стороны института рабства в качестве основополагающей причины Гражданской войны, большинство современных исследователей все же не отрицает его решающей роли в целом. Однако высказываются и альтернативные позиции, указывающие на переоцененную роль рабства в разжигании внутриполитического конфликта. Так, Р.В. Зотов придерживается мнения, что Гражданская война началась не из-за проблемы отмены рабства. Автор отмечает, что решение вопроса не стояло настолько остро, как принято считать, поскольку существование данного института полностью устраивало Юг и не так тревожило по моральным соображениям Север, как принято считать, поскольку «расистские настроения на Севере были гораздо популярнее, чем на Юге, никто не хотел себе нового “черного” соседа». Истинную причину в разрастании конфликта автор видит только в экономической выгоде, отмечая, что

«каждая сторона войны выбирает себе высокие цели <...> однако истинная цель войн, как правило, в одном – не допустить существования сильного соперника <...> дав возможность ускорению экономического собственного развития» [2, с. 166]. С данной позицией сложно согласиться, действительно, экономические мотивы воюющих сторон невозможно отрицать, однако цели физического или экономического уничтожения своего соперника не было ни у Союза, ни у Конфедерации. В основе экономических разногласий лежало именно рабство, в том числе, его экономическая составляющая.

В данном случае мало кто из ученых или современников событий на Севере или на Юге смогли бы отрицать причину войны, сформулированную еще А. Линкольном в своей второй инаугурационной речи, что именно рабство стало тем или иным образом, стало причиной Гражданской войны.

Таким образом, с начала XXI в. и по сегодняшний день новые подходы к изучению Гражданской войны пока еще не стали причиной формирования новых исследовательских направлений, наподобие тех дебатов, которые способствовали формированию трех предыдущих научных направлений. Однако можно выделить основные тенденции изучения причин Гражданской войны современными историками.

Одним из новых направлений является возрождение идей «ревизионистов», согласно которым конфликт представлял собой «бессмысленную войну», избежать которой было возможно, если бы не действия корыстных, недалёковидных политиков, привнесших в политическую риторику моральный и религиозный вопросы, позволившие еще больше разгореться пламени войны. Оценка возможности компромисса между Севером и Югом приобретает все большее значение в рамках исследования причин Гражданской войны. Недальновидность политиков в данном случае выражается уже в неспособности идти на уступки, при этом возможность такого компромисса в сослагательном наклонении современными исследователями оценивается по-разному.

Однако, несмотря на полемику вокруг роли и значения отдельных аспектов социальной, экономической, политической и мо-

ральной сторон конфликта северных и южных штатов, к началу XXI в. среди историков с очевидностью воцарился консенсус в отношении центральной роли рабства, которая была доказана вне всяких сомнений. При этом его экономическая составляющая имела превалирующее значение, что также подчеркивается большинством современных исследователей.

Результаты. Анализ трансформации научных подходов в исследовании причин Гражданской войны в США в историко-правовой литературе показал, что с 1861 г. и по сегодняшний день исследования причин Гражданской войны в США велись по трем основным научным направлениям.

Первое направление – «конфронтационное», господствовавшее с момента начала войны и до начала XX в. было обусловлено попыткой обеих сторон обвинить противников в развязывании войны и в то же время постараться оправдать действия своего правительства.

Второе – «социокультурное» (начало – середина XX в.), отражало влияние прогрессистов и пыталось найти корень разногласий не в политических лидерах и сторонах конфликта, а в самом социуме, перемещая центр внимания историков от сторон и лидеров к партиям и социальным слоям, которые они представляли.

Третье – «индустриальное» (середина XX в. – начало XXI в.), в условиях промышленной революции поставило в центр внимания исследователей вопрос об экономических причинах Гражданской войны, а также рабство в качестве экономически ретроградного института, представляя войну как борьбу между прогрессивным Севером и отсталым Югом.

Всплеск исследовательской активности в отношении установления причин Гражданской войны, имеющий место с начала XXI в. по сегодняшний день, во многом связан с юбилейными датами 150-летия начала и окончания Гражданской войны и с возрождением дискуссий относительно причин и последствий конфликта на политической арене в США, а также в массовой культуре. При этом очевиден консенсус в отношении центральной роли рабства среди детерминантов войны, однако подходы к этой проблеме в последние годы

характеризуются междисциплинарностью, комплексностью, учетом совершенно разных сторон конфликта: авторы обращают внимание как на социальные, экономические и географические, так и на религиозные факторы, по-прежнему исследуется роль отдельных лидеров и средств массовой информации в разжигании конфликта.

Не признающие рабство в качестве основной причины войны исследования в конечном счете были смещены на периферию научных изысканий, однако их рассмотрение представляется не менее важным, поскольку именно они раскрывают значимые факультативные стороны конфликта Севера и Юга США, позволяющие в совокупности отразить целостную картину причин, побудивших начать внутреннюю кровопролитную войну молодым демократическим американским государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин, впервые примененный к конфликту Севера и Юга США Уильямом Сьюартом в своей речи в рамках предвыборной президентской кампании в 1858 году.

² Психическое состояние, которое характеризуется отрицательными переживаниями (разочарованием, тревожностью, раздражительностью) и, как правило, является следствием недостижения целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алентьева, Т. В. Причины Гражданской войны (1861–1865) в новейшей американской историографии / Т. В. Алентьева // Новая и новейшая история. – 2007. – № 5. – С. 66–79.

2. Зотов, Р. В. Спорные вопросы истории Гражданской войны в США (1861–1865) / Р. В. Зотов // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2018. – № 1. – С. 166–170.

3. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – М.: Простор, 2002. – 430 с.

4. Латыпова, Н. С. Гражданская война (1861–1865 гг.) и ее влияние на формирование государственно-правовой системы США / Н. С. Латыпова. – М.: Наука, 2019. – 215 с.

5. Лафитский, В. И. Правовое государство: факторы развития в эпоху перемен / В. И. Лафит-

ский // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 4. – С. 47–58.

6. Ратман, Д. Мифы, мораль и мегатеории как проблемы исторического синтеза. На примере американского Юга до Гражданской войны / Д. Ратман // Американский ежегодник. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2002. – С. 66–75.

7. Согрин, В. В. Президенты и демократия: американский опыт / В. В. Согрин ; Российская ассоциация политической науки. – М. : Весь мир, 1998. – 200 с.

8. Beard, C. A. The Rise of American Civilization / C. A. Beard, M. R. Beard. – N. Y. : The Macmillan Company, 1927. – 865 p.

9. Cairnes, J. E. The Slave Power: Its Character, Career and Probable Designs Being an Attempt (1863) / J. E. Cairnes. – N. Y. : A.M. Kelley Publishers, 1968. – 472 p.

10. Eldridge, B. M. The Ever-Evolving Historiography of the American Civil War / B. M. Eldridge // Graduate Review. – 2021. – Vol. 1, № 1. – P. 55–61.

11. Foner, E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party Before the Civil War / E. Foner. – L. : Oxford University Press, 1970. – 400 p.

12. Ford, L. K. The Origins of Southern Radicalism: The South Carolina Upcountry / L. K. Ford. – N. Y. : Oxford University Press, 1988. – 414 p.

13. Goldfield, D. America Aflame: How the Civil War Created a Nation / D. Goldfield. – N. Y. : Bloomsbury Press, 2011. – 632 p.

14. Holt, M. F. The Fate of Their Country: Politicians, Slavery Extension, and the Coming of the Civil War / M. F. Holt. – N. Y. : Hill and Wang, 2005. – 161 p.

15. Latypova, N. S. History of Emergency Powers of the US Presidents: From Abraham Lincoln to Donald Trump / N. S. Latypova // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. – 2021. – Vol. 26, № 4. – P. 193–211. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>.

16. McClintock, R. The Men & the Hour: Lincoln, Davis, and the Struggle to Avert War / R. McClintock // Civil War Monitor. – 2011. – Vol. 1, № 1. – P. 22–38.

17. Nussbaum, M. Historians See a Dark Underside to Trump's Civil War Riff / M. Nussbaum // Politico. – 2017. – May, 1. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/story/2017/05/01/trump-civil-war-237854> (date of access: 09.08.2021). – Title from screen.

18. Pollard, E. A. The Southern History of the War / E. A. Pollard. – N. Y. : C.B. Richardson, 1866. – 1258 p.

19. Pressly, T. J. Americans Interpret Their Civil War / T. J. Pressly. – Princeton : Princeton University Press, 1962. – 347 p.

20. Randall, J. G. The Blundering Generation / J. G. Randall // The Mississippi Valley Historical Review. – 1940. – Vol. 27, № 1. – P. 3–28.

21. Schearer, M. Historiography of the Causes of the Civil War / M. Schearer // SSRN. – 2020. – Oct., 16. – Electronic text data. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3714025 (date of access: 01.08.2021). – Title from screen.

22. Scrugham, M. The Peaceable Americans of 1860–61: A Study in Public Opinion / M. Scrugham. – N. Y. : Columbia University, 1921. – 125 p.

23. Seidule, T. Losing the Lost Cause / T. Seidule // Civil War Times. – 2021. – Aug. – Electronic text data. – Mode of access: <https://freemagazines.top/civil-war-times-august-2021/> (date of access: 01.08.2021). – Title from screen.

24. Seward, W. H. The Irrepressible Conflict: A Speech by William H. Seward. / W. H. Seward. – N. Y. : [s. n.], 1858. – 15 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/irrepressiblecon00insewa> (date of access: 01.08.2021). – Title from screen.

25. Turner, F. J. Social Forces in American History / F. J. Turner // The American Historical Review. – 1911. – Vol. 16, № 2. – P. 217–233.

26. Wilson, E. Patriotic Gore: Studies in the Literature of the American Civil War / E. Wilson. – N. Y. : Oxford University Press, 1962. – 816 p.

27. Wilson, W. A History of the American People / W. Wilson. – N. Y. : Harper and Bros., 1907. – 338 p.

REFERENCES

1. Alent'eva T.V. Prichiny Grazhdanskoj vojny (1861–1865) v novejshej amerikanskoj istoriografii [The Causes of the Civil War (1861–1865) in Modern American Historiography]. *Novaja i novejschaja istorija* [New and Recent History], 2007, no. 5, pp. 66–79.

2. Zotov R.V. Spornye voprosy istorii Grazhdanskoj vojny v SShA (1861–1865) [Controversial Issues of the History of the American Civil War (1861–1865)]. *Vestnik Taganrogs'kogo instituta im. A.P. Chehova* [Bulletin of the Taganrog Institute Named After A.P. Chekhov], 2018, no. 1, pp. 166–170.

3. Dement'ev I.P., Patrushev A.I., eds. *Istoriografija istorii novogo i novejshego vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historiography of the History of Modern and Modern Times in Europe and America]. Moscow, Prostor Publ., 2002. 430 p.

4. Latypova N.S. *Grazhdanskaja vojna (1861–1865 gg.) i ee vlijanie na formirovanie gosudarstvenno-pravovoj sistemy SShA* [Civil War (1861–1865) Its Influence on the Formation of the State and Legal System of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 2019. 215 p.

5. Lafitskij V.I. Pravovoe gosudarstvo: faktory razvitiya v epohu peremen [The Rule of Law: Factors of Development in an Era of Change]. *Pravovoe*

gosudarstvo: teoriya i praktika [The Rule of Law State: Theory and Practice], 2021, no. 4, pp. 47-58.

6. Ratman D. *Mify, moral' i megateorii kak problemy istoricheskogo sinteza. Na primere amerikanskogo Juga do Grazhdanskoj vojny* [Myths, Morality and Megatheories As Problems of Historical Synthesis. On the Example of the American South Before the Civil War]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2002, pp. 66-75.

7. Sogrin V.V. *Prezidenty i demokratija: amerikanskij opyt* [Presidents and Democracy: The American Experience]. Moscow, Ves' mir Publ., 1998. 200 p.

8. Beard C.A., Beard M.R. *The Rise of American Civilization*. New York, The Macmillan Company, 1927. 865 p.

9. Cairnes J.E. *The Slave Power: Its Character, Career and Probable Designs Being at Attempt (1863)*. New York, A.M. Kelley Publishers, 1968. 472 p.

10. Eldridge B.M. The Ever-Evolving Historiography of the American Civil War. *Graduate Review*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 55-61.

11. Foner E. *Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party Before the Civil War*. London, Oxford University Press, 1970. 400 p.

12. Ford L.K. *The Origins of Southern Radicalism: The South Carolina Upcountry*. New York, Oxford University Press, 1988. 414 p.

13. Goldfield D. *America Aflame: How the Civil War Created a Nation*. New York, Bloomsbury Press, 2011. 632 p.

14. Holt M.F. *The Fate of Their Country: Politicians, Slavery Extension, and the Coming of the Civil War*. New York, Hill and Wang, 2005. 161 p.

15. Latypova N.S. History of Emergency Powers of the US Presidents: From Abraham Lincoln to Donald Trump. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of

Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 193-211. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>.

16. McClintock R. The Men & The Hour: Lincoln, Davis, and the Struggle to Avert War. *Civil War Monitor*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 22-38.

17. Nussbaum M. Historians See a Dark Underside to Trump's Civil War Riff. *Politico*, 2017, May 1. URL: <https://www.politico.com/story/2017/05/01/trump-civil-war-237854> (accessed 9 August 2021).

18. Pollard E.A. *The Southern History of the War*. New York, C.B. Richardson, 1866. 1258 p.

19. Pressly T.J. *Americans Interpret Their Civil War*. Princeton, Princeton University Press, 1962. 347 p.

20. Randall J.G. The Blundering Generation. *The Mississippi Valley Historical Review*, 1940, vol. 27, no. 1, pp. 3-28.

21. Scheerer M. Historiography of the Causes of the Civil War. *SSRN*, 2020, October 16. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3714025 (accessed 1 August 2021).

22. Scrugham M. *The Peaceable Americans of 1860–61: A Study in Public Opinion*. New York, Columbia University, 1921. 125 p.

23. Seidule T. Losing the Lost Cause. *Civil War Times*, 2021, August. URL: <https://freemagazines.top/civil-war-times-august-2021> (accessed 1 August 2021).

24. Seward W.H. *The Irrepressible Conflict: A Speech by William H. Seward*. New York, s.n., 1858. 15 p. URL: <https://archive.org/details/irrepressiblecon00insewa> (accessed 1 August 2021).

25. Turner F.J. Social Forces in American History. *The American Historical Review*, 1911, vol. 16, no. 2, pp. 217-233.

26. Wilson E. *Patriotic Gore: Studies in the Literature of the American Civil War*. New York, Oxford University Press, 1962. 816 p.

27. Wilson W. *A History of the American People*. New York, Harper and Bros., 1907. 338 p.

Information About the Author

Nataliya S. Latypova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Deputy Director for Science, Institute of Law, Bashkir State University, Dostoevskogo St, 131, 450005 Ufa, Russian Federation, marchrose@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Латыпова, кандидат юридических наук, заместитель директора по науке Института права, Башкирский государственный университет, ул. Достоевского, 131, 450005 г. Уфа, Российская Федерация, marchrose@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.2>

UDC 94(73)
LBC 63.3(7)

Submitted: 17.08.2021
Accepted: 21.11.2021

VISUAL PROPAGANDA IN THE AMERICAN CIVIL WAR OF 1861–1865

Tatiana V. Alentieva

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes visual propaganda during the American Civil War, its goals, methods, and means for both belligerents. The problem is relevant in connection with modern information wars and is insufficiently studied in American and Russian historiography. *Methods and materials.* The research is based on historicism, objectivity, consistency, dialectical approach, philosophical and sociological theories that study the nature of social consciousness and the factors that influence it, namely the theory of C. Jung on the collective unconscious and archetypal images, the theory of social constructionism by P. Berger and N. Luckmann, the achievements of imagology and discursive analysis. The sources for the study were visual materials: posters, drawings, paintings, cartoons, photographs of the Civil War in the United States, placed in open access on the World Wide Web, published in illustrated periodicals: Harper's Weekly, Frank Leslie's Illustrated, Vanity Fair, The Southern Illustrated News, presented in book publications. *Analysis.* During the American Civil War, the country was split between northerners, supporters of the Union, and southerners who fought for the independence of the Confederate States. In the conditions of a military conflict, visual propaganda turned out to be most popular and effective. Its goal was to convince the warring parties of the rightness of their own cause, to mobilize society on achieving victory. In the North, the image of the enemy – “Johnny the rebel” – was constructed in order to incite hatred towards the southerners. In the South, the image of the “damned Yankee” was created. Both northern and southern visual propaganda relied on time-tested images (the image of the motherland, the warrior-defender, home and family), as well as on the collective unconscious and archetypes of consciousness associated with religious views and historical roots, used a variety of tools, techniques and methods. The most powerful means of influence were the traditions of the War of Independence, the legacy of the Founding Fathers. The use of national symbols was characteristic: Union and Confederate flags, images of presidents and military leaders. The most common means of visual propaganda were posters and leaflets, postal envelopes, banknotes decorated with patriotic symbols. Drawings and cartoons were an important means of mobilizing the population. They were placed in illustrated newspapers and magazines, and were also printed separately in the form of engravings and lithographs. Visual propaganda played on emotions, it was built on the opposition of “friend/foe”, depicting its supporters as heroes worthy of admiration, and its enemies as insidious, cruel and cowardly. *Results.* Despite certain similarities in the conduct of propaganda by both warring parties, it turned out to be more comprehensive and effective in the North, which influenced the achievement of victory over the South.

Key words: U.S. history, the Civil War of 1861–1865, visual propaganda, the “friend/foe” dichotomy, imagology.

Citation. Alentieva T.V. Visual Propaganda in the American Civil War of 1861–1865. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 21-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.2>

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 17.08.2021
Дата принятия статьи: 21.11.2021

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В АМЕРИКАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1861–1865 ГОДОВ

Татьяна Викторовна Алентьева

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется визуальная пропаганда в условиях американской Гражданской войны, ее цели, методы, средства и каналы воздействия для обеих воюющих сторон. Проблема является

актуальной в связи с современными и информационными войнами и недостаточно изученной в американской и отечественной историографии. Проведенное исследование опирается на историзм, объективность, системность, диалектический подход, философские и социологические теории, изучающие природу общественного сознания и факторов, влияющих на него: теорию К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипических образах, теорию социального конструктивизма П. Бергера и Н. Лукмана, достижения имагологии и дискурсивный анализ. Источниками для исследования явились визуальные материалы: плакаты, рисунки, картины, карикатуры, фотографии времен Гражданской войны в США, размещенные в открытом доступе во всемирной сети Интернет, опубликованные в иллюстрированных изданиях: «Harper's Weekly», «Frank Leslie's Illustrated», «Vanity Fair», «The Southern Illustrated News», представленные в отдельных книжных публикациях. В период Гражданской войны в США страна оказалась расколотой между северянами, сторонниками Союза, и южанами, борющимися за независимость Конфедеративных Штатов. В условиях военного конфликта визуальная пропаганда оказалась наиболее востребованной и эффективной. Ее целью было убедить воюющие стороны в правоте собственного дела, мобилизовать общество для достижения победы. На Севере конструировался образ врага – «Джонни-мятежника» – для того, чтобы возбудить ненависть к южанам. На Юге создавался образ «проклятого янки». И северная и южная визуальная пропаганда опиралась на традиционные дискурсы (образ родины, война-защитника, дома и семьи), а также на коллективное бессознательное и архетипы сознания, связанные с религиозными взглядами и историческими корнями, использовала разнообразные инструменты, приемы и методы. Самыми мощными средствами воздействия были традиции Войны за независимость, наследие отцов-основателей. Характерным являлось использование национальных символов: флагов Союза и Конфедерации, изображений президентов и военачальников. Наиболее распространенные средства визуальной пропаганды – плакаты и листовки, почтовые конверты, денежные купюры, украшенные патриотической символикой. Рисунки и карикатуры были важным средством мобилизации населения. Они помещались в иллюстрированных газетах и журналах, а также печатались отдельно в виде гравюр и литографий. Визуальная пропаганда действовала на эмоции, была построена на дихотомии «свой / чужой», изображая своих сторонников героями, достойными восхищения, а врагов коварными, жестокими и трусливыми. При определенном сходстве в ведении пропаганды обеими воюющими сторонами, на Севере она оказалась более всеохватной и эффективной, что повлияло на достижение победы над Югом.

Ключевые слова: история США, Гражданская война 1861–1865 гг., визуальная пропаганда, дихотомия «свой / чужой», имагология.

Цитирование. Алентьева Т. В. Визуальная пропаганда в американской Гражданской войне 1861–1865 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 21–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.2>

Введение. Пропаганда в условиях любой войны – необходимое средство эффективного сплочения народа для отпора врагу. В условиях гражданской войны она еще более необходима, поскольку подобная война трагична и братоубийственна. В условиях подобного конфликта зачастую трудно понять, кто прав и кто виноват, в чем причины трагедии. Гражданская война в США 1861–1865 гг. не является исключением. Пропаганда активно велась обеими сторонами, использовались самые различные методы и средства. Многие из них используются и поныне, особенно это касается визуальной пропаганды, как более действенной, поскольку она рассчитана на самую широкую аудиторию, зачастую малообразованную или невежественную, апеллирует, как правило, не к разуму, а к чувствам. Разделение, вычленение и противопоставле-

ние в визуальной пропаганде образов – мы / они, свой / чужой, друг / враг – остается и поныне важнейшим инструментом влияния на общество. Это придает изучаемой проблеме актуальность и научную значимость. Вместе с тем именно визуальная пропаганда в американской Гражданской войне до сих пор не являлась предметом изучения отечественных американистов, также в недостаточной степени она исследована в американской историографии. Целью данной статьи является анализ состояния визуальной пропаганды в условиях Гражданской войны в США 1861–1865 гг., определение ее средств и методов, а также ее эффективности.

Методы. Визуальная пропаганда в условиях XIX столетия обладала не столь широкими возможностями по сравнению с современностью. И, тем не менее, в связи с рас-

ширяющимися техническими возможностями она могла использовать и широко применяла различные формы изобразительного искусства, а также фотографию. Важнейшей частью визуальной пропаганды являлась вербальная составляющая. Не случайно о силе слова говорили, что оно могущественнее меча. В целом коммуникативное воздействие было рассчитано больше на эмоциональное восприятие, на манипуляцию общественным сознанием, на конструирование реальности, а не ее репрезентацию.

Методологической основой в исследовании поставленной проблемы являлись, наряду с необходимой опорой на историзм, объективность, системность, диалектический подход, философские и социологические теории, изучающие природу общественного сознания и факторов, влияющих на него. В связи с этим методологическая основа статьи носит междисциплинарный характер. Важнейшей для данного исследования является теория К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипических образах. Архетипы сознания постоянно трансформируются и транслируются в культуре, особенно в визуальности, повторяя архетипические образы героя, мудреца, матери и др., также как архетипические мотивы борьбы добра и зла, имея огромное психологическое воздействие на аудиторию. Эти архетипические символы и мотивы прослеживаются в американской визуальной пропаганде периода Гражданской войны, позволяя понять глубинные психологические причины ее влияния.

Для изучения визуальной пропаганды не менее существенное значение имеет теория социального конструктивизма П. Бергера и Н. Лукмана. Социальный конструкт, вырабатываемый человеческим сообществом, предполагает транслирование понимания реальности с позиций здравого смысла, переходящее в восприятие традиций как необходимых основ социального правопорядка. При этом социальный конструкт является искусственно созданным культурным артефактом, принадлежащим к данной эпохе, выражающим общепринятую интерпретацию реальности. Визуальные образы, создаваемые пропагандой, следуют общепринятым социальным конструктам, включая типизацию явлений, что было

характерно и для американской пропаганды XIX столетия.

Достижения исторической имагологии явились необходимой основой для анализа образов и символов, создаваемых визуальной пропагандой. Здесь важную роль играет теория Р. Барта о риторике образа, согласно которому всякое изображение несет в себе те или иные знаки, имеет двойственный одновременно денотативный и коннотативный характер. В проведенном исследовании применялся дискурсивный анализ. Концепт «дискурс» предполагает, что язык, как текстовый, так и визуальный, структурируется соответственно различиям в социальной и политической сферах, в связи с чем неизбежен диалог или противоборство разных дискурсов, стремящихся утвердить свое превосходство. В условиях гражданской войны это неизбежное противостояние противоположных дискурсивных практик.

Источниками для проведенного исследования являлись плакаты, рисунки, картины, карикатуры, фотографии времен Гражданской войны в США, как размещенные в открытом доступе во всемирной сети Интернет, так и представленные в отдельных книжных изданиях [32]. Огромные возможности для изучения визуальной пропаганды во время Гражданской войны представляют иллюстрированные издания: комические и юмористические журналы, еженедельники, особенно такие, как «Harper's Weekly», «Frank Leslie's Illustrated», «Vanity Fair», «The Southern Illustrated News».

Другим важным визуальным источником являются агитационные и политические плакаты. Солидная коллекция плакатов этого периода, главным образом северных, имеется на сайте Нью-Йоркского исторического общества [12]. Онлайн-коллекция фотографий Библиотеки Конгресса США содержит более 7 тыс. различных видов и портретов, сделанных в 1861–1865 гг. [11]. Множество фотографий опубликовано в отдельных изданиях [18]. Также на сайте Библиотеки Конгресса имеется солидная коллекция карикатур периода Гражданской войны в США [9].

Визуальная пропаганда периода Гражданской войны в США недостаточно изучена в американской историографии. Американскими историками больше внимания уделялось

пропаганде в целом, в том числе роли периодической печати в Гражданской войне [13]. Л. Ратнер и Д. Титер писали о южных экстремистах, своей пропагандой способствующих разжиганию братоубийственной войны [34]. Дж. Рэбл исследовал, как формировался дискурс врага на Юге. Во время Гражданской войны южане создали образ «проклятого янки», жадного до денег, нетерпимого пуританина, безродного бродяги, готового на любое злодеяние [33].

Довольно обстоятельно изучалась американская карикатура. Здесь можно отметить ряд работ общего характера, где Гражданской войне посвящены отдельные разделы. Таковы книги Ст. Хесса, написанные в соавторстве [27]. В них авторы отмечали, что довольно частым было использование унижительных этнических стереотипов, клевета на честных политиков, чрезмерное упрощение сложных проблем. Политической карикатуре во время Гражданской войны посвящено исследование Дж. Левина и П. Хаффа [28]. В нем использованы как карикатуры Севера, так и Юга. Заслуживают особого внимания работы, посвященные выдающемуся мастеру карикатуры Т. Насту, в частности, книга Ф. Халоран [19]. В этой основательной работе автор рассматривает противоречия, свойственные его творчеству. Ряд исследований в американской историографии посвящен искусству фотографии во время Гражданской войны [41], в том числе «отцу американского фоторепортажа» М. Брэди [36]. Следует выделить интересную работу У. Томпсона-младшего, изучавшего использование рисунков и карикатур в целях пропаганды, а также эволюцию образа негра [39].

В отечественной историографии визуальная пропаганда во время Гражданской войны 1861–1865 гг., как и пропаганда в целом этого периода, изучена недостаточно [5]. Имеется монография Т.В. Алентьевой, посвященная американской политической карикатуре, отдельная глава которой рассматривает войну карикатур во время конфликта, статья того же автора об Уинслоу Хомере, отразившем в рисунках и картинах различные перипетии Гражданской войны. Она также изучала проблемы манипуляции общественным мнением и пропагандистские приемы, в том числе в созда-

нии имиджа А. Линкольна [1; 2; 3]. Стоит отметить статью Д.Е. Цыкалова о карикатуристе Т. Насте и его *alter ego* А. Волке, своим творчеством защищавшего дело южной Конфедерации [6].

Изучение американской и отечественной историографии подтверждает необходимость комплексного анализа визуальной пропаганды в условиях американской Гражданской войны с позиций междисциплинарности.

Анализ. В условиях гражданской войны чрезвычайно важно было убедить население каждой из сторон, что сражаться приходится за правое дело, сформировать достаточно убедительный социальный конструкт. Векторы развития американской цивилизации в первой половине XIX столетия вели к формированию различных идентичностей южан и северян. В менталитете южан преобладающими были ценности и стереотипы плантаторской аристократии: патриархальность и культ семьи, местный патриотизм, гипертрофированное чувство собственного достоинства, кодекс чести джентльмена, презрение к труду, незыблемость рабства как особого института, расизм по отношению к афроамериканцам. На Севере преобладающими ценностями были: мессианство, пуританская вера в избранность, предназначенность построить идеальное общество, основанное на идеалах свободы, демократии, прав человека и равенства возможностей, убежденность в преимуществах свободного труда, уважение к материальному успеху, индивидуализм. Разумеется, у этих регионов имелись общие корни и традиции, восходящие к временам освоения нового континента, совместной борьбы против колониального господства англичан, к наследию отцов-основателей. И визуальная пропаганда должна была учитывать и брать на вооружение и то, что было общим, и то, что было различным в экономической и социокультурной сферах. Пропагандисты обеих секций опирались как на общечеловеческие ценности и общие исторические традиции, так и на специфические особенности. Задачи пропаганды как на Севере, так и на Юге были схожи. И той, и другой стороне приходилось доказывать, что именно ее цели в войне справедливы, что именно ей будет принадлежать победа, а для этого надо сплотить общество, мо-

билизовать все ресурсы. Важнейшей задачей также являлось конструирование образа врага, отвратительного, трусливого и жестокого, сражаться с которым – дело чести каждого воина. Наряду с правдивой информацией пропаганда неизбежно прибегала к утаиванию неприятных фактов, искажению фактов, прямой лжи, нагнетанию всякого рода фобий, распространению слухов и сплетен, возбуждению ненависти к врагу. В дихотомии «мы / другие» южными и северными пропагандистами создавались взаимоисключающие социальные конструкты.

И на Севере, и на Юге использовали одинаковый концепт Родины, вкладывая при этом различное содержание. Для северян – это защита общего дома – Союза штатов, для южан – защита своего родного штата. Обе стороны мобилизовали поэтов и писателей, журналистов, певцов и музыкантов, актеров и шоуменов, карикатуристов и художников для создания пропагандистских произведений, которые быстро распространялись среди общности. Вербальная пропаганда велась, как и ранее, через газеты, брошюры, памфлеты, литературное творчество. Газеты были поистине пропагандистскими машинами того времени, недаром американский философ Генри Дэвид Торо называл их «библией наших дней», которую каждый носит в своем кармане. Печать обеих секций обменивались взаимными оскорблениями, формируя ментальные образы «себя» и «других», создавая негативные стереотипы и клише, способствуя укоренению дискурса врага.

Но даже эта мощная пропагандистская машина не могла иметь такого эффекта воздействия на общество, как визуальная пропаганда. Тиражи ежедневных нью-йоркских газет были на порядок ниже иллюстрированных изданий. Визуальная пропаганда была доступной и всеохватной, поскольку для ее восприятия не требовалось особых знаний, полноценного образования. Она была доходчивей и понятней для самых широких масс. Она четко разделяла «своих» и «чужих», союзников и врагов, избегая чрезмерной детализации, предпочитая односложное толкование в строгих черно-белых дефинициях. Каналами транслирования были: плакаты, листовки, фотографии, картины, гравюры, литографии, ри-

сунки, карикатуры, конверты и почтовые марки, даже денежные купюры; а также различного рода мероприятия: религиозные и политические собрания, митинги, парады, театральные постановки.

Северная пропаганда опиралась на проверенные временем вербальные и визуальные образы (образ Колумбии), а также на коллективное бессознательное и архетипы сознания, связанные с религиозными воззрениями северян, имевшими прочные пуританские корни. Наиболее мощным средством эмоционально-психологического воздействия было обращение к традициям Войны за независимость, опыту ранней республики, образу первого президента США – Джорджу Вашингтону, отцам-основателям, национальным символам: символике американского флага (звезды и полосы), американского герба (орел, лавровые ветви и др.). Еще более востребованным в пропагандистском дискурсе оказался концепт Свободы в противопоставлении южному рабству (символы: мисс Свобода; храм Свободы; фригийский колпак). Непреходящими ценностями северная пропаганда объявляла Союз штатов, Конституцию, Демократию и Законность, опять же в оппозиции Югу, как царству беззакония, анархии, мятежа, измены, разъединения страны.

Южная пропаганда во многом носила характер зеркального отражения, апеллируя к тем же историческим корням, к славной странице борьбы за независимость, к наследию отцов-основателей, к Дж. Вашингтону, изображение которого было популярно на Юге, к Конституции 1787 г., поскольку та узаконила рабство и выдачу беглых рабов. Но при этом концепт Свободы южане понимали более избирательно, нежели северяне. Это свобода только для белых, основанная на теории расового превосходства, что ярко подтверждала знаменитая речь вице-президента Южной Конфедерации А. Стивенса «о краеугольном камне». Самой большой ценностью считались права штатов, которые центральное правительство не имело полномочий нарушать. Отсюда выводились право на нуллификацию (неподчинение федеральным законам) и право на сепессию (выхода из состава Союза штатов). Символика и паттерны, задействованные в дискурсе северной пропаганды,

лишь частично совпадали с южной. Южанам приходилось вырабатывать свою символику. Популярными на Юге становятся изображения президента Дж. Дэвиса, нового флага, государственной печати, хлопковых побегов (отсылка к концепту «Король-хлопок»). Важным приемом было позиционирование Гражданской войны как новой войны за независимость против тирании Севера. Обе стороны охотно прибегали к сюжетам античной истории, греческой и римской мифологии, библейским образам, к религиозным обоснованиям своей правоты. Не случайно Авраам Линкольн во второй инаугурационной речи отмечал, что обе стороны «...читали одну и ту же Библию и молились одному Богу, и каждая призывала Его помощь в борьбе с другой стороной» [4].

Главнейшей задачей визуальной пропаганды была мобилизация боеспособного мужского населения на войну. И Север, и Юг стремились убедить мужчин пополнять армейские ряды. Хотя одним из способов достижения этой цели была демонизация другой стороны, пропаганда также стремилась апеллировать к понятиям патриотизма и защиты родной земли, своего дома и семьи, превозносить доблесть и храбрость своих защитников. Каналами транслирования этих военных приоритетов были многочисленные агитационные плакаты, главным образом призывающие к мобилизации усилий для разгрома врага. Такие плакаты размещались на стенах домов, заборах, вербовочных пунктах. В обиходе того времени бытовал термин «broadsides», которым обозначались листовки, плакаты, небольшие памфлеты, а также графические изображения разного рода [35, р. 296]. Эта информация оказывалась самой действенной, она была наиболее доступна для населения благодаря месту расположения и массовым тиражам, не требовала денежных затрат, как газеты, привлекала внимание броскостью оформления.

Иконографический анализ вербовочных плакатов северян показывает, что их авторы искали опору в устоявшихся традициях и символах, апеллирующих к архетипам сознания. Чаще всего это был воплощенный в американском гербе белоголовый орлан, держащий в лапах оливковую ветвь и 13 индейских стрел, а также национальный флаг или его отдельные элементы. Из антропоморфных образов

использовалась девушка Колумбия во фригийском колпаке или собирательный образ воина-солдата, защитника своей страны. Для северян были также характерны такие декоративные детали, как орудия и плоды мирного труда земледельцев – плуг и серп, снопы колосьев; молот и наковальня ремесленников, противопоставляющие идею свободного труда южному рабству.

Так, на вербовочном плакате Нью-Джерси орел с распростертыми крыльями держит в клюве ленту с надписью: «Союз отныне и навсегда!» На разных призывных плакатах надпись в клюве орла варьировалась. Так, на других плакатах из Нью-Джерси надписи звучали следующим образом: «Патриоты снова объединяются за нашу Конституцию и свой дом!»; «Собирайтесь, парни! За старый Флаг! Джерсийцы в синем, на помощь!!!» Синий цвет был распространенным цветом униформы солдат Союза, в то время как для армии южной Конфедерации был характерен серый цвет. На призывном плакате штата Мэн орел держит еще более выразительную надпись: «Свобода или смерть». Из отцов-основателей самым популярным был образ Джорджа Вашингтона. На плакате нью-йоркцев первый президент страны изображен в центре, в овальном круге, украшенном флагами Союза. По бокам стоят девушки, символизирующие Правосудие и Свободу. В руках у Правосудия меч и весы; Свобода держит Конституцию и символический жезл.

Важное значение имели гравюры и цветные литографии, выпускавшиеся разными типографиями. Они были доступны по цене, охотно покупались для украшения интерьеров домов, служили в рекламных целях в гостиницах, клубах, тавернах, магазинах.

В визуальной пропаганде периода Гражданской войны значительную роль играла фотография. Портреты генералов, государственных деятелей, актеров и других знаменитостей массово выпускались и распространялись, чтобы поддержать боевой дух американцев. Считается, что более 300 фотографов работали на различных фронтах Гражданской войны, сделав тысячи снимков. И все же достоверность снимков иногда была сомнительной, поскольку уже в то время существовала техника фотомонтажа, призванного усилить воздей-

ствии снимка. Здесь стоит упомянуть знаменитую конную фотографию генерала У.С. Гранта, созданную из трех различных фотографий [7]. Голова взята с его портрета 1864 г., где Грант запечатлен стоящим рядом с деревом в Колд-Харборе. Лошадь и тело всадника были позаимствованы с фотографии генерал-майора А. Маккука. Обстановка палаточного лагеря взята с фотографии 1862 года.

Другим примером фотомонтажа может служить фото захваченного в плен бывшего президента Конфедерации Дж. Дэвиса в «нижних юбках». Он был схвачен 10 мая 1865 г. отрядом мичиганской кавалерии. В спешке, чтобы убежать, Дэвис схватил пальто своей жены, а не свое собственное. Немедленно распространились сообщения в новостях о том, что Дэвиса задержали в женской одежде и что он пытался замаскироваться под женщину. Северные художники и карикатуристы ухватились за эти слухи о трусливом побеге и использовали фотомонтаж, чтобы создать сенсационную политическую историю. Фотографию головы Дэвиса помещали на фотографиях женщин в платье, шляпе и кринолине, но в сапогах, деталь, которая предположительно его выдала [31]. Все это выглядело смешно и способствовало дискредитации и Дэвиса, и дела Конфедерации.

И все же фотографии не являлись самым действенным каналом визуальной пропаганды по той причине, что существовавшая тогда техника печати не могла помещать их в газеты, имевшие массовые тиражи. Чтобы опубликовать фотографию, ее сначала надо было превратить в гравюру, что было довольно сложным и затратным делом. Поэтому преимущество было за рисунками художников. Уникальным оказался опыт использования в визуальной пропаганде почтовых конвертов и марок. Конверты использовались как гражданскими лицами, так и солдатами. Более 2,5 млн человек сражались на стороне Севера и примерно 1 млн за Конфедерацию. Резко возрос объем почты, и оказались востребованными новые конверты с патриотической символикой. На них были изображения, либо пропагандирующие честь и благородство своего дела, либо демонизирующие и принижающие противоположную сторону. Они были отличным способом распространения пропа-

ганды и возбуждения эмоций, побуждая солдат сражаться во имя чести, долга и страны. На многих конвертах северян были изображены флаги Союза, мисс Свобода, Дж. Вашингтон или даже беглые рабы. Сюжеты варьировались от простых девизов до жутких фантазий о мести, с повешенными телами южных политиков. Лозунги гласили: «Боже, благослови наш Союз», «Вперед к победе!», «Конституция навсегда. Мятеж должен быть подавлен!» [10].

В течение короткого периода конверты печатались и в Конфедерации с портретом Дж. Дэвиса или с новым флагом южан. Юг не был промышленным обществом, и ему приходилось импортировать бумагу, краску и даже чернила из Англии и с Севера. Из-за блокады северян бумаги вскоре стало не хватать, и с 1863 г. печаталось очень мало конвертов [8, p. 34].

Пропагандистскую функцию выполняли иллюстрированные издания, выходящие как на Севере, так и на Юге. На Севере они придерживались различных позиций, поскольку общество здесь было крайне диверсифицировано: были как сторонники дела Союза и республиканцев, так и приверженцы демократов, и тайные друзья южан, именуемые медянками. Ведущим изданием был «Harper's Weekly Journal of Civilization» – политический еженедельник, печатавшийся в Нью-Йорке издательством «Харперс энд Бразерс» с 1857 года. В 1860 г. его тираж составлял 200 тыс. экз., но число читателей достигало до 1 млн человек, а возможно, и больше. В нем сотрудничали такие известные художники У. Хомер и Т. Наст. Газета «Frank Leslie's Illustrated Newspaper» была иллюстрированным литературным и новостным еженедельником, основанным в 1855 году. В 1861 г. тираж составлял 164 тыс. экземпляров. «Vanity Fair» издавался с 1859 по 1863 год.

Существование южных иллюстрированных изданий оказалось более скоротечным. Сказывались сложности военного времени, слабая промышленная инфраструктура Юга, нехватка бумаги и оборудования. «The Bugle Horn of Liberty» (Джорджия) выпускался несколько месяцев в 1863 году. «Southern Illustrated News» (Ричмонд, Виргиния) выходил в 1863–1864 годах. Наиболее влиятель-

ный на Юге еженедельник «Southern Punch» (Ричмонд, Виргиния), основанный в августе 1863 г., продержался полтора года. Первоначальный тираж составил 15 тыс. экземпляров.

Новшеством этого периода было то, что художники часто работали на передовой, делая зарисовки с натуры. В начале войны конструировался ее романтизированный облик, обобщенный образ героя, сражающегося за правое дело. Когда генерал северян Н. Лайон пал в сражении с превосходящими силами конфедератов, художники постарались представить сцену его гибели в лучших традициях романтизма. Он изображен умирающим на руках его друзей, с саблей в одной руке и треуголкой в другой, с глазами, устремленными к небу, и словами прощания на устах [16, р. 225]. Художники при этом рисовали не то, что они собственно видели, а то, что хотели увидеть их зрители.

Для Севера, с его пуританскими корнями, война воспринималась как извечная борьба сил добра и света с силами тьмы. Ненависть к врагу и преданность делу свободы – ключевые темы пропаганды Севера. По мере того как война продолжалась и множились ее жертвы, приходило иное понимание сущности и характера войны, как суровой реальности, далекой от романтики. Для южан, мнивших себя потомками стюартовских кавалеров, война рассматривалась как дело чести. Южная пропаганда уверяла, что джентльмены с Юга легко одолеют невежественных и трусливых янки.

Очень помогала в мобилизации усилий северян карикатура, занимавшаяся высмеиванием южан, выставлявшая их в комичном и нелепом виде. Карикатура Т. Уорта «Запись “добровольцев” в армию южной Конфедерации» [30, р. 214–215], опубликованная в качестве литографии, изображала вербовочный пункт на Юге, куда штыками загоняют волонтеров. Для помощи в вербовке солдат на Севере художники прибегали к образу разгневанных жен, бранивших своих мужей, если те отсиживались дома, когда другие сражаются. Они упрекали мужчин в недостатке мужества и советовали носить юбку вместо брюк [25, р. 510; 26, р. 576; 40, р. 234]. Особенно популярны на Севере были карикатуры с повешенным на сухой яблоне президентом

Конфедерации Джефферсоном Дэвисом. Его часто изображали в виде дьявола или пособника дьявола [29, р. 150]. Разумеется, пропаганда Севера не чуралась критики, крепко доставалось президенту Линкольну и его министрам. Карикатура «Где мои 15 тысяч сыновей, убитые при Фредериксберге?» устами Колумбии осуждала Линкольна и его военных за огромные человеческие потери [20, р. 16]. Карикатура У. Ньюмэна критиковала Линкольна за постоянные смены командующих [14, р. 336]. Но еще больше доставалось Линкольну и его сторонникам от южных карикатуристов. Довольно часто его изображали как ревнителя расового равенства и смешения рас, в виде клоуна и дьявола и даже в образе обезьяны [37, р. 8; 38, р. 8].

Свой вклад в пропаганду вносили художники, среди которых выделяется творчество У. Хомера. С началом военных действий он стал специальным военным художником издания «Harper's Weekly». На страницах еженедельника за время войны появилось более 100 его рисунков, которые впоследствии становились основой для написания картин, таких как «Дом, милый дом», «Дождливый день в лагере», «Пленные с фронта», «Брошенный вызов». Он показывал героизм солдат, идущих в атаку, в таких динамичных рисунках, как «Штыковая атака» и «Атака кавалерии» [22, р. 308–309]. С максимальной достоверностью изображал многочисленные сцены лагерной жизни. Характерен в этом плане его рисунок «Бивуачный костер. Потомакская армия» [23, р. 808–809]. Хомер первым из американских художников стал изображать афроамериканцев в расположении войск Союза, как бы ставя вопрос ребром, что с рабством необходимо покончить, и свободные чернокожие должны получить право сражаться в войсках северян [2, с. 45].

Не менее существенным в пропаганде северян было конструирование образа врага-мятежника. Здесь большим подспорьем для северян оказался сформированный еще до войны аболиционистами стереотип южанина-рабовладельца, создавшего свое богатство за счет бесчеловечного обращения с рабами. Варварство южан получило подтверждение, когда некоторым плененным северянам удалось вернуться в родные края и рассказать о

своих страданиях в плену. Рисунки, изображавшие изможденных, исхудавших пленников-северян, вызвали чувство негодования [24, р. 781; 17, р. 136–137]. Художники изображали пьяных, невежественных мятежников, поджигающих дома и грабящих добропорядочных граждан, закалывающих штыками раненых после боя и отбирающих у мертвых их обувь и оружие. Особенно потрясли северян сцены убийств чернокожих солдат в форте Пиллоу, когда конфедераты безжалостно расправлялись с беспомощными пленниками [21, р. 284; 15, р. 97]. Такая пропаганда должна была усиливать ненависть к врагу и стремление добиться победы.

Результаты. Визуальная пропаганда в период Гражданской войны в США была разнообразной по форме, имела множество каналов транслирования контента, она была доходчивой, понятной и эффективной. Ее цели, как на Севере, так и на Юге, состояли в мобилизации и сплочении населения, в конструировании образа врага, создании опирающихся на исторические корни и традиции социальных конструктов. Разнообразные формы, средства, приемы и методы визуальной пропаганды эффективно использовались обеими сторонами. Однако, несомненно, что пропаганда на Севере была более действенной и массовой в плане охвата населения, имела более развитые технические возможности, использовала более широкий арсенал средств. Южная пропаганда уступала северной не только в техническом плане, она была менее целенаправленной, носила сугубо региональный характер, не имела таких ярких и талантливых создателей визуальных паттернов. Визуальная пропаганда сыграла важную роль в сплочении населения северных штатов в трагический период братоубийственной Гражданской войны, внесла свой вклад в достижение победы. Самая жестокая и кровопролитная война в истории США привела к поражению Юга и восстановлению целостности государства, к ликвидации позорного института рабства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алентьева, Т. В. «Двуликий Янус»: образ Авраама Линкольна в восприятии американцев в 1860–1861 гг. / Т. В. Алентьева // Авраам Линкольн. Уроки истории и современность. – М. : Изд-во РГГУ, 2010. – С. 107–115.
2. Алентьева, Т. В. Вторая американская революция через призму творчества Уинслоу Хомера / Т. В. Алентьева // Революция и революционный дискурс в США. – М. : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 41–52.
3. Алентьева, Т. В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877) / Т. В. Алентьева. – СПб. : Алетейя, 2020. – 458 с.
4. Линкольн, А. Источник свободы. Геттисбергское послание / А. Линкольн. – М. : Эксмо, 2015. – 432 с.
5. Согрин, В. В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века / В. В. Согрин. – М. : Наука, 1995. – 238 с.
6. Цыкалов, Д. Е. Север против Юга: Томас Наст против Адальберта Волка – карикатуристы в Гражданской войне / Д. Е. Цыкалов // Americana. Вып. 13. Россия и гражданская война в США. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 88–97.
7. Blackwell, K. Solving a Civil War Photograph Mystery / K. Blackwell. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.loc.gov/collections/civil-war-glass-negatives/articles-and-essays/solving-a-civil-war-photograph-mystery> (date of access: 20.05.2021). – Title from screen.
8. Boyd, S. R. Patriotic Envelopes of the Civil War: The Iconography of Union and Confederate Covers / S. R. Boyd. – Baton Rouge : LSU Press, 2010. – 168 p.
9. Cartoon Prints, American, Available Online, 1860 to 1869. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.loc.gov/collections/american-cartoon-prints/?fa=subject%3Apolitical+cartoons&dates=1860-1869> (date of access: 20.06.2021). – Title from screen.
10. Civil War envelope showing American flags... – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.loc.gov/item/2011660237> (date of access: 19.06.2021). – Title from screen.
11. Civil War Glass Negatives and Related Prints. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.loc.gov/pictures/collection/cwp> (date of access: 19.06.2021). – Title from screen.
12. Civil War posters, 1861–1865. – Electronic text data. – Mode of access: <https://digitalcollections.nyhistory.org/islandora/object/nyhs%3Acwposters> (date of access: 10.06.2021). – Title from screen.
13. Coopersmith, A. S. Fighting Words: An Illustrated History of Newspaper Accounts of the Civil War / A. S. Coopersmith. – N. Y. : The New Press, 2004. – 325 p.
14. Frank Leslie's Illustrated Newspaper. – Feb. 14. – 1863.

15. Frank Leslie's Illustrated Newspaper. – May 7. – 1864.
16. Frank Leslie's Illustrated Newspaper. – Aug. 24. – 1861.
17. Frank Leslie's Illustrated Newspaper. – Nov. 22. – 1862.
18. Garrison, W. Brady's Civil War: A Collection of Memorable Civil War Images Photographed by Mathew Brady and His Assistants / W. Garrison. – Guilford, Con. : Lyons Press, 2011. – 256 p.
19. Halloran, F. D. Thomas Nast: The Father of Modern Political Cartoons / F. D. Halloran. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2013. – 384 p.
20. Harper's Weekly. – Jan. 3. – 1863.
21. Harper's Weekly. – Apr. 30. – 1864.
22. Harper's Weekly. – May 17. – 1862.
23. Harper's Weekly. – Dec. 21. – 1861.
24. Harper's Weekly. – Dec. 5. – 1863.
25. Harper's Weekly. – Aug. 10. – 1861.
26. Harper's Weekly. – Sept. 7. – 1861.
27. Hess, S. The Ungentlemanly Art: A History of American Political Cartoons / S. Hess, M. Kaplan. – N. Y. : MacMillan, 1975. – 252 p.
28. Hess, S. Drawn & Quartered: The History of American Political Cartoons / S. Hess, S. Northrop. – Montgomery, AL. : Elliott & Clark Publishing, 1996. – 164 p.
29. Lewin, J. G. Lines of Contention: Political Cartoons of the Civil War / J. G. Lewin, P. J. Huff. – N. Y. : Harper Perennial, 2007. – 224 p.
30. Murrell, W. A History of American Graphic Humor: in 2 vols. / W. Murrell. – N. Y. : The Macmillan Co, 1938. – Vol. I. – 245 p. ; Vol. II. – 271 p.
31. President in Petticoats! Civil War Propaganda in Photographs. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.icp.org/exhibitions/president-in-petticoats-civil-war-propaganda-in-photographs> (date of access: 28.06.2021). – Title from screen.
32. Propaganda from the American Civil War / ed. by Paul J. Springer. – Santa Barbara, Ca : ABC-CLIO, 2019. – 314 p.
33. Rable, G. C. Damn Yankees! Demonization and Defiance in the Confederate South / G. C. Rable. – Baton Rouge : LSU Press, 2015. – 216 p.
34. Ratner, L. A., Teeter Jr. D. L. Fanatics and Fire-eaters: Newspapers and the Coming of the Civil War / L. A. Ratner, D. L. Teeter Jr. – Champaign, IL : University of Illinois Press, 2004. – 160 p.
35. Smith, G. W. Broadides for Freedom: Civil War Propaganda in New England / G. W. Smith // The New England Quarterly. – 1948. – Vol. 21, № 3 (Sept.). – P. 291–312.
36. Sullivan, G. In the Wake of Battle: The Civil War Images of Mathew Brady / G. Sullivan. – N. Y. : Prestel Publ., 2004. – 448 p.

37. The Southern Illustrated News. – Feb. 28. – 1863.
38. The Southern Illustrated News. – Jan. 14. – 1863.
39. Thompson, Jr. W. F. The Image of War: The Pictorial Reporting of the American Civil War / W. F. Thompson Jr. – Baton Rouge : LSU Pr, 1994. – 264 p.
40. Vanity Fair. – May 18. – 1861.
41. Zeller, B. O. The Blue and Gray in Black and White: A History of Civil War Photography / B. O. Zeller. – N. Y. : Praeger, 2005. – 248 p.

REFERENCES

1. Alent'eva T.V. «Dvulikij Janus»: obraz Avraama Linkol'na v vosprijatii amerikancev v 1860–1861 gg. [“Two-Faced Janus”: The Image of Abraham Lincoln in the Perception of Americans in 1860–1861]. *Avraam Linkol'n. Uroki istorii i sovremennost'* [Abraham Lincoln. History Lessons and Modernity]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2010, pp. 107-115.
2. Alent'eva T.V. Vtoraja amerikanskaja revoljucija cherez prizmu tvorcestva Uinslou Homera [The Second American Revolution Through the Prism of the Work of Winslow Homer]. *Revoljucija i revoljucionnyj diskurs v SShA* [Revolution and Revolutionary Discourse in the United States]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2019, pp. 41-52.
3. Alent'eva T.V. *Razjashhee oruzhie smeha. Amerikanskaja politicheskaja karikatura XIX veka (1800–1877)* [The Striking Weapon of Laughter. American Political Caricature of the 19th Century (1800–1877)]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2020. 458 p.
4. Lincoln A. *Istochnik svobody. Gettisbergskoe poslanie* [The Source of Freedom. The Gettysburg Address]. Moscow, Jeksmo Publ., 2015. 432 p.
5. Sogrin V.V. *Ideologija v amerikanskoj istorii: ot otcov-osnovatelej do konca XX veka* [Ideology in American History: From the Founding Fathers to the End of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 238 p.
6. Tsykalov D.E. Sever protiv Juga: Tomas Nast protiv Adal'berta Volka karikaturisty v Grazhdanskoj vojne [North vs. South: Thomas Nast vs. Adalbert Volk – Cartoonists in the Civil War]. *Americana. Vyp. 13. Rossija i grazhdanskaja vojna v SShA* [Americana. Iss. 13. Russia and the American Civil War]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2012, pp. 88-97.
7. Blackwell K. *Solving a Civil War Photograph Mystery*. URL: <https://www.loc.gov/collections/civil-war-glass-negatives/articles-and-essays/solving-a-civil-war-photograph-mystery> (accessed 20 May 2021).
8. Boyd S.R. *Patriotic Envelopes of the Civil War: The Iconography of Union and Confederate Covers*. Baton Rouge, LSU Press, 2010. 168 p.

9. *Cartoon Prints, American, Available Online, 1860 to 1869*. URL: <https://www.loc.gov/collections/american-cartoon-prints/?fa=subject%3Apolitical+cartoons&dates=1860-1869> (accessed 20 June 2021).
10. *Civil War Envelope Showing American Flags...* URL: <https://www.loc.gov/item/2011660237> (accessed 19 June 2021).
11. *Civil War Glass Negatives and Related Prints*. URL: <https://www.loc.gov/pictures/collection/cwp> (accessed 19 June 2021).
12. *Civil War Posters, 1861–1865*. URL: <https://digitalcollections.nyhistory.org/islandora/object/nyhs%3Acwposters> (accessed 10 June 2021).
13. Coopersmith A.S. *Fighting Words: An Illustrated History of Newspaper Accounts of the Civil War*. New York, The New Press, 2004. 325 p.
14. *Frank Leslie's Illustrated Newspaper*, 1863, February 14.
15. *Frank Leslie's Illustrated Newspaper*, 1864, May 7.
16. *Frank Leslie's Illustrated Newspaper*, 1861, August 24.
17. *Frank Leslie's Illustrated Newspaper*, 1862, November 22.
18. Garrison W. *Brady's Civil War: A Collection of Memorable Civil War Images Photographed by Mathew Brady and His Assistants*. Guilford, Con., Lyons Press, 2011. 256 p.
19. Halloran F.D. *Thomas Nast: The Father of Modern Political Cartoons*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2013. 384 p.
20. *Harper's Weekly*, 1863, January 3.
21. *Harper's Weekly*, 1864, April 30.
22. *Harper's Weekly*, 1862, May 17.
23. *Harper's Weekly*, 1861, December 21.
24. *Harper's Weekly*, 1863, December 5.
25. *Harper's Weekly*, 1861, August 10.
26. *Harper's Weekly*, 1861, September 7.
27. Hess S., Kaplan M. *The Ungentlemanly Art: A History of American Political Cartoons*. New York, MacMillan, 1975. 252 p.
28. Hess S., Northrop S. *Drawn & Quartered: The History of American Political Cartoons*. Montgomery, AL., Elliott & Clark Publishing, 1996. 164 p.
29. Lewin J.G., Huff P.J. *Lines of Contention: Political Cartoons of the Civil War*. New York, Harper Perennial, 2007. 224 p.
30. Murrell W. *A History of American Graphic Humor. In 2 Vols.* New York, The Macmillan Co, 1938, vol. 1. 245 p.; vol. 2. 271 p.
31. *President in Petticoats! Civil War Propaganda in Photographs*. URL: <https://www.icp.org/exhibitions/president-in-petticoats-civil-war-propaganda-in-photographs> (accessed 28 June 2021).
32. Springer P.J., ed. *Propaganda from the American Civil War*. Santa Barbara, Ca, ABC-CLIO, 2019. 314 p.
33. Rable G.C. *Damn Yankees! Demonization and Defiance in the Confederate South*. Baton Rouge, LSU Press, 2015. 216 p.
34. Ratner L.A., Teeter D.L. Jr. *Fanatics and Fire-Eaters: Newspapers and the Coming of the Civil War*. Champaign, IL, University of Illinois Press, 2004. 160 p.
35. Smith G.W. Broadsides for Freedom: Civil War Propaganda in New England. *The New England Quarterly*, 1948, vol. 21, no. 3 (September), pp. 291-312.
36. Sullivan G. *In the Wake of Battle: The Civil War Images of Mathew Brady*. New York, Prestel Publ., 2004. 448 p.
37. *The Southern Illustrated News*, 1863, February 28.
38. *The Southern Illustrated News*, 1863, January 14.
39. Thompson W.F. Jr. *The Image of War: The Pictorial Reporting of the American Civil War*. Baton Rouge, LSU Pr., 1994. 264 p.
40. *Vanity Fair*, 1861, May 18.
41. Zeller B.O. *The Blue and Gray in Black and White: A History of Civil War Photography*. New York, Praeger, 2005. 248 p.

Information About the Author

Tatiana V. Alentjeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, alenttv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-0494>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Алентьева, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, alenttv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-0494>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.3>

UDC 321.34
LBC 63.3

Submitted: 30.03.2021
Accepted: 13.06.2021

MEMORY OF AMERICAN CIVIL WAR IN THE HISTORICAL IMAGINATION OF CONSUMER SOCIETY

Maksim W. Kyrchanov

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. Introduction. The author analyzes the features of the historical memory of the American Civil War in American pop culture as a form of historical memory that dominates in the consumer society. *Methods and materials.* The problems of imagination and invention of images of the civil war are analyzed in the contexts of cultural history, as well as intellectual history and the history of ideas. *Analysis.* The author presumes that 1) the historical memory of the U.S. Civil War in modern American identity is heterogeneous; 2) various forms of culture, including “high”, “mass” and “popular”, actualize the images of the civil war; 3) “high” culture became the first form of imagination of the civil war in American identity; 4) in the 20th century, various forms of consumer society culture (“mass” and “popular”) assimilated images of the civil war; 5) “popular” culture presents a “transitional” (from “high” to “mass”) version of the memory of the war. *Results.* Analyzing the transformation of the Civil War memory in the pseudo-documentary film “C.S.A.: The Confederate States of America” (directed by Kevin Willmott), the author presumes that 1) popular culture reduced the civil war to a minor event in the history of the Confederation; 2) the film offers an alternative version of American historical memory, actualizing the possible trajectories of the “invention” of images of the civil war in the reality where South won; 3) the film is integrated into the intellectual history and archeology of American mass-cult ideas; 4) some texts by American intellectuals belonging to the discourse of alternative history, became cultural stimuli for the project of Kevin Willmott; 5) the transformation of the memory of the Civil War in American pop-culture actualizes the crisis of memory in society, which wasn’t successful in its attempts to overcome the historical trauma of racism and racial discrimination.

Key words: historical memory, civil war, mass and popular culture, C.S.A., revisionism, racism.

Citation. Kyrchanov M.W. Memory of American Civil War in the Historical Imagination of Consumer Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 32-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.3>

УДК 321.34
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 30.03.2021
Дата принятия статьи: 13.06.2021

ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США В ИСТОРИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Автор анализирует особенности исторической памяти о Гражданской войне в США в американской поп-культуре как форме исторической памяти, которая доминирует в обществе потребления. Проблемы воображения и изобретения образов гражданской войны анализируются в контекстах культуральной истории, а также интеллектуальной истории и истории идей. Автор полагает, что: 1) историческая память о Гражданской войне в США в современной американской идентичности гетерогенна; 2) различные формы культуры, включая «высокую», массовую и популярную, актуализируют образы Гражданской войны; 3) «высокая» культура стала первой формой воображения гражданской войны в американской идентичности; 4) в XX в. различные формы культуры общества потребления – массовая и популярная – ассимилировали образы Гражданской войны; 5) в популярной культуре представлена «переходная» (от высокой к массовой) версия памяти о войне. Анализируя трансформацию памяти о Гражданской войне в

псевдо-документальном фильме «C.S.A.: The Confederate States of America» (режиссер Кевин Виллмотт), автор полагает, что: 1) популярная культура редуцировала гражданскую войну до второстепенного события в истории Конфедерации; 2) «C.S.A.» предлагает альтернативную версию американской исторической памяти, актуализируя возможные траектории «изобретения» образов гражданской войны в случае победы Юга; 3) фильм «C.S.A.» интегрирован в интеллектуальную историю и археологию идей американского масс-культура; 4) некоторые тексты американских интеллектуалов, принадлежащие к дискурсу альтернативной истории, стали культурными стимулами для проекта Кевина Виллмотта; 5) трансформация памяти о гражданской войне в американской популярной культуре актуализирует кризис памяти в обществе, которое не смогло в полной мере преодолеть исторические травмы расизма и расовой дискриминации.

Ключевые слова: историческая память, гражданская война, массовая и популярная культура, КША, ревизионизм, расизм.

Цитирование. Кирчанов М. В. Память о Гражданской войне в США в историческом воображении общества потребления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 32–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.3>

Введение. Гражданская война 1861–1865 гг. стала не только важным событием в политической и социально-экономической истории Северной Америки в XIX в., но и существенно повлияла на развитие американской идентичности, включая историческую память. На протяжении длительного времени основные пространства, в рамках которых развивались нарративы, описывающие гражданскую войну, не выходили за пределы политической полемики, академической историографии и американской культуры. Анализируя роль последней, во внимание следует принимать, что культура США практически с самого начала развивалась как гетерогенная. По мнению современного российского культуролога И. Кондакова, каждая культура характеризуется своей особой «архитектоникой», которая предусматривает существование нескольких уровней – «высокой» (элитарной), «средней» (популярной) и «низовой» (массовой) культуры [5, с. 10]. История развития американской культуры может быть локализована в рамках этой схемы. Поэтому память о гражданской войне представлена различными формами (от классической литературы до современного кинематографа), где в той или иной степени присутствуют мотивы войны.

Целью статьи является анализ трансформации исторической памяти о гражданской войне в американской культуре общества потребления на примере псевдо-документального фильма Кевина Виллмотта «C.S.A.: The Confederate States of America» (2004; далее в тексте – «C.S.A.») [40], формирующего и продвигающего различные версии восприятия войны, которые варьируются от актуализации

групповых идентичностей сообществ до культивирования неакадемического нарратива, принадлежащего к альтернативной истории. В число задач статьи входит анализ образов гражданской войны в дискурсе изучаемого фильма как части поп-культуры и рассмотрение интеллектуальных практик, применяемых создателями популярной культуры для актуализации в ее рамках образов войны 1861–1865 годов.

Методология. Автор анализирует этот фильм в контекстах формирования альтернативного канона исторической памяти о войне, хотя в США формы исторической коммеморации событий войны были гетерогенны [15; 21; 25]. Поэтому различные точки зрения, представленные в прозе и кинематографе, как пространства развертывания нарративов исторической памяти, были альтернативны друг другу. Например, классический текст американского поп-культуры «Унесенные ветром» М. Митчелл и фильм «Слава» Э. Цвика альтернативны только в контексте художественной оптики, которая позволяет проследить представления о войне в различных регионально, социально и расово детерминированных версиях исторической памяти. Поэтому, если М. Митчелл актуализировала региональную южную точку зрения, то Э. Цвик сместил ракурс в направлении восприятия войны в контекстах расовой принадлежности. Аналогичная ситуация характерна и для академической американской историографии истории гражданской войны, в рамках которой альтернативные прочтения ее истории и ее «новые» интерпретации предлагаются преимущественно историками-постмодернистами, предпочи-

тающими редуцировать событийный модус описания войны до актуализации роли и места идентичности, гендера, феминности, что формирует альтернативный корпус исследований, которые фактически альтернативны только более ранним позитивистским или социально-экономическим интерпретациям конфликта между Севером и Югом. Рассматриваемый же в тексте фильм анализируется как проявление содержательно и концептуально иной альтернативности, представленной не альтернативными политически мотивированными нарративами участников войны, но актуализированный в форме альтернативно исторического фильма, снятого по провокационному для академической историографии допущению «А что было бы, если».

Анализируемый фильм представляет собой элемент в системе исторического воображения современного американского общества как общества потребления. Изучение трансформации исторической памяти в современных США относится к числу актуальных задач для современной историографии, так как мы в режиме реального времени наблюдаем не только, как изменяются модусы описания и восприятия прошлого, но и как они политизируются, становясь средством проверки лояльности современным ценностям, которые продвигаются в рамках стимулирования политической корректности.

Статья является междисциплинарным исследованием и поэтому проблемы воображения и изобретения образов гражданской войны в американской массовой культуре анализируются в контекстах культуральной истории, а также интеллектуальной истории и истории идей. В силу того, что автор анализирует поп-культурные версии исторической памяти, статья имеет «реверсивную» структуру. На реверсивность исторического сознания общества потребления указывал ряд постсоветских исследователей. В частности, белорусский философ В. Акудович полагал, что «история могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет» [1, с. 47]. Общество потребления в свою очередь редуцирует спектр возможных интерпретаций истории, демонтируя

принцип историзма (в смысле хронологически линейной истории) как архаизм позитивистского исторического воображения, делая представления о прошлом в массовой и популярной культуре гетерогенными, дискретными и конструируемыми.

Поэтому текст представленной статьи не соответствует нормам позитивистской логики хронологического восприятия истории – автор, с одной стороны, анализирует альтернативные формы исторической памяти о гражданской войне в американском масс-культе в середине 2000-х гг. и лишь после этого обращается к вероятным интеллектуальным археологиям подобного восприятия в истории масс-культы (1960–2000-е гг.) и их позднейшим (2020–2021 гг.) политическим последствиям. С другой стороны, войны в различных версиях исторической и культурной памяти воспринимаются как форма исторического воображения и воображаемый конструкт, в чем автор следует за сложившейся историографической традицией, развившейся в западной научной литературе в результате имажинативного и инвенционистского поворотов в изучении американской Гражданской войны [47].

Под историческим воображением в историографии [45], как правило, понимается совокупность культурных и интеллектуальных практик определенных групп, представители которых конструируют различные версии прошлого, предназначенные как для консолидации социума в целом, так и его отдельных групп в частности. Что касается исторического воображения общества потребления, фигурирующего в названии статьи, то эта дефиниция описывает широкий спектр манипуляций с историческим прошлым в современной культурной ситуации, что предусматривает адаптацию и упрощение исторической памяти, ее ассимиляцию и интеграции в те формы культурной активности (от комикса до блокбастера), которые стали обычны / традиционны для общества потребления.

Кроме этого, автор в представленной статье анализирует особенности функционирования и изменения памяти о войне в обществе потребления, а не в других типах социальной организации, которые более привычны для традиционной позитивистской историографии, склонной игнорировать объективные

перемены, связанные с тем, что профессиональное сообщество историков утратило монополию на формирование дискурса памяти, которая более не концентрируется исключительно в музеях или академических текстах, оказавшись ассимилированной в культуре общества потребления – от комикса и компьютерных игр до рок-опер и продукции Голливуда или независимых кинопроизводителей.

Историография. Если академическая историография актуализирует восприятие гражданской войны на уровне «высокой» культуры, различные литературные тексты формируют образы войны в массовой культуре, то кинематограф, вероятно, монополизировал их воплощение в популярной культуре. Академическая историография гражданской войны генетически связана с послевоенными политическими и идеологическими дискуссиями, воспринимая конфликт как фактор в «изобретении» США в качестве нации-государства [38], хотя различные версии памяти о войне продолжают фрагментировать американское общество [34].

Практически сразу после завершения гражданской войны память о ней функционировала как гетерогенная [16; 23; 26; 33], будучи зависимой от политических предпочтений исследователей, что показано в историографии [4; 11]. Общенациональный канон исторической памяти о Гражданской войне и Конфедерации сложился относительно быстро и возник под политическим влиянием лидеров победившего Севера. Основные положения этого мифологизированного канона описаны в историографии: сецессия южных штатов была незаконной, Юг боролся за сохранение рабства, Север выступал за сохранение государственного единства, его победа была исторически предрешенной и экономически прогрессивной [17]. КША в рамках этой версии исторической памяти о Гражданской войне маргинализировалась и демонизировалась.

В свою очередь южными историками предлагались альтернативные восприятия Конфедерации, актуализировавшие свои версии памяти, концептуализированные в рамках комплекса нарративов, известных как «безнадежное дело» [40; 48], ставших изобретенной политической традицией, призванной внести коррективы в историческую память о КША

на национальном уровне. Концепция была выдвинута Эдвардом Поллардом в его работе «Безнадежное дело. Новая история войны конфедератов на Юге» [40], несколько дополненной в 1881 г. бывшим президентом КША Джефферсоном Дэвисом, опубликовавшим книгу «Взлет и падение правления конфедератов» [22]. В конце XIX – XX в. основные положения концепции «безнадежного дела» развивались другими американскими интеллектуалами, которые перенесли основную тяжесть аргументации из политической публицистики и академической историографии в художественную прозу [18], ставшую основной сферой актуализации юго-центричных версий американской исторической и политической памяти о Гражданской войне.

Изучаемые в настоящей статье проблемы нашли свое отражение и в российской историографии, в которой они, к сожалению, пока не получили системного изучения. Если в классической отечественной американистике представлены преимущественно общие проблемы восприятия опыта гражданской войны историками и политиками [3; 9; 10], то собственно различные стратегии формирования образов войны и модусы функционирования памяти о ней изучены в меньшей степени [2; 3; 8; 11; 12]. Что касается проблем восприятия и отражения гражданской войны в историографии и художественной литературе, как формах функционирования исторической памяти, то они в большей или меньшей степени изучены и представлены в исследованиях [24]. В этой историографической ситуации условно средний уровень исторической памяти о Гражданской войне, локализуемый в рамках мемориальных практик американского общества потребления, получил гораздо меньшее отражение в историографии [19; 28]. Поэтому, именно подобные образы Гражданской войны в США и будут в центре авторского внимания в настоящей статье.

«С.С.А.» как альтернативная память о гражданской войне. Анализируемый в данной статье фильм, снятый в жанре псевдо-документального кино, актуализирует основные мифы американской идентичности, которые касаются событий гражданской войны, предлагая одновременно их альтернативную и ревизионистскую интерпретацию.

«С.С.А.», по мнению некоторых критиков, не только «исследует глубину и размах американского расизма и ужасающую заурядность белого превосходства» [17], но и стал «не просто забавным, но важным фильмом, напоминающим нам, что Гражданская война была не каким-то частичным разногласием или спором между двумя одинаково достойными точками зрения, но была борьбой за моральную порядочность страны и будущее демократии... Виллмотт не только имел наглость сказать правду о том, что Юг был неправ и что его победа была бы катастрофой, но он намекал еще на кое-что, полагая, что старые элементы американской общественной жизни, ведущие свою родословную до Конфедерации, совсем не патриотичны и скорее являются антитезой всему, за что мы выступаем» [29]. В этом контексте фильм можно определить как попытку пересмотра сложившегося к середине 2000-х гг. канона исторической памяти о войне [44] через демонтаж мифов отражения войны в академической историографии и доминирующей американской массовой культуре.

Гражданская война редуцируется до второстепенного события в истории Конфедерации, которая завершилась победой Юга, что привело к сохранению рабства, возведенного до уровня системной характеристики американской экономики – поэтому, «воображаемые» образы победивших КША актуализируют сохраненное рабство как основной их успех и достижение после гражданской войны. Среди центральных мотивов фильма – допущение того, что сражения периода гражданской войны, которые завершились победой северян, были более успешны для южан [20, 7:20–7:37], а генерал Улисс Грант капитулировал перед Робертом Ли [20, 7:48–7:57], так как те боролись не против отмены рабства, но стремились защитить только право владения частной собственностью. Поэтому гражданская война определяется как «война за свободу, а не за рабство» [20, 7:09–7:20].

«С.С.А.» предлагает альтернативную версию американской исторической памяти, представляя возможные траектории «воображения» и «изобретения» образов гражданской войны в случае победы Юга. В рамках этой альтернативной версии памяти Джефферсон

Дэвис занимает место, принадлежащее в официальной культуре памяти Абрахаму Линкольну, становясь на один уровень с отцами-основателями. КША в рамках подобной логики исторического воображения наделяется стандартным набором «изобретенных традиций», что позволяет воспринимать их в качестве «воображаемого сообщества». В рамках модели исторической памяти, воспроизводимой в «С.С.А.», Джуда Бенджамин также входит в число отцов-основателей американской политической нации, которая имеет идентичность, сформированную в результате победы конфедератов.

В альтернативной модели исторической памяти о гражданской войне, основанной на допущении победы КША, А. Линкольн не гибнет 15 апреля 1865 г., но арестовывается, предстает перед судом, подвергается тюремному заключению и депортируется в Канаду, где и умирает в 1905 г. [20, 11:11–11:20; 11:55–12:05], а в «доминирующей» в КША версии исторической памяти превращается в «человека, почти забытого историей, которого помнят как человека, развязавшего агрессию Севера и проигравшего эту войну» [20, 13:24–13:42]. В рамках такой альтернативной версии исторической памяти о гражданской войне, предлагаемой поп-культурой, американская идентичность, культурная и литературная история подвергаются радикальной редукции, практически все классики американской литературы XIX–XX вв. оказываются политическими эмигрантами, превратившимися в классиков канадской литературы [20, 24:47–24:59; 1:03:55–1:04:39]. Кроме этого, гипотетическая победа КША, по мнению создателей «С.С.А.», значительно изменила политическую идентичность американцев, радикально редуцировав ее до крайних версий идеи превосходства WASP, фактически удалив из исторической памяти реально имевшие место процессы иммиграции в Америку, превратившие общество в мультикультурное [20, 33:19–33:40].

«С.С.А.» в этом контексте можно интерпретировать как пример исторического ревизионизма. Комментируя роль ревизионизма в развитии истории как науки, Джэймс МакФерсон, Президент Американской исторической ассоциации, в 2003 г. подчеркивал, что «14 000 членов этой Ассоциации знают, что

ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счет лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути «ревизионизм», как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [36, р. 1].

Исходя из такого понимания, «С.С.А.» представляет собой интересную попытку переноса мифологизированных представлений о Юге, которые в американской культурной и интеллектуальной истории существовали на протяжении второй половины XIX – XX в., на восприятие Севера в альтернативной идентичности, ставшей следствием его поражения. По мнению авторов проекта «С.С.А.», победа Конфедерации в гражданской войне привела бы к тому, что «в КША отношения Севера и Юга были романтизированы... писатели сгладили противоречия между двумя регионами, а цели и причины войны в книгах были изменены» [20, 35:38–35:55], а в романе КША «Северный ветер» и основанном на его мотивах мюзикле [20, 36:51–37:03] просматриваются черты классического текста американской массовой культуры – романа «Унесенные ветром» М. Митчелл.

«С.С.А.» и американский масс-культ. Если «С.С.А.» предлагает именно такое прочтение истории гражданской войны, которое одновременно является альтернативным и ревизионистским, то уместным представляется вопрос о генезисе подобной несостоявшейся версии исторической памяти, который протекал преимущественно в рамках массовой и популярной культуры. Миграция памяти о гражданской войне из «высокой» культуры в «массовую» и «популярную» стала фактически неизбежной по мере модернизации американского общества. Современный российский историк Н. Копосов, комментируя роль модернизации в целом в развитии исторической памяти, подчеркивает, что она ведет «к радикальным изменениям социальной структуры

и исчезновению групп – носителей естественной памяти... прежде всего крестьянства – класса-памяти по преимуществу» [6, с. 59]. В случае с исторической памятью об американской гражданской войне таким «классом-памятью» были, вероятно, современники событий (хотя их можно редуцировать до ветеранов как со стороны Севера, так и Юга), а смена нескольких поколений к началу XX в. привела к тому, что память о войне оказалась разделенной между историографией, как частью «высокой» культуры, и ее новейшими конкурентами – «массовой» и «популярной» культурами как основными культурными моделями общества потребления.

Анализируя истоки «С.С.А.» как проекта, во внимание следует принимать их гетерогенный характер. С одной стороны, южная историография истории гражданской войны, попытки политически и идеологически мотивированной ревизии ее причин, характера и результатов, конечно, влияли на генезис восприятия событий 1861–1865 гг., представленных в проекте К. Виллмотта, но проследить непосредственное влияние, выделив академические тексты, которые вдохновили американского режиссера, представляется дискуссионным и проблематичным. Не отрицая влияния со стороны академической историографии как части «высокой» культуры, автор, с другой стороны, полагает, что «С.С.А.», принадлежащие к «популярной» культуре, были в большей степени стимулированы и вдохновлены более ранними памятниками американского масс-культы. Тем не менее параллели и возможные генетические связи и взаимозависимости между «С.С.А.» и крайне разнообразной и неравномерной по своему качеству продукцией американского масс-культы также не менее условны и гипотетичны.

В концептуальном плане (манера изложения и представления материала, имитирующая академичность, псевдоцитатность) генеалогия «С.С.А.» К. Виллмотта может быть выведена из текста «If the South Had Won the Civil War» (1961) Б. МакКинлэя Кантора [31], представляющего собой «имитацию» историографического гранд-нарратива, который гипотетически мог существовать, если в результате гражданской войны на политической карте Северной Америки остались бы не только

США, но КША и независимая Республика Техас с тем отличием от «С.С.А.», что воспроизводимый альтернативный нарратив датируется не концом XX в., но 1961 г., то есть фактически приурочен к столетнему юбилею начала гражданской войны.

Альтернативное восприятие истории Гражданской войны в США, основанное, как минимум, на сохранении КША (иногда наравне с США) и, как максимум, на их полной победе, имеет для американской массовой культуры второстепенное значение, так как гражданская война интересует некоторых авторов только как исторический фон и отправная точка альтернативных сценариев американской политической истории. Иными словами, масс-культ больше интересует, как КША противостояли бы в XX в. Советской России, Германии или Китаю, что редуцирует гражданскую войну до уровня исторического фона. Несмотря на такую, сугубо утилитарную редукцию, различные версии исторической памяти о гражданской войне, принадлежащие к дискурсу массовой культуры, все же присутствуют в целом ряде текстов американских авторов, которые, как правило, оказываются вне пределов внимания со стороны академической историографии.

Роман В. Мура «Bring the Jubilee» (1953) [38] можно локализовать среди условных текстов-предшественников и интеллектуальных стимулов для «С.С.А.» К. Виллмотта, так как превосходит проект общей логикой альтернативной американской истории, ставшей следствием успеха Юга в гражданской войне. Роман «Gray Victory» (1988) Р. Скимина [43] можно воспринимать в качестве одного из масс-культурных стимулов «С.С.А.» К. Виллмотта, но влияние первого редуцировано до условно детективной линии как в самом романе, так и в фильме, которая хронологически с гражданской войной не связана. Альтернативное восприятие истории гражданской войны, основанное на гипотетическом сосуществовании КША и США, имеет роман «How Few Remain» (1997) Х. Терглдава [47], которое ограничивается вольными допущениями о военных успехах КША. Видимо, такое же воздействие на восприятие оказывает и другой поп-культурный текст «Grant Comes East» (2004) [26], который интересен лишь тем,

что среди его авторов Н. Гингрич – бывший спикер Палаты представителей.

Проблематичны и дискуссионны параллели между «С.С.А.» К. Виллмотта и романом «Fire on the Mountain» (1988) Т. Биссома [14], где имеет место гражданская война между Севером и Югом, где к моменту начала конфликта власть захватили негры в результате успешного восстания. Роман является одним из классических примеров, как развивается и функционирует историческое воображение в рамках постмодерна и общества потребления. В рамках подобной деконструкции истории Т. Биссом предполагается, как могли бы развиваться множественные культурные и исторические памяти, в рамках одной из которых (южной) А. Линкольн фигурировал бы не как национальный герой и один из основателей нации, но как северный расист, развязавший гражданскую войну с целью восстановления рабства.

Локализация памяти о гражданской войне в пространствах поп-культы и масс-культы означала изменение сферы бытования / функционирования исторической памяти, что в разных обществах проявляется различно. Российский историк М. Кром, комментируя ситуацию, полагает, что постмодерн вдохновил «деконструкцию базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории», что, в свою очередь, «поставило исследователей в непростое положение: они могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников, им явно не хватает понятийного аппарата для серьезных обобщений» [7, с. 96]. Эти лакуны смогли восполнить массовая и популярная культуры, которые не имеют потребности в собственном понятийном аппарате, активно ассимилируя и интегрируя «высокую» культуру, включая историографию, адаптируя ее под собственные стратегии конструирования прошлого. Поэтому в контексте такой интеллектуальной истории и археологии идей «С.С.А.» К. Виллмотта фактически можно интерпретировать как визуализированный нарратив-конструкт, генетически восходящий к нескольким текстам-стимулам, частично воспроизводящий и повторяющий, а также имитирующий и симулирующий их.

Отголоски гражданской войны 1861–1865 гг. в американском обществе

потребления 2020–2021 годов. Псевдо-документальный фильм К. Виллмотта «С.С.А.», снятый в 2004 г., на протяжении более чем 15 лет был интересен почти исключительно историкам современного американского кино и авторам, занимающимся соотношением масс-культы и поп-культы в обществе потребления, хотя острая политическая сатира, характерная для видения режиссера, признавалась практически всеми критиками [13].

Несмотря на то что идеологический подтекст «С.С.А.» был очевиден сразу же после выхода [39], о нем как политическом фильме американские интеллектуалы начали активно дискутировать только в 2020 г., когда в США имела место активизация движения «Black Lives Matter», созданного еще в 2013 году. Гибель в мае 2020 г. афроамериканца Джорджа Флойда в результате попытки ареста стала тем фактором, который в значительной степени обострил расовые противоречия и актуализировал проблемы расизма, исторической памяти [41; 46] и ответственности в общественно-политическом и интеллектуальном дискурсах современных США, переводя их из сферы политики и историографии [32; 37] в область общества потребления, превратив в информационные поводы для разного рода политических «перформансов».

В некоторых СМИ возобладал нарратив, что «Конфедерация побеждена, но не наказана», а активные общественные протесты как сторонников, так и противников президента Д. Трампа, а также выступления расовых активистов в 2020 г. нередко выливались в конфликты, так как некоторые из участников использовали символику КША [30], отягощенную негативным историческим опытом, которая не только актуализировала ее противоречивый статус в современной американской исторической памяти, но и стимулировала активистов обратиться к различным тактикам и практикам идеологически мотивированных манипуляций с исторической памятью. По мнению ряда авторов, использование флагов КША во время политических демонстраций и акций протеста в 2020–2021 гг. доказывает, что «история использования флага, заключается в том, что наследие, которое он символизирует, является частью порабощения, неравенства, насилия и грубой несправедливости» [45].

Этот социальный контекст становится заметным на фоне действительно существующих проблем в афроамериканском сообществе, хотя они далеки от того уровня расовой дискриминации и социальной поляризации, который в 2004 г. представил в своем кинопроекте К. Виллмотт [42]. Использование флагов КША участниками захвата Капитолия в январе 2021 г. вынудило воспринимать их как проявления «белого восстания» [20]. Это, в свою очередь, актуализировало и политическое наследие гражданской войны, на что указали и некоторые американские аналитики, обратившись к восприятию гражданской войны «С.С.А.» К. Виллмотта как белого вооруженного протеста, прочитав на этот раз фильм как жестко политико-сатирический [27].

Очередная актуализация образов гражданской войны в контекстах расизма, дискриминации и социальной несправедливости в США в 2020–2021 гг. на непродолжительное время вновь заставила интеллектуалов вспомнить о фильме К. Виллмотта, восприняв его на этот раз как попытку ревизии идей белого превосходства и деконструкции южного мифа «безнадежного дела». Расовые волнения в США 2020 г. вновь сделали актуальным видение гражданской войны и проекта КША К. Виллмоттом, так как вынудили американцев воспринимать Конфедерацию как «антидемократическое централизованное, репрессивное государство, приверженное идее белого превосходства» [35]. Более того, в 2020 г. наметились тенденции активизации исторической амнезии в отношении истории гражданской войны. В частности, Ст. МакКарри, профессор истории Колумбийского университета, и вовсе декларировала, что КША «не является частью нашего американского наследия» [35].

Важнейшей особенностью волны памяти о Гражданской войне в США в 2020–2021 гг. стало то, что она практически полностью оказалась локализованной в рамках тех культурных пространств масс-культы и поп-культы, предложенных обществом потребления, а те интеллектуалы, которые приняли участие в обсуждениях, были вынуждены говорить на том же языке, что и общество потребления, апеллируя в большей степени к мифам, нежели к наследию академической историографии.

Результаты. Развитие общества потребления существенно изменило локализации пребывания исторической памяти, вынудив переместиться массовые представления американцев о гражданской войне из классической литературной и кинематографической культуры в культуру более низкую – массовую или популярную в зависимости от ситуации. Культура общества потребления, ограниченная различными формами поп-культы, предлагает ревизионистские версии исторической памяти о войне, которые в одинаковой степени отличны как от академической историографии, так и от альтернативного дискурса восприятия войны, представленного концепцией «безнадежного дела». Внесистемное (неголлиудское) американское кино формирует такие образы гражданской войны, которые содержательно и концептуально пребывают в противоречии с различными интерпретациями академических историков и политических публицистов, поддерживавших южный миф. Моделирование альтернативной исторической реальности, в которой победили КША, одновременно опровергает нарративы академической историографии, предлагая нереализованный исторический сценарий, и лишает смысла аргументы сторонников концепции «безнадежного дела», делая их политически и идеологически мотивированные доводы просто неуместными, так как поп-культ может позиционировать их не в качестве аутсайдеров, но воспринимать как творцов альтернативной версии исторического процесса, где условно развилкой становится именно гражданская война между северными и южными штатами.

Общество потребления актуализирует такой образ памяти о войне, который альтернативен и в отношении современной культуре политической корректности, активно продвигаемой в США как интеллектуалами, так и политическими активистами. Позиционирование средствами поп-культы, как универсального инструмента общества потребления для формирования собственной идентичности, и «воображение» / «изобретение» КША в качестве возможной исторической альтернативы США ставит под сомнение принципы культуры толерантности, активно внедряемой в современное американское общество. В этой ситуации примечательно и то, что источни-

ком такого альтернативного восприятия истории гражданской войны стали не сторонники южного сепаратизма и культурного национализма, но сами представители афроамериканского сообщества, редуцирующие историческую травму рабства до уровня политической сатиры.

В целом представители культурных и интеллектуальных элит общества потребления подвергают в одинаковой степени деконструкции свои собственные фобии и южный миф, становящийся для них не только объектом политической сатиры и идеологической критики. В этой ситуации южные образы в культуре общества потребления стали частью многочисленных интеллектуальных и культурных практик, направленных на деконструкцию прошлого и истории в их позитивистском понимании, что ведет к ассимиляции образов гражданской войны обществом потребления, которое начинает позиционировать свои формы работы с прошлым при помощи массовой и популярной культур как вполне легитимные версии функционирования исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акудовіч, А. Навука і стратэгіі працы з мінулым / А. Акудовіч, А. Казакевіч // Палітычная сфера. – 2006. – № 6. – С. 44–48.
2. Алентьева, Т. В. Мифы гражданской войны в США / Т. В. Алентьева // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов IV Междунар. науч. междисциплинар. конф. (июнь 2020 г., г. Севастополь) / под ред. А. В. Ставицкого. – Севастополь : Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2020. – С. 352–360.
3. Иванов, Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США / Р. Ф. Иванов. – М. : Эксмо, 2004. – 456 с.
4. Кирчанов, М. В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США / М. В. Кирчанов // США и Канада. – 2017. – № 12. – С. 63–75.
5. Кондаков, И. Русский масскульт: от барокко к постмодерну / И. Кондаков. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 544 с.
6. Копосов, Н. Исторические понятия в мире без будущего / Н. Копосов // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 57–93.

7. Кром, М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси; смена веж и новые ориентиры / М. Кром // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 94–125.
8. Курилла, И. И. Политика памяти: вариант США / И. И. Курилла // Известия Алтайского государственного университета. – 2020. – № 6. – С. 29–34.
9. Куропятник, Г. П. Гражданская война в Северной Америке. 1861–1865 / Г. П. Куропятник. – М. : Наука, 2009. – 354 с.
10. Согрин, В. В. Гражданская война и реконструкция в США. Современное прочтение / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 21–42.
11. Травкина, Н. М. Ожившая история США: гражданская война памятников / Н. М. Травкина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – № 2. – С. 12–29.
12. Цветков, И. А. Профессия историка в США в эпоху Дональда Трампа / И. А. Цветков // Американский ежегодник – 2020. – М. : ИВИ РАН, 2020. – С. 295–309.
13. Berardinelli, J. C.S.A.: The Confederate States of America (United States, 2004) / J. Berardinelli // Reel Views. – 2018. – January 31. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.reelviews.net/reelviews/c-s-a-the-confederate-states-of-america> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.
14. Bisson, T. Fire on the Mountain / T. Bisson. – SF. – LA. : PM Press, 1988. – 208 p.
15. Blight, D. Race and Reunion: The Civil War in American Memory / D. Blight. – L. ; N. Y. : Belknap Press, 2002. – 528 p.
16. Bonekemper, E. H. The Myth of the Lost Cause / E. Bonekemper. – N. Y. : Regnery History Publisher, 2015. – 352 p.
17. Brody, R. “C.S.A.: The Confederate States of America,” a Faux Documentary That Skewers Real White Supremacy / R. Brody // The New Yorker. – 2017. – February 15. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.newyorker.com/culture/richard-brody/c-s-a-the-confederate-states-of-america-a-faux-documentary-that-skewers-real-white-supremacy> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.
18. Brown E.F. Margaret Mitchell’s Gone With the Wind: A Bestseller’s Odyssey from Atlanta to Hollywood / E.F. Brown, J. Wiley. – N. Y. : Taylor Trade Publishing, 2011. – 432 p.
19. Buying and Selling Civil War Memory in Gilded Age America / ed. J. Marten. – University of Georgia Press, 2021. – 286 p.
20. C.S.A.: The Confederate States of America / Director: Kevin Willmott ; Writer: Kevin Willmott. – Production Co: Hodcarrier Films. – Runtime: 89 min.
21. Cook, R. Civil War Memories: Contesting the Past in the United States since 1865 / R. Cook. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2017. – 288 p.
22. Davis, J. The rise and fall of the Confederate Government / J. Davis. – N. Y. : D. Appleton and Company, 1881. – 704 p.
23. Domby, A. The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory / A. Domby. – University of Virginia Press, 2020. – 272 p.
24. Entertaining History: The Civil War in Literature, Film, and Song / ed. Ch. Mackowski. – Southern Illinois University Press, 2020. – 271 p.
25. Fahs, A. The Memory of the Civil War in American Culture / A. Fahs. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2004. – 296 p.
26. Gingrich, N. Grant Comes East / N. Gingrich, W. R. Forstchen, A. S. Hanser. – N. Y. : Thomas Dunne Books, 2004. – 404 p.
27. How history textbooks will deal with the US Capitol attack // The Conversation. – 2021. – January 25. – Electronic text data. – Mode of access: <https://theconversation.com/how-history-textbooks-will-deal-with-the-us-capitol-attack-153112> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.
28. Lamphier, P. A. The Civil War on Film / P. A. Lamphier, R. Welch. – N. Y. : ABC-Clio, 2020. – 182 p.
29. LaSalle, M. What if the South had won the Civil War? / M. LaSalle // SF Gate. – 2006. – February 24. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.sfgate.com/movies/article/What-if-the-South-had-won-the-Civil-War-2503771.php> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.
30. Loeh, S. The Confederate battle flag, which rioters flew inside the US Capitol, has long been a symbol of white insurrection / S. Loeh // The Conversation. – 2021. – January 14. – Electronic text data. – Mode of access: <https://theconversation.com/the-confederate-battle-flag-which-rioters-flew-inside-the-us-capitol-has-long-been-a-symbol-of-white-insurrection-153071> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.
31. MacKinlay Kantor, B. If the South Had Won the Civil War / B. MacKinlay Kantor. – N. Y. : Forge Books, 2001. – 128 p.
32. Marshall, A. E. Creating a Confederate Kentucky: The Lost Cause and Civil War Memory in a Border State / A. E. Marshall. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2013. – 256 p.
33. Maurantonio, N. Confederate Exceptionalism / N. Maurantonio. – University Press of Kansas, 2019. – 256 p.
34. McCarthy, T. C.S.A.: The Confederate States of America / T. McCarthy // Variety. – 2004. – March 9. – Electronic text data. – Mode of access: <https://variety.com/2004/film/reviews/c-s-a-the-confederate->

states-of-america-1200534602/ (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.

35. McCurry, St. The Confederacy Was an Antidemocratic, Centralized State / St. McCurry // The Atlantic. – 2020. – June 21. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/06/confederacy-wasnt-what-you-think/613309/> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.

36. McPherson, J. Revisionist Historians / J. McPherson // Perspectives on History. – 2003. – Vol. 41, № 6. – P. 1.

37. McPherson, J. The War That Forged a Nation / J. McPherson. – Oxford University Press, 2017. – 240 p.

38. Moore, W. Bring the Jubilee / W. Moore. – N. Y. : Ballantine Books, 1953. – 243 p.

39. Murray, N. CSA: The Confederate States of America / N. Murray // AV Club. – 2006. – February 21. – Electronic text data. – Mode of access: <https://film.avclub.com/csa-the-confederate-states-of-america-1798201512> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.

40. Pollard, S. The lost cause / S. Pollard. – N. Y. : E.B. Treat, 1866. – 772 p.

41. Rogers, S. West Point History of the Civil War / S. Rogers. – N. Y. : Simon & Schuster, 2014. – 448 p.

42. Rosenfeld, G. In defense of HBO's counterfactual 'Confederate' / G. Rosenfeld // The Conversation. – 2017. – September 6. – Electronic text data. – Mode of access: <https://theconversation.com/in-defense-of-hbos-counterfactual-confederate-83483> (date of access: 30.03.2021). – Title from screen.

43. Skimin, R. Gray Victory / R. Skimin. – N. Y. : St. Martin's Press, 1988. – 378 p.

44. Staley, D. J. Historical Imagination / D. J. Staley. – L. ; N. Y. : Routledge, 2020. – 160 p.

45. Teague, A. Why is the Confederate flag so offensive? / A. Teague // The Conversation. – 2020. – July 24. – Electronic text data. – Mode of access: <https://theconversation.com/why-is-the-confederate-flag-so-offensive-143256>. – Title from screen.

46. The Civil War: A Visual History. – L. ; N. Y. : DK Publisher, 2015. – 384 p.

47. Turtledove, H. How Few Remain / H. Turtledove. – N. Y. : Ballantine Books, 1997. – 608 p.

48. Ward, G. The Civil War: An Illustrated History / G. Ward. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 1990. – 448 p.

REFERENCES

1. Akudovich A., Kazakievich A. Navuka i strategii pracy z minulym [Science and Strategies of Working with the Past]. *Palitunaja sfera* [Political Sphere], 2006, no. 6, pp. 44-48.

2. Alent'yeva T.V. Mify grazhdanskoy voyny v SShA [Myths of the Civil War in the United States].

Mif v istorii, politike, kul'ture: sb. materialov IV Mezhdunar. nauch. mezhdistsiplinar. konf. [Myth in History, Politics, Culture. Proceedings of the 4th International Scientific Interdisciplinary Conference]. Sevastopol', Filial MGU im. M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2020, pp. 352-360.

3. Ivanov R.F. *Avraam Linkol'n i grazhdanskaya voyna v SShA* [Abraham Lincoln and the American Civil War]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 456 p.

4. Kirchanov M.V. Istoricheskaya politika, politika pamyati i voyna s pamyatnikami v SShA [Historical Politics, Politics of Memory and War on Monuments in the USA]. *SShA i Kanada* [USA and Canada], 2017, no. 12, pp. 63-75.

5. Kondakov I. *Russkiy masskul't: ot barokko k postmodernu* [Russian Mass Culture: From Baroque to Postmodernism]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 544 p.

6. Kopusov N. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical Concepts in a World Without a Future]. Garreta G., Dyufu G., Pimenova L., eds. *Kak my pishem istoriyu* [How We Write History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 57-93.

7. Krom M. Ispol'zovaniye ponyatiy v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoy Rusi: smena vekh i novyye oriyentiry [The Use of Concepts in Research on the History of Pre-Petrine Russia: A Change of Landmarks and New Guidelines]. Garreta G., Dyufu G., Pimenova L., eds. *Kak my pishem istoriyu* [How We Write History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 94-125.

8. Kurilla I.I. Politika pamyati: variant SShA [Politics of Memory: The US Option]. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2020, no. 6, pp. 29-34.

9. Kuropyatnik G.P. *Grazhdanskaya voyna v Severnoy Amerike. 1861–1865* [Civil War in North America. 1861–1865]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 354 p.

10. Sogrin V.V. *Grazhdanskaya voyna i rekonstruktsiya v SShA. Sovremennoye prochteniyе* [American Civil War and Reconstruction. Modern Reading]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2010, no. 1, pp. 21-42.

11. Travkina N.M. Ozhivshaya istoriya SShA: grazhdanskaya voyna pamyatnikov [Revived History of the United States: Civil War of Monuments]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2018, no. 2, pp. 12-29.

12. Tsvetkov I.A. Professiya istorika v SShA v epokhu Donal'da Trampa [The Profession of a Historian in the United States in the Era of Donald Trump]. *Amerikanskiy yezhegodnik – 2020* [American Yearbook – 2020]. Moscow, IVIRAN, 2020, pp. 295-309.

13. Berardinelli J. C.S.A.: The Confederate States of America (United States, 2004). *Reel Views*, 2018, January 31. URL: <https://www.reelviews.net/reelviews/>

c-s-a-the-confederate-states-of-america (accessed 30 March 2021).

14. Bisson T. *Fire on the Mountain*. SF., LA., PM Press, 1988. 208 p.

15. Blight D. *Race and Reunion: The Civil War in American Memory*. London, New York, Belknap Press, 2002. 528 p.

16. Bonekemper E.H. *The Myth of the Lost Cause*. New York, Regnery History Publisher, 2015. 352 p.

17. Brody R. "C.S.A.: The Confederate States of America," a Faux Documentary that Skewers Real White Supremacy. *The New Yorker*, 2017, February 15. URL: <https://www.newyorker.com/culture/richard-brody/c-s-a-the-confederate-states-of-america-a-faux-documentary-that-skewers-real-white-supremacy> (accessed 30 March 2021).

18. Brown E.F., Wiley J. *Margaret Mitchell's Gone with the Wind: A Bestseller's Odyssey from Atlanta to Hollywood*. New York, Taylor Trade Publishing, 2011. 432 p.

19. Marten J. ed. *Buying and Selling Civil War Memory in Gilded Age America*. University of Georgia Press, 2021. 286 p.

20. *C.S.A.: The Confederate States of America*. Director: Kevin Willmott. Writer: Kevin Willmott. Production Co: Hodcarrier Films. Runtime: 89 min.

21. Cook R. *Civil War Memories: Contesting the Past in the United States Since 1865*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2017. 288 p.

22. Davis J. *The Rise and Fall of the Confederate Government*. New York, D. Appleton and Company, 1881. 704 p.

23. Domby A.H. *The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory*. University of Virginia Press, 2020. 272 p.

24. Mackowski Ch., ed. *Entertaining History: The Civil War in Literature, Film, and Song*. Southern Illinois University Press, 2020. 271 p.

25. Fahs A. *The Memory of the Civil War in American Culture*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2004. 296 p.

26. Gingrich N., Forstchen W.R., Hanser A.S. *Grant Comes East*. New York, Thomas Dunne Books, 2004. 404 p.

27. How History Textbooks Will Deal with the US Capitol Attack. *The Conversation*, 2021, January 25. URL: <https://theconversation.com/how-history-textbooks-will-deal-with-the-us-capitol-attack-153112> (accessed 30 March 2021).

28. Lamphier P.A., Welch R. *The Civil War on Film*. New York, ABC-Clio, 2020. 182 p.

29. LaSalle M. What if the South Had Won the Civil War? *SF Gate*, 2006, February 24. URL: <https://www.sfgate.com/movies/article/What-if-the-South-had-won-the-Civil-War-2503771.php> (accessed 30 March 2021).

30. Loeh S. The Confederate Battle Flag, Which Rioters Flew Inside the US Capitol, Has Long Been a

Symbol of White Insurrection. *The Conversation*, 2021, January 14. URL: <https://theconversation.com/the-confederate-battle-flag-which-rioters-flew-inside-the-us-capitol-has-long-been-a-symbol-of-white-insurrection-153071> (accessed 30 March 2021).

31. MacKinlay Kantor B. *If the South Had Won the Civil War*. New York, Forge Books, 2001. 128 p.

32. Marshall A.E. *Creating a Confederate Kentucky: The Lost Cause and Civil War Memory in a Border State*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2013. 256 p.

33. Maurantonio N. *Confederate Exceptionalism*. University Press of Kansas, 2019. 256 p.

34. McCarthy T. C.S.A.: The Confederate States of America. *Variety*, 2004, March 9. URL: <https://variety.com/2004/film/reviews/c-s-a-the-confederate-states-of-america-1200534602> (accessed 30 March 2021).

35. McCurry St. The Confederacy Was an Antidemocratic, Centralized State. *The Atlantic*, 2020, June 21. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/06/confederacy-wasnt-what-you-think/613309> (accessed 30 March 2021).

36. McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no. 6, p. 1.

37. McPherson J.M. *The War that Forged a Nation*. Oxford University Press, 2017. 240 p.

38. Moore W. *Bring the Jubilee*. New York, Ballantine Books, 1953. 243 p.

39. Murray N. CSA: The Confederate States of America. *AV Club*, 2006, February 21. URL: <https://film.avclub.com/csa-the-confederate-states-of-america-1798201512> (accessed 30 March 2021).

40. Pollard S. *The Lost Cause*. New York, E.B. Treat, 1866. 772 p.

41. Rogers S. *West Point History of the Civil War*. New York, Simon & Schuster, 2014. 448 p.

42. Rosenfeld G. In Defense of HBO's Counterfactual 'Confederate'. *The Conversation*, 2017, September 6. URL: <https://theconversation.com/in-defense-of-hbos-counterfactual-confederate-83483> (accessed 30 March 2021).

43. Skimin R. *Gray Victory*. New York, St. Martin's Press, 1988. 378 p.

44. Staley D.J. *Historical Imagination*. London, New York, Routledge, 2020. 160 p.

45. Teague A. Why is the Confederate Flag so Offensive? *The Conversation*, 2020, July 24. URL: <https://theconversation.com/why-is-the-confederate-flag-so-offensive-143256>.

46. *The Civil War: A Visual History*. London, New York, DK Publisher, 2015. 384 p.

47. Turtledove H. *How Few Remain*. New York, Ballantine Books, 1997. 608 p.

48. Ward G. *The Civil War: An Illustrated History*. New York, Alfred A. Knopf, 1990. 448 p.

Information About the Author

Maksim W. Kyrchanov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chair of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Voronezh State University, Pushkinskaya St, 16, 394000 Voronezh, Russian Federation, maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Информация об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Воронежский государственный университет, ул. Пушкинская, 16, 394000 г. Воронеж, Российская Федерация, maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.4>

UDC 94(73)“1919/1920”:327
LBC 63.3(7Coe)6-64

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 26.01.2022

THE USA'S IMPACT IN SOLVING BORDER DISPUTES IN THE TRANSCAUCASIA IN 1919–1920

Ekaterina V. Arkhipova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Transcaucasian states waged war with each other and desperately wanted to find some disinterested party to resolve their territorial disputes in 1918–1921. The territory was first occupied by the countries of the Triple Alliance, then by the Entente countries, and each of them contributed to the formation or resolution of territorial disputes. *Methods and materials.* Based on the historical-systemic and historical-genetic approaches, the author determines which territorial changes were proposed in the region by representatives of the United States and why. The documents collected in the State Archive of the Republic of Azerbaijan, the Archive of Political Documents of the Office of the President of the Republic of Azerbaijan, and the National Archive of Armenia were involved for analysis. *Analysis.* The influence of the United States on the solution of territorial issues was determined by the general approach to the territory as passing into a mandate state. During the discussion of this issue, the understanding of the American representatives about the borders of this zone expanded first from Armenia in a general sense to Transcaucasia, and then narrowed to the borders of Turkish Armenia, which brought them back to the issue of the borders of the Republic of Armenia. At the same time, representatives working in the region proposed a plan for interstate disengagement, different from the British plan, and tried to introduce a governor-general in the disputed territory. *Results.* The remoteness from the region, the presence of a single channel of information about it through the Armenian Diaspora in the United States affected the narrow perception of the situation in the region by American representatives. The issue of the adoption of a mandate over Armenia or Transcaucasia and Armenia somehow got connected with the issue of costs for its effective implementation. The failed attempt to create an American governor-general in the disputed territories recorded a lack of understanding of the situation in the region and the possibilities of its control and provoked more conflicts between Armenians and Azerbaijani.

Key words: USA, Transcaucasia, American General Government, Nakhichevan, Karabakh, border disputes, boundary.

Citation. Arkhipova E. V. The USA's Impact in Solving Border Disputes in the Transcaucasia in 1919–1920. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 45-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.4>

УДК 94(73)“1919/1920”:327
ББК 63.3(7Coe)6-64

Дата поступления статьи: 11.01.2022
Дата принятия статьи: 26.01.2022

ВКЛАД США В УРЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1919–1920 ГОДАХ

Екатерина Владимировна Архипова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В 1918–1921 гг. государства Закавказья вели войну друг с другом и отчаянно желали найти некую незаинтересованную сторону для решения их территориальных споров. Территория была занята сначала странами Тройственного союза, а затем странами Антанты, и каждая из них вносила свой вклад в формирование или решение территориальных споров. *Методы и материалы.* На основе историко-системного и историко-генетического подходов автор определяет, какие территориальные изменения были предложены в регионе представителями США и почему. Для анализа были привлечены документы, сосредоточенные в Государственном архиве Азербайджанской Республики, Архиве политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики, Национальном архиве Армении. *Анализ.* Влияние США на решение территориальных вопросов определялось общим подходом к территории как переходящей в подмандатное состояние. Долгое время решался вопрос о мандатарии и содержании самой территории. В ходе обсуждения данного вопроса понимание американских представителей о границах этой зоны расширилось сначала от Армении в общем смысле к Закавказью, а затем сузилось до границ Турецкой Армении, что вернуло их к вопросу о границах Республики Армения. В то же время работающие в регионе представители предложили план межгосударственного размежевания, отличающийся от британского плана, и попытались внедрить генерал-губернаторство на спорной территории. *Результаты.* Удаленность от региона, наличие одного канала информации о нем через армянскую диаспору в США – все это повлияло на узость восприятия американскими представителями ситуации в регионе. Вопрос принятия мандата над Арменией или Закавказьем и Арменией так или иначе получил связь с вопросом о затратах для его эффективного осуществления. Провалившаяся попытка создания американского генерал-губернаторства на спорных территориях фиксировала отсутствие понимания ситуации в регионе и возможностей ее контроля.

Ключевые слова: США, Закавказье, американское генерал-губернаторство, Нахичевань, Карабах, пограничные споры, граница.

Цитирование. Архипова Е. В. Вклад США в урегулирование территориальных споров в Закавказье в 1919–1920 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 45–57. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.4>

Introduction. The territorial disputes for the new states of Transcaucasia in 1917–1922 played the role of a stumbling block, which, on the one hand, led to the recognition of their originality, on the other hand, led to a collapse of their Confederation. During all the period of their independence, the three states were involved in wars with each other and were desperate to find some disinterested party who could find a solution to their territorial disputes and enforce it. Since Transcaucasia became one of the fronts of World War I it was consistently influenced first by Germany and the Ottoman Empire, then by France and Great Britain, Italy, later by the United States, until finally the Soviet Russia absorbed it. Meeting the wishes of the regional allies, all representatives of the European powers, with the exception of Italy, which simply did not have time, took part in territorial disputes, offering their own version of the best arrangement. And, finally, the United States whose president announced 14 points that spoke about the interests of specific peoples came to the area. All the Caucasian governors pinned high hopes on a fair solution to territorial disputes, which an uninterested power could offer.

Methods and Materials. B.E. Stein wrote a classical soviet work devoted to the question of intervention to the past Russian Empire [25]. Azerbaijan politician and diplomat R. Vekilov in 1919 published his essay devoted to the first political actions of the Azerbaijan Republic [30]. Georgian diplomat, historian and lawyer Z.D. Avalov in his work published in Paris in 1924 thought over the Georgian expectations and their failure [10]. Another former Georgian politician N. Zhordanija later in Stanford published his memoirs criticized the British policy in the area [32].

The Soviet researchers preferred not to consider the period of the Transcaucasia independence and if they had to cover the issue, used to describe contemptuously the area governments as the “men’sheviks” or “national movements”, as one social movements not recognized by all the inhabitants. In spite of the fact that the Georgian Democratic Republic and the Soviet Russia on May 7, 1920, signed the agreement.

The issue of independent development becomes especially relevant for the countries of the South Caucasus after 1991. Scientific directions

have developed to prove the independence of state entities of that period, defending territorial claims, revealing the problem of implementing foreign policy as one of the signs of independent statehood. It is necessary to mention the school of I. Aliyev in Azerbaijan, among its representatives we will name Dzh.P. Gasanly, S.I. Aliyeva, S.O. Mustafayeva [1; 2; 12; 18–20]. The problematic field of works of Armenian researchers is concentrated around the same issues. G. Petrosjan presents the Armenian position during this period [22]. Researcher G.G. Makhmurjan devoted a series of works to the issues of British and American participation in foreign policy in the Caucasus and, in general, to the peculiarities of regional interaction [13–15]. She did a great job of collecting archival documents in the UK, USA, Armenia, as a result of which, in 2012, a collection of documents from the State Department was published, revealing US policy in the Caucasus in the period from 1917 to 1920 [9].

Among Russian researchers, we note the work of V.M. Mukhanov on the formation of statehood in Georgia, its foreign policy [17]. A great contribution to the study of issues of international interference in the process of state building in the Caucasian republics was made by the Russian researcher K.R. Ambartsumjan [3–5; 31]. The question of the participation of great powers in resolving the territorial issue was partly covered in these publications. In the works of E.V. Arkhipova, the influence of the Ottoman Empire and Great Britain on the process of forming the state borders of the republics of Transcaucasia is determined [7; 8].

The picture would be incomplete without a definition of US participation in resolving the territorial issues of Transcaucasia. Therefore, the author of this article turned to diplomatic notes, clerical documents, correspondence of officials, draft resolutions, concentrated in the State Archives of the Republic of Azerbaijan, the Archive of Political Documents of the Office of the President of the Republic of Azerbaijan, the National Archives of Armenia.

The article was written based on the principle of historicism, which implies taking into account specific historical conditions when making decisions by officials. The historical-systemic approach indicates the need to take into account the entire range of relationships that have

developed between the states in the region in a particular period. The historical-genetic method made it possible to determine the evolution of the views of American leaders regarding interference in the affairs of the outskirts of the Russian Empire, means of control over the Transcaucasus and the definition of borders in the region.

Analysis. Ch. Seymour, the editor of Colonel House's Archives, insists that the need for American intervention in the former Russian Empire territory had long been a subject of doubt and debate among military and civilian officials in USA [6, vol. 1, p. 10, 16, 20]. At first the presidential adviser considering the issue of the post-war structure, spoke in favor of transferring to Russia "spheres of influence in Armenia and the northern part of Asia Minor" [6, vol. 2, p. 32–35]. In November 1918, when the American press took up arms against Russia, House warned that such a policy would throw Russia "into the arms of Germany" and expose the eastern front, while, apparently, he was not aware of the processes that were going on in the warring countries [6, vol. 2, p. 179]. The signing of the Brest-Litovsk Treaty was the reason for House to make a positive decision on the issue of intervention in Russia to support the forces of resistance to the Germans and especially Turks in Armenia [6, vol. 2, p. 248, 251]. In May 1918, House informed President Wilson that "the British could also help the Russian forces in the Transcaucasus if it were possible to establish a connection through Persia, which would probably depend mainly on cooperation with the Bolsheviks..." [6, vol. 2, p. 264]. Then, with the consent of the Americans, the Caspian campaign of Dunsterville begins [7, p. 216]. C. Seymour himself did not appreciate the results of the intervention either from the point of view of victory over Germany, or from the point of view of relations with the Bolsheviks [6, vol. 2, p. 276].

In his comments to the 14 points President Wilson developed the idea of ensuring international control over Constantinople and the creation of an independent Armenia [6, vol. 2, p. 438]. In relation to other de facto governments established on the territory of the former Russian Empire, the position of the President assumed: "de facto recognition of the governments of small states that broke away from Russia proper, provided that they convene national assemblies

to create de jure governments; the Brest-Litovsk Treaty must be cancelled...” [6, vol. 2, p. 438]. Expecting that the peace conference in Paris should establish the boundaries of new states on the territory of the former Russian Empire, Wilson specifically noted that “as far as possible, these boundaries should be determined on an ethnographic basis, but in all cases it is necessary to stipulate the right of unhindered economic transit” [6, vol. 2, p. 473]. Considering Turkish Armenia he stated: “Armenia should be given a port on the Mediterranean Sea under the protectorate of some power” [6, vol. 2, p. 479].

One may ask about the information sources used by the President to receive any news about events in the region. The American Committee for Relief in the Near East, as a charitable foundation being part of the Hoover food scheme, ensured the supply of food, medical equipment, attracted specialists of various profiles to the countries as well worked with the population of the Transcaucasus and the Near East and served the main information channel [9, p. 35]. The Red Cross as well as the Armenian society in the USA was the next channel of information. In documents we can also find the State Department employees with Armenian surnames. By the way they were involved into work in the US military and political missions in the Near East and the Caucasus. Thus, the candidacy of L. Dominyan was considered for compiling the mission of G. King and C. Crane to Turkey, but later it was decided to return him to the USA from France [9, p. 82]. The mission of General J. Harbord, which went to the Caucasus in September 1919, included Major G. Shekerdzhyan, “who has traveled a lot in the Transcaucasus in recent months”, an employee of the US High Commissioner in Constantinople G.K. Keropyan; Private T. Seridzhanyan, senior lieutenant of engineering troops A. Khachaturyan, sergeant A. Kojasar, sergeant T. Oganesyanyan [9, p. 123, 229, 304–305]. At the same time, representatives of the Azerbaijani government were not allowed to attend the Peace Conference for a long time, being detained in Constantinople [29, p. 7], that was the reason they had no opportunity to inform the Entente countries about Azerbaijan understanding of regional processes. W. Wilson in his speech in May 1919 draw attention to this injustice, which indicates a deeper acquaintance with the situation.

According to the opinion of the allies, Transcaucasus should have been allocated to a certain mandated territory, that is, controlled by some European power. In this regard, it is interesting to dwell on the evolution of the concept of “mandate” used in relation to the national outskirts of the Russian Empire. The evolution of the term can be traced in the correspondence between House and Wilson [6, vol. 2, p. 538–539], where we see the concepts of “sphere of influence”, “mandate” were mixed, and later the term “mandate” was preferred. For the first time, House explained the European understanding of the term “sphere of influence” to the president on April 28, 1917, after a conversation with British Foreign Secretary A.J. Balfour: “the words imply permanent occupation or suggest that each nation has the exclusive right to develop all resources within its sphere; it was by no means clearly expressed” [6, vol. 2, p. 35]. Offering the United States to join the policy of intervention in Siberia, A.J. Balfour in January 1918 used the term “mandate” [6, vol. 2, p. 250]. In October 1918, discussing with W. Wilson comments on 14 points and, in particular, explaining the 5th point, E. House pointed out the meaning of the term “mandate”: “a colonial power does not act as the owner of its colonies, but as a guardian over the natives in the interests of the community of nations...” [6, vol. 2, p. 436, 472]. W. Wilson at the meeting of the Council of Ten on January 27, 1919 in Paris also emphasized that “the mandate essence is directed against further annexations. ...We must develop countries for the benefit of their inhabitants...” [9, p. 46]. But G. Hoover, during the work of the American peace delegation on July 1, 1919, frankly said that taking on a mandate over Armenia alone – “the almshouse of Europe” – is too costly, it is more expedient to combine it with a mandate over Mesopotamia [9, p. 142]. The United States went to the Caucasus for a mandate over Armenia, but got bogged down in clarifying what “Armenia” was: whether it was only Turkish Armenia, or Turkish together with Caucasian Armenia, and where then to draw borders both between them and with their neighbors.

We should note during the Paris Conference in June 1919 Turkish and Russian Armenians discovered a divergence of views on their future: the Turkish preferred the United States would receive a mandate over both parts of Armenia,

while the Russians demanded recognition of independence [9, p. 129]. Over time, they had to announce the creation of a joint delegation.

From October 1918 Allied troops began to arrive in Transcaucasia under the “mandate” umbrella [7, p. 216]. At the same time, the United States was offered mandates over Constantinople and Armenia (Turkish) [6, vol. 2, p. 602]. Playing on the contradictions between the national governments of Transcaucasia, the British were never able to establish full control over the region. The expectation to use local natural resources, at least for reimbursement of costs, was not justified. D. Lloyd George, speaking on January 28, 1919 at a meeting of the Council of Ten, noted: “For example, British units occupied Russian Armenia and Syria. We do not want to be there, but someone must have been there... Sooner or later these troops will have to leave, but they cannot do this without knowing who will take their place” [9, p. 52]. In May, at a meeting of the Council of Four, he noted: “The Caucasus is very rich, but it takes a lot of work to look after it, and the British Empire cannot accept this additional responsibility” [9, p. 93]. As early as May 21, 1919, D. Lloyd George noted at a meeting of the Council of Four: “I think the United States needs to control the Caucasus. Now the British control it, but we are not able to stay there” [9, p. 115]. J. Clemenceau resisted him. Soviet researcher B.E. Stein in his work considered the contradictions of the Allies on the issue of control over the outskirts of the Russian Empire [25], so we will not dwell on them. In June 1919, Great Britain announced the withdrawal of its troops from the territory of the Caucasus. A full-fledged evacuation, originally scheduled for July 15, was later postponed to August 15. Still English business retained its presence in the fields of Baku, which created difficulties for the subsequent mandate holder. Italian Prime Minister V.E. Orlando announced his readiness to take the vacant seat. An expedition of Gen. Penello was expected to start moving to the area. The Allies directly accused the Italians of inciting the Turks to “continue their policy of oppression and massacre” (D. Lloyd George’s speech at a meeting of the Council of Four, May 2, 1919) [9, p. 89]. But already in the second decade of June 1919, a change of government took place in Italy and the new Prime Minister F.S. Nitti withdrew

all troops from the Caucasus. In his opinion, Italy did not have sufficient financial and human resources to exercise effective control over a remote territory [16, p. 129–130]. Already on June 27, 1919, H. Hoover wrote to W. Wilson about the need to appoint a commissar to Armenia with the following functions: “supervision and advice on various state affairs throughout Russian and Turkish Armenia... up to determining the political fate of this space”, offering position of Gen. J. Harbord [9, p. 135–136]. From the point of view of the Caucasian governments, the United States was as desirable a guarantor of security as any European country. So, M.-G.D. Gadzhinsky, the representative of the Azerbaijani government at the Armenian-Azerbaijani conference on December 15, 1919, pointed out that “internal agreements are not always observed... Therefore, a strong hand is needed to govern everyone, an international guarantee is needed for the conscientious fulfillment of the obligations assumed” [24, l. 44 back].

In July 1919, the question of who would take over the mandate over the Caucasus was being decided. American Colonel William N. Haskell was appointed a High Commissioner in Armenia according to the Council of Five decision on July 5, 1919. He “takes full responsibility for all measures of assistance in Armenia, various charitable organizations operating there. All representatives of the governments of the United States, Britain, France and Italy in Armenia, Georgia, Azerbaijan and Constantinople should immediately be instructed to cooperate and provide support to Colonel William Haskell” [9, p. 148]. His candidacy was also proposed by the director of the American Relief Administration (ARA) G. Hoover. However, until the middle of the spring of 1920, in Tiflis, in addition to Haskell, there were also representatives of the three powers: J. Wardrop, Ch.-M. de Nonaku, M. Gabbe), who one way or another disavowed the decisions and recommendations of Haskell [14, p. 60]. At a meeting of the American peace delegation in Paris on July 11, it was noted that he was authorized to act as an employee of the State Department, and he was supported only with several officers [9, p. 154]. Mission led by Gen. J. Harbord was supposed to study political and economic problems, the question of the establishment of the Armenian state. The United States did not have

the opportunity to quickly send a full-fledged contingent to the region, as the issue should be approved in Congress.

The delimitation question of mandated territories, based on the notion that the territories themselves came under consideration by Tribunal of the League of Nations. Therefore, the newly formed governments on the territory of Transcaucasia wrote dispatches to the League, sent delegations with their ideas about the best territorial demarcation. Separately, the issue of borders was raised at a meeting of the American delegation at the Paris Peace Conference on March 13, 1919. Then the president of the American Geographical Society, proving the ethnic boundaries as the base for state borders I. Buman proposed to consider “the border between Armenia and Georgia, ethnic issues”, but US Secretary of State R. Lansing offered to study the question in more detail, and send a mission of field observers to the region [9, p. 72–73]. Speaking at a meeting of the American Peace Delegation on July 2, 1919, H. Hoover recommended: “The United States should not take any action in Armenia without a complete and very thorough study of the geographical boundaries that will be given to this country, due to the enormous economic importance of these boundaries” [9, p. 143–144].

The need for an urgent solution to the territorial issue of the Armenian Republic was noted in the urgent telegram No. 3513 of the US Vice-Consul in Tiflis H.O. Doolittle addressed to the head of the American mission in Paris F. Polk, the director of the military intelligence department, Major R. Tylers, Secretary of State R. Lansing, G. Hoover, G. Morgenthau July 23, 1919, when the withdrawal of British troops from the Caucasus was already being completed. “Karabakh and Zangezur officially subordinated by the British to the Azerbaijani government, as well as Nakhichevan, Kagyzvan and Sarikamysh officially appointed by the British to the Armenian government” were indicated as the most conflict territories [9, p. 166].

On July 24, 1919, the head of the ARA in the Caucasus, Major J. Green, noted in his telegram to Director G. Hoover about the difficulties: food aid supply to the Armenians was blocked because of the occupation of Karabakh and Zangezur by the “Turks and Tatars”

(Azerbaijanis) forces [9, p. 169]. This situation implied that the division of territories proposed earlier by the British was never carried out. Secretary of State R. Lansing tried to convince the British to delay the withdrawal due to fears of massacre between the locals. Information about the clashes in July 1919 came to the American representatives from survivors of the American hospital in Nakhichevan. The New York Herald wrote about this emotionally on August 9, 1919 [9, p. 179–181; 26].

Understanding that a delay could not be achieved, and it was impossible to send any contingent to the Caucasus with no approval by the US Congress, already on August 12, R. Lansing recommended to the chairman of the American Committee for the Independence of Armenia, J.W. Gerard, not to send food and military supplies to Armenia, because they would be stolen while being transported through Georgian territory, the probability of their arrival to the Armenians would encourage the Turks and Tatars to attack more violent [9, p. 186–187, 195].

At the same time, the governments of the Transcaucasian republics were confident that the United States military forces would arrive in the region. On August 21, W. Haskell made a statement in Erivan that he was collecting information about the situation in the Caucasus and that General Harbord was expected to arrive to determine the required number of troops, and the issue of the Armenian mandate itself was to be resolved in the near future [9, p. 193–194].

On August 27 1919 W. Haskell visiting Tiflis turned to the chairman of the Peace Conference, J. Clemenceau, with a request to send troops to prevent the massacre [9, p. 200]. On August 29, J. Clemenceau declared his readiness to send 12,000 men of all military branches [9, p. 226]. However, the expedition could not begin until September 10, with a landing point in Cilicia, which significantly postponed the date of its arrival in the Caucasus.

The heads of the American section of the international commission on mandates in Turkey, G. King and C. Crane, considering the issue of Turkish Armenia and its borders not only with internal Turkey, but also with Transcaucasia, reported in Paris on August 28 that “the territory of the state of Armenia is not defined, the Armenians were not widely represented in any

of the lands to be given to them...; the establishment of the Armenian state will be, in a certain sense, a punishment for the Turkish people...” [9, p. 203]. Developing the idea about the territory of Armenia he recommended: “to take both from Turkish and Russian territory” [9, p. 208]. At the same time, it was noted that Armenians represent a small minority in the space from the Black to the Mediterranean Sea, and the provision of control to them will be carried out contrary to the “Wilsonian principles” [9, p. 209]. The concept of “historical Armenia” in this report is formulated in the following terms: “reduced to the Armenian Highlands, located jointly in Turkey and Russia and having access to the Black Sea [through Batum], would have a good chance of establishment and longevity. The Turkish area, governed by Russia in 1917, can be roughly taken as the Turkish part of this “lesser Armenia”, and the current territory of Russian Armenia as the rest” [9, p. 210]. Based on these arguments he proposed the mandate should be formed only over the Armenian state completely separated from Turkey within the borders described above, which would allow at least a little closer to the ethnic principles of defining borders.

The Government of the Republic of Armenia on October 1, 1919, handed over to the military mission of J. Harbord documents substantiating the territory of Armenia basing on the British command orders to determine the borders, the protests of the local population [9, p. 246–247]. Thus, the British distribution of territories seemed unfair in Armenia in the part of Karabakh was nevertheless regarded as legitimate.

J. Harbord in his telegram to the head of the American mission in Paris, F. Polk, on October 6, was reporting W. Haskell approved the border between Armenia and Azerbaijan previously fixed by the British and was giving a description of the borderline: “[Azerbaijan], although formally, is at peace with Armenia, carries out military operations near the Persian border in the area of Nakhichevan and Sharur, where a small ledge with Armenian villages separates two groups of the Tatar population, and through which Azerbaijan hopes to build an all-Islamic railway to Turkey” [9, p. 258]. J. Harbord also supported W. Haskell’ idea offered on September 1 to define a neutral zone as the locals were in constant clashes.

According to the offer Karabakh and Zangezur were recognized as parts of Azerbaijan. The neutral zone covered the Nakhichevan and Sharuro-Daralagez area [9, p. 260, 302–303], W. Haskell proposed to organize its administration following the example of the British General Government in Batum.

The Azerbaijani researchers now describe the neutral area as the “American Governor General” [12; 18]. Azerbaijani researcher S. Mustafayeva states, W. Haskell made this decision following the lead of the Armenian government [18, p. 24]. Another Azerbaijani author Dzh. Gasanly indicates the strategic importance of the territory, which allowed to the Allies to control not only the Transcaucasus, but the entire Near East [12, p. 391]. We cannot deny the influence of the Armenian representatives on the first decisions of the Americans. However, it should be noted that Haskell could have followed the decision of the British in relation to the Nakhichevan and Sharur-Daralagez districts and forced the local authorities to submit to the Republic of Armenia, but for some reason he did not. The Armenian government could not gain a foothold in this territory. That is, Haskell understood the precariousness of the Armenian influence in the counties. American representatives in their correspondence noted constant inter-ethnic clashes in the neutral zone, with a mixed settlement of Armenians and Azerbaijanis, which cast doubt on the decision of the British. Armenian and Azerbaijani representatives were actively engaged in diplomatic struggle in Paris to justify their rights to these territories. Most likely, having no confidence in any of the warring parties here, Haskell decided to create an American governor general as the government of an external force. As the documents say at the end of September 1919, the Azerbaijani Minister of Foreign Affairs M. Yu. Jafarov wrote to Haskell to confirm the agreement about the American citizen as a governor over these areas in order to avoid new clashes between Armenians and Azerbaijani [28].

As soon as the Denikin’s Volunteer Army occupied Petrovsk and Derbent in May 1919, the Azerbaijani government’s fears about its security from the north intensified. And Haskell took advantage of this fear when, on September 26, in his telegram to the Minister of Foreign Affairs of

Azerbaijan, he informed that he would not negotiate with Denikin on the establishment of a neutral zone between him and Azerbaijan until the Azerbaijani authorities agreed with his proposal for a neutral zone, including the Nakhichevan and Sharur districts [11]. We know from Harbord's letter to the Prime Minister of Azerbaijan N. Usubbekov on October 7, 1919, Azerbaijan agreed with the neutral zone including the Nakhichevan and Sharur districts, although this text of the telegram leaves the impression that this consent was obtained by blackmail: "...unless its [the Azerbaijani people] move forward will be interrupted by difficulties with your neighbors, which will entail the displeasure of the Great Powers" [9, p. 262].

Azerbaijani researcher Dzh. Gasanly states in mid-September, Haskell announced "that Colonel of the US Army Engineering Troops Edmund L. Dalley was appointed governor of Nakhichevan and will take up his duties from October 23" [12, p. 399]. Increasing his pressure in October Haskell promised the Azerbaijani Foreign Minister that if the Azerbaijani government assists in appeasing the Muslim population of the neutral zone of Nakhichevan and Sharur-Daralagez counties, he will apply in Paris for the recognition of the Republic of Azerbaijan. The Azerbaijani government resisted the establishing the neutral zone understanding the possibility that in the future control over the American governor-general would be transferred to Armenia.

Haskell's deputy, Colonel J. Rey, arrived in Nakhichevan on October 24 and announced to the population about the creation of a "zone of union administration under the command of an American governor." [23]. Several American officers arrived in the region in November causing a protest from the population, and later they returned to Erivan. And in January 1920 not a single American was left in the area.

Haskell during his meeting in November 1919 in Paris with the chairman of the Azerbaijani delegation at the Peace Conference A.M. Topchibashev, no longer returned to the issue of the governor-general, while developing the idea of transferring the entire Transcaucasus as a mandated territory to any one state [23].

As for Harbord's mission, it's main task was the question of managing the Transcaucasus. On

October 13, while aboard the Martha Washington, Harbord received several memorandums from his subordinates recommending a device. One of his officers offered while introducing a mandate over the entire territory of Turkey and Transcaucasia, concentrate power in the hands of the "American High Commissioner for the Near East Mandate", avoid the expressions "governor general" or "governor", still transferring him military and civil power; consider the area as politically unified, and "the settlement of border disputes must be subordinated to the more urgent problem of restoring order throughout the space"; not to recognize the independence of the republics, but to allocate a number of administrative districts, including Georgian, Azerbaijani and Armenian, which should include the three provinces of Turkish Armenia, access to the sea and the Republic of Armenia, with the protection of the rights of all living minorities. It is expedient to separate the Batumi region into an administrative unit, subordinate to the Transcaucasian General Commissar, with further resolution of the issue [9, p. 292–296].

As a result of his mission, J. Harbord compiled a detailed report – a mixture of rumors, personal observations, statistics and impressions from negotiations with local governments - which he sent by telegram to Secretary of State R. Lansing from the Martha Washington on October 16. He proposed not to solve the territorial issue while the region is governed by a mandate holder. The need for a single mandate over Transcaucasia and Anatolia, Rumelia and Constantinople was especially emphasized, "so that the borders of the Turkish vilayets of Armenia and Anatolia, as well as the internal borders of Russian Armenia, Georgia and Azerbaijan, remain in their current position" [9, p. 323].

Haskell speaking outside the agenda on December 1, 1919, informed the chairman of the Paris Peace Conference that Armenia and Azerbaijan had signed an agreement with his support (November 23, 1919). According to paragraph 2, the parties agreed to "open the roads to Zangezur for peaceful traffic." The third paragraph indicated that territorial disputes should be "settled by amicable agreement, or, if this fails, will be left to the neutral party for arbitration" [9, p. 352–353]. The activity of Denikin's army is considered here as the reason for the involvement

of Turkish forces by Azerbaijanis, therefore, an urgent request is made to the Peace Conference “to determine the boundaries of Denikin’s activity... The limits recommended for his activity should correspond to those that were previously held by the British” [9, p. 353]. Haskell also voiced a proposal to transfer the entire Transcaucasus under a US mandate. Thus, the United States departed from the original plan only to protect the Armenians in the region, as the officials convinced that it was difficult to secure funding for assistance programs due to territorial disputes, and to resolve them, the current situation demanded to attract troops, which also required funding, which Congress could go to only in the case of understanding the acquired benefits. Thus, Dzh. Gasanly, following the English historian E. Monroe, believes that American industrialists were interested in Baku oil, but their interest was not enough to make decisions. The peace conference confirmed that Haskell could act in Azerbaijan and Georgia only as a representative of the Near East Relief Committee and not interfere in other matters [12, p. 409–411]. Thus, his territorial decisions were disavowed.

US High Commissioner M. Bristol characterizing interethnic relations in the region of Nakhichevan and Zangezur on December 4 sent a telegram to R. Lansing, in which he reported that “Zangezur region is also burdened by British policy, which first subordinated this region to Azerbaijan in February 1919, and then, when the British began to evacuate, their policy changed and the local Armenian council was allowed to govern Zangezur; the final evacuation left this issue unsettled” [9, p. 354]. However, the Armenian researcher G. G. Makhmuryan disputes the very fact of Zangezur subordination to the Azerbaijani government, she draws attention to the fact that V. Thomson’s decision of January 15, 1919 was canceled on January 26, 1919 by the government of the Republic of Armenia, and on February 19, 1919 by the commander of the British forces of Transcaucasia J. Forestier – Walker [9, p. 357].

W. Haskell informed R. Lansing on January 22, 1920, about new Armenian-Azerbaijani clashes in the area to the south of Goris, “not far from Ordubad”, in the valley of the Vakhchi and Gekhi rivers, as a result, the Azerbaijanis fled to Ordubad and Nakhichevan; about the fears of Azerbaijanis

that “Armenia’s goal is to drive out all the Tatars from Zangezur, capture Ordubad and Julfa, and later to clear Nakhichevan” [9, p. 383–384]. The Zangezur region was of interest to all disputing parties, because the area allowed to control the Yerevan-Julfa railway.

The fall of Denikin’s army provoked the advance of the Bolsheviks closer to the borders of the Transcaucasian states, at the Paris Peace Conference the question of the need for assistance to the Transcaucasian republics and the possibility of their recognition was raised, but the discussion was conducted without resolving the issue of borders [9, p. 368]. The United States refrained from making a final statement on the territorial issue and the issue of de facto recognition of the governments of Transcaucasia, which was made by the European powers in January 1920. At the same time, US representatives in their correspondence again recorded interethnic clashes in the Zangezur district early in 1920. The main argument against recognition was that state boundaries were not finally described. US Ambassador to France H.C. Wallace voiced the second argument against: the Moscow government may consider the recognition as an attempt to dismember Russia [9, p. 387].

The allies in France began to discuss the question of the borders of Turkey and the republics of Transcaucasia in the spring of 1920. The United States distanced from the official discussion, however, US Secretary of State B. Colby, in his note to the French Ambassador to the United States J. Jusserand on March 24, 1920, put forward a number of proposals of a territorial nature. In particular, he made a demand to provide Armenia with access to the sea not through Lazistan, as was supposed in Europe, but through Trebizond [21].

During the II Conference of the Transcaucasian Republics in April 1920, the Armenian side turned to J. Wardrop for support, negotiated in London, i.e. the documents do not include an appeal to the United States, whose representatives were still in the territory of Transcaucasia. Against this background, on April 16, 1920, in Paris, representatives of the three Transcaucasian republics signed an agreement on the settlement of territorial disputes, with the determination of the time for resolving issues: 6 weeks. Otherwise, territorial disputes were

submitted to the arbitration of three commissions, and then to the decision of the Supreme Council of the Allies or the League of Nations. At the time when the conference ended, the army of Armenians occupied Karabakh, the Bolshevization of Azerbaijan began. The de facto recognition of the government of the Republic of Armenia, on the condition that territorial issues should be resolved later, made by Secretary of State B. Colby on April 23 did not change anything.

The Allies hoping for the Transcaucasian republics themselves would be able to agree on their borders clarified the terms of the mandate for the United States over Armenia (now it was describing only Turkish Armenia). In a note from the Supreme Council of the Allies to US President W. Wilson on April 26, 1920, it was proposed to determine "the exact borders in the west and south, which should be included in a peace treaty with Turkey." [9, p. 404]. At the same time, they called for a financial loan and a volunteer contingent of US citizens. Thus, when resolving the issue of a mandate over Turkish Armenia, the United States had to resolve the issue of the borders of the Republic of Armenia.

The issue of the US military presence in the area was coincided with the question of accepting the mandate. General J. Harbord reported to the US Senate in April 1920. He pointed out in 4 out of 6 points against the need to incur significant costs giving arguments for and against the mandate. W. Wilson's subsequent statement indicated that "American interference in Armenian affairs will require from 100 to 200 thousand soldiers. The United States can take on such a burden only after prior agreement with Great Britain and France, as well as after the express approval of Russia and Germany, especially on issues related to Turkey and the Transcaucasus. Intervention costs for the first year are reported as \$275 million." [27]. At the same time, for example, General J. Harbord estimated the number of occupying troops required at the first stage at 59 thousand people, which could subsequently be reduced by 50% [9, p. 403]. The Senate rejected the proposal to accept the mandate.

During these negotiations US public organizations continued to provide food aid to the countries of Transcaucasia, mainly to Armenia. These events were financed through the issuance

of bonds of the Republic of Armenia, which were distributed among the Armenians of the United States. Colonel W.N. Haskell carried out the coordination of charitable activities. H. Hoover informed Secretary of State B. Colby on July 26, 1920, about the resignation of Colonel W. Haskell and the end of support programs with the subsequent withdrawal of American military personnel from August 1, 1920 [9, p. 414–417].

While the US Senate was deciding whether to accept a mandate over Turkish Armenia, Turkey had two governments since April 1920: the administration of Sultan Mehmed VI and the government of the Grand National Assembly M. Kemal became the head of government and chairman of the presidium of the parliament, who did not recognize the international obligations of the Sultan's government. His government did not want to follow the Sevres peace treaty, the Armenian-Turkish borders of which were essentially determined by the United States, and was in no hurry to leave the territories in favor of Armenia, which led to new military clashes between Armenians and Turks. Involvement in hostilities, the beginning of the Armenian-Turkish war diverted the attention of the government of the Republic of Armenia from the borders with already Soviet Azerbaijan and led to the defeat of the Armenian forces with the signing of the Treaty of Alexandropol and subsequent Sovietization by the Red Army.

US President W. Wilson in his secret letter to the Chairman of the Supreme Council of the Allied Powers on November 22 spoke about the difficulties he encountered in determining the borders between Turkey and Armenia in the vilayets of Erzurum, Trebizond, Van and Bitlis: "The clashing territorial desires of Armenians, Turks, Kurds and Greeks along the frontiers entrusted to my arbitration could not always be reconciled. In such cases, I believed that considerations of a healthy economic life of the future state of Armenia should be decisive. But where the requirements of a proper geographical boundary permitted, all the mountainous and valley regions along the frontier, which were predominantly Kurdish or Turkish, were more often left to Turkey rather than assigned to Armenia, unless trade links with particular market towns necessarily drew them into an Armenian state. Wherever information about tribal relations and

seasonal movements was available, an attempt was made to respect the integrity of tribal groupings and migrations to pastures". Further, he is giving a description of the border, emphasizing several times that the future Armenia is a country with a mixed population [9, p. 421–427]. The president's decision on the borders was to be made public on December 18, which indicates that neither Europe nor the United States knew about mutual assistance between the governments of Kemal and Lenin and Bolsheviks' success in an Armenian front. Only on December 16, having received information about the events in Transcaucasia, the Allies decided not to make the document public.

US President V. Wilson not yet aware of the Sovietization of Armenia in his telegram to the Chairman of the Council of the League of Nations P. Gimans on November 30 explained the reasons for refusing assistance to the Republic of Armenia and accepting a mandate for Armenia. The main arguments boiled down to the fact that the implementation of the mandate would require material contributions, which would require the approval of the Congress, "now not in session, and the actions of which I could not predict" [9, p. 428].

Results. It is difficult to unequivocally assess the role of the United States in settling territorial disputes in the Transcaucasus. Being geographically remote from the region, they did not have a full understanding of the relations in the region after 1917, just as it was not possible to deploy significant armed forces in the region. Despite repeated attempts to clarify the content of the very concept of "mandate" and to distance it from the colonial type of government traditional for that time, the US representatives themselves are gradually beginning to invest in it the meaning of not only self-sufficiency of external power over any territory, but also the question of profit. Geographically, the issue of a mandate over the area is gradually shifting towards Turkish Armenia, which can probably be explained by the unwillingness of a direct clash with Soviet Russia. An attempt to offer neutral rule over the disputed Armenian and Azerbaijan territory through the introduction of an American governor-general failed formally due to the lack of military support for Haskell's decision, but in fact because of a misunderstanding of the impossibility of applying an ethnic approach to defining local

borders. Setting the goal primarily to restore order in the region, US representatives did not connect it with the solution of the territorial issue, which was extremely important for local governments. US policy here provoked more conflicts between Armenians and Azerbaijanians.

US representatives having come to the Transcaucasus to resolve the Armenian issue, realized the interconnection of different ethnic groups in the area and that is why they introduced the neutral zone – the "governor general" as the coverage of a narrow ethnic sample, which they themselves proclaimed earlier. And for this reason alone, they contributed rather to incitement of local territorial arguements than to their settlement.

REFERENCES

1. Alieva S.I. Azerbajdzhanskaja Demokraticeskaja respublika i Gorskaja respublika: sotrudnichestvo, proekty obyedinenija i vzaimodejstvija s Osmanskoj imperiej (po dokumentam, dogovorom i notam 1918–1920 godov). Chast' 1 [Azerbaijan Democratic Republic and Mountain Republic: Cooperation, Projects of Unification and Interaction with the Ottoman Empire (According to Documents, Treaties and Notes of 1918–1920). Part 1]. *Severo-Kavkazskij juridiceskij Vestnik*, 2015, no. 4, pp. 115-137.
2. Alieva S.I. Azerbajdzhanskaja Demokraticeskaja respublika i Gorskaja respublika: sotrudnichestvo, proekty obyedinenija i vzaimodejstvija s Osmanskoj imperiej (po dokumentam, dogovorom i notam 1918–1920 godov). Chast' 1 [Azerbaijan Democratic Republic and Mountain Republic: Cooperation, Projects of Unification and Interaction with the Ottoman Empire (According to Documents, Treaties and Notes of 1918–1920). Part 2]. *Severo-Kavkazskij juridiceskij Vestnik*, 2016, no. 1, pp. 90-114.
3. Ambarcumjan K.R. Armjanskij vopros v sovetско-tureckih otnoshenijah v 1921 g. [The Armenian Issue in Soviet-Turkish Relations in 1921]. *Gumanitarnye i juridiceskie issledovanija*, 2021, no. 3, pp. 18-25.
4. Ambartsumjan K.R. Politika otlozhennoj sovetizatsii: RSFSR i Gruzija v 1920–1921 godakh [Policy of Postponed Sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 119-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>.

5. Ambarcumjan K.R. Vlijanie sobytij fevralja 1917 g. na predstavlenija mestnyh soobshhestv o gosudarstvennosti narodov Kavkaza [Influence of February 1917 on the Vision of Local Communities of Caucasian Peoples As Regards Nationhood]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*, 2016, no. 3, pp. 12-18.

6. *Arhiv polkovnika Hauza. Izbrannoe. V 2 t.* [Colonel House's Archives. Selected Works. In 2 Vols.]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2004, vol. 1. 602 p.; vol. 2. 744 p.

7. Arkhipova E.V. Britanskij sled na Juzhnom Kavkaze (1918–1919 gg.) [British Footprint in the South Caucasus (1918–1919)]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2016, no. 3, pp. 216-223.

8. Arkhipova E.V. Trapezundskaya konferentsiya kak diplomatičeskij triumf Osmanskoy imperii [Trebizond Conference As a Diplomatic Triumph of the Ottoman Empire]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, vol. 19, no. 5, pp. 122-129. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.13>.

9. Mahmurjan G.G. *Armenija v dokumentah Gosudarstvennogo departamenta SShA 1917–1920 gg.* [Armenia in the US State Department Documents, 1917–1920]. Erevan, s. n., 2012. 560 p.

10. Avalov Z.D. *Nezavisimost' Gruzii v meždunarodnoj politike 1918–1921 gg.: Vospominanija* [Independence of Georgia in the International Relations in 1918–1921. Memoires]. Paris, s. n., 1924. 318 p.

11. Baku, Dzhafarovu, ministru inostrannyh del, 09.26.1919 [To Baku, For Dzhafarov, Minister of Foreign Affairs September 26, 1919]. *Gosudarstvennyy arhiv Azerbaydzhanskoj Respubliki (GA AR)* [Azerbaijan Republic State Archive (AR SA)], f. 970, inv. 1, d. 93, l. 7.

12. Gasanly Dzh.P. *Istorija diplomatii Azerbaydzhanskoj Respubliki. V 3 t. T. 1. Vneshnjaja politika Azerbaydzhanskoj Demokratičeskoj Respubliki (1918–1920)* [Diplomatic History of the Azerbaijan Republic. In 3 Vols. Vol. 1. Azerbaijan Democratic Republic Foreign Policy (1918–1920)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 576 p.

13. Mahmurjan G.G. Anglo-amerikanskiye protivorečija i Respublika Armenija v 1918–1920 gg. [Anglo-American Controversies and Republic of Armenia in 1918–1920]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, ideologija* [The United States and Canada: Economics, Politics, and Culture], 2000, no. 3, pp. 84-99.

14. Mahmurjan G.G. Popytki regional'nogo sotrudničestva i II Konferencija Zakavkazskih respublik (9-22 aprelja 1920 g.) [Attempts of the

Area Cooperation and the 2nd Conference of the Transcaucasian States (April 9–22, 1920)]. *Istoriko-arheologičeskij zhurnal*, 2010, no. 3 (185), pp. 54-71.

15. Mahmurjan G.G. *Respublika Armenija 1918–1920 gg. v politike Velikobritanii* [Great Britain Policy Towards Armenian Republic in 1918–1920]. Erevan, s. n., 2009. 344 p.

16. Meshidze Dzh.I. Ital'janskaja intervencija v Gruziju v 1919 g.: plany i obstojatel'stva [Italian Intervenes into Georgia in 1919: Plans and Circumstances]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, ser. 2*, 2007, iss. 1, pp. 127-133.

17. Mukhanov V.M. «Socializm vinogradarej», ili Istorija Pervoj Gruzinskoj respubliki: 1917–1921 [“Socialism by Winegrowers” or the History of the First Georgian Republic: 1917–1921]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019. 928 p.

18. Mustafaeva S.O. *Izmenenie granic i territorij na Juzhnom Kavkaze (1917–1922 gg.)* [Borders and Area Chances in the Southern Caucasus (1917–1922)]. Baku, Bakinskiy Gosudarstvennyy Universitet, 2013. 24 p.

19. Mustafaeva S.O. Protsess ustanovleniya Azerbaydzhano-Gruzinskoj granitsy (1920–1922 gg.) [The Process of the Azerbaijan-Georgia Boundary Establishment (1920–1922 Years)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 1 (15), pp. 96-104.

20. Mustafaeva S.O. Sovetskaja Rossija i formirovanie granic mezhdru gosudarstvami Kavkaza (na primere Azerbaydzhana i Armenii) [Soviet Russia and Defining the Borders Between Caucasian States (The Azerbaijan and Armenia Case)]. *Central Asia and the Caucasus*, 2010, vol. 4, iss. 1-2, pp. 230-240.

21. Nota gossekraterja SShA B. Kolbi – poslu Francii v SShA Zh. Zhusseranu [Note by the US Secretary of State B. Colby to the French Ambassador to the USA J. Jusserand]. *Natsional'nyy arhiv Armenii (NAA)* [National Archive of Armenia (NAA)], f. 200, inv. 1, d. 577, ch. 3, l. 241-242 back.

22. Petrosjan G.A. *Otnosheniya Respubliki Armenija s Rossiej* [Relations Between Republic of Armenia and Russia]. Erevan, Erevanskiy gosudarstvennyy universitet, 2012. 424 p.

23. Pis'mo predsedatelja delegacii Azerbaydzhanskoj Respubliki na Parizhskoj mirnoj konferencii A.M. Topchibasheva predsedatelju Soveta ministrov Azerbaydzhanskoj Respubliki, 06-10.11.1919 [A Letter by the Head of the Azerbaijan Delegation on the Paris Peace Conference A.M. Topchibashev to the Head of the Council of Ministers of the Azerbaijan Republic, November 6–10, 1919]. *GA AR* [AR SA], f. 970, inv. 1, d. 146, l. 11-12.

24. Protokol chastnogo soveshhanija chlenov azerbajdzhano-armjanskoj konferencii, sostojavshegosja 15 dekabrja 1919 g. [Notes of the Private Meeting of the Members of the Azerbaijani-Armenian Conference Held on December 15, 1919]. *GAAR* [ARSA], f. 970, inv. 1, d. 95, l. 43-45.

25. Shtejn B.E. «*Russkij vopros*» na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920 gg.) [“Russian Question” During the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow, Gospolitizdat, 1949. 464 p.

26. Soobshhenie «N’ju-Jork GERALD»: Armenija ostavlena bez zashhity, kogda na nee gotovitsja ogromnoe napadenie [“New York Herald: Armenia is Left Unprotected When a Huge Attack is Being Prepared on It]. *NAA*, f. 200, inv. 1, d. 35, l. 187-191.

27. The Near East News: J. Harbord About Armenia, April 27, 1920. *NAA*, f. 200, inv. 1, d. 576, ch. 5, l. 255-255 back.

28. To Colonel Haskell, Chief High Commissioner of the Allied Powers in the Trans-Caucasus, September 1, 1919. *GAAR* [ARSA], f. 970, inv. 1, d. 93, l. 1-2.

29. Topchibashev A.M. *Memorandum, predyjavlennyj nahodjashhimsja v Konstantinopole pochetyj predstaviteljam derzhav Antanty, chlenom*

Pravitel’stva Azerbajdzhanskoj Respubliki, chrezvychajnym ministrom – poslannikom pri pravitel’stvah Blistatel’noj porty, Armenii i Gruzii Ali Mardan-bekom Topchibashevym (nojabr’ 1918 g.) [Memorandum Presented by Ali Mardan-bek Topchibashev, Member of the Government of the Republic of Azerbaijan, Extraordinary Minister – Envoy to the Governments of the Resplendent Porte, Armenia and Georgia to the Honorary Representatives of the Entente Powers in Constantinople (November, 1918)]. Baku, s. n., 1993. 40 p.

30. Vekilov R.A. *Istorija vozniknovenija Azerbajdzhanskoj Respubliki* [History of the Azerbaijan Republic Establishment]. Baku, Elm Publ., 1998. 32 p.

31. Velichko L.N., Ambartsumyan K.R. Armjano-gruzinskij territorial’nyj vopros i osobennosti nacional’no-gosudarstvennogo stroitel’stva v Zakavkaz’e (1918 g.) [The Armenian-Georgian Territorial Issue and the Peculiarities of Nation-State Building in the Transcaucasus (1918)]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*, 2019, no. 4, pp. 26-32.

32. Zhordanija N. *Moja zhizn’* [My Life]. Stanford, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968. 130 p.

Information About the Author

Ekaterina V. Arkhipova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Acting Head of the Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arkhipova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Архипова, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arkhipova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.5>

UDC 327(37+73)“1939–1943”
LBC 63.3(0)62-6

Submitted: 19.11.2021
Accepted: 10.12.2021

THE PROBLEM OF CHOOSING THE CANDIDATE OF THE NEW US AMBASSADOR IN THE USSR IN 1941–1942 (ACCORDING TO NEW ARCHIVAL DOCUMENTS)

Kristina V. Minkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Differences in views with the US Ambassador to the USSR L. Steinhardt and the military situation in the USSR forced the President of the United States F.D. Roosevelt to approach the search for subsequent candidates for the post of ambassador to the USSR in the fall of 1941 more carefully. *Methods and materials.* The analysis of documents deposited in the Roosevelt Presidential library, memoirs of the ambassadors and their biographies can explain the appointment of Standley to Moscow and to determine his contestants. *Analysis.* Ambassador Steinhardt left Moscow in early November 1941, but the new ambassador was appointed only on February 13, 1942. The delay was caused both by the controversy surrounding the candidates proposed by the President and the reluctance of some of them to accept the proposed position. President Roosevelt strove to ensure that this responsible post was occupied by a person loyal to him, who fully shared his views on rapprochement with Moscow through unilateral concessions. The State Department opposed candidates who supported this policy. In 1941–1942, the post of the U.S. ambassador to the USSR could have been granted to the Soviet spy A. Stern, famous for his pro-Soviet views General Faymonville, General J. Burns from the Lend-Lease Administration. None of these candidates was supported by the Department of State, and as a result, a compromise figure of Admiral Standley was found to satisfy both sides. *Results.* The mistrust and disrespect of Roosevelt and the Soviet leadership towards Steinhardt and Standley significantly reduced the effectiveness of interaction between the USA and the USSR in 1941–1943. As a result of confrontation between the President and the Department of State, inexperienced diplomats who occupied an unstable intermediate position between these two poles became US ambassadors to the Soviet Union.

Key words: Soviet-American relations, Stalin, Roosevelt, Burns, Standley, Harriman, Faymonville, Stern.

Citation. Minkova K.V. The Problem of Choosing the Candidate of the New U.S. Ambassador in the USSR in 1941–1942 (According to New Archival Documents). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 58–66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.5>

УДК 327(37+73)“1939–1943”
ББК 63.3(0)62-6

Дата поступления статьи: 19.11.2021
Дата принятия статьи: 10.12.2021

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА КАНДИДАТУРЫ НОВОГО ПОСЛА США В СССР В 1941–1942 гг. (ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)

Кристина Владимировна Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Расхождения во взглядах с послом США в СССР Л. Штейнгардтом и военная ситуация в СССР заставили президента Соединенных Штатов Ф.Д. Рузвельта более тщательно подойти к поиску последующих кандидатур на должность посла в СССР осенью 1941 года. Выявить причины назначения послом США в Советском Союзе адмирала Стэндли и определить его конкурентов позволяет анализ американских документов, в том числе отложившихся в Библиотеке Ф.Д. Рузвельта, а также мемуары самого Стэндли. Посол США в СССР

Л. Штейнгардт покинул Москву в ноябре 1941 г., однако новый посол был назначен лишь 13 февраля 1942 года. Задержка была вызвана как полемикой вокруг предлагаемых президентом кандидатур, так и нежеланием некоторых из них принять предлагаемую должность. Президент Рузвельт стремился к тому, чтобы этот ответственный пост занимали преданные ему люди, полностью разделявшие его взгляды на сближение с Москвой путем односторонних уступок. Госдепартамент же выступал против кандидатов, поддерживавших эту политику. В 1941–1942 гг. на посту посла США в СССР могли оказаться советский шпион А. Стерн, отличавшийся просоветскими взглядами генерал Феймонвилл, один из руководителей Администрации ленд-лиза генерал Дж. Бёрнс. Ни одна из этих кандидатур не была поддержана госдепартаментом, в результате послом стал адмирал Стэндли – компромиссная фигура, устраивавшая обе стороны. Недоверие и неуважение Рузвельта и советского руководства к Штейнгардту и Стэндли существенно снижало эффективность взаимодействия США и СССР в 1941–1943 годах. В результате противостояния между президентом и госдепартаментом послами США в Советском Союзе становились компромиссные фигуры, занимавшие неустойчивое промежуточное положение между этими двумя полюсами и не пользовавшиеся доверием ни своего правительства, ни руководства СССР.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Сталин, Рузвельт, Бёрнс, Стэндли, Гарриман, Феймонвилл, Стерн.

Цитирование. Минкова К. В. Проблема выбора кандидатуры нового посла США в СССР в 1941–1942 гг. (по новым архивным документам) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 58–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.5>

Введение. Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и США открыло новую страницу в диалоге между двумя странами. Первыми американскими послами в СССР стали У. Буллит и Дж. Дэвис. Оба находились в теплых отношениях с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, пользовались его доверием и отличались толерантностью по отношению к коммунистическому режиму. Оба были тепло приняты в Москве, что давало надежду на быстрое и эффективное взаимодействие в решении ряда проблем как в двусторонних, так и международных отношениях. Однако их дальнейшее пребывание в советской столице показало, что первые впечатления были несколько иллюзорными: переговоры даже по самым простым вопросам проходили тяжело и долго. На практике никакого серьезного прорыва в отношениях между Кремлем и Белым домом не произошло, а нерешенные вопросы продолжали накапливаться. Третьим послом США в СССР стал Л. Штейнгардт, с интересом относившийся к советскому эксперименту. В отношениях с Советским Союзом он выступал за политику взаимности, и к моменту вступления СССР в войну с Германией отношения между Рузвельтом и Штейнгардтом существенно испортились. Президент не был согласен с рекомендациями посла относительно характера взаимодействия с советским руководством и уже не рассматривал посла

как значимый канал связи. Такой же позиции придерживались в Кремле. Важнейшие вопросы о предоставлении помощи решались в личной переписке или в ходе миссий специальных эмиссаров Рузвельта, а Штейнгард в начале ноября 1941 г. получил указания вернуться в Вашингтон для консультаций [3, с. 217].

Методы и материалы. Деятельность послов США в СССР в годы Великой Отечественной войны (в частности У. Стэндли) и особенности их назначения в нашей стране исследованы мало. Как правило, сведения об этом встречаются в общих трудах по истории советско-американских отношений и сборниках документов [9; 14–16; 34]. В западной литературе специальные работы также немногочисленны [3; 28; 31–33; 35; 37], хотя в Библиотеке Конгресса и Национальных архивах собрано достаточное количество документов, связанных с выдвижением и деятельностью Стэндли, а сам он оставил весьма интересные мемуары [38]. Совершенно неисследованным остается вопрос о кандидатурах, выдвигавшихся на пост посла в СССР в рассматриваемый период как по их собственной инициативе, так и по инициативе Рузвельта. Сведения об этих кандидатах сохранились в бумагах Г. Гопкинса и других документах, отложившихся в Библиотеке Ф.Д. Рузвельта в США [19–24]. Комплексное исследование этих источников позволяет не только просле-

доть весьма напряженную политическую борьбу между президентом и госдепартаментом за назначение на должность посла в Советский Союз приемлемых для обеих сторон кандидатов, но и оценить возможные последствия для советско-американского диалога и международных отношений в целом приходится на этот пост других фигур, о которых рассказывается в настоящей статье.

Анализ. В апреле 1942 г. в Москву прибыл новый посол США в Советском Союзе – 69-летний адмирал Уильям Стэндли. Предыдущий посол, Лоуренс Штейнхардт, покинул советскую столицу в ноябре 1941 года. Почему же американское посольство в СССР в самый напряженный момент войны столь долго оставалось обезглавленным?

Прежде всего, это было связано с тем, что в рассматриваемый нами период взаимодействие между Москвой и Вашингтоном шло не привычными дипломатическими путями – через посольства, а по другим каналам. Наиболее острые проблемы решались напрямую Сталиным и Рузвельтом в личной переписке. Военные вопросы с осени 1941 г. регулировала миссия ленд-лиза в советской столице, которую возглавлял генерал Феймонвилл, беспрекословно выполнявший все распоряжения президента. Для особых случаев у Рузвельта имелись два эмиссара – А. Гарриман и Г. Гопкинс, которым он доверял значительно больше, чем Штейнгардту – человеку, «плохо знавшему страну пребывания и склонному скорее верить слухам и сплетням, чем трезво анализировать объективное положение вещей» [5, с. 124]. В Госдепартаменте, напротив, Штейнгардта уважали: глава Департамента Восточной Европы Л. Гендерсон указывал, что присланные из Москвы материалы о том, что происходило на Балканах, на Ближнем и Дальнем Востоке, помогли ему разобраться в тамошней обстановке больше, чем отчеты, присланные из всех других частей света [30].

В условиях ситуации осени 1941 г., когда военные вопросы в советско-американских отношениях объективно преобладали над политическими, новым послом, по мнению Рузвельта, должен был стать человек, безраздельно ему преданный и способный беспрекословно выполнять все директивы Белого

дома в отношении организации военной помощи Советскому Союзу.

Прежде всего президент обратился к Авереллу Гарриману – опытному бизнесмену, давно знакомому с Россией (в годы НЭПа ему принадлежали концессии на добычу марганцевой и медной руды, однако предприятие оказалось убыточным) [8, с. 84, 111]. Как известно, в 1941 г. Гарриман успешно выполнял дипломатические миссии в Москве и Лондоне, однако не имел никакого официального поста в госдепартаменте или Администрации ленд-лиза. Американский магнат отверг предложение Рузвельта, поскольку «находиться в Москве, – по его словам, – это все равно что находиться у порога тюрьмы... Дипломаты не видят никого кроме друг друга... Для человека живого ума это невыносимо» [25, р. 95].

Затем место посла было вторично предложено Джозефу Дэвису, который отказался, видимо, отчасти по тем же причинам, а отчасти предполагая, что его престиж эксперта по советским делам принесет ему больше политических дивидендов в Вашингтоне, а не в Москве.

Третьей кандидатурой Рузвельта стал генерал Филип Феймонвилл, отвечавший перечисленным выше запросам. Феймонвилл работал военным атташе посольства при Буллите и Дэвисе и блестяще владел русским языком. С ноября 1941 г. до апреля 1942 г. именно Феймонвилл, получивший чин бригадного генерала и занимавший должность представителя Администрации ленд-лиза в Москве, осуществлял всю коммуникацию между Кремлем и Белым домом, и его деятельность была высоко оценена Г. Гопкинсом [22]. Однако просоветские взгляды настроили против него всех сотрудников американского посольства в Москве [10, р. 57].

К тому же против кандидатуры Феймонвилла выступила значительная часть чиновников госдепартамента, работавших на советском направлении, и госсекретарь К. Хэлл [26, р. 315]. В процессе выбора кандидатуры госсекретарь играет не менее важную роль, чем президент, который вносит кандидатуру на рассмотрение Конгресса (кроме того, после назначения посол подчиняется напрямую госсекретарю). Таким образом, до официального номинирования кандидатура должна уст-

раивать и госсекретаря, и президента. Впрочем, по настоянию Гопкинса Феймонвилл все же оставался в советской столице и немного позже возглавил американскую Миссию ленд-лиза в СССР [27, p. 501].

Четвертая кандидатура, предложенная Рузвельтом, была напрямую связана с нарастающим противостоянием между выступавшими за безоговорочную и максимально возможную помощь Советскому Союзу президентом и Администрацией ленд-лиза и другими правительственными организациями – прежде всего госдепартаментом, – предлагавшими более взвешенный подход.

В ноябре 1941 г. Белый дом сделал попытку ликвидировать это противостояние, номинировав на пост посла в СССР генерала Джеймса Бёрнса [33, p. 310]. Бёрнс был человеком Гопкинса, а значит, можно было рассчитывать на безусловное и эффективное выполнение всех задач, поставленных ему президентом. Кроме того, Бёрнс с первого дня существования программы ленд-лиза возглавлял Отдел отчетов о военной помощи (Division of Defense Aid Reports) [13, p. 6], что позволяло в значительной степени «переключить» реализацию советской политики США с госдепартамента на Администрацию ленд-лиза. Наконец, благодаря назначению Бёрнса можно было бы объединить усилия посольства США в СССР и миссии ленд-лиза (как это было сделано осенью 1943 г. после назначения послом США в Москве А. Гарримана) [14, p. 852–853].

Как и в случае с Феймонвиллом, назначение Бёрнса вызвало протест госдепартамента. На этот раз дело было не в просоветских взглядах кандидата (в таковых генерал замечен не был), а во вполне реальных опасениях утраты влияния госдепартамента на формирование политики в отношении Советского Союза [29, p. 124; 35, p. 201fn] (напомним, что в результате введения 8 сентября 1939 г. чрезвычайного положения [36] Рузвельт получил расширенные полномочия в области военной и внешней политики, а создание Администрации ленд-лиза, подчинявшейся напрямую президенту, еще существенно снизило влияние госдепартамента).

Помимо этих четырех фигур, широко известных как в США, так и в Советском Со-

юзе / России, осенью – зимой 1941 г. президент рассматривал еще одну кандидатуру на пост американского посла в СССР. В середине декабря 1941 г. госсекретарь К. Хэлл и один из руководящих чиновников Отдела управления производством (Office of Production Management) Доналд Нельсон получили письма от некоего Алфреда Стерна – бизнесмена и общественного деятеля, директора Фонда Джулиуса Розенвальда [23]. Стерн поддерживал Рузвельта и был сторонником Нового курса, однако после развода с дочерью Розенвальда постепенно увлекся практической политикой и начал симпатизировать коммунистам. На настроения Стерна оказало существенное влияние знакомство с Мартой Додд – дочерью американского дипломата У.Э. Додда. Во время пребывания в Берлине, где ее отец занимал место посла США (1933–1937), Марта Додд была завербована советской разведкой. В июне 1938 г. она вышла замуж за Стерна, который к 1941 г. также был завербован НКВД [39, p. 388–389]. В письме Хэллу от 17 декабря 1941 г. Стерн просил рассмотреть возможность назначить его послом в Советский Союз: «Хотя я никогда не имел дипломатического поста, я убежден, что мой опыт управленческой и административной работы достаточен для выполнения обязанностей посла. Мы с женой хотим служить нашей стране и готовы к тем сложностям, которые налагают условия военной жизни» [23]. В письме Нельсону от 16 декабря Стерн практически теми же словами высказывался относительно возможности работы в Отделе управления производством [23]. Пожалуй, было бы уместно предположить, что Стерн получил указания от своих руководителей занять административный или дипломатический пост в структуре, непосредственно связанной с реализацией американской помощи СССР [12, p. 12].

Госсекретарь передал информацию о письме Стерна президенту, после чего буквально в течение нескольких дней были организованы встречи Стерна с секретарем Рузвельта Марвином Макинтайром и старшим сыном президента Джеймсом Рузвельтом [23]. По всей видимости, кандидатура Стерна рассматривалась в Белом доме весьма серьезно, хотя Стерн и не принадлежал к близкому

окружению президента. Возможно, интерес к Стерну был связан с его откровенно просоветскими взглядами, которых он не скрывал. В частности, в 1939 г. Стерн, Марта и ее брат подписали открытые письма в поддержку договора о коллективной безопасности с СССР. Эти письма были напечатаны в журнале «Soviet Russia Today» [18, p. 171]. У кандидатуры Стерна было немало преимуществ: во-первых, он не был политической фигурой и, соответственно, не имел оппонентов. Во-вторых, он обладал неплохими связями в деловых кругах (через своего первого тестя) и среди дипломатической элиты (через Марту и ее отца). Иными словами, это был весьма достойный компромиссный вариант.

В том, что советский агент (о его работе на советскую разведку стало известно лишь в начале 1950-х гг.) не стал послом США в СССР, не последнюю роль сыграл Гарри Гопкинс: на запрос Макинтайра о Стерне Гопкинс ответил, что «ничего не может сообщить ему по данному вопросу» и не захотел встречаться со Стерном лично [23]. Как видно, доверить важный дипломатический пост «темной лошадке» ни Рузвельт, ни Гопкинс, ни Хэлл все же не решились.

13 февраля 1942 г. на должность посла Соединенных Штатов в СССР был назначен адмирал У. Стэндли – давний сторонник Рузвельта и его программы безоговорочной помощи Советскому Союзу [17, p. 155]. Как заявил глава комитета по международным делам Сената Т. Коннелли, представляя кандидатуру Стэндли на утверждение Сената, комитет не одобрил назначение военного на гражданский пост. Впрочем, это неодобрение не было закреплено в резолюции Комитета или ином аналогичном документе [11, p. 1257]. В Сенате понимали, что кандидатура Стэндли была компромиссной, что она устраивала и президента, и госсекретаря, и что на поиски новой кандидатуры могло уйти еще несколько месяцев (при этом двое из предлагавшихся ранее кандидатов – Феймонвилл и Бёрнс – также были военными). Голосование прошло успешно.

Назначение Стэндли было согласовано с Москвой. В письме Сталину от 12 февраля 1942 г. Рузвельт выражает радость от того, что советское правительство «дало свое согласие

принять моего старого и верного друга... в качестве посла Соединенных Штатов... Он пользуется моим полным доверием... Я рекомендую его Вам... также и как человека, который высоко ценит достижения Советского Союза и восхищается ими» [7, с. 17].

Стэндли посещал советскую столицу с миссией Бивербрука-Гарримана и не питал иллюзий относительно бытовой стороны жизни в воюющем СССР, однако иллюзий касательно его собственной роли в советско-американских отношениях ему избежать не удалось. Получив предложение работать в Москве, Стэндли, по его собственным словам, решил, что «не может пренебречь своим долгом, особенно почетным в военное время» [38, p. 92–93].

Оказалось, впрочем, что ни Рузвельт, ни Администрация ленд-лиза не собирались использовать нового посла как серьезный дипломатический канал, им нужна была легкая в управлении марионетка, которая не проявляла бы большой самостоятельности, оставаясь при этом лояльной президенту и работая в сотрудничестве с правительственными структурами, ответственными за реализацию программы ленд-лиза [29, p. 133].

Однако президент ошибся в расчетах: Стэндли не собирался быть такой марионеткой, и очень скоро между ним и Феймонвиллом возник серьезный конфликт интересов. Убедившись, что Белый дом отдает приоритет Феймонвиллу, Стэндли попытался заручиться поддержкой советского наркомата иностранных дел [1, л. 66]. Однако этим он лишь дал понять советскому руководству, что является номинальной фигурой и относиться к нему можно соответственно.

В начале 1943 г. Стэндли пошел на крайние меры для привлечения внимания к своей персоне. 8 марта на пресс-конференции для американских журналистов посол заявил, что советское правительство скрывает от своего народа масштабы и важность американской помощи, которую оно получает [38, p. 341]. Эти обвинения были во многом надуманными, поскольку советские газеты исправно публиковали статистические данные по ленд-лизу на протяжении всего периода предоставления помощи. На следующий день, 11 марта 1943 г., нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов распорядился «о Стэндли больше не да-

вать в печать ни строчки» (подчеркнуто Молотовым. – К. М.) [2].

В Вашингтоне заявление Стэндли вызвало большой резонанс, и для успокоения общества пришлось принимать контрмеры [4]. Президент принял решение поскорее убрать его с поста, и 18 сентября 1943 г. Стэндли покинул Москву. Уже через 12 дней, 30 сентября, заместитель Молотова А.Я. Вышинский сообщил о согласии на выдачу агремана новому американскому послу в СССР Авереллу Гарриману.

Результаты. Поиск кандидатуры на должность посла США в СССР осенью – зимой 1941 г. проходил в непростых условиях. С одной стороны, она должна была устраивать президента, госсекретаря и не вызвать противодействия в Конгрессе, отношения с которым и так были сложными из-за распространения на СССР программы ленд-лиза [6, с. 616–617]. С другой стороны, военная ситуация диктовала необходимость назначения на этот пост человека, который способствовал бы наиболее эффективной реализации программы помощи СССР и выполнял все указания Вашингтона. Длительный процесс выбора посла, затянувшийся на несколько месяцев, безусловно, не способствовал поддержанию устойчивого диалога между сторонами.

Весьма любопытна роль госдепартамента США в вопросе назначения послов. С одной стороны, у Хэлла хватало рычагов для блокировки неприемлемых кандидатов (прежде всего Феймонвилла). С другой – госдепартамент не смог протолкнуть назначение в СССР квалифицированного эксперта-советолога (например, Л. Гендерсона), обладавшего нужной квалификацией, имевшего значительный опыт жизни в Советском Союзе, но не разделявшего взгляды президента и его окружения на принципы взаимодействия с советским руководством.

Как видим, в силу субъективных причин Стэндли не смог сыграть той роли, которая отводилась ему президентом. Очевидно, что этот факт не способствовал более эффективному развитию советско-американского сотрудничества в 1942 – начале 1943 года. Впрочем, зная о тех кандидатурах, из которых делался выбор, достаточно сложно сказать, насколько более успешными они могли бы оказаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседы наркома и заместителей // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). – Ф. 0129. – Оп. 26 Авто. – П. 236. – Д. 3. – 139 л.
2. Выступление Коннэли в связи с заявлением Стэндли // АВПРФ. – Ф. 06. – Оп. 5 Доп. – Д. 479. – 1 л.
3. Данн, Д. Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве / Д. Данн. – М. : Три квадрата, 2004. – 472 с.
4. Заявление американского посла в Москве г. Стэндли и отклики на это заявление в США // Правда. – 1943. – № 68. – 11 марта. – С. 4.
5. Мальков, В. Л. «Челночная дипломатия» Гарри Гопкинса: к истории письма И.В. Сталину / В. Л. Мальков // Россия XXI. – 2015. – № 3. – С. 110–133.
6. Минкова, К. В. Lend-Lease in Early Post-war Soviet-American Relations / К. В. Минкова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 614–635. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.217>.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 2 : Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958. – 296 с.
8. Севастьянов, Г. Н. Москва – Вашингтон: на пути к признанию, 1918–1933 / Г. Н. Севастьянов. – М. : Наука, 2004. – 404 с.
9. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: документы и материалы : в 2 т. Т. 1 : 1941–1943. – М. : Политиздат, 1984. – 510 с.
10. Bohlen, C. E. Witness to History, 1929–1969 / C. E. Bohlen. – N. Y. : W.W. Norton & Co., 1973. – 562 p.
11. Congressional Record – Senate. 77th Congress, 2nd Session. – Vol. 88, Part 1. – Washington : Government Printing Office, 1942. – 1502 p.
12. FBI Report on Alfred Stern. File NY100-65568. – May 18, 1955.
13. First Supplemental National Defense Appropriation Bill: 1942, Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives. 77th Congress, 1st Session, on the First Supplemental National Defense Appropriation Bill for 1942. – Washington, D.C. : United State Congress, 1941. – 523 p.
14. Foreign Relations of the United States. 1941. – Vol. I. – Washington, D.C. : United States Government Printing Office, 1959. – 1048 p.

15. Foreign Relations of the United States. 1942. – Vol. III. – Washington, D.C. : United States Government Printing Office, 1961. – 869 p.
16. Foreign Relations of the United States. 1943. – Vol. III. – Washington, D.C. : United States Government Printing Office, 1963. – 1151 p.
17. Foreign Service. Personal Changes. – Department of State Bulletin. – February 14, 1942. – Vol 6. – No. 138. – Pub. 1697. – Washington : Government Printing Office, 1942. – P. 153–160.
18. Fox, J. F. Jr. “In passion and in hope:” The pilgrimage of an American radical, Martha Dodd Stern and family, 1933–1990. PhD Diss./J. F. Fox. – University of New Hampshire, 2001. – 408 p.
19. Franklin Roosevelt Presidential Library. – Harry L. Hopkins Papers. – Box 140. – File “Faymonville, Brig. General”.
20. Franklin Roosevelt Presidential Library. – Harry Hopkins Papers. – Box 157.
21. Franklin Roosevelt Presidential Library. – Harry Hopkins Papers. – Box 217.
22. Franklin Roosevelt Presidential Library. – Harry Hopkins Papers. – Box 309. – File “Book 5: Aid to Russia”.
23. Franklin Roosevelt Presidential Library. – Official File 220 – “Russia”. Box 4.
24. Franklin Roosevelt Presidential Library. – President’s Official File 4341 – Harriman.
25. Harriman, W.A., Abel, E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946 / W.A. Harriman, E. Abel. – New York : Random House, 1975. – 595 p.
26. Henderson, L. W. A Question of Trust: The Origins of U.S. Soviet Diplomatic Relations: The Memoirs of Loy W. Henderson / L. W. Henderson. – Stanford, CA : Hoover Institution Press, 1986. – 579 p.
27. Herndon, J. S. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934–1943 / J. S. Herndon, J. O. Baylen // *Slavic Review*. – 1975. – Vol. 34, № 3. – P. 483–505.
28. Hines, C. W. FDR’s Admiral Diplomats: The Diplomacy of Expediency / C. W. Hines // *Franklin D. Roosevelt and the Formation of the Modern World* / eds.: W. D. Pederson and S. Howard. – L. : Routledge, 2016. – P. 122–137.
29. Langer, J. D. The Formulation of American Aid Policy Toward the Soviet Union, 1940–1943: The Hopkins Shop and the Department of State. Ph.D. Diss. / J. D. Langer. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 1975. – 248 p.
30. Loy Henderson to Steinhardt. Washington. December 13, 1940 // Library of Congress. – Steinhardt Papers. – 1940. – Box 28.
31. Mayers, D. FDR’s Ambassadors and the Diplomacy of Crisis: From the Rise of Hitler to the End of World War II / D. Mayers. – N. Y. : Cambridge University Press, 2013. – 372 p.
32. Mayers, D. The Ambassadors and America’s Soviet Policy / D. Mayers. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 368 p.
33. Mayers, D. The Great Patriotic War, FDR’s Embassy Moscow, and Soviet–US Relations / D. Mayers // *The International History Review*. – 2011. – Vol. 33, № 2. – P. 299–333.
34. My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / ed. by S. Butler. – New Haven ; L. : Yale University Press, 2008. – 361 p.
35. O’Connor, J. E. Laurence A. Steinhardt and American Policy Toward the Soviet Union, 1939–1941 : Ph.D. Diss. / J. E. O’Connor. – University of Virginia, 1968. – 228 p.
36. Proclamation 2352 – Proclaiming a National Emergency in Connection with the Observance, Safeguarding, and Enforcement of Neutrality and the Strengthening of the National Defense Within the Limits of Peace-Time Authorizations. September 8, 1939. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-2352-proclaiming-national-emergency-connection-with-the-observance> (date of access: 22.07.2020). – Title from screen.
37. Stackman, R. R. Laurence A. Steinhardt: New Deal Diplomat, 1933–1945 : PhD Thesis/R. R. Stackman. – Michigan State University, 1967. – 395 p.
38. Standley, W. H. Admiral Ambassador to Russia / W. H. Standley, A. A. Ageton. – Chicago, IL : Henry Regnery Company, 1955. – 533 p.
39. Trahair, R. C. S. Encyclopedia of Cold War Espionage, Spies, and Secret Operations / R. C. S. Trahair, R. Miller. – N. Y. : Enigma Books, 2009. – 612 p.

REFERENCES

1. Besedy narkoma i zamestitelei [Conversations of Narkom and the Deputies]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVPRF)* [Foreign Policy Archive of the Russian Federation (FPARF)], f. 0129, inv. 26 avto, p. 236, d. 3. 139 l.
2. Vystuplenie Konneli v sviazi s zaiavleniem Stendli [Declaration of Connelly Regarding the Statement Made by Standley]. *AVPRF* [FPARF], f. 06, inv. 5 dop, d. 479. 1 l.
3. Dann D. *Mezhdru Ruzveltom i Stalinyim: amerikanskije posly v Moskve* [Caught Between Roosevelt and Stalin: America’s Ambassadors to Moscow]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004. 472 p.
4. Zaiavlenie amerikanskogo posla v Moskve g. Stendli i otkliki na eto zaiavlenie v SShA [Statement by the American Ambassador Standley in Moscow and Responses to This Statement in the United States]. *Pravda*, 1943, March 11, no. 68, p. 4.

5. Malkov V.L. «*Chelnochnaia diplomatiia*» Garri Gopkinsa: k istorii pisma I.V. Stalinu [Harry Hopkins' "Shuttle Diplomacy": Revisiting the Letter to I.V. Stalin]. *Rossiia XXI*, 2015, no. 3, pp. 110-133.
6. Minkova K.V. Lend-Lease in Early Post-War Soviet-American Relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 614-635. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.217>.
7. *Perepiska Predsedatelia Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SShA i premer-ministrami Velikobritanii vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: v 2 t. T. 2: Perepiska s F. Ruzvel'tom i G. Trumenom (avgust 1941 g. – dekabr' 1945 g.)* [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the United States and the Prime Ministers of Great Britain During the Great Patriotic War of 1941–1945. In 2 Vols. Vol. 2. Correspondence with F. Roosevelt and H. Truman (August 1941 – December 1945)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1958. 296 p.
8. Sevastianov G.N. *Moskva – Vashington: na puti k priznaniuu, 1918–1933* [Moscow-Washington: On the Route to Acknowledgement]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 404 p.
9. *Sovetsko-amerikanskii otnosheniia vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny: dokumenty i materialy: v 2 t. T. 1: 1941–1943* [Soviet-American Relations During the Great Patriotic War: Documents and Materials. In 2 Vols. Vol. 1. 1941–1943]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 510 p.
10. Bohlen C.E. *Witness to History, 1929–1969*. New York, W.W. Norton & Co., 1973. 562 p.
11. *Congressional Record – Senate. 77th Congress, 2nd Session*. Washington, Government Printing Office, 1942, vol. 88, part 1. 1502 p.
12. *FBI Report on Alfred Stern. File NY100-65568. May 18, 1955*.
13. *First Supplemental National Defense Appropriation Bill: 1942, Hearings Before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives. 77th Congress, 1st Session, on the First Supplemental National Defense Appropriation Bill for 1942*. Washington, D.C., United State Congress, 1941. 523 p.
14. *Foreign Relations of the United States, 1941, Vol. 1*. Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1959. 1048 p.
15. *Foreign Relations of the United States, 1942, Vol. 3*. Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1961. 869 p.
16. *Foreign Relations of the United States, 1943, Vol. 3*. Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1963. 1151 p.
17. *Foreign Service. Personal Changes. Department of State Bulletin. February 14, 1942, Vol. 6, No. 138. Pub. 1697*. Washington, Government Printing Office, 1942, pp. 153-160.
18. Fox J.F. Jr. "In Passion and in Hope:" *The Pilgrimage of an American Radical, Martha Dodd Stern and Family, 1933–1990. PhD Diss. S. 1.*, University of New Hampshire, 2001. 408 p.
19. *Franklin Roosevelt Presidential Library. Harry L. Hopkins Papers. Box 140. File "Faymonville, Brig. General"*.
20. *Franklin Roosevelt Presidential Library. Harry Hopkins Papers. Box 157*.
21. *Franklin Roosevelt Presidential Library. Harry Hopkins Papers. Box 217*.
22. *Franklin Roosevelt Presidential Library. Harry Hopkins Papers. Box 309. File "Book 5: Aid to Russia"*.
23. *Franklin Roosevelt Presidential Library. Official File 220 – "Russia". Box 4*.
24. *Franklin Roosevelt Presidential Library. President's Official File 4341 – Harriman*.
25. Harriman W.A., Abel E. *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. New York, Random House, 1975. 595 p.
26. Henderson L.W. *A Question of Trust: The Origins of U.S. Soviet Diplomatic Relations: The Memoirs of Loy W. Henderson*. Stanford, CA, Hoover Institution Press, 1986. 579 p.
27. Herndon, J.S., Baylen J.O. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934–1943. *Slavic Review*, 1975, vol. 34, no. 3, pp. 483-505.
28. Hines C.W. *FDR's Admiral Diplomats: The Diplomacy of Expediency*. Pederson W.D., Howard S., eds. *Franklin D. Roosevelt and the Formation of the Modern World*. London, Routledge, 2016, pp. 122-137.
29. Langer J.D. *The Formulation of American Aid Policy Toward the Soviet Union, 1940–1943: the Hopkins Shop and the Department of State*. Ph.D. Diss. New Haven, Conn., Yale University Press, 1975. 248 p.
30. *Loy Henderson to Steinhardt. Washington. December 13, 1940. Library of Congress. Steinhardt Papers. 1940. Box 28*.
31. Mayers D. *FDR's Ambassadors and the Diplomacy of Crisis: From the Rise of Hitler to the End of World War II*. New York, Cambridge University Press, 2013. 372 p.
32. Mayers D. *The Ambassadors and America's Soviet Policy*. Oxford, Oxford University Press, 1995. 368 p.
33. Mayers D. The Great Patriotic War, FDR's Embassy Moscow, and Soviet – US Relations. *The International History Review*, 2011, vol. 33, no. 2, pp. 299-333.
34. Butler S., ed. *My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt*

and *Joseph V. Stalin*. New Haven, London, Yale University Press, 2008. 361 p.

35. O'Connor J.E. *Laurence A. Steinhardt and American Policy Toward the Soviet Union, 1939–1941*. Ph.D. Diss. S. 1., University of Virginia, 1968. 228 p.

36. *Proclamation 2352 – Proclaiming a National Emergency in Connection with the Observance, Safeguarding, and Enforcement of Neutrality and the Strengthening of the National Defense Within the Limits of Peace-Time Authorizations. September 8, 1939*. URL: [https://](https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-2352-proclaiming-national-emergency-connection-with-the-observance)

www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-2352-proclaiming-national-emergency-connection-with-the-observance (accessed 22 July 2020).

37. Stackman R.R. *Laurence A. Steinhardt: New Deal Diplomat, 1933–1945*. PhD Diss. S. 1., Michigan State University, 1967. 395 p.

38. Standley W.H., Ageton A.A. *Admiral Ambassador to Russia*. Chicago, IL, Henry Regnery Company, 1955. 533 p.

39. Trahair R.C.S., Miller R. *Encyclopedia of Cold War Espionage, Spies, and Secret Operations*. New York, Enigma Books, 2009. 612 p.

Information About the Author

Kristina V. Minkova, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>

Информация об авторе

Кристина Владимировна Минкова, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.6>

UDC 94(73)“1948”
LBC 63.3(4)6/63.3(7)

Submitted: 12.02.2021
Accepted: 07.05.2021

THE FEBRUARY 1948 CRISIS IN CZECHOSLOVAKIA: REACTION, ASSESSMENTS AND CONSEQUENCES FOR THE USA FOREIGN POLICY

Artem V. Zorin

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the reaction of American diplomatic, political and media circles, who were involved in the development of the US political course and the formation of mass sentiments, to the crisis in Czechoslovakia in February 1948. It reveals connections between the perceptions of political processes in Eastern Europe by various segments of the American political elite and the nature of political decisions made by the US government. *Methods.* The research is based on archival documents and articles of leading American papers. Their analysis allows us to consider the transformation of the image of Czechoslovakia, perceptions of its domestic and foreign policy, the evolution of assessments of Czechoslovak realities in the US, depending on the domestic and international situation and changing world situation. *Analysis.* In February 1948, during the tense political crisis, a communist regime was established in Czechoslovakia. This event completed the creation of the Soviet bloc in Europe, and influenced the development of the US containment policy towards the USSR and the escalation of the Cold War. The February crisis caused a tangible reaction in the United States. It was considered in American media, diplomatic and political circles in general context of growing international tension and Soviet-American controversies. *Results.* The author concludes that the US government was convinced that the communists' coup d'état was inspired by the Kremlin. The Americans were shocked by its suddenness and speed, the lack of resistance from democratic forces. This effect was used by the US government to whip up anti-Soviet sentiments and to adopt the Marshall Plan.

Key words: Czechoslovakia, USA, the Cold War, the February crisis of 1948 in Czechoslovakia, American-Czechoslovak relations, public opinion.

Citation. Zorin A. V. The February 1948 Crisis in Czechoslovakia: Reaction, Assessments and Consequenses for the USA Foreign Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 67-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.6>

УДК 94(73)“1948”
ББК 63.3(4)6/63.3(7)

Дата поступления статьи: 12.02.2021
Дата принятия статьи: 07.05.2021

ФЕВРАЛЬСКИЙ КРИЗИС 1948 г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ: РЕАКЦИЯ, ОЦЕНКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Артем Викторович Зорин

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается реакция американских дипломатических, политических и общественных кругов, причастных к выработке внешнеполитического курса страны и формированию массовых настроений, на политический кризис, произошедший в Чехословакии в феврале 1948 года. Выявляется взаимосвязь между распространенными в Америке представлениями о политических процессах в Восточной Европе и характером принимавшихся в тот момент в Вашингтоне политических решений. Исследование базируется на архивных документах и материалах прессы. Его основой является метод историко-динамического анализа, который позволяет рассмотреть изменение имиджа ЧСР, представлений о ее внутренней и внешней политике, эволюцию оценок чехословацких реалий в зависимости от внутренней и международной

ситуации, изменения положения США в мире. В феврале 1948 г. в Чехословакии был установлен коммунистический режим. Это событие завершило процесс создания советского блока в Европе, оказав влияние на политику США по сдерживанию СССР и эскалацию холодной войны. Февральский кризис 1948 г. в прессе, дипломатических и политических кругах США рассматривался в контексте общего нагнетания международной напряженности и советско-американских разногласий, став важным элементом укрепления в американском обществе консенсуса холодной войны. Этот эффект был использован правительством США для нагнетания антисоветских настроений и принятия Плана Маршалла. Обосновывается вывод: в государственном руководстве США сложилось стойкое убеждение, что приход коммунистов к власти в ЧСР был инспирирован Кремлем и должен оцениваться как государственный переворот. Американцев поразила его внезапность и быстрота, отсутствие сопротивления демократических сил.

Ключевые слова: Чехословакия, США, холодная война, февральский кризис 1948 г. в Чехословакии, американо-чехословацкие отношения, общественное мнение.

Цитирование. Зорин А. В. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии: реакция, оценки и последствия для внешней политики США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 67–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.6>

Введение. К началу 1948 г. Чехословацкая Республика (ЧСР) оставалась последней страной Восточной Европы, в которой сохранялась демократическая система. Формально власть принадлежала коалиции Национального фронта, состоявшего из восьми чешских и словацких партий. Однако в реальности в стране шла острая политическая борьба между коммунистами и противостоящими им прозападными демократическими силами. В 1945–1947 гг. ЧСР пережила череду политических кризисов, которые удавалось разрешать с помощью компромиссов. Некоммунистических политиков беспокоило растущее влияние левых сил, постепенно усиливавших контроль над различными центрами власти. В 1948 г. должны были пройти парламентские выборы, в преддверии которых ситуация стала обостряться.

Поводом к началу кризиса стал вопрос использования коммунистами, контролировавшими Министерство внутренних дел, полиции в своих политических интересах. С 13 по 20 февраля 1948 г. члены правительства от некоммунистических партий пытались добиться начала расследования деятельности МВД и отмены распоряжения о замене высокопоставленных полицейских офицеров в Праге членами компартии. Поскольку премьер-министр коммунист К. Готвальд оказывал этому противодействие, 20 февраля 12 министров от умеренных партий подали заявления об отставке. Они рассчитывали увлечь за собой колебавшихся социал-демократов, после чего ожидался роспуск действовавшего правительства и формирование нового. Однако планы демок-

ратических партий оказались ошибочными. 14 из 26 членов кабинета остались на своих местах. Это позволило Готвальду потребовать у президента Э. Бенеша сохранить правительство и заменить ушедших министров.

С 20 по 25 февраля Бенеш отказывался выполнить это требование, надеясь на сохранение прежнего кабинета. Однако под давлением организованных компартией и поддержавшими ее профсоюзами массовых акций он был вынужден согласиться на замену ушедших министров сторонниками коммунистов. Тем временем по призыву Готвальда в стране стали в массовом порядке создаваться комитеты действия, занимавшиеся «чисткой» всех учреждений от сторонников оппозиции. 25 февраля власть окончательно перешла к коммунистам. Хотя формально в стране сохранялась многопартийность, фактически все ведущие позиции захватила компартия. На следующий день США, Великобритания и Франция в совместном заявлении осудили установление в ЧСР однопартийной диктатуры и уничтожение демократии.

Чехословацкий кризис произошел в обстановке резкого ухудшения советско-американских отношений. Американские дипломаты, эксперты и СМИ внимательно следили за любыми шагами советского правительства на международной арене и искали доказательства тому, что СССР стремился к установлению полного контроля над Восточной Европой. Происходившее в ЧСР волновало все слои американского общества.

События в ЧСР 1948 г. позволяют конкретизировать, из каких именно фрагментов в

США формировался новый образ этого государства в один из самых переломных моментов его истории. Изменение политического режима в Чехословакии является одним из наиболее резонансных событий в Восточной Европе в конце 1940-х гг., не только повлекших корректировку политики США в этом регионе, но и повлиявших на состояние общественного мнения страны. Установление масштабов этих перемен и взаимосвязи между официальным курсом и настроением политической элиты, дипломатического и экспертного сообществ и представителей СМИ является целью настоящей статьи.

Дискуссия. Первым взаимоотношения США и ЧСР в послевоенные годы изучил американский историк У. Ульман. В написанной в духе ревизионизма монографии 1978 г. он поставил вопрос об эффективности политики США в отношении Чехословакии. Историк пришел к заключению, что захват власти коммунистами в этой стране отчасти был следствием отсутствия у Вашингтона ясного продуманного курса в отношении Праги. В результате госдепартамент не смог адекватно среагировать на февральский кризис, лишь констатировав свершившийся факт [40, p. 137]. К. Клементс и И. Лукеш во многом повторяли выводы Ульмана, указывая на слабость и неадекватность реакции США на чехословацкий кризис [12, p. 182, 190–199; 22, p. 185–191].

Киевский историк А.В. Потехин пришел к выводу, что правительство США целенаправленно отказалось от вмешательства в чехословацкий кризис и поддержки демократических сил, но использовало победу коммунистов для сплочения западных стран [6, с. 67–75].

Несколько иную точку зрения высказал Д. Гаррет. Он полагает, что американские специалисты предвидели скорое наступление коммунистов в ЧСР, но ошибались в отношении сроков и способа их действий. Реакция на кризис в самих США стала фактором внутривнутриполитической борьбы: противники республиканской администрации использовали его для критики внешней политики Вашингтона, а ее сторонники – для продвижения Плана Маршалла [15, p. 321–323, 332–334].

Большой интерес представляет статья американского историка К. Кубрихта, посвя-

щенная исследованию восприятия чехословацких событий в американской прессе. Он проанализировал стереотипизированные образы Чехословакии и их отражение в различных американских изданиях. Автор выявил, что февральский кризис вызвал большой интерес американских СМИ, повлияв на усиление антикоммунистических и антисоветских настроений в общественных и политических кругах США, что способствовало дальнейшей эскалации холодной войны [19].

Чешские и словацкие историки также обращались к проблеме восприятия Февральского кризиса в США. С. Михалец, П. Прокш, В. Сметана разделяют мнение, что Февральский кризис 1948 г. был воспринят в Америке как инспирированный Москвой государственный переворот. Вызвав аналогии с германской агрессией против ЧСР накануне Второй мировой войны, он спровоцировал волну страхов перед началом открытого конфликта с СССР и способствовал усилению антисоветских настроений. Последствия кризиса заключались в переходе США к активной борьбе с распространением коммунизма и формированию военно-политического союза со странами Западной Европы [31, s. 481–487]. ЧСР отныне стала восприниматься в качестве одного из советских сателлитов. Отказавшись открыто вмешиваться во внутренние дела Чехословакии, Вашингтон фактически прибег к введению экономических санкций, что привело к сокращению двусторонней торговли до минимального уровня к началу 1950-х гг. [23, s. 115–117, 134; 26, p. 202–216].

В советской и российской историографии чехословацкий кризис 1948 г. исследовался преимущественно в контексте политики СССР в Восточной Европе, генезиса холодной войны и становления блоковой дипломатии [1–3; 5]. Проблема восприятия чехословацких событий в США предметом изучения не становилась. Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Методы и материалы. Новый образ ЧСР в США формировался под влиянием различных факторов. Для определения и описания его основных характеристик в настоящей статье был применен метод историко-динамического анализа, который позволяет рассмотреть международные отношения и

внешнюю политику в их развитии и изменении. Он использовался для выделения основных, качественно отличающихся по своему содержанию этапов развития американской политики. С помощью этого метода рассмотрена трансформация имиджа Чехословакии в США, представлений о ее внутренней и внешней политике, эволюция оценок чехословацких реалий в прессе и экспертных сообществах США, в американском правительстве и во внешнеполитическом ведомстве в зависимости от руководящих принципов их деятельности и изменения положения США в мире.

Источниковой базой статьи послужили документы из Национального архива США, в основном не опубликованные. Был использован фонд Государственного департамента США Record Group 59 – General Records of the Department of State (RG 59). Decimal File 1945–1949. В частности, были изучены тематические разделы, касающиеся политики США в отношении ЧСР, органов государственной власти и политических партий в Чехии и Словакии, взаимодействия ЧСР и СССР. В документах госдепартамента отложились материалы иных государственных ведомств США, например данные американской военной разведки и имевшие отношение к внешней политике доклады других спецслужб [25; 34–37]. Ценная информация содержится на сайте электронного читального зала ЦРУ [28; 38].

Важным источником стал архив американского посла в ЧСР Л. Штейнгардта, хранящийся в Библиотеке Конгресса США [33; 42; 43]. В нем сосредоточена обширная личная переписка этого дипломата, передающая его взгляды на события, явления и процессы, наблюдавшиеся им в Чехословакии, и позволяющая оценить его восприятие этой страны и отдельных политических деятелей.

Многие американские дипломатические материалы содержатся в официальном многотомном сборнике документов госдепартамента Foreign Relations of the United States [14]. Полезные сведения по теме содержат регулярно издававшиеся «Бюллетени госдепартамента» [13]. Дипломатические документы дополняются материалами заседаний Конгресса США, в которых затронуты некоторые проблемы американско-чехословацких отношений [41].

При подготовке статьи использованы материалы прессы, прежде всего газет The New York Times, The Washington Post, оказывавших непосредственное влияние на общественное мнение в США и отражавших реакцию населения на важнейшие события чехословацкой истории [11; 16; 18; 20; 21; 24; 27; 29; 30; 32; 44; 45].

Еще одну группу источников составили интервью с работниками американского посольства в ЧСР, взятые в рамках исследовательского проекта по устной истории международных отношений Ассоциации дипломатических исследований и обучения (Association for Diplomatic Studies and Training) [17]. Они повествуют о повседневной жизни и деятельности американских дипломатов в Праге в послевоенные годы.

Анализ. Интерес к ЧСР в Америке вырос после отказа Праги под давлением Кремля от участия в Плане Маршалла летом 1947 года. Восприятие процессов, происходивших в этой стране, формировалось на основании разных источников.

Пресса. Когда осенью 1947 г. в стране разразился серьезный политический кризис, в New York Times появилось сообщение о возможности скорого наступления коммунистов в ЧСР. Но в целом сообщения о Чехословакии в американских СМИ оставались эпизодическими до февраля 1948 г. [19, p. 57]. К тому времени в Праге присутствовали сотрудники новостных агентств Associated Press (AP) и United Press (UP). Наиболее массовая и влиятельная газета New York Times располагала в ЧСР собственным корреспондентом – А. Россом. На протяжении почти двух недель их сообщения не сходили с первых страниц главных американских газет.

По своему содержанию эти репортажи носили антикоммунистический и антисоветский характер. Американские корреспонденты уверенно заявляли, что отставка умеренных министров была лишь реакцией на неправомерные действия компартии. Ее закрепление у власти характеризовалось как государственный переворот, сопровождавшийся вооруженными демонстрациями, гонениями на оппозицию и давлением на президента Бенеша.

25 февраля на первой полосе New York Times вышла статья Росса, в которой события в ЧСР были охарактеризованы как революция [29]. В другой статье заявлялось, что Чехословакия превратилась в тоталитарное государство, поскольку коммунисты захватили полицию, армию, органы власти и фабрики, провели чистки в оппозиционных партиях, подавили свободу прессы и слова [27]. В сообщении UP утверждалось, что отныне коммунисты контролировали почти все сферы жизни в ЧСР, а произошедший «бескровный переворот» стал самым радикальным изменением жизни чехословацкого общества с момента немецкой оккупации [16]. С этими оценками соглашались обозреватели столичной газеты Washington Post братья Джозеф и Стюарт Олсопы, констатировавшие, что чехословацкие коммунисты захватили власть путем открытого и безжалостного применения силы, установив тоталитарную диктатуру [11].

В последующие дни американские корреспонденты сообщали о развитии событий и новых подробностях кризиса, описывая картину разворачивавшегося коммунистического террора. 29 февраля в воскресных выпусках вышли первые обобщающие статьи, в большинстве из них уделялось внимание влиянию произошедших событий на международные отношения.

New York Times опубликовала сразу несколько статей. Росс заключал, что события в ЧСР продемонстрировали провал эксперимента по сосуществованию коммунизма и демократии. Причину победы коммунистов он видел в отличной подготовке и целеустремленности, из-за чего их демократические противники «оказались любителями, играющими против профессионалов» [30].

Д. Миддлтон полагала, что движущие силы произошедшего кризиса необходимо было искать за пределами Чехословакии, так как он направлялся из Москвы, стремившейся «уничтожить Чехословакию как источник заражения демократическим вирусом» своей «коммунистической империи». Миддлтон выделяла и экономический фактор – стремление СССР поставить под контроль мощную чехословацкую промышленность и заключала, что «быстрое и уверенное исключение Чехословакии из списка свободных наций» яви-

лось самой трагической победой СССР за последнее время. По ее мнению, русские уничтожили «последний оплот парламентской свободы в Центральной Европе», «взорвали последний мост», по которому План Маршалла мог повлиять на «сателлитов новой Российской империи», и восприняли тотальный успех коммунистов в Праге как сигнал к аналогичным действиям в других странах [24].

Обозреватель Э. Джеймс заключал, что коммунистический путч был вызван действиями Кремля, опасавшегося поражения коммунистов на предстоящих выборах и потери контроля над ЧСР. Во время кризиса Москва, по его мнению, действовала через прибывшего в Прагу заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина, который подталкивал Готвальда к решительным действиям, а тот оказывал давление на Бенеша. Это вмешательство, согласно Джеймсу, напоминало мюнхенский диктат 1938 года. Он также полагал, что далее Москва будет пытаться установить господство над всей Европой [18].

Дипломатический корреспондент Washington Post Ф. Кун назвал происходящее в Чехословакии самым грязным убийством гражданских свобод. Для него приход к власти коммунистов означал начало сходного с нацистским массового террора, включавшего «чистки, концентрационные лагеря и, возможно, расстрелы или виселицы» [20, р. В1]. Журналист отмечал, что Прага попала в зависимость от СССР гораздо ранее – когда летом 1947 г. подчинилась требованию Москвы не участвовать в Плане Маршалла. Чехи встретили кризис покорно, поскольку не привыкли к активному сопротивлению. Спасти Чехословакию было уже невозможно, но американцы могли сопротивляться наступлению коммунизма в других странах с помощью Плана Маршалла и иных мер поддержки Европы [20].

Специалист по Восточной Европе А. Виссон в своей колонке в Washington Post констатировал, что чехословацкие события серьезно повлияли на специалистов по международным отношениям в Вашингтоне, продемонстрировав крах последней надежды на возможность «ужиться с Советской Россией». Он напоминал читателям, что ранее Чехословакия рассматривалась как уникальный пример

государства, сочетающего демократический режим и союзные отношения с Москвой. По его мнению, решение Кремля окончательно установить в ней коммунистический режим было реакцией на ухудшение международной обстановки. Виссон считал, что для самой Чехословакии уже почти ничего нельзя было сделать, но любой следующий шаг Москвы следовало встречать вооруженным сопротивлением [44].

Из иных оценок кризиса можно привести вышедшую в июльском номере влиятельного журнала *Foreign Affairs* статью британского дипломата Р.Б. Локхарта «Чехословацкая революция». В ней рассматривались как внешние, так и внутренние факторы победы коммунистов. Автор отмечал, что активизация ими борьбы за власть началась летом 1947 г. после вмешательства Москвы в процесс выработки Прагой отношения к Плану Маршалла. Отставка демократических министров была лишь реакцией на этот акт. Но коммунисты воспользовались представившейся возможностью. Осуществленный ими переворот был «спонтанным и быстро организованным контрударом на законный, но неумелый тактический шаг антикоммунистических министров» [21, р. 641]. Пассивность умеренных политиков была вызвана «молниеносной быстротой» действий коммунистов. Демократически настроенная часть населения ничего не предпринимала из-за разобщенности и пассивности своих лидеров. Локхарт заключал, что часть вины лежала на правительствах США и Великобритании, не оказавших никакой поддержки демократическим силам. Революция стала случайным следствием выступления оппозиции. Советское руководство не провоцировало ее и не выбирало момент, но воспользовалось результатами, укрепив свои позиции в Восточной Европе [21].

В целом, как отмечает Кубрихт, американские СМИ в период кризиса представляли Чехословакию, используя четыре основных образа: как маленькую страну, окруженную агрессивными коммунистическими государствами и оказавшуюся посреди схватки великих держав; как либеральную демократию с западными традициями; как невинную жертву агрессии, вынужденную вновь пережить повторение мюнхенских событий

1938 г.; как страну во главе с политическими прагматиками и реалистами, выбравшими курс на сближение с СССР. При этом консервативные публицисты делали акцент на коммунистической агрессии, а либеральные уделяли больше внимания просчетам в политике США, способствовавшим очередному акту умиротворения агрессора за счет Чехословакии [19, р. 59–62].

Освещение кризиса в прессе способствовало усилению антисоветских настроений в США. Утверждая, что за ним стояла Москва, СМИ распространяли уже оформившийся в предшествующие годы образ СССР как экспансионистского и агрессивного государства, стремящегося к господству над всей Европой [8]. Публицисты подчеркивали неспособность политики умиротворения остановить агрессию. Поднимался вопрос о следующем шаге Кремля и способности США противостоять распространению коммунизма [19, р. 67–69]. Тем не менее реакция прессы не выходила за рамки осуждения коммунистического переворота. Несмотря на призывы сдерживать коммунизм в Западной Европе и других регионах мира, сама Чехословакия не воспринималась как жизненно важная страна для американских интересов [19, р. 71–72].

Дипломатические круги. Для госдепартамента стремительность развернувшихся в Праге событий стала полной неожиданностью. Хотя многие прогнозировали возможность коммунистического переворота, никто не ожидал, что он может произойти так скоро [17]. Неожиданностью стало и то, что это произошло без советского вмешательства и активного сопротивления со стороны населения, демократических сил и президента Бенеша.

Посольство США в Праге реагировало на зарождавшийся кризис с промедлением, его глава Л. Штейнгардт находился в отпуске и вернулся в ЧСР только 19 февраля. В последующие дни дипломатическое представительство работало в авральном режиме, направляя в Вашингтон по несколько телеграмм в день с обзорами происходивших событий.

Первую попытку осмыслить чехословацкий кризис Штейнгардт предпринял 26 февраля. Он констатировал, что в ЧСР произошел тщательно подготовленный коммуниста-

ми «безжалостный захват власти». Посол заявлял, что Готвальд использовал «гитлеровские методы давления» на президента Бенеша и рекомендовал госсекретарю выступить с резким заявлением, чтобы «оказать отрезвляющее воздействие» на упоенных победой коммунистов. Штейнгардт полагал, что еще было возможно «притормозить» наступление левых сил, помочь возрождению оппозиции и повлиять на действия Бенеша [14, р. 738–741].

Однако скоро стало понятно, что эти надежды были бесплодными. В дальнейшем Штейнгардт пытался более глубоко осмыслить предпосылки произошедшего и направил в Вашингтон два объемных послания, посвященных разбору причин и последствий кризиса: 12 марта (с небольшим дополнением от 17 марта) и 30 апреля [14, р. 747–754; 34]. В первом посол начинал отсчет подготовки захвата власти коммунистами с июля 1947 г., когда первоначальное согласие Праги на участие в Плане Маршалла вызвало серьезные опасения в Кремле потерять контроль над ЧСР. Наравне с ухудшением международной ситуации это подтолкнуло Москву к решению о полном подчинении этой страны с помощью коммунистов.

Среди внутренних факторов, побудивших последних к активным действиям, посол называл снижение их популярности и страх перед поражением на выборах. Штейнгардт полагал, что КПЧ намеревалась начать захват власти 22 февраля, опираясь на поддержку запланированного на этот день съезда рабочих советов. Но действия умеренных министров, совершенно неготовых к тому, что КПЧ решится на незаконные акции, ускорили события. Когда коммунисты обратились за поддержкой к «рабочим, крестьянам, лавочникам и рабочей интеллигенции... машина революции, тщательно подготовленная, хорошо смазанная и готовая к действию, была приведена в движение» [34, р. 5]. После начала кризиса коммунисты умело использовали пропаганду, обвиняя своих противников в реакционности и стремлении сорвать выборы. Они запугивали население и своих противников с помощью массовых демонстраций и арестов. Штейнгардт полагал, что быстрота событий и эффективность организации комитетов действий по всей стране свидетельствовали о подготовке коммунистами захвата власти.

Рассуждая о возможном советском вмешательстве, Штейнгардт заключал, что прибывший в Прагу под надуманным предлогом 19 февраля 1948 г. заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин имел единственную цель – поддержать компартию. Ссылаясь на неофициальную информацию, посол допускал, что он также оказывал давление на Бенеша. Через личное обращение к президенту либо через посредника он сообщил, что СССР «не будет наблюдать сложа руки, как иностранная реакция и империализм через своих агентов в Чехословакии препятствуют воле народа и сводят на нет достижения революции» [34, р. 11]. По информации посла, Зорин даже угрожал вводом советских войск в Чехословакию, если президент не выполнит требования коммунистов [14, р. 747–754; 34]. Как свидетельствуют советские архивные документы, это не соответствовало действительности [4, с. 218–223].

Главный вопрос, которым задавался Штейнгардт, заключался в том, почему в стране с глубокими демократическими традициями не было оказано почти никакого сопротивления захвату власти. Он выделял четыре причины: страх перед вводом советской армии; отсутствие умелого и эффективного руководства в антикоммунистическом лагере; ощущение бесполезности сопротивления (поскольку Америка и Запад ничем не помогут); особенности чешского национального характера – «угрюмое подчинение подавляющей силе». Посол особенно подчеркивал последний фактор: для чехов были характерны спокойствие, законопослушание, отсутствие склонности к героическому сопротивлению, тактика выжидания и компромисса. По его мнению, не более четверти населения поддерживало последние события, большинство же было просто напугано и видело в произошедшем повторение 1939 г. [34].

Позже посол добавил, что более всего его удивила именно «общественная летаргия». В разгар событий большинство людей продолжали жить нормальной жизнью, а чешское законопослушание было доведено до абсурдной крайности. Лишь после его окончания распространилось чувство стыда за то, что такое могло произойти в стране, гордившейся демократическими и культурными традиция-

ми. Штейнгардт также указывал на распространение «военного психоза»: многие ожидали скорого начала войны и полагали, что освобождение могло прийти только с Запада – из США. Посол отмечал также, что люди больше не доверяли местной прессе, чаще слушали иностранное радио в поисках интеллектуальных и культурных контактов с Западом [35].

В личных письмах Штейнгардт использовал более яркие образы для описания событий. В письме главе центрально-европейского отдела Госдепартамента Дж. Биму он образно сравнил коммунистический переворот с дорожным катком, уничтожившим все остатки демократии. По словам посла, здесь он работал гораздо лучше, чем в прибалтийских странах в 1939 г. или в Венгрии годом ранее: «Новая модель набирает больше оборотов в минуту, вибрирует гораздо меньше, движется гораздо быстрее... она очень хороша, когда идет на высокой скорости» [33].

В письме другому сотруднику отдела Г. Веделеру Штейнгардт замечал, что его поразила «овечья покорность цивилизованного сообщества в принятии ига», хотя больше 80 % населения были ошеломлены и возмущены произошедшим. 300 лет рабства изгнали из народа последнюю искру сопротивления любому, кто объявляет себя начальником [37]. Недели раньше он писал, что Чехословакия теперь живет в атмосфере страха, превратившись в один большой концлагерь [36].

Второй аналитический обзор Штейнгардта был более обширным. В нем истоки победы коммунистов были отнесены к подписанию чехословацко-советского союзного договора в 1943 году. Посол вновь акцентировал внимание на вине в произошедшем самих чехов. По его мнению, «маленькие люди», из которых преимущественно состояла чешская нация, были не готовые проявлять твердость, мужество и благородство в сложных обстоятельствах, предпочитая «склоняться перед политическими бурями» и не бороться за свободу. Их внешняя политика определялась неуверенностью в себе. Они постоянно нуждались в сильных союзниках, старались стравливать опасных соседей и лавировать. Но такая тактика не работала в новых обстоятельствах, когда требовалось твердо занять опре-

деленную сторону. Выбрав ориентацию на СССР, чехи не смогли сохранить близкие отношения с Западом. Москва же придерживалась политики невмешательства во внутренние дела ЧСР лишь до тех пор, пока состояние международных отношений не позволило ей перейти к более активным действиям.

По его мнению, США в годы войны недооценили важность долгосрочного стратегического планирования в Европе. Они сосредоточились на военных задачах, в то время как СССР вел военно-политическую борьбу. В результате среди чехов утвердилось мнение, что американцы «списали их», «передали их в советскую сферу влияния». У чехов не было иного выбора, кроме ориентации на СССР.

Штейнгардт признавал, что кризис начался с демарша демократических партий. Но коммунисты воспользовались представившейся возможностью. Они действовали агрессивно, смело и организованно, в то время как их противники были разобщены. Среди них «было очень много недоверия... болтовни и лишних телодвижений, и это стало причиной нерешительности и отсутствия позитивных действий со стороны умеренных сил» [14, р. 750]. Исход политической борьбы зависел от Бенеша, который подвергся сильному давлению со стороны Готвальда. Посол полагал, что президент уступил, опасаясь беспорядков и кровопролития, которые могли быть использованы как предлог для советской интервенции. На самом деле масштаб советской угрозы был сильно преувеличен. Доказательств советского вмешательства не было. Но Бенеш все равно уступил давлению, и ЧСР окончательно превратилась в полицейское государство, марионетку Москвы. Поскольку оппозиционные лидеры покинули страну или были арестованы, то, по мнению Штейнгардта, не следовало ожидать эффективного сопротивления в ближайшем будущем. Вашингтону посол предлагал сосредоточиться на пропаганде и разведке, которые могли принести пользу в долгосрочной перспективе [14, р. 747–754].

На основании сообщений посла в конце апреля в госдепартаменте был подготовлен обзор чехословацкой проблемы, в котором констатировалось следующее: коммунисты

использовали правительственный кризис в качестве повода для начала террора и установления коммунистической диктатуры; Бенеш утвердил состав нового правительства под давлением и вследствие ухудшения здоровья, что придало новому кабинету квазизаконный статус; коммунисты укрепили свою власть с помощью чисток и тоталитарной реорганизации политических, экономических, социальных и культурных институтов. Авторы документа рекомендовали: в дальнейшем действовать совместно с правительствами Великобритании и Франции; продолжить поддерживать отношения с новым правительством в Праге; урегулирование конкретных вопросов с ЧСР осуществлять на таких же условиях, что и с Венгрией и Польшей; избегать введения экономических санкций, которые могут привести к общей экономической войне с Восточным блоком; противодействовать выделению Праге кредитов Всемирного банка; строго регулировать экспорт промышленного оборудования, которое может быть использовано для усиления военного потенциала ЧСР; не использовать чехословацкий вопрос для выяснения отношений с СССР в ООН [39]. Эти рекомендации в дальнейшем легли в основу политики Вашингтона в отношении ЧСР.

Политические круги. Во время чехословацкого кризиса в США набирала силу предвыборная кампания. В 1946 г. республиканцы смогли получить большинство в Конгрессе, но исполнительную власть по-прежнему контролировала демократическая администрация Г. Трумэна. На протяжении нескольких месяцев продолжались дискуссии о принятии Плана Маршалла. В начале 1948 г. они вступили в завершающую фазу. Президентской администрации не удавалось обеспечить программу помощи Европе широкой общественной поддержкой и склонить на свою сторону большинство членов Конгресса. В таких условиях важные внешнеполитические события могли использоваться в качестве аргументов во внутривластной борьбе.

В этом смысле особенно отличился бывший соратник Ф. Рузвельта и кандидат в президенты Г. Уоллес, выступавший с леволлиберальных позиций. В конце февраля в одном из своих заявлений он объявил события в ЧСР

ответной реакцией Москвы на доктрину Трумэна. Уоллес заявлял, что «чехословацкая история» будет повторяться в других странах до тех пор, пока США продолжают вести жесткую политику в отношении России [45].

16 марта на пресс-конференции в Нью-Йорке Уоллес пошел дальше и обвинил Штейнгардта в подготовке «правого путча» в Чехословакии. Он полагал, что заявление посла, будто США по-прежнему надеялись на участие Чехословакии в Плана Маршалла, означавшее необходимость исключения коммунистов из правительства ЧСР, спровоцировало их на выступление [19, p. 71].

Госдепартамент категорически отверг подобные обвинения, заметив, что Штейнгардта даже не было в Праге в это время [19, p. 70; 32]. Сам Штейнгардт в письме Ведделеру жестко среагировал на слова Уоллеса. Он назвал его «неосведомленным и неосторожным», «невероятно глупым» человеком, пошедшим на поводу у коммунистической пропаганды [37]. Ведделер в ответном письме сообщил, что в госдепартаменте были возмущены и не могли понять, «как кто-то в здравом уме мог сделать такое фантастическое публичное заявление» [43, p. 3]. В дальнейшем Штейнгардт заметил, что был даже рад представившейся возможности разоблачить Уоллеса в прессе как марионетку коммунистов. Посол признавался, что раньше рассматривал его как «пустоголового, дезинформированного идеалиста», но теперь тот представлялся «самым опасным человеком в Соединенных Штатах для... демократии, свободы и образа жизни» [36, p. 5].

Либеральные американские СМИ поддерживали позицию Уоллеса, указывая на то, что Москву подталкивала к действиям непродуманная политика США. Но большинство изданий выступили против подобных утверждений [19, p. 71].

Своеобразно реагировали на чехословацкий кризис американские законодатели. Тон выступлений большинства членов Конгресса соответствовал освещению событий в прессе. Но прежде всего они обращали внимание на последствия чехословацких событий для внутривластной обстановки в США.

25 февраля чехословацкий вопрос впервые был вынесен на обсуждение в палате

представителей. Конгрессмен чешского происхождения К. Стефан (респ., Небраска) заявил, что Чехословакия была поработана коммунистами и «оказалась в концентрационном лагере подчиненных наций», призвал не допустить повторения подобного в США. По его мнению, для этого было необходимо «отбивать любые попытки национализации промышленности», «искоренять коммунистическое влияние со стороны профсоюзов», бороться за сохранение свободной прессы и радио, «требовать абсолютной лояльности со стороны всех государственных служащих», не допускать проникновения коммунистов в ФБР и военное ведомство [41, р. 1700].

В дальнейшем Чехословакия упоминалась главным образом в контексте обсуждения Плана Маршалла. Его сторонники ссылались на ЧСР для обоснования сдерживания коммунизма с помощью срочной помощи Европе. Их противники задавали резонный вопрос, почему предоставленная ранее США Чехословакии огромная экономическая помощь не помешала коммунистам прийти к власти и насколько целесообразным было повторение этого опыта [41, р. 1769–1770, 1892, 2025].

Широкий отклик в Конгрессе вызвало самоубийство министра иностранных дел ЧСР Я. Масарика. Будучи по матери американцем, он длительное время жил в США и был лично знаком со многими американскими политиками. У Масарика была репутация сторонника демократии и американского образа жизни. В день его гибели 10 марта сразу несколько конгрессменов выступили в палате представителей с соболезнованиями. Общий тон их выступлений сводился к тому, что смерть Масарика символизировала уничтожение свободы в Чехословакии [41, р. 2472–2475]. Аналогичным образом в Сенате отозвались С. Лукас (дем., Иллинойс) и А. Ванденберг (респ., Мичиган), назвав Масарика мучеником, погибшим за свободу [41, р. 2608].

В тот же день госсекретарь Дж. Маршалл на пресс-конференции назвал сложившуюся в Европе ситуацию «очень, очень серьезной» и связал смерть Масарика с исчезновением свободы и установлением царства террора в Чехословакии [13].

Чехословацкий кризис сыграл на руку президентской администрации, позволив ис-

пользовать тезис о коммунистической экспансии. 17 марта Трумэн выступил в Конгрессе, заявив, что «трагическая смерть Чехословацкой республики шокировала цивилизованный мир», и обвинил СССР в «уничтожении независимости и демократии в целом ряде стран Восточной и Центральной Европы». В связи с этим он просил Конгресс ускорить принятие Плана Маршалла [39, р. 241; 41, р. 2997].

Вскоре после этого Сенат, а затем и палата представителей проголосовали за выделение средств на программу восстановления Европы. Тогда же были предприняты первые шаги, направленные на формирование НАТО [7; 10, р. 108–109].

Результаты. Февральский кризис в Чехословакии вызвал многочисленные отклики в США. И в прессе, и в дипломатических, и в политических кругах он рассматривался в общем контексте международных отношений и внешней политики СССР и стал важным элементом укрепления в стране «консенсуса холодной войны», оформление которого в США набирало обороты в течение предшествовавших месяцев [9, с. 136].

В государственном руководстве сложилось стойкое убеждение, что приход коммунистов к власти имел характер государственного переворота, за которым стояла Москва. Американцев поразила внезапность и быстрота произошедших событий, а также неспособность демократических сил и населения страны противодействовать коммунистам. ЧСР воспринималась как жертва советской агрессивной экспансии. Однако вопрос о вмешательстве в ее дела не поднимался. Обсуждалась лишь ответная реакция в рамках дипломатических и экономических мероприятий.

Многие аналитики в США воспринимали коммунистический переворот как завершение начавшегося еще в годы Второй мировой войны процесса переориентации Чехословакии на СССР. Скоропостижная гибель последней демократической страны Восточной Европы прежде всего вызывала опасения дальнейшего распространения коммунизма на запад – в Италию и Францию. Эти настроения были использованы правительством США для нагнетания антисоветских настроений и проведения через конгресс Плана Маршалла, а впоследствии – усиления американского присутствия в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова, Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.) / Н. Е. Быстрова. – М. : Кучково поле, 2007. – 489 с.
2. Марьяна, В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948 / В. В. Марьяна. – М. : Индрик, 2013. – 488 с.
3. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Т. В. Волокитина [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 686 с.
4. Мурашко, Г. П. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство (По новым материалам российских архивов) // Мурашко Г. П. Избранное. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2011. – С. 205–229.
5. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. / В. О. Печатнов. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – 752 с.
6. Потехин, А. В. Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг. / А. В. Потехин. – Киев : Наукова думка, 1991. – 138 с.
7. Сергунин, А. А. Отношения администрации Г. Трумэна с Конгрессом по вопросу о принятии «Плана Маршалла» / А. А. Сергунин // Из истории международных отношений XX века (взаимосвязь внутренней и внешней политики). – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1991. – С. 5–14.
8. Юнгблюд, В. Т. «Образы Российской Империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. / В. Т. Юнгблюд // США: Экономика, политика, идеология. – 1998. – № 6. – С. 66–78.
9. Юнгблюд, В. Т. Новая и очень нужная парадигма: «Длинная» телеграмма Дж.Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты / В. Т. Юнгблюд // Вехи американской истории : сб. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.В. Согрина. – М. : ИВИ РАН, 2015. – С. 117–138.
10. Abrams, V. The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements of Interdependency / V. Abrams // The Marshall Plan Fifty Years After / ed. by M. A. Schain. – New York : Palgrave, 2001. – P. 93–116.
11. Alsop, J. Matter of Fact: Crisis In Prague / J. Alsop, S. Alsop // The Washington Post. – 1948. – Febr. 25. – P. 13.
12. Clements, C. W. The Development and Failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948 : PhD dissertation / C. W. Clements. – Oxford (Ohio) : Miami University, 2004. – 223 p.
13. Communist Seizure of Power in Czechoslovakia // The Department of State Bulletin. – 1948. – Vol. XVIII, № 455. – P. 381.
14. Foreign Relations of the United States, 1948. – Vol. IV: Eastern Europe; The Soviet Union. – Washington : USGPO, 1974. – 1166 p.
15. Garrett, J. V. Apotheosis: Czechoslovakia and the Coup in the American Peace, 1938–1948 : PhD dissertation / J. V. Garrett. – Bowling Green (Ohio) : Bowling Green State University, 1987. – 567 p.
16. Hold on Unions and Police Used in Taking Over National Life // The Washington Post. – 1948. – Febr. 25. – P. 1.
17. Interview with H.C. Vedeler // Frontline Diplomacy. The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training. – Electronic text data. – Mode of access: www.loc.gov/item/mfdipbib001217 (date of access: 31.01.2021). – Title from screen.
18. James, E. The Political Tragedy of Dr. Eduard Benes / E. James // The New York Times. – 1948. – Febr. 29. – P. E3.
19. Kubricht, A. P. Reporting the Cold War: The American Press Reports the 1948 Communist Rise to Power in Czechoslovakia / A. P. Kubricht // The Portrayal of Czechoslovakia in the American Print Media, 1938–1989 / Ed. by G. C. Ference. – New York : Columbia University Press, 2006. – P. 55–74.
20. Kuhn, F. Europe Fearful as Czech Liberties Vanish / F. Kuhn // The Washington Post. – 1948. – February 29. – P. B1.
21. Lockhart, R. B. The Czechoslovak Revolution / R. B. Lockhart // Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 26, № 4. – P. 632–644.
22. Lukes, I. On the Edge of the Cold War: American Diplomats and Spies in Postwar Prague / I. Lukes. – New York : Oxford University Press, 2012. – 280 p.
23. Michálek, S. Nádeje a vytriezvenia (Československo-Americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951) dejiny a fakty / S. Michálek. – Bratislava : VEDA, 1995. – 186 s.
24. Middleton, D. Soviet Push Westward Long in the Making / D. Middleton // The New York Times. – 1948. – Febr. 29. – P. E5.
25. Offie to the Secretary of State. April 2, 1948 // US National Archives and Records Administration. – Record Group 59. – Central Decimal File 1945–1949. – File 860F.00/4-248.
26. Prok, P. Československo a Zápád 1945–1948 (Vztahy Československa se Spojenými státy, Velkou Británií a Francií v letech 1945–1948) / P. Prok. – Praha : ISV nakladatelství, 2001. – 327 p.
27. Red Triumph in Prague // The New York Times. – 1948. – Febr. 26. – P. 22.
28. Review of the World Situation as it Relates to the Security of the United States. March 10, 1948 // CIA FOIA Electronic Reading Room. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp67-00059a000500070011-7> (date of access: 31.01.2021). – Title from screen.
29. Ross, A. Czech Reds Seizing Power / A. Ross // The New York Times. – 1948. – Febr. 25. – P. 1.

30. Ross, A. The Communist Way: How Czechoslovakia Was Taken Over / A. Ross // The New York Times. – 1948. – Febr. 29. – P. E5.

31. Smetana, V. Ani vojna, ani m̄kr. Velmocí, Československo a st̄edn̄k Evropa v sedmi dramatech na prahu druhé sv̄tové a studené v̄lky / V. Smetana. – Praha : Lidove noviny, 2016. – 663 s.

32. State Dept. Refutes Wallace's Czech Story // The Washington Post. – 1948. – March 17. – P. 11.

33. Steinhardt to Beam. March 31, 1948 // L. A. Steinhardt papers, 1929–1950. – Library of Congress. – Box 95.

34. Steinhardt to the Secretary of State. March 12, 1948 // US National Archives and Records Administration. – Record Group 59. – Central Decimal File 1945–1949. – File 860F.00/3-1248.

35. Steinhardt to the Secretary of State. March 17, 1948 // US National Archives and Records Administration. – Record Group 59. – Central Decimal File 1945–1949. – File 860F.00/3-1748.

36. Steinhardt to Vedeler. April 1, 1948 // US National Archives and Records Administration. – Record Group 59. – Central Decimal File 1945–1949. – File 860F.00/4-148.

37. Steinhardt to Vedeler. March 23, 1948 // US National Archives and Records Administration. – Record Group 59. – Central Decimal File 1945–1949. – File 860F.00/3-2348.

38. Techniques of the Communist Seizure of Power in Czechoslovakia. Undated // CIA FOIA Electronic Reading Room. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-00915r000400030001-3> (date of access: 31.01.2021). – Title from screen.

39. Truman, H. Memoirs. Vol. II. Years of Trial and Hope / H. Truman. – Garden City : Doubleday & Company, 1956. – 594 p.

40. Ullmann, W. The United States in Prague, 1945–1948 / W. Ullmann. – New York : Boulder, 1978. – 205 p.

41. US Congress. Congressional Record. – Vol. 94, pt. 2, 3. – Washington : USGPO, 1948.

42. Vedeler to Steinhardt. April 28, 1948 // L. A. Steinhardt papers, 1929–1950. – Library of Congress. – Box 57.

43. Vedeler to Steinhardt. March 23, 1948 // L. A. Steinhardt papers, 1929–1950. – Library of Congress. – Box 57.

44. Visson, A. Rape of Czechoslovakia / A. Visson // The Washington Post. – 1948. – Febr. 29. – P. B4.

45. Wallace Blames US in Prague Coup // The New York Times. – 1948. – Febr. 28. – P. 2.

REFERENCES

1. Bystrova N.E. *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoianiiia v Evrope (1945–*

1955 gg.) [USSR and the Formation of the Military-Bloc Confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 489 p.

2. Marina V.V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek. 1884–1948* [The Second President of Czechoslovakia Edvard Benesh: A Politician and a Person. 1884–1948]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 488 p.

3. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F., Pokivailova T.A. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): Ocherki istorii* [Moscow and Eastern Europe. Formation of the Soviet-Type Political Regimes (1949–1953): Essays on History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 686 p.

4. Murashko G.P. Fevral'skii krisis 1948 g. v Chekhoslovakii i sovetskoe rukovodstvo (Po novym materialam rossiiskikh arkhivov) [The February Crisis of 1948 in Czechoslovakia and the Soviet Leadership (By the New Documents from Russian Archives)]. Murashko G.P. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2011, pp. 205–229.

5. Pechatnov V.O. *Stalin, Ruzvelt, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2006. 752 p.

6. Potekhin A.V. *Diplomatiia SShA v Vostochnoi Evrope 1945–1950 gg.* [US Diplomacy in Eastern Europe of 1945–1950]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1991. 138 p.

7. Sergunin A.A. Otnosheniya administratsii G. Trumena s Kongressom po voprosu prinyatii «Plana Marshalla» [Relations Between the Truman Administration and Congress on the Adoption of the Marshall Plan]. *Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii KhKh veka (vzaimosvyaz' vnutrennei i vneshnei politiki)* [From the History of International Relations of the Twentieth Century (Correlation Between Domestic and Foreign Policy)]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo Nizhegor. un-t, 1991, pp. 5–14.

8. Yungblyud V.T. «Obrazy Rossiiskoi Imperii» i vneshnepoliticheskoe planirovanie v SShA v 1944 – 1945 gg. [“Images of the Russian Empire” and Foreign Policy Planning in the United States in 1944–1945]. *SShA: Ekonomika, politika, ideologiya* [USA: Economy, Politics, and Ideology], 1998, no. 6, pp. 66–78.

9. Yungblyud V.T. Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma: «Dlinnaya» telegramma Dzh.F. Kennana kak al'ternativa printsipam Yalty [New and Needed Paradigm: J.F. Kennan's “Long” Telegram As an Alternative to the Yalta Principles]. *Vekhi amerikanskoi istorii: sb. st., posvyashch. 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V.V. Sogrina* [Milestones in American History. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V.V. Sogrin]. Moscow, IVI RAN, 2015, pp. 117–138.

10. Abrams B. The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements of Interdependency. Schain M.A., ed. *The Marshall Plan Fifty Years After*. New York, Palgrave, 2001, pp. 93-116.
11. Alsop J., Alsop S. Matter of Fact: Crisis in Prague. *The Washington Post*, 1948, February 25, p. 13.
12. Clements C.W. *The Development and Failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948: PhD Dissertation*. Miami University, Oxford (Ohio), Miami University, 2004. 223 p.
13. Communist Seizure of Power in Czechoslovakia. *The Department of State Bulletin*, 1948, vol. 18, no. 455, p. 381.
14. *Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. 4. Eastern Europe; The Soviet Union*. Washington, USGPO, 1974. 1166 p.
15. Garrett J.V. *Apotheosis: Czechoslovakia and the Coup in the American Peace, 1938–1948. PhD Dissertation*. Bowling Green (Ohio), Bowling Green State University, 1987. 567 p.
16. Hold on Unions and Police Used in Taking over National Life. *The Washington Post*, 1948, February 25, p. 1.
17. Interview with H.C. Vedeler. *Frontline Diplomacy. The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training*. URL: www.loc.gov/item/mfdipbib001217 (accessed 31 January 2021).
18. James E. The Political Tragedy of Dr. Eduard Benes. *The New York Times*, 1948, February 29, p. E3.
19. Kubricht A.P. Reporting the Cold War: The American Press Reports the 1948 Communist Rise to Power in Czechoslovakia. Ference G.C., ed. *The Portrayal of Czechoslovakia in the American Print Media, 1938–1989*. New York, Columbia University Press, 2006, pp. 55-74.
20. Kuhn F. Europe Fearful As Czech Liberties Vanish. *The Washington Post*, 1948, February 29, p. B1.
21. Lockhart R.B. The Czechoslovak Revolution. *Foreign Affairs*, 1948, vol. 26, no. 4, pp. 632-644.
22. Lukes I. *On the Edge of the Cold War: American Diplomats and Spies in Postwar Prague*. New York, Oxford University Press, 2012. 280 p.
23. Michálek S. *Nádeje a vytriezvenia (Československo-americké hospodárske vzťahy v rokoch 1945–1951) dejiny a fakty* [Hopes and Soberings (Czechoslovak-American Economic Relations in 1945–1951). History and Facts]. Bratislava, VEDA, 1995. 186 p.
24. Middleton D. Soviet Push Westward Long in the Making. *The New York Times*, 1948, February 29, p. E5.
25. Office to the Secretary of State. April 2, 1948. *US National Archives and Records Administration*, record group 59, central decimal file 1945–1949, file 860F.00/4-248.
26. Prokš P. *Československo a Západ 1945–1948 (Vztahy Československa se Spojenými státy, Velkou Británií a Francií v letech 1945–1948)* [Czechoslovakia and the West 1945–1948 (Czechoslovakia's Relations with the United States, Great Britain and France in 1945–1948)]. Prague, ISV nakladatelství, 2001. 327 p.
27. Red Triumph in Prague. *The New York Times*, 1948, February 26, p. 22.
28. Review of the World Situation As it Relates to the Security of the United States. March 10, 1948. *CIA FOIA Electronic Reading Room*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp67-00059a000500070011-7> (accessed 31 January 2021).
29. Ross A. Czech Reds Seizing Power. *The New York Times*, 1948, February 25, p. 1.
30. Ross A. The Communist Way: How Czechoslovakia Was Taken Over. *The New York Times*, 1948, February 29, p. E5.
31. Smetana V. *Ani vojna, ani mír: Velmoci, Československo a střední Evropa v sedmi dramatech na prahu druhé světové a studené války* [Neither War Nor Peace. Great Powers, Czechoslovakia and Central Europe in Seven Dramas on the Threshold of World War II and the Cold War]. Prague, Lidove noviny, 2016. 663 p.
32. State Dept. Refutes Wallace's Czech Story. *The Washington Post*, 1948, March 17, p. 11.
33. Steinhardt to Beam. March 31, 1948. *L.A. Steinhardt Papers, 1929–1950*. Library of Congress, box 95.
34. Steinhardt to the Secretary of State. March 12, 1948. *US National Archives and Records Administration*, record group 59, central decimal file 1945–1949, file 860F.00/3-1248.
35. Steinhardt to the Secretary of State. March 17, 1948. *US National Archives and Records Administration*, record group 59, central decimal file 1945–1949, file 860F.00/3-1748.
36. Steinhardt to Vedeler. April 1, 1948. *US National Archives and Records Administration*, record group 59, central decimal file 1945–1949, file 860F.00/4-148.
37. Steinhardt to Vedeler. March 23, 1948. *US National Archives and Records Administration*, record group 59, central decimal file 1945–1949, file 860F.00/3-2348.
38. Techniques of the Communist Seizure of Power in Czechoslovakia. Undated. *CIA FOIA Electronic Reading Room*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-00915r000400030001-3> (accessed 31 January 2021).
39. Truman H. *Memoirs. Vol. II. Years of Trial and Hope*. Garden City, Doubleday & Company, 1956. 594 p.

40. Ullmann W. *The United States in Prague, 1945–1948*. New York, Boulder, 1978. 205 p.

41. *US Congress. Congressional Record*. Washington, USGPO, 1948, vol. 94, parts 2, 3.

42. Vedeler to Steinhardt. April 28, 1948. *L.A. Steinhardt Papers, 1929–1950*. Library of Congress, box 57.

43. Vedeler to Steinhardt. March 23, 1948. *L.A. Steinhardt Papers, 1929–1950*. Library of Congress, box 57.

44. Visson A. Rape of Czechoslovakia. *The Washington Post*, 1948, February 29, p. B4.

45. Wallace Blames us in Prague Coup. *The New York Times*, 1948, February 28, p. 2.

Information About the Author

Artem V. Zorin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University, Moskovskaya St, 36, 610000 Kirov, Russian Federation, arzor@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-9036>

Информация об авторе

Артем Викторович Зорин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, 610000 г. Киров, Российская Федерация, arzor@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-9036>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.7>

UDC 94(73) 1901/1953
LBC 63.3(0)63

Submitted: 19.10.2020
Accepted: 23.12.2020

DEVELOPMENT BY RAND CORPORATION OF PRACTICAL GUIDELINES FOR THE U.S. ARMED FORCES IN VIETNAM BASED ON ANALYSIS OF JAPANESE EXPERIENCE WITH THE MANCHURIAN REBELS ¹

Stanislav G. Malkin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Sergey O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Recently, the interest of representatives of the expert and scientific community has been growing in the transformations of one of the most famous practices of rebel activity after the Second World War – the Maoist model of people’s war. Its interpretations in the framework of expert support for the foreign policy activities of the USA are prompted with great attention and caution not only to the role of methodological restrictions, disciplinary filters, the intellectual climate and relations with customers of analytic products of this kind. No less important, as this article shows, are the transfers of ideas and practical experience – the usual debate about the export of democratic and socialist models of development during the Cold War often consists of a scientific discussion on the periphery of the question of the importance of exporting the Chinese model of people’s war in the history of international relations after 1945. *Methods and materials.* Interdisciplinarity is the feature of research. The search for the political connotations in the RAND reports wrote during the Cold War and devoted to the experience of counterinsurgency in Manchuria during the 1930s demanded the use of the methods practiced by the historical and political sciences simultaneously. *Analysis.* Accordingly, particular attention was paid to the peculiarities of expert support for decision-making in the United States at the initial stage of the Cold War in the context of the RAND activities, which in the framework of cooperation with the Ministry of Defense practically monopolized the analytical support of American politics in Vietnam and South-East Asia as a whole in the organization of counterinsurgency in the 1960s. The focus of the research is the study by RAND experts of the historical experience of previous powers on the example of forms and methods of anti-insurgency activities of the leadership of the Manchukuo and Kwantung army in Manchuria which reveals both the phenomenon and the causes of the distortion of historical realities of the Interbellum era during the Cold War. *Results.* The RAND experts thought that the Chinese case of the Interbellum offered the answers on two major questions of tactics and strategy of counterinsurgency in the “Third world”: on the enemy, as well as on the ways and methods to crush him. But methodological self-containment lessened critical value of that memorandum and made it more easier the infiltration of the key ideas about the Chinese model of the people’s war widely presented in the government, military and political circles of the USA during the 1960s into the research made by the RAND Corporation experts.

Key words: Chinese model, people’s war, partisan war, RAND corporation, USA experts’ community, South-East Asia.

Citation. Malkin S.G., Buranok S.O. Development by RAND Corporation of Practical Guidelines for the U.S. Armed Forces in Vietnam Based on Analysis of Japanese Experience with the Manchurian Rebels. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 81-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.7>

**РАЗРАБОТКА КОРПОРАЦИЕЙ РЭНД ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ
ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США ВО ВЬЕТНАМЕ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ОПЫТА БОРЬБЫ ЯПОНИИ С МАНЬЧЖУРСКИМИ ПОВСТАНЦАМИ ¹****Станислав Геннадьевич Малкин**

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Сергей Олегович Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В фокусе исследования – изучение экспертами РЭНД исторического опыта на примере форм и методов антиповстанческой деятельности руководства Маньчжоу-го и Квантунской армии в Маньчжурии в 1930-е гг., что позволяет выявить как феномен, так и причины искажения исторических реалий времен Интербеллума в эпоху холодной войны. Основное внимание уделено особенностям экспертного сопровождения принятия решений в США на начальном этапе холодной войны в контексте деятельности корпорации РЭНД в рамках сотрудничества с Министерством обороны, практически монополизировавшей аналитическое обеспечение американской политики во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии в целом в вопросах организации контрпартизанской борьбы в 1960-е годы. Китайский случай времен Интербеллума давал, как полагали эксперты РЭНД, исчерпывающие ответы сразу на 2 основных вопроса стратегии и тактики борьбы с повстанческими движениями в странах «третьего мира»: как о самом противнике, так и о том, как его одолеть. Однако методологические самоограничения не только снижали критическую ценность этих меморандумов, но и облегчали проникновение ключевых для американской общественно-политической жизни 1960-х гг. мифологем о китайской модели народной войны в исследовании экспертов корпорации РЭНД. *Вклад авторов.* С.Г. Малкин определил аналитическую рамку изучения особенностей антиповстанческой борьбы в Маньчжурии в 1930-е гг., применявшуюся экспертами РЭНД; проанализировал особенности восприятия военными США форм, методов и направлений антиповстанческой деятельности в Маньчжурии в 1930-е гг., что позволило выявить динамику изменений в трактовках этого феномена в кругах американских экспертов в 1960-е годы. С.О. Буранок проанализировал меморандум РЭНД «Антиповстанчество в Маньчжурии: японский опыт, 1931–1940» (Чон-Сик Ли, 1967 г.), доклады и аналитические справки японских военных о военно-политической ситуации в Маньчжурии и мерах по оптимизации антиповстанческой активности; установил причинно-следственные связи между содержанием основной части доклада и избирательным подходом к составлению приложения к нему; на примере анализа ситуации в Маньчжурии в 1930-е гг. способствовал определению места и значения военно-исторических исследований в деятельности американского экспертного сообщества, включая аналитиков корпорации РЭНД.

Ключевые слова: китайская модель, народная война, партизанская война, корпорация РЭНД, экспертное сообщество США, Юго-Восточная Азия.

Цитирование. Малкин С. Г., Буранок С. О. Разработка корпорацией РЭНД практических рекомендаций для вооруженных сил США во Вьетнаме на основе анализа опыта борьбы Японии с маньчжурскими повстанцами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 81–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.7>

Введение. Конвенциональный характер Второй мировой войны вытеснил из поля зрения американских военных опыт повстанческой активности в Китае в условиях японской оккупации, включая ситуацию в Маньчжурии 1930-х гг., вплоть до начала активного вмешательства США в события в Южном Вьетнаме в начале 1960-х годов. Более того, природа

партизанского движения в Китае 1930-х гг. осмысливалась американскими военными и гражданскими экспертами до и после Второй мировой войны в разных концептуальных категориях. Народная война в 1930-е гг. чаще всего воспринималась ими как форма партизанской борьбы (то есть скорее на тактическом уровне), а в 1960-е гг. – как модель для

организации широкой повстанческой деятельности (на стратегическом уровне) [2; 14; 16; 23]. При этом между завершением Второй мировой войны и началом войны во Вьетнаме антиповстанческие операции, инициированные Вашингтоном, находились в ведении ЦРУ и только в исключительных случаях получали поддержку со стороны Сил специальных операций США. Уместно заметить, что эта же участь постигла институциональную память о многих других асимметричных конфликтах в эпоху Интербеллума с американским участием, прежде всего в Латинской Америке.

Соответственно, только в начале 1960-х гг. народная война как особая форма сопротивления иностранному вторжению стала рассматриваться американским экспертным сообществом как важная аналитическая модель в рамках сотрудничества с Пентагоном в изучении специфики повстанческих движений. Первенство принадлежало корпорации РЭНД, о которой достаточно сказать, что это была единственная «фабрика мысли» с собственным офисом в Сайгоне во время войны во Вьетнаме [4]. В 1962 г. в тесном сотрудничестве с Пентагоном РЭНД организовала в Вашингтоне симпозиум по проблемам контрпартизанской борьбы в странах «третьего мира». Так было положено начало долгой истории тесного взаимодействия корпорации с Министерством обороны США в деле освоения антиповстанческого опыта ведущих держав XX века.

В этой связи предмет анализа данной статьи – отношение экспертов корпорации РЭНД к японскому опыту антиповстанческой деятельности в Маньчжурии в 1930-е гг. – анализируется в более широком контексте экспертного сопровождения политики Вашингтона в Юго-Восточной Азии в годы холодной войны, представляющего собой объект предлагаемого исследования. Цель статьи состоит в выявлении особенностей отношения экспертов РЭНД к возможностям практического применения «уроков истории» в политике США во Вьетнаме. В этой связи основные задачи авторы статьи определяют следующим образом: 1) проанализировать концептуальные параллели между учреждением «коллективных» / «оборонительных» деревень в Маньчжурии и организацией «стратегических» деревень во Вьетнаме и «новых» в британской

Малайе в 1950–1960-е гг. в интерпретации экспертов корпорации РЭНД; 2) выявить роль малайского опыта контрпартизанской борьбы в рамках режима чрезвычайного положения в этой колонии в 1948–1960 гг. в выборе акцентов при анализе экспертами корпорации РЭНД антиповстанческой деятельности Японии в Маньчжурии в 1930-е гг.; 3) систематизировать принципы отбора источниковой базы ключевого доклада РЭНД по обозначенной выше проблеме; 4) определить самоограничения экспертов в выборе методологической и идейной основы, обусловившие проведение многих исследований корпорации РЭНД по заданной переменной.

Методы и материалы. Ключевой доклад корпорации РЭНД по проблеме, непосредственно посвященный специфике (контр-)партизанской войны в Китае в 1930-е гг. «Антиповстанчество в Маньчжурии: японский опыт, 1931–1940» подготовил доктор политических наук Чон-Сик Ли [10]. И, несмотря на то, что автор меморандума вырос в Корее и Китае (в том числе и в Маньчжурии), в профессиональном плане он состоялся именно в США, изучая историю и теорию антиповстанческой деятельности в университетах Дартмута, Принстона, Беркли, а ученую степень доктора наук он получил в Калифорнийском университете. Аналитическая рамка доклада Ли об особенностях организации антиповстанческой деятельности японцев в Маньчжурии в 1930-е гг. отражала методологические подходы и исследовательские принципы, характерные для американского экспертного сообщества в 1960-е годы.

Именно поэтому меморандум Ли среди других докладов РЭНД 1960-х гг. вызывает особый интерес, являясь одновременно типичным для своей группы и уникальным с точки зрения выбранной темы, хотя многие другие эксперты корпорации, анализировавшие проблематику антиповстанчества, затрагивали и маоистскую модель народной войны. В этой связи неудивительно, что доклад Ли говорит не только и, порой, не столько о японской политике в Маньчжурии в 1930-е гг., сколько о политике США во Вьетнаме в 1960-е годы.

Особенности источниковой базы принятого авторами исследования определили его междисциплинарный характер. Выявление в анализируемых в статье докладах

РЭНД актуальных для эпохи холодной войны политических коннотаций, скрытых в сугубо военно-исторических, на первый взгляд, сюжетах, связанных с опытом организации контрпартизанской борьбы в Маньчжурии в 1930-е гг., обусловило применение методов исторической и политической наук одновременно. Сочетание новой политической истории, предполагающей учет всего комплекса неполитических факторов на ход исторического процесса, и системного подхода, зародившегося в политической науке как раз в 1950–1960-е гг. и акцентирующего внимание на внутренних взаимосвязях составных частей единого политического процесса, позволило поместить предмет анализа – позицию корпорации РЭНД относительно роли и возможностей практического применения «уроков истории» японского присутствия в Маньчжурии в политике США во Вьетнаме в 1960-е гг., в широкий контекст экспертного сопровождения корпорацией внешнеполитических усилий Вашингтона в Юго-Восточной Азии в годы холодной войны.

Кроме того, особое значение в подготовке данной статьи имели историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. Выявление преемственности в применении опыта антиповстанческой деятельности в эпоху Интербеллума и после Второй мировой войны позволило как реконструировать направления и формы его трансфера на идейном и содержательном уровне в самих США, от экспертов к политикам и генералам, так и обосновать рабочую гипотезу о направленности этого процесса применительно к политике Японии в Маньчжурии в сравнении с мерами европейских держав в заморских колониях, пересмотреть их отношение к восприятию апробированных азиатской державой мер обеспечения колониального контроля.

Анализ. Исследование Ли подготовлено в рамках более масштабного и длительного проекта корпорации РЭНД по изучению исторических прецедентов антиповстанчества на предмет выявления универсальных «уроков истории», которые вооруженные силы США могут применить во Вьетнаме. Тематическая широта меморандумов и совещаний впечатляет: от специальных операций союзников в Бирме против японцев во время Вто-

рой мировой войны до антиповстанческих мероприятий в британских и французских колониях после ее завершения [3; 5; 18–22].

В этой связи неудивительно, что разбор японской политики массовой организации «коллективных» или «оборонительных» поселений представлял собой, по сути, завуалированную критику политики США по организации «стратегических деревень» во Вьетнаме (как замысла, заметно разошедшегося с аналогичными историческими прецедентами в Юго-Восточной Азии, так и его практического воплощения, исказившего смысл предлагавшейся меры). Более того, этот сюжет недвусмысленно отсылал потенциальных читателей и заказчика аналитической продукции к аналогичному британскому опыту в Малайе в 1950-е гг. в связи с повстанческой активностью коммунистов из числа этнических китайцев, опиравшихся на местную китайскую общину (прежде всего в том, что касалось физического разделения инсургентов и гражданского населения, а также ограничения доступа повстанцев к продуктам питания и (в теории чаще, чем на практике) повышения экономической эффективности домохозяйств в организованных колониальными властями новых укрепленных поселениях).

Интригующим остается вопрос о том, являлись ли (и, если да, то до какой степени) «новые деревни» в Малайе во время режима чрезвычайного положения в 1950-е гг. осознанным заимствованием японского опыта «коллективных / оборонительных поселений» в Маньчжурии в 1930–1940-е гг., особенно, если допустить весьма вероятное обращение японцев к более раннему британскому колониальному опыту по учреждению в Индии института политических офицеров в XIX в. (прежде всего для работы в Северо-Западной пограничной провинции и полосе независимых племен на беспокойной границе с Афганистаном) и строительства укрепленных деревень в Бирме в те же 1930-е гг. как одного из способов борьбы с местными повстанцами. В меморандуме Ли речь идет о деятельности японских «политических офицеров» в Маньчжурии, причем со ссылками на первоисточники – японские доклады и рапорты [10, р. 231–238, 243–258]. Если это предположение не лишено оснований, то, следовательно, опиравшаяся

яся на малайский опыт практика возведения «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме являлась в таком случае опосредованным заимствованием японского опыта в Маньчжурии (помимо его целенаправленного анализа в одном из меморандумов РЭНД).

Кроме того, параллели с британским опытом в Малайе без труда угадываются в заметном внимании автора меморандума к определенной этнической политике в Маньчжоу-го (попытки японцев опереться в Маньчжурии на лояльное корейское меньшинство, а также на собственно маньчжурское и монгольское население в 1930-е гг. были созвучны мерам британской колониальной администрации по расширению поддержки малайского большинства в 1950-е гг.), формированию и обучению отрядов самообороны «коллективных поселений» (как в случае с «новыми деревнями» в Малайе и «стратегическими деревнями» во Вьетнаме), а также к выделению этапов организации контрпартизанской борьбы в Маньчжурии (отражавших, как и в Малайе, эволюцию военного мышления в части выбора приоритетов антиповстанческой деятельности). Ли не мог не учитывать малайский опыт, определявший в первой половине 1960-х гг. (и много позже) интеллектуальный климат в отделах корпорации РЭНД, которые занимались изучением проблем антиповстанческой деятельности [11; 12]. Так, в 1964 г. в корпорации была подготовлена серия меморандумов, содержащих анализ контрпартизанской борьбы в британской Малайе после Второй мировой войны [18–22]. Их автор – Р. Сандерлэнд, недвусмысленно заметил, что восстание в Малайе было организовано «по модели китайских коммунистов» – «герилья, которая следует китайскому примеру» [20, р. 1].

В целом, Ли поместил маньчжурский случай антиповстанческой деятельности в более широкий колониальный контекст истории Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны: «Проблемы японских сил, задействованных в контрпартизанской борьбе, напоминали те, с которыми французы столкнулись в Индокитае после 1945 г., хотя, в отличие от французов, японцы преуспели в разгроме повстанцев» [10, р. 76]. Хронологическое совпадение «падения» Китая в 1949 г., объявления режима чрезвычайного положения в британ-

ской Малайе в 1948 г. и начала партизанской войны Вьетмина против колониальной администрации французского Индокитаа в 1946 г. подтверждало в глазах экспертов и военно-политической элиты США состоятельность разработанной еще в 1950-е гг. «теории домино», принятой затем на вооружение администрациями американских президентов и опровергнутой развитием событий в том же Вьетнаме уже в 1970-е гг. [6; 15; 24–26].

При этом прагматичный интерес аналитиков РЭНД вызывал не столько опыт вчерашнего противника сам по себе, сколько возможности его сопоставления с колониальным опытом европейских держав в регионе на общей основе – с учетом особенностей маоистской модели народной войны и перспектив ее трансфера в другие страны Юго-Восточной Азии в контексте политики США во Вьетнаме. В меморандуме предложена конструктивная критика реалий американского вмешательства в дела этой страны после 1965 г. (в связи с переходом от попыток завоевать «сердца и умы» местных жителей в рамках социально-экономических мер под защитой военных к политике, направленной на то, чтобы «найти и уничтожить» противника в прямом вооруженном столкновении). Соответственно, основные положения меморандума отражали на экспертно-аналитическом уровне как бюрократическую борьбу в Пентагоне, обусловленную ростом влияния сторонников традиционного, силового подхода к решению вьетнамской проблемы в связи со сменой президентов и снижением политического веса приглашенных Кеннеди в администрацию и Министерство обороны гражданских экспертов, так и связанные с ней разногласия в корпорации РЭНД, причем из уст японских офицеров, служивших в Маньчжурии в 1930-е годы.

Особое внимание следует обратить на структуру меморандума Ли. Этот документ представляет собой довольно обстоятельный аналитический обзор контрпартизанской борьбы в Маньчжурии и внушительное приложение к нему в виде переведенных на английский язык источников – отчетов профильных ведомств Маньчжоу-го и рапортов японских офицеров о развитии ситуации в Маньчжурии и организации ими антиповстанческих мер. Характерно, что вторая часть меморандума едва ли не

больше по объему, чем первая, и содержит только те документы, в которых отражено мнение, совпадающее с позицией Ли. Фактически основное предназначение приложения заключалось в том, чтобы представить документальное, но при этом весьма избирательное подтверждение основных выводов автора меморандума «Антиповстанчество в Маньчжурии» 1967 года.

В качестве примера такого избирательного подхода, неизбежно обусловившего проведение исследования «по заданной переменной», можно привести публикацию в приложении к меморандуму, подготовленному Ли, небольшого фрагмента исследования о «коммунистах-инсургентах» в Маньчжурии (всего лишь 105 из более чем 1 000 страниц машинописного текста), которое являлось частью еще более широкого проекта по изучению мер в сфере внутренней безопасности, осуществленного Консультативным отделом Министерства обороны Маньчжоу-го в 1937 г. (то есть прикомандированными к нему военными советниками из числа офицеров Квантунской армии Японии, расквартированной в Маньчжурии), а именно второй части второго тома, посвященного мерам против «коммунистов-бандитов», в которой речь идет о «коллективных поселениях». Эта публикация, составившая по объему практически половину всех документов в приложении к меморандуму РЭНД об антиповстанческих мерах японцев в Маньчжурии была призвана сделать аргументацию Ли в этом вопросе (судя по характеру меморандума, наиболее существенном для него с точки зрения применимости этого опыта во Вьетнаме в 1960-е гг.) более веской [10, р. 79–184].

При этом автор доклада не являлся твердым сторонником какого-то одного подхода к решению проблем повстанческой активности, хотя политика завоевания «сердец и умов» местных жителей казалась ему более предпочтительной, чем меры, основанные на «теории стоимости» и активно применявшиеся в странах «третьего мира» при поддержке и с подачи Вашингтона [1; 7; 9; 17]. Ли обращал внимание на то, что руководство Маньчжоу-го и командование Квантунской армии слишком поздно приступили к реализации антиповстанческих мер (как и Сайгон и американс-

кая армия в Южном Вьетнаме, по мнению ряда экспертов корпорации РЭНД, где подобные программы тоже запустили слишком поздно, а некоторые другие, наоборот, свернули слишком рано). Автор вновь обращает внимание на то, что «военные операции должны осуществляться в тесной координации с планом умиротворения, включающим политические, социальные и экономические программы» [10, р. 69].

В этой связи и в меморандуме и в рапортах японских офицеров содержится общая рекомендация: в Маньчжурии необходимо учредить должность, которая по своему функционалу совмещала бы военную и гражданскую власть, аналогично должности Верховного комиссара Малайи, подразумевая наиболее близкий американцам в 1960-е гг. пример. Эксперты РЭНД часто говорили о роли «ответственного командира» в обеспечении единства управления и оптимизации антиповстанческих мер: «Необходимость единой американской военно-политико-экономической стратегии разительно контрастирует с нашим традиционным ведением “малых войн”» [16, р. 8]. Главный урок, по мнению автора меморандума, заключается в том, что военные операции и умиротворение должны идти рука об руку. И в этом смысле «специальные операции» японцев в Маньчжурии в 1930-е гг., по мнению Ли, служат хорошим примером. Фактически речь шла об антиповстанческих мерах, предполагавших реализацию как плана минимум – сокращения поддержки повстанцев среди местного населения, так и плана максимум – завоевания массовой поддержки с его стороны, которая, однако, как указывал Ли, возможна только в ограниченных масштабах [10, р. 12–13, 21–24].

Рассуждая об эффективности социально-экономических мер Маньчжоу-го и японцев в Маньчжурии, автор меморандума, как и многие аналитики РЭНД, колебался между различными стратегиями завоевания народной поддержки, когда требовалось изложить общесистемные выводы, выходящие за рамки исторического кейса, разбираемого им в меморандуме. Так, в другом докладе этой «фабрики мысли» также отмечалось, что центральная роль в победе над повстанцами принадлежит народной поддержке, следовательно, социально-экономические мероприятия имеют большое значение. Вместе с тем в этой

же работе обращалось внимание на то, что это не единственный фактор победы [24].

Общий вывод относительно реакции японских военных на повстанческую активность в Маньчжурии вполне разделяли – только применительно к поведению американских военных уже во Вьетнаме – практически все аналитики РЭНД, вне зависимости от того, какую стратегическую линию контрпартизанской борьбы они считали наиболее действенной. Руководство Квантунской армии, как отмечается в меморандуме, только к 1936 г., когда коммунисты уже очевидно доминировали в антияпонском партизанском движении в Маньчжурии, осознано, что герилья это другой, особый тип войны а не продолжение конвенционального конфликта, хотя и в весьма специфической форме: «Те, кто находился в руководстве Маньчжоу-го и руководители японской армии [в Маньчжурии] все еще были заняты решением проблемы уничтожения партизан скорее, чем [решением] долгосрочной проблемы завоевания активной поддержки масс» [10, р. 53].

Вместе с тем Ли выводит за рамки обсуждения вопрос о характере японского присутствия в Маньчжурии. Только во введении к меморандуму автор приводит свою точку зрения на этот вопрос – речь шла об оккупации с опорой на «марионеточный» режим, державшийся на штыках миллионной группировки японских войск в этой китайской провинции. Чаще автор смещает акценты: во-первых, он обращает внимание на то, что «традиционно негативное отношение к правительству представляло трудный вызов» для властей Маньчжоу-го и руководства Квантунской армии (необходима эффективная администрация, действующая в правовом поле – также идея из арсенала британского колониального опыта); во-вторых, предпочитает говорить о политэкономии антиповстанчества: завоевание народной поддержки и изоляция инсургентов привели к «фундаментальным сдвигам в условиях жизни китайских масс» [10, р. 70]. Между тем, игнорирование фактора иностранного военного присутствия при отсутствии легитимности в глазах местного населения (в данном случае – жителей всего Китая, не только Маньчжурии) при изучении степени успешности антиповстанческой деятельности где-то препятствовало переходу от анализа

тактических мер к рекомендациям стратегического характера, а чаще и вовсе уводило разговор в ложном направлении (выводя за скобки один из основных побудительных мотивов повстанческой деятельности).

Наконец, доклад отражает эволюцию экспертного знания на Западе после Второй мировой войны – от колониального знания к региональным исследованиям. Ли говорит о квалифицированном экспертном знании местной специфики как об одном из факторов успешной антиповстанческой деятельности, солидаризируясь с японскими офицерами, решавшими эту задачу в Маньчжурии. В одном из рапортов японских офицеров в приложении речь идет о необходимости учреждения института политических офицеров на британский манер – без прямых отсылок к колониальному опыту, но вплоть до упоминания об их должной физической подготовке и выносливости, необходимых для решения сложных военно-политических задач в отдаленных и беспокойных районах Маньчжурии, где можно было полагаться лишь на себя, включая необходимые знания о регионе [10, р. 243–258].

Выводы меморандума Ли в этой части представляли собой ангажемент корпорации РЭНД (и другим «фабрикам мысли», принимавшим активное участие в холодной войне в «третьем мире» на экспертном уровне) – в конечном итоге небезосновательно утверждалось, что масштабные и глубокие региональные исследования это верный залог построения эффективной разведывательной системы на местах. Эксперты РЭНД экстраполировали выводы, полученные в результате операционально-системного анализа отдельных исторических прецедентов, на особенности глобального противостояния сверхдержав эпохи холодной войны, обращая внимание, что «вовлечение Москвы, Пекина или Гаваны в борьбу местных сил затронет интересы Соединенных Штатов», а, следовательно, необходимо развивать региональные исследования по всему спектру потенциальных угроз [8, р. 7].

Автор доклада пишет о том, что в Квантунской армии имела место определенная институционализация знания такого рода в форме рапортов, информационно-аналитических справок и пространственных исследований о военно-политической и социально-экономической

ситуации в Маньчжурии в 1930-е гг., а также ее топографической съемки (выполненной так профессионально, что после завершения Второй мировой войны ее результатами пользовались уже сами американцы): «Весьма вероятно, что японские архивы сегодня содержат больше информации о коммунистическом движении [в Маньчжурии], чем любая другая коллекция [документов] в мире, включая ту, которой располагает коммунистический Китай» [10, р. 73]. Кроме того, функционировали специальные курсы для офицеров Квантунской армии, где они должны были получать необходимый набор познаний о крае для решения административных и пропагандистских задач. Хотя, как тут же замечает автор меморандума, пропаганда в Маньчжурии часто велась в отрыве от знания о местной специфике (весьма актуальный комментарий для действий американцев во Вьетнаме во второй половине 1960-х гг. и изменения отношения в Пентагоне к сотрудничеству с американским экспертным сообществом за пределами военного ведомства) [10, р. 62–63].

Результаты. Таким образом, в целом японский опыт организации контрпартизанской борьбы в Маньчжурии в 1930-е гг. в Пентагоне в 1960-е гг. воспринимали двояко. С одной стороны, именно в нем усматривали истоки той формы революционной войны, с которой пришлось иметь дело во Вьетнаме и других странах «третьего мира». С другой, недавняя история Китая предлагала, как казалось аналитикам РЭНД (взгляды которых не всегда разделял их заказчик – Министерство обороны США), пример во многом успешной организации антиповстанческой деятельности – вооруженными силами Маньчжоу-го и, главным образом, японской Квантунской армии в Маньчжурии в 1930-е годы. Китайский случай времен Интербеллума давал, как полагали эксперты на этом этапе холодной войны, исчерпывающие ответы сразу на 2 основных вопроса стратегии и тактики борьбы с повстанческими движениями в различных странах «третьего мира»: как о самом противнике, так и о том, как его одолеть. Иными словами, необходимо было решить «две основные задачи: [преодолеть] сопротивление организованных вооруженных групп и [обеспечить] умиротворение враждебного населения» [10, р. v].

При этом принципиально важный побудительный мотив для перехода той или иной политически мотивированной группы к китайской модели народной войны – иностранное военно-политическое присутствие, лишенное легитимности в глазах местного населения – аналитики РЭНД часто выводили за скобки, преувеличивая, а часто и ошибочно усматривая роль пресловутой «руки Москвы» (а также Пекина или Гаваны) в этом процессе. Кроме того, заказчик аналитической продукции корпорации РЭНД – Министерство обороны США – рассчитывал получить от этой «фабрики мысли» практические рекомендации по решению поставленных Вашингтоном задач, а не развернутую критику внешнеполитического курса США в отношении стран «третьего мира». Такое методологическое самоограничение (обусловленное спецификой контрактных отношений), в свою очередь, не только снижало критическую ценность меморандумов, посвященных теории и практике антиповстанческой деятельности, но и облегчало проникновение ключевых для американской общественно-политической жизни 1960-х гг. мифологем о китайской модели народной войны в исследования экспертов корпорации РЭНД.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена в рамках проекта № 073-00065-21-01 от 14.07.2021 государственного задания Министерства просвещения РФ.

The research is prepared within the project № 073-00065-21-01 of 14.07.2021 of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation.

REFERENCES

- Berger M.T. *From Nation-Building to State-Building*. London, New York, Routledge, 2008. 222 p.
- Blaufarb D.S. *Organizing and Managing Unconventional War in Laos, 1962–1970*. Santa Monica, RAND Corp., 1972. 120 p.
- Hosmer S.T., Crane S.O., eds. *Counterinsurgency. A Symposium, April 16–20, 1962*. Santa Monica, The RAND Corp., 1963. 182 p.
- Elliot M. *RAND in Southeast Asia. A History of the Vietnam War Era*. Santa Monica, RAND Corp., 2010. 696 p.

5. Galula D. *Pacification in Algeria. 1956–1968*. Santa Monica, RAND Corp., 2006. 326 p.
6. George A.L. *Some Thoughts on Graduated Escalation*. Santa Monica, RAND Corp., 1965. 37 p.
7. Gilman N. *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore, John Hopkins University Press, 2003. 344 p.
8. Goldsen J.M. *Counterinsurgency and Research in 1970*. Santa Monica, RAND Corp., 1965. 20 p.
9. Heir A., Robinson N. *State-Building: Theory and Practice*. London, Routledge, 2007. 220 p.
10. Lee C.-S. *Counterinsurgency in Manchuria: The Japanese Experience, 1931–1940*. Santa Monica, RAND Corp., 1967. 362 p.
11. Long A.G. *Doctrine of Eternal Recurrence. The U.S. Military and Counterinsurgency Doctrine, 1960–1970 and 2003–2006*. Santa Monica, RAND Corp., 2008. 48 p.
12. Long A.G. *On “Other War”: Lessons from Five Decades of RAND Counter-Insurgency Research*. Santa Monica, RAND Corp., 2006. 119 p.
13. Marks T.A., Rich P.B. Back to the Future – People’s War in the 21st Century. *Small Wars & Insurgencies*, 2017, vol. 28, iss. 3, pp. 409-425.
14. Mozingo D.P., Robinson T.W. *Lin Piao on People’s War. China Takes a Second Look at Vietnam*. Santa Monica, RAND Corp., 1965. 34 p.
15. Reinhardt G.C. *America’s Crossroads – Vietnam*. Santa Monica, RAND Corp., 1967. 22 p.
16. Reinhardt G.C. *Guerilla-Combat, Strategy and Deterrence in Southeast Asia*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 27 p.
17. Simpson B. *Economists with Guns: Authoritarian Development and U.S.-Indonesian Relations, 1960–1968*. Stanford, Stanford University Press, 2008. 376 p.
18. Sunderland R. *Antiguerrilla Intelligence in Malaya, 1948–1960*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 80 p.
19. Sunderland R. *Army Operations in Malaya, 1947–1960*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 267 p.
20. Sunderland R. *Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947–1960*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 95 p.
21. Sunderland R. *Resettlement and Food Control in Malaya*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 145 p.
22. Sunderland R. *Winning the Hearts and Minds of the People: Malaya, 1948–1960*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 70 p.
23. Greene T.N., ed. *The Guerrilla – and How to Fight Him. Selections from the Marine Corps Gazette*. New York, Washington, London, 1965. 328 p.
24. Wolf C. *Some Aspects of the Value of Southeast Asia to the United States. 1962–1963*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 23 p.
25. Wolfe T.W. *Soviet Strategy at the Crossroads*. Santa Monica, RAND Corp., 1964. 362 p.
26. Zasloff J.J. *Communist China’s Support to the Vietminh, 1946–1954*. Santa Monica, RAND Corp., 1967. 96 p.

Information About the Authors

Stanislav G. Malkin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of World History, Law and Methods of Education, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, s.g.malkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9522-7926>

Sergey O. Buranok, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History, Law and Methods of Education, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, witch-king-1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

Информация об авторах

Станислав Геннадьевич Малкин, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, s.g.malkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9522-7926>

Сергей Олегович Буранок, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, witch-king-1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.8>

UDC 94(73)1958/1960
LBC 63.3(0)63

Submitted: 26.06.2021
Accepted: 09.11.2021

THE KURDS IN THE U.S. IRAQI POLICY IN 1958–1960

Alexey I. Sennikov

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the U.S. Middle East Policy of the Eisenhower Administration in 1958–1960 and determines the part the Kurdish Question played in it. *Methods and materials.* The study is based on the latest U.S. declassified documents, interviews, memoirs, etc. The author does the problem-chronological analysis to describe the stages of the U.S. Policy toward Iraqi Kurds during the period specified. *Analysis.* The article is focused on the U.S. diplomatic and intelligence activities aimed at developing approaches to the “communist crisis” and disagreements that arose in the expert community regarding policy decisions. The author considers the U.S. relations with their regional partners (Turkey, Israel, Iran, etc.) on the issues of the “Iraqi crisis” and the Kurdish liberation movement. The paper describes Washington’s attitude to Mullah Mustafa Barzani – the Kurdish movement leader – and the KDP activities during Iraq’s post-Revolution instability. The author analyzes and summarizes the reasons why the U.S. was reluctant to involve in the domestic conflict between Qasim’s followers, Nationalists, Nasserites, Communists and Kurds. *Results.* The article shows that the CIA and the State Department often misjudged Qasim’s relationship with the Iraqi Communist Party and the national Kurdish movement and, as a result, did not have enough time to respond to the rapidly changing political situation, thus adopting the policy of benevolent neutrality.

Key words: U.S. Middle East Policy, Eisenhower Doctrine, Kurdish Question, Mustafa Barzani, Abd al-Karim Qasim, internationalization of internal conflicts.

Citation. Sennikov A.I. The Kurds in the U.S. Iraqi Policy in 1958–1960. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 90-100. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.8>

УДК 94(73)1958/1960
ББК 63.3(0)63

Дата поступления статьи: 26.06.2021
Дата принятия статьи: 09.11.2021

КУРДЫ В ИРАКСКОЙ ПОЛИТИКЕ США В 1958–1960 ГОДАХ

Алексей Иванович Сенников

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена ближневосточной политике администрации Д. Эйзенхауэра в 1958–1961 гг. и определению роли в ней курдского вопроса. Исследование основано на вышедших в открытый доступ интервью, мемуарах, недавно рассекреченных документах различных американских ведомств и пр. Применена методология проблемно-хронологического анализа для рассмотрения основных этапов американской политики в отношении иракских курдов в рассматриваемый период. Основное внимание уделено активности и принимаемым решениям дипломатического и разведывательного ведомств США, связанных с выработкой подходов к иракскому «коммунистическому кризису», а также возникавшим в экспертной среде разногласиям по его оценкам. Автором рассмотрена проблематика отношений США с региональными партнерами (Турцией, Ираном, Израилем и др.) по существу «иракского кризиса» и роли курдского национально-освободительного движения в нем. Показано восприятие Вашингтоном лидера курдского движения Мустафы Барзани и активности курдской партии ДПК в период иракской постреволюционной нестабильности. Рассмотрены и проанализированы причины, по которым США, несмотря на негативное отношение к режиму Касема, не стали вмешиваться во внутренний иракский конфликт между сторонниками Касема, националистами-насеристами, коммунистами и курдами.

Ключевые слова: ближневосточная политика США, доктрина Эйзенхауэра, курдский вопрос, Мустафа Барзани, Абдель Керим Касем, интернационализация внутренних конфликтов.

Цитирование. Сенников А. И. Курды в иракской политике США в 1958–1960 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 90–100. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.8>

Introduction. After the start of the Cold War, the U.S. Administration sought to strengthen and secure their positions in the Middle East [32, p. 301]. This region played a significant role in U.S. Foreign Policy because the world's largest reserves of hydrocarbon resources concentrated here. The U.S. economic interests (both public and private) pushed the American leadership to an active regional policy, ousting competitors, and expanding existing positions. Having established cooperation with London, Washington considered the growing Soviet influence to be the main threat to its strategic interests in the region. The “Eisenhower Doctrine”¹ of 1957 served as a political basis for supporting the Middle Eastern countries. The American leadership relied on the pro-Western regimes of Turkey, Syria, Iran and Iraq [31, p. 405]. The USA was forced to face the dilemma of the subjectivity of the Kurds, due to their lack of a national state and the division between the four designated states. The Kurdish national liberation at whole movement was seen as one of the destabilizing factors. It is believed that the focus of the movement leaders on the USSR determined the anti-Kurdish trend in Washington's foreign policy for a long time ahead [30].

The Kurdish Question in the U.S. foreign policy is one of the under researched contemporary historical topics. However, studying the development of Washington's approach to the Kurdish movement is an urgent scientific task. The article aims at clarifying the motives and characteristics of the U.S. Government (USG) policy on the Kurdish issue in Iraq after the 1958 Revolution. This problem seems to be relevant and scientifically significant from the point of view of the genesis of the U.S. Middle East policy in the 1950–1980s, which had an impact on the political processes in this region in the first decades of the 21st century. This topic is also essential in understanding for logic and decision-making principles of the Eisenhower Administration in relation to the Kurdish movement divided by the borders of four states.

Methods and materials. The article adopts a problem-chronological approach which allows analyzing the development and stages of the U.S. Policy on the Kurdish Question in 1958–1960s. A wide range of sources was used: the documents of the U.S. State Department (Foreign Relations of the United States), the Central Intelligence Agency (CIA), the National Security Council (NSC), and interviews with eyewitnesses.

The Soviet historiography for the 1950s was mainly focused on the positive dynamics of the internal political development and interethnic relations in Iraq. In this regard can be mentioned studies by M. Gasratyan, Sh. Mgoi, and A. Fedchenko which are devoted to the United States and their attitude to the Kurdish problem in the Middle East [6; 10; 20; 21].

As for modern Russian historiography, the studies by O. Zhigalina, M. Lazarev, S. Minasyan, N. Stepanova investigate the Kurdish issue and the role the American factor has played in it [15; 22; 27; 33]. The article by A. Urazov is worth special mention; it provides a scrupulous analysis of Washington's reaction to the Iraqi Revolution of 1958 and the first reaction of the Eisenhower Administration to Abd al-Karim Qasim regime [28].

In Western historiography, the Kurdish Question is mainly studied in the context of the U.S. – Soviet confrontation during the Cold War period. There are some studies on the history of the Kurds done by American and British historians (M. Gunter, D. McDowall, M. Charountaki, E. O'Ballance and Y. Voller) which address the American factor (see: [3; 12; 18; 23; 29]). The American-Lebanese historian L. Meho carried out a study analyzing a lot of sources on the Kurdish Question in U.S. Foreign Policy [14]. The monographs by B. Gibson and H. Ali dealing with the Kurdish issue in the American policy within the specified time framework also deserve special attention [1; 11].

Analysis. On July 14, 1958, a coup took place in Iraq which led to overthrow of the monarchy; as a result left-wing nationalist forces

came to power led by Brigadier Abd al-Karim Qasim and Colonel Abd al-Salam Arif [25, p. 357]. The Brigadier headed a new government composed of Nasserites (advocates of pan-Arabism ideology of Gamal Abdel Nasser) and members of various left-wing groups (Ba'athist, communists, etc.). The Cabinet issued anti-Western slogans and proclaimed a course seeking rapprochement with Egypt [28, p. 92]. The first country to recognize the Qasim government was the United Arab Republic (UAR – a union of Egypt and Syria). It was followed by the socialist-orientated countries, including the USSR [24].

For the Eisenhower Administration, both the coup and the subsequent change in the new Iraqi policy towards the Soviet Bloc came as a surprise [28, p. 93]. The White House interpreted subsequent events as evidence of the growing Soviet threat and they were called the “Iraqi Crisis” (or “the Communist Crisis in Iraq”) [14, p. 434]. A Special Committee on Iraq (SCI) was created at the initiative of Secretary of State John Foster Dulles, which was headed by his deputy William M. Rountree [14, p. 435]. It included representatives of the Defense Ministry, the Joint Chiefs of Staff (JCS), the Information Agency (USIA), the CIA and the NSC.

The Americans considered the return of the Kurdish leader Mullah Mustafa Barzani to Baghdad in October 1958, who had been in exile in the USSR since 1946, as evidence of strengthening of the Soviet presence in Iraq [11, p. 9]. The American government regarded the “Red Mullah” and his supporters as Soviet influence carriers: Barzani participated in the revolt against the governments of Iraq and Iran in the 1940s, and he was hostile towards Turkey where the Kurdish people were suppressed [8, p. 345].

The U.S. Ambassador to Iraq Waldemar J. Gallman (from November 3, 1954 to December 14, 1958) wrote in his letter on the situation in Iran as of October 14 about the Kurdish Threat to Iraqi stability and the danger of recruiting the Kurdish leaders by Russians and Nasserites [8, p. 346]. Gallman reported that Qasim was not an advocate of the communist ideology, and that the communist forces did not become stronger as a result of the struggle for power in August – September 1958 (one of the intermediate results of which was that the Ba'athists and Nasserites

left the government) [8, p. 347]. Taking into account the tolerant attitude of the new government to foreign oil companies, primarily to the Iraq Petroleum Company (27.5% of the stock owned by Americans), Washington took a wait-and-see approach [11, p. 10; 28, p. 97].

The leaders of Turkey and Iran insisted on seeing the Kurds as a threat to the region stability. At a meeting with President Eisenhower on June 30, 1958 (a few weeks before July 14 Revolution), the Iranian Shah Mohammad Reza Pahlavi expressed his concern about Cairo radio broadcasts appealing to Nasser “to fight for Free Kurdistan” [8, p. 566; 14, p. 438]. According to the Shah, the USSR supported these radio propaganda broadcasts, and the Soviet weapons delivered to the UAR army could be used by the “Kurdish volunteers” who were concentrated in Syria [8, p. 568; 14, p. 439]. Suat Hayri Ürgüplü, the Turkish Ambassador, told the State Department officials in Washington on July 19 that the Turkish authorities were alarmed about Nasser’s collusion with the Kurds after the coup in Baghdad [25, p. 357].

At the July 20 meeting with Edward T. Wailes, the American ambassador to Iran, Shah spoke in favor of cooperation between the United States, Turkey and Iran with the Iraqi tribes, including the Kurds. It would help to win them over to their side [1, p. 55]. In August, Teymur Bakhtiar, head of the Iranian Organization of National Security and Information (SAVAK), passed information to the American intelligence that the United Arab Republic was ready to help the Kurds create the independent state expecting their loyalty in return [25, p. 357]. The Americans welcomed the information, but considered the possibilities of UAR cooperation with the Kurds limited [8, p. 569].

After the Republic was proclaimed, Prime Minister Qasim tried to restore the relations with the Kurds. The Interim Constitution (July 1958) declared Iraq a homeland for the Arab and Kurdish peoples. The Kurdish Political prisoners were released, including Sheikh Ahmed, the elder brother of Mustafa Barzani. The Kurds were included in Qasim’s government [18, p. 300]. It was important for the General to ensure the support of the uncontested Kurdish leader, Mustafa Barzani, in order to prevent revolts in Northern Iraq. Mustafa Barzani, in turn, having

returned from exile, hoped to strengthen his own influence in Iraqi Kurdistan. The faction struggles within the Kurdistan Democratic Party meant that Qasim's support of Mustafa Barzani could strengthen his authority [33, p. 129].

On November 4, 1958, the NSC issued a Directive which identified U.S. policy objectives in Iraq as: a) maintaining friendly relations; b) acquiescing to Iraq's eventual withdrawal from the Baghdad Pact; c) giving sympathetic consideration to the continuance of "limited amounts" of military assistance; and d) encouraging friendly "elements" in Iraq, while avoiding identification with "specific individuals and political issues" [8, p. 197].

There was no consensus in the U.S. government regarding the Qasim regime. The committee on Iraq was divided into two camps: some committee members believed that the communists had gained enough strength, and soon the United States would have to face a "highly unfriendly communist government" [16; 17]. The others were sure that Qasim remained powerful enough to keep the communists in check [1, p. 59; 5, p. 102; 11, p. 12].

In December, Rowntree as the head of the committee went to the Middle East Tour (Egypt – Syria – Iraq). Arriving in Baghdad on December 14, he was met by a hostile crowd demanding the American emissary to "go home" [13, p. 34]. Rowntree's meeting with Qasim did take place, and the State Department spokesman tried to persuade the Prime Minister that the USG was not plotting a counter-revolution, which the communists accused them of, and he heard in response that the Iraqi leader intended to maintain friendly relations with Washington [13, p. 35].

Upon his return from the trip, Rowntree wrote a memorandum in which he admitted the growing communist threat in Iraq, but he emphasized that it was impossible to say for sure whether Qasim was a communist [8, p. 368]. Nevertheless, Washington was interested in replacing the current regime with a more moderate, even Nasserites one [8, p. 369].

On December 23, the White House hosted the NSC meeting which was attended by Eisenhower, Vice President Nixon, CIA Head Dulles and Secretary of State Deputy Christian Herter. Taking into account the Rowntree memorandum and the CIA's forecasts, the U.S.

administration analyzed the prospects for solving the "Iraqi Problem". In particular, it was suggested using the Egyptian factor and Nasser's dissatisfaction with Iraq leaning to communism [8, p. 374]. Ultimately, Washington hoped to make Nasser and Qasim confront each other [28, p. 98]. The Eisenhower Administration, however, did not want to get involved in the "Iraqi Crisis" and "speed up the process". The intelligence officers were instructed to track actions of all political groups and summarize information about possible plots against Qasim. The diplomats were advised to continue adhering to the NSC directive of November 4 [8, p. 375].

The existing situation worked in favour of Moscow. In addition to the fact that the left-wing regime criticized the Western imperialism, the USSR had acquired an economic counterparty capable of paying for the supply of goods under bilateral trade agreements. The Soviet leaders did not seek to increase the communist influence in the Iraqi government and did not insist on recognition of the Kurds independence [11, p. 12].

The United States, however, saw the state of affairs in Iraq from quite an opposite angle. They believed that the Iraqi communists under the Kremlin leadership pursued destabilization policy and forced the Qasim government to fight against nationalists and Nasserites [8, p. 353, 363–364, 368–369]. The Kurds played an intermediate part in this game diverting the nationalists' attention from the growing communist influence. Qasim had to maneuver between different groups either getting closer to the communists, or starting persecutions against them. However, Washington failed to see the Iraqi leader's pragmatist policy; they did not take his conflicts with the communists and the Kurds seriously.

Another event took place in January 1959, which fit into Washington's black-and-white vision of the situation in Iraq. At the congress held by the KDP Politburo, a pro-Communist Hamza Abdullah was elected a new General Secretary. This made it possible to overcome the conflict between the KDP and the ICP: the Kurds abandoned their idea of struggling for independent Kurdistan in exchange for the ICP consent to support the autonomy aspiration [33, p. 132]. The political cooperation between the communists and the Kurds, enshrined in the cooperation of forces statement, was aimed against the nationalists, but could result in working

against Qasim [25, p. 360]. According to Dulles, the Russians were trying to influence through the Kurds and Iraq [1, p. 59].

The Soviet-Iraqi relations developed in this context. On February 6, Moscow and Baghdad adopted an extensive technical assistance program. This event on February 7 immediately caused another crisis in Iraq. Six ministers with nationalist pro-Nasser views left Qasim's government to show their disagreement with the establishment of foreign influence [7, p. 378]. The Prime Minister agreed to their resignation without trying to negotiate it, which on the one hand, strengthened the position of the ICP, but on the other hand, led to a new round of confrontation with Egypt.

On February 17, the CIA issued a report to assess the approach the United States and its allies took to the Iraqi issue [8, p. 161]. The report said that the British government got too involved in confrontation with Nasser and disregarded Qasim's pro-communism attitude. It was noted that Israel, like Great Britain, had concern about Nasser's activities and opposed the U.S. – Egyptian rapprochement. The CIA was uneasy about inconsistency and lack of coordination in allies' activities in the Middle East [8, p. 162].

The Mosul Uprising in March 1959 was a consequence of a new round of tension in Qasim's relations with the Nasserites. The local nationalists, who opposed the Kurdish autonomy, united with some small Kurdish anti-Barzani tribes, rose in rebellion and captured the city. The Communist supporters and Barzani followers were shot [23, p. 36]. It seemed that the country was on the brink of a Civil War. However, apart from the capture of Mosul, the nationalists failed to carry out any other successful actions.

The united forces of the Communists and the Barzani clan militias held positions around Mosul preventing the nationalists in the city from taking action. Qasim dispatched military equipment and sent artillery brigades to Barzani to support the Peshmerga and communist militia [25, p. 362]. Meanwhile, Qasim began to purge the government and the army of nationalist elements and Ba'athists [18, p. 304]. Strengthening of the ICP positions in the government resulted in Iraq officially announcing its withdrawal from the Baghdad Pact on March 24 [6, p. 230].

During the meeting with the British Prime Minister Harold Macmillan on March 22, Eisenhower warned "the Soviet Union would make its next move in Iraq by organizing the Kurds". He anticipated that the Soviet Union would use the Kurds who lived in four countries (Iraq, Iran, Turkey and Syria. – *A. S.*) to destabilize the situation [1, p. 59]. By early April, the nationalists in Mosul had been defeated, and Barzani's forces were suppressing the resistance of the opposed Kurdish tribes [33, p. 136].

During the discussion of the Mosul uprising at NSC meeting on April 2, Eisenhower spoke out in favor of cooperation with Nasser to "save Iraq from the communists" [19]. John F. Dulles disagreed with it saying that the US allies in the Middle East (Great Britain, Israel and Turkey) would not understand this step, and Iraq could consequently join the Socialist camp. Thus, Washington again took a wait-and-see attitude which was the reason for criticism of Eisenhower by the Democrats J. William Fulbright and John F. Kennedy [9].

In early May, the combined forces of the Iraqi army, communist and Barzani militias faced a well-prepared uprising by the Kurdish Sheikh Muhammad Rashid Lolani. In the battle near the town of Rawandiz on May 16, the Lolani tribe forces were defeated and had to move into Iran. The Western military equipment provided to the Lolani tribe by the Iranians was found on the battlefield. The communists passed off the find as evidence of the U.S. intelligence intervention [25, p. 363].

On May 26, 1959, Qasim met with the U.S. Ambassador to Iraq John D. Jernegan and announced that he did not believe in the communist statements concerning the U.S. support of the Kurdish opposition. He also assured him that, despite the withdrawal from CENTO, Iraq would maintain neutrality in the Cold War [8, p. 182]. The State Department could not understand why Qasim decided to assure the United States of neutrality; whether he was really going to adhere to this position, or he was just trying to protect himself from American covert operations [8, p. 185]. The American intelligence mediated by SAVAK, did contact the Kurdish rebels opposing Barzani and Qasim at that time in order to gather information, while the Iranian intelligence services arranged for the supply of munitions to the rebellious Kurds [8, p. 364].

On May 16, Parker T. Hart, Deputy Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs visited Ankara and met with the Turkish Foreign Minister Fatin Zorlu. They discussed the situation in Iraq and Iran in private. Zorlu said that the Turkish government agreed with the American vision of the “communist threat” in Iraq, but hoped that the U.S. would not revive Nasser’s influence. He expressed concern about Iran meaning “the Shah’s political courting the Kurds”. The minister said that at the moment the Iraqi Kurds were mainly occupied with rivalries among themselves [14, p. 435].

On May 20–21, Hart visited Tehran where he met with SAVAK General Hassan Pakravan who submitted a news summary on the Iraqi situation. Pakravan said that anti-Communist ideas were popular with the Iraqi army, army officers and their units, and if necessary, they would support Qasim against the ICP. The General also mentioned SAVAK’s contacts with the oppositional Iraqi Kurds, and that they could be “held in reserve” in case the Iraq situation deteriorated [14, p. 435].

On May 27, Rountree met with Zorlu in Washington, where they both attended a memorial service for Secretary of State John F. Dulles who died on May 24. After the funeral, the diplomats discussed the Iraqi issue. Zorlu confirmed the information about the Qasim regime and the Turkish position in relation to Nasser, and said that the Iraqi situation was unsettled and the two countries might need to start joint planning for possible contingencies in Iraq. Rowntree promised to pass on this information to the new Secretary of State Herter [14, p. 436].

On June 1, at a regular meeting of the SCI, Hart and Rountree reported their contacts with Turkish and Iranian officials. Rowntree spoke against any U.S. – Turkey joint action against Iraq. With regard to the Kurds, it was suggested taking a wait-and-see attitude and not running ahead of time. This opinion was supported by the other members of the committee [8, p. 462–463].

In mid-July 1959, another round of the crisis in Iraq took place. On July 14, during the celebration of the Revolution anniversary, clashes involving violence between Turkomans, Arabs and Kurds occurred in the northern Iraqi city of Kirkuk on ethnic and ideological grounds, resulting in pogroms of the Turkoman districts by the Kurds

and communists that lasted for two days. Iraqi government managed to re-establish order only by involving the military forces [25, p. 364; 33, p. 132]. The “Kirkuk massacre” coincided with the conflict between Qasim and the ICP which started over the disagreement on the parliamentary election scheduled for January 1960 and the Qasim’s expansion of the Cabinet of Ministers which was perceived by the Communists as an attempt to undermine their positions [11, p. 20; 25, p. 365; 33, p. 134].

Qasim took advantage of the situation and hastened to strike at the ICP. He accused the communists of the Kirkuk outbreak and started to remove them from the government. Ambassador Jernegan, describing the events of the second half of July, made a conclusion that the Kirkuk outbreak was a point of no return for Brigadier Qasim [8, p. 475], and he assumed that Qasim’s policy would further develop according to an authoritarian scenario [8, p. 477]. This did not exclude future cooperation of Qasim with the Kurds (who might still have the Soviet support) or agreements with Moscow, but it was unlikely that the Communists would return their influence [8, p. 478].

On July 23, at the NSC meeting, Allen Dulles briefed the president and the Council members on the Kirkuk event. He reported that the outbreak occurred rapidly, and the CIA was unable to respond to them timely [8, p. 198]. The administration judged Qasim’s actions as evidence of the fading of “Iraqi crisis”. After the meeting, the President asked the head of the intelligence to prepare a report on the Kurds in Iraq [14, p. 438]. The SCI was disbanded, and its former members continued to follow the Iraqi events working within the framework of their separate departments.

Barzani supported Qasim’s actions against the Communists. At the plenum of the KDP Central Committee General Secretary Hamza Abdallah was removed from the post, and his adherents were expelled from the party [33, p. 133]. At the end of August, an overt conflict between the KDP and the ICP occurred, and Barzani’s forces supported the Iraqi army in suppressing the Communist unrest in Northern Iraq. Ambassador Jernegan kept the State Department informed, reporting mainly on anti-Communist activities. He also pointed out that new

conspiracies by anti-Communists might be underway to overthrow Qasim, because Qasim approved the executions of a senior nationalist officers involved in Mosul issue. The Ambassador did not regard their chances for success as high, but expected that the removal of the Prime Minister could lead to destabilization in Iraq and restoration of the ICP influence [8, p. 204].

Together with the Ambassador's reports, the CIA's estimates were received. On September 10, Allen Dulles informed Eisenhower that strengthening of the anti-communist forces in Iraq could lead to unfavorable consequences for the USG. Any unsuccessful attempt on Qasim's life could cause new repressions against the nationalists, which would push the Brigadier "into the arms of the Communists" [8, p. 478]. On October 1, the NSC represented a list of possible U.S. actions in the event of a communist outbreak [11, p. 25].

On October 7, 1959 an assassination attempt against Qasim took place in Baghdad. The Prime Minister was badly wounded [28, p. 102]. The attempt was made, as it turned out later, by the Ba'athists (in particular, the young Saddam Hussein). According to the White House estimates, it could lead to new anti-nationalist repressions [8, p. 202]. On October 10, Eisenhower sent a letter to the Prime Minister in which he expressed "deep gratitude that Qasim escaped serious harm" wishing him a speedy recovery [8, p. 205]. The President instructed the CIA to project possible retaliatory actions of the Iraq neighboring states in the event of a coup in Baghdad which seemed quite probable while Qasim was not at the helm [4].

According to the intelligence service, most neighboring countries declined the possibility of a communist takeover. However, the Kurdish Question stood out in the context of Turkey and Iran. The Turkish government, which considered the communist threat to Iraq insignificant, feared reorientation of Baghdad and the Kurds to Egypt in case the ruling regime changed.

Intelligence experts noted that Iran's attitude to the crisis was more close to Washington's. Tehran also worried about the growing influence of the communists, but Shah Pahlavi's foreign policy was focused on confronting the Egyptian threat. At the same time, SAVAK continued to conduct secret negotiations with the Kurdish

opposition and even requested the U.S. assistance to assassinate the Kurdish leader Mustafa Barzani who, as they believed, was loyal to Qasim, and interfered with their plans ².

According to the CIA estimates, the United States and its allies had no consensus either on the problem of the communist threat or in relation to the Qasim regime. For Washington, establishment of a communist government was highly undesirable, while the rise of the nationalists to power was seen as consistent with the U.S. interests and not posing any serious threat.

On December 2, Brigadier Qasim left the hospital after his recovery and held a six-hour press conference that turned into a "denunciation of the Nationalists" [8, p. 503-504]. He actually removed the responsibility for the Kirkuk outbreak from the Communists shifting all the blame onto the Nasserites [11, p. 26]. During the December 4 emergency NSC and CIA experts meeting organized at the initiative of Rountree, the participants discussed Qasim's speech and concluded that he was going to return to alliance with the ICP against the Nationalists [8, p. 210]. The Iraqi Prime Minister was perceived as a person "who could change his attitude tomorrow" [11, p. 27].

On December 10, at the NSC meeting (chaired by Vice President Nixon) it was decided to restore the SCI in the form of the Interdepartmental Group headed by Secretary of State Herter. The group was to keep the situation under scrutiny, study the intelligence and diplomatic reports, summarize information and suggest potential options for U.S. actions as respond to events taking place in the Iraq and the region [8, p. 496].

An estimate of short-term prospects for Iraq was given by CIA experts on December 15. The Intelligence officials suggested that Qasim would primarily rely on the support of the armed forces which had remained loyal to him during the entire course of his condition [8, p. 497]. Only the support of the Iraqi Army, according to the report, ensured the survival of the Qasim regime. It was anticipated that he would continue "maneuvering between the various political factions" (Communists and Nationalists) [8, p. 498], while the ICP leaders would try to gradually reinstall the positions they had lost back in August 1959 and would not force events so as not to generate another wave of repressions [8, p. 498].

The Iraq parliamentary election was scheduled for January 1960. The Qasim regime took active steps to weaken both the Nationalists' and the Communists' influence: neither the ICP, nor the Ba'ath Party, nor the others nationalist parties had been licensed. At the same time, the Iraqi government licensed the KDP and allowed Barzani to run for the election [25, p. 366]. According to Zhigalina, it was Qasim's political maneuver aimed at lulling Barzani's vigilance [33, p. 135]. As early as October 1959, the Iraqi leader started to suspect Mullah Mustafa of his intention to consolidate the Kurdish forces, the evidence of which he saw in the elimination of the Kurdish tribal leaders loyal to the regime (and opposed to Barzani) and in one of the ideas of the party's election program which said that the KDP would fight for the expansion of the national rights of the Kurdish people on the basis of autonomy within the Iraqi Republic [20, p. 114].

After the election, which was unsuccessful for the Kurdish forces, the Iraqi government and the Nationalists published articles calling to "dissolve" the Kurdish people amongst the Arabs [20, p. 115; 33, p. 136]. It was a turning point in Qasim – Barzani's relationship. In this situation, Mullah Mustafa, without breaking openly with Qasim, began to gather supporters in northern Iraq [10, p. 220]. He believed that Qasim would not agree to grant autonomy to the Kurds and planned a military confrontation with Baghdad [21, p. 53].

Meanwhile within SCI, the CIA and the State Department experts could not come to agreement about the Iraqi situation. The State Department continued to insist that Qasim was able to balance between various political factions and constrain the Communists. The Intelligence, on the other hand, argued that Communist elements began to infiltrate both the state machinery and the Army increasing the number of followers. The State Department advocated a solution to the Iraqi problem by Iraqis themselves, while the CIA insisted on supporting Nasser's plan to invade Iraq. The controversy continued throughout January and February 1960 [11, p. 27].

Only in March, Eisenhower reorganized SCI to end the disputes and entrusted the development of policy towards Iraq to a special group within the State Department – Iraqi Action Group (IAG), moving the CIA away from direct participation in the decision-making process [28, p. 103; 11, p. 27].

On February 26, 1960, Washington received a telegram from Ambassador Jernegan describing the current situation in Iraq. He wrote that Qasim had created a situation of uncertainty among most political groups including left-wing forces. The January repressions had weakened the Nationalist opposition. At the same time, Qasim managed to prevent the ICP from entering the parliament and government. Despite this, according to Jernegan, the Communist party power was still great, and it controlled many streets of Baghdad [8, p. 504]. With Iraq's economy facing depression, Jernegan anticipated further recession and consequent clashes between the government and the Communists [8, p. 505].

The Ambassador's conclusions were discussed at the IAG meeting. On March 18, the head of the Group Evan M. Milson, in the memorandum to the Director expressed the idea that in the conditions of Iraqi instability, Washington should continue the policy of neutrality and non-involvement [8, p. 508]. The insecure position of Qasim, the lack of adequate estimates of his capabilities as well as the potential of the Communists, Nationalists and the Kurds combined with the impending economic crisis gave rise to assumptions of an imminent change of power. According to the IAG head, the most likely scenario was the establishment of an anti-Communist government in Southern Iraq, which could later be used by the United States to create an anti-Communist coalition, and a Kurdish uprising in the North and a probable establishment of a pro-Soviet government there. Milson made a conclusion that the USG should take a wait-and-see approach [8, p. 509].

Washington's benevolent neutrality towards the Qasim regime played its role. Trying to find a way out of the economic crisis, the Iraqi government began to establish contacts not only with Moscow (a long-term economic cooperation program was signed during the official visit of Anastas Mikoyan on April 8), but also with Western countries [8, p. 218]. Qasim also managed to balance his policy and push back the communists from power again.

In May, the CIA made a new report on the situation in Iraq stating the stabilization of the regime and the opinion that the communist crisis was almost and at most over [2]. Subsequently, the Intelligence experts approved previous

estimation of the situation in Iraq and indicated that an attempt at Qasim's life remained possible [11, p. 28].

The uncertainty and inaction (as it was perceived by the American society) of the Eisenhower administration in regard to the "Iraqi crisis" played into the hands of the Democratic Party in the 1960 election campaign that was gathering pace. The Democratic candidate John F. Kennedy paid a lot of attention to foreign policy issues and the situation in the Middle East [28, p. 103; 11, p. 28]. Following the defeat of the Republican Party in November 1960 election, the Eisenhower Administration focused on handing over affairs to the Kennedy team [11, p. 29]. The CIA and the State Department were instructed to change the emphasis in the interpretation of the Iraqi situation switching from a "communist threat" to "coinciding interests" of Washington and Baghdad in the region [11, p. 30]. Leaving administration did not want to put Kennedy in a difficult position in relations with the Qasim regime and tried to maintain the status quo policies in the Middle East.

In the heat of the election campaign, the United States overlooked tensions between the Iraqi government and the KDP. Qasim at this time began to develop a plan to undermine the influence of the Barzani party in the North by supporting the Kurdish tribes which were loyal to the regime and had tense relations with Mullah Mustafa [33, p. 137]. Barzani tried to contact some officials in the UK, Iran and the U.S. to gather their support [25, p. 366]. The American diplomats and intelligence officials, however, were not authorized to negotiate with his representatives due to the government instructions for a transitional period.

In November 1960, Barzani was invited to visit the USSR to celebrate the anniversary of the October Revolution, where he met with Nikita Khrushchev and Mikhail Suslov [33, p. 138]. The Soviet leadership promised to help him resolve his conflicts with the ICP and support the Kurdish people "in their struggle for legal rights" and also help the KDP in case the government troops went on the offensive [33, p. 139]. Qasim took Barzani's visit to Moscow as evidence of his disloyalty. The Iraqi government began to accelerate a campaign to oust the KDP from the legal framework.

Results. The Eisenhower Administration's Policy in Iraq in 1958–1960 had two key goals:

1) to prevent strengthening of the Soviet presence in the Republic; 2) to protect Western, primarily American, economic interests in the region. Washington's attitude to the 1958 Iraqi Revolution and the Qasim regime repeatedly changed depending on the political force the Iraqi leader relied on in his struggle for power.

Qasim's course of action in respect to the U.S. economic interests was to maintain the status quo, and it was the main deterrent to Washington's attempts to overthrow the Iraqi government. One more factor was also important; the CIA and the State Department often disagreed in their estimates regarding the Qasim regime, the Iraqi communists, the Kurdish forces, and other political parties, as a result they did not have enough time to respond to the changing situation in Baghdad. The SCI reported either growing or fading of the "Iraqi Crisis" which usually coincided with the next round of Qasim's struggle for power (together with either the Kurds, or Nationalists, or Communists).

The Kurdish issue was "tied" to the fact that Mullah Mustafa was seen as a possible Moscow agent, which, according to Washington, was confirmed by the KDP and the ICP collaboration. The American diplomats and intelligence officials considered the Kurdish movement as one of the Soviet instruments to manipulate the Qasim regime disregarding intra-Kurdish conflicts, tension between the KDP and the ICP, and Barzani's maneuvering between the "Kurdish nationalism", the Communists, and Qasim. In addition, Washington, trying to defend their own interests, could not agree with the political allies in the region: Great Britain, Israel, Turkey, and Iran. This is the reason why the Eisenhower Administration did not try to establish interaction with the Kurds, although Tehran, Ankara and Tel Aviv pointed out the possibility of it out of various concerns.

The inert foreign policy of "benevolent neutrality" towards Iraq and exaggeration of the "communist threat" by the President and members of the Administration caused misunderstanding in the American political establishment and allowed Eisenhower's opponents to criticize them for inconsistent policies on the Middle East problems. Despite these factors, the political line of the President team was integral and obeyed the logic of bipolar confrontation.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was carried out as part of the Russian Science Foundation Grant (project No. 19-18-00501).

NOTES

¹ According to the doctrine, any country suffering from external military aggression could request economic or military assistance from the United States. A particular emphasis was placed on the Soviet threat in the Middle East where, as it viewed by Eisenhower, a power vacuum has formed.

² In the late 1960s – early 1970s Mustafa Barzani will be Iran's ally in the fight against Ba'athist Iraq. See [26].

REFERENCES

1. Ali H. *The Iraqi Kurds and the Cold War: Regional Politics, 1958–1975*. New York, Routledge, 2020. 178 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429326646>.
2. Central Intelligence Bulletin, May 19, 1960. *CIA Freedom of Information Act Electronic Reading Room (CIA FOIA)*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A005100160001-7.pdf> (accessed 10 May 2020).
3. Charountaki M. *The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East Since 1945*. New York, Routledge, 2010. 337 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203842614>.
4. Contingency Planning Regarding Iraq, October 13, 1959. *CIA FOIA*. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000151333.pdf (accessed 10 May 2020).
5. Fain W. *American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region*. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 283 p.
6. Fedchenko A.F. *Irak v bor'be za nezavisimost' (1917–1969)* [Iraq in the Struggle for Independence (1917–1969)]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 315 p.
7. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Volume 10. Eastern Europe Region, Soviet Union, Cyprus*. Washington, Government Printing Office, 1993. 869 p.
8. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Volume 12. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula, Volume 12*. Washington, Government Printing Office, 1993. 846 p.
9. Fulbright Says West Has no Policy on 'Most Dangerous' Crisis in Iraq, April 29, 1959. *CIA FOIA*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp75-00149r000200940180-1> (accessed 10 May 2020).
10. Gasratyan M.A. *Kurdskoe dvizhenie v novoe i noveyshee vremya* [Kurdish Movement in Modern and Contemporary History]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 303 p.
11. Gibson B. *Sold Out? US Foreign Policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War*. New York, Palgrave Macmillan, 2015. 257 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137517159>.
12. Gunter M. *The Kurds Ascending. The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey*. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 178 p.
13. Interview with William M. Rountree, December 22, 1989. *Library of Congress*. 55 p. URL: <https://www.loc.gov/item/mfdipbib000996> (accessed 10 May 2020).
14. *Kurdish Question in U.S. Foreign Policy: A Documentary Sourcebook*. Westport, Conn., Praeger, 2004. 698 p.
15. Lazarev M.S. *Kurdistan i kurdskiy vopros (1923–1945)* [Kurdistan and the Kurdish Question (1923–1945)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 310 p.
16. Likelihood of a Communist Takeover in Iraq, 19 December 1958. *CIA FOIA*. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0006021914.pdf (accessed 10 May 2020).
17. Main Trends in Soviet Capabilities and Policies 1958–1963, National Intelligence Estimates 11-4-58, 12 December 1958. *CIA FOIA*. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000267651.pdf (accessed 10 May 2020).
18. McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. New York, Palgrave Macmillan, 2004. 515 p.
19. Memorandum of Discussion of the 402nd Meeting of the NSC, April 17, 1959. *Eisenhower Presidential Library*. URL: <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/finding-aids/pdf/eisenhower-dwight-papers-as-president/nsc-series.pdf> (accessed 10 May 2020).
20. Mgoi Sh.Kh. *Kurdskiy natsional'nyy vopros v Irake v noveyshee vremya* [The Kurdish National Question in Iraq in Contemporary History]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 324 p.
21. Mgoi Sh.Kh. *Problema natsional'noy avtonomii kurdsogo naroda v Irakskoy Respublike (1958–1970)* [The Problem of National Autonomy of the Kurdish People in the Republic of Iraq (1958–1970)]. Erevan, Izd-vo AN ArmSSR, 1977. 270 p.
22. Minasyan S. Izrail'sko-kurdskie otnosheniya v kontekste politicheskikh protsessov na Blizhnem i Srednem Vostoke [Israeli-Kurdish Relations in the Context of Political Processes in the Middle East]. *21-y vek*, 2007, vol. 2 (6), pp. 89-92.
23. O'Ballance E. *The Kurdish Struggle 1920–94*. New York, Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
24. *Pravda*, 1958, July 19.
25. Rubin A.H. Abd al-Karim Qasim and the Kurds of Iraq: Centralization, Resistance and Revolt, 1958–63. *Middle Eastern Studies*, 2007, vol. 43, no. 3,

pp. 353–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/00263200701245944>.

26. Sennikov A.I. Irakskie kurdy v politike SShA v 1969–1976 gg. [Iraqi Kurds in U.S. Politics in 1969–1976]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin], 2017, vol. 10, pp. 74–84.

27. Stepanova N.V. *Kurdskaya problema v Irake. Analiticheskie zapiski MGIMO* [Kurdish Problem in Iraq. Analytical Notes of MGIMO]. Moscow, MGIMO – Universitet Publ., 2005. 34 p.

28. Urazov A.M. Irakskaya revolyutsiya 1958 g. i blizhnevostochnaya politika Vashingtona [Iraqi Revolution of 1958 and Washington's Middle East Policy]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: Economics, Politics, Culture], 2009, vol. 2, pp. 90–107.

29. Voller Y. *The Kurdish liberation movement in Iraq: From Insurgency to Statehood*. New York, Routledge/Taylor & Francis Group, 2014. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315886954>.

30. Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administratsii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The United States Are Losing an Ally in the Middle East: J. Carter's Administration Policy Towards Iran, 1977–1980]. *ISTORIYA*, 2019, vol. 10, no. 3 (77). 16 p. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840005469-4>.

31. Yungblyud V.T., ed. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Collision Courses: The Policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov, VyatGGU, 2014. 510 p.

32. Yungblyud V.T., Chuchkalov A.V. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroy mirovoy voyny* [U.S. Policy in Iran During World War II]. Kirov, VyatGGU, 2011. 414 p.

33. Zhigalina O.I. *Mulla Mustafa Barzani: istoricheskiy portret* [Mulla Mustafa Barzani: A Historical Portrait]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2013. 240 p.

Information About the Author

Alexey I. Sennikov, Candidate of Sciences (History), Research Laboratory Assistant, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University, Moskovskaya St, 36, 610020 Kirov, Russian Federation, usr12154@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9329-2839>

Информация об авторе

Алексей Иванович Сенников, кандидат исторических наук, лаборант-исследователь кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, 610020 г. Киров, Российская Федерация, usr12154@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9329-2839>

«СДЕЛАТЬ АМЕРИКУ СНОВА ВЕЛИКОЙ»: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9>

UDC 327.83(470+571)
LBC 66.4(2РОС)0

Submitted: 22.06.2021
Accepted: 21.08.2021

MAKE AMERICA GREAT AGAIN? HOW DO WE EXPLAIN TRUMPISM

Tom Heed

Ramapo College, New Jersey, USA

Alexander I. Kubyshkin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Donald Trump was the nadir for the Republican Party; his election in 2016 and his subsequent tenure as President from 2017 to 2021 was the low point of the evolutionary descent and destruction of the party. When Ronald Reagan was elected the 40th president in 1980 at his inaugural address, he warned the nation: “government is not the solution to our problems; government is the problem”. One of his first legislative actions was to cut federal taxes on the wealthiest Americans. From that hour on, the Republican Party set their mantra as “lower taxes and shrink government, at all levels” (except for National Defense). Since Ronald Reagan’s Presidency, the Republican Party knows only one policy, cut taxes and shrink government; with that as its most sacred Creed, the party has blocked itself from dealing with any national needs. *Methods and materials.* The methods used in the article are comparative, analytical, and functional systematic. The materials used were: 1) the official documents of President R. Reagan Library; 2) secondary accounts of contemporary events; 3) the materials of US media and selected articles of political experts. *Analysis.* The article provides some reflections on the evolutionary political process inside the Republican Party from R. Reagan till D. Trump. The authors analyze the context of political and ideological crisis, the new wave of conservative leaders, and the reasons for the structural crisis of the Republican Party. Special attitude devoted to D. Trump phenomena and the description of his political mind. T. Heed analyzed the main trends of the development Republican Party in the last 30 years. He also selected some historical and current sources from mass media for identification of the controversy inside the GOP. A. Kubyshkin analyzed the connection inside the US party system with global challenges for US policy in the domestic arena and on the international scene. *Results.* D. Trump’s bankruptcy of the Republican Party is perhaps best shown by the platform he ordered for the 2020 campaign. There should be none. This action best describes what Trump did to the GOP. By Trump’s command, all the Republican party need offer was Trump. The only campaign slogan needed was to support the beloved leader. Only he could heal the nation. No statement of policies was needed; there were none. The Republican Party was left with only Trump as the one all and be all.

Key words: US political party system, Republican Party evolution, the crisis of political leadership in US, political phenomena of D. Trump, Trumpism ideology.

Citation. Heed T., Kubyshkin A.I. Make America Great Again? How Do We Explain Trumpism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 101-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9>

**СДЕЛАТЬ АМЕРИКУ СНОВА ВЕЛИКОЙ?
КАК МЫ ПОНИМАЕМ ТРАМПИЗМ****Томас Хид**

Колледж Рамапо, г. Нью Джерси, США

Александр Иванович Кубышкин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты эволюции политических процессов внутри Республиканской партии, со времен Р. Рейгана и до президентства Д. Трампа. Президентство Д. Трампа стало периодом упадка для Республиканской партии. Его избрание в 2016 г. и пребывание в Белом доме в качестве Президента с 2017 по 2021 г. были низшей точкой в развитии и разрушении Республиканской партии. На протяжении почти 40 лет Республиканская Партия проводила единую политику, боролась за сокращение налогов и за сокращение вмешательства государства в экономику – свой основной стратегический и священный лозунг. Ныне партия заблокировала себя и в значительной степени перестала отвечать национальным интересам. В основу статьи легли: 1) официальные документы администрации США из Президентской Библиотеки Р. Рейгана; 2) работы политических экспертов и политологов США; 3) актуальные материалы средств массовой информации и аналитические записки американских политических экспертов. Анализируется роль консервативного крыла республиканцев в попытках вывести партию из затяжного внутреннего кризиса. Особое внимание в статье уделяется политическому феномену Д. Трампа и оформлению идеологической платформы его сторонников внутри Республиканской партии и за ее пределами. Т. Хид рассматривает основные этапы эволюции Республиканской партии на фоне острого политического и идеологического кризиса партийной системы США. Он также провел систематизацию исторических источников и современных материалов американских массмедиа по проблеме внутрипартийной полемики. А.И. Кубышкин анализирует связь между кризисом Республиканской партии, изменениями в американской внутренней и внешней политике, кризисом традиционных принципов межпартийного сосуществования и возникновением нового варианта правого популизма – трампизма. Политическое банкротство Д. Трампа в его отношениях с Республиканской партией проявилось в отсутствии содержательной платформы во время избирательной кампании 2020 г. Эти события наглядно показали, что Трамп сделал с Великой Старой Партией. Для команды Трампа его кандидатура была единственным, что она могла предложить американским избирателям. По их убеждению и по мнению самого Трампа, только он мог вылечить нацию. Страна, по их заверениям, не нуждалась в каких либо политических программах и декларациях. Трамп выступал как олицетворение всей Республиканской партии, и в этом кроется одна из важнейших причин его политического проигрыша и продолжающегося кризиса республиканцев.

Ключевые слова: партийная система США, политическая эволюция Республиканской партии, кризис политического лидерства в США, политический феномен Д. Трампа, идеология трампизма.

Цитирование. Хид Т., Кубышкин А. И. Сделать Америку снова великой? Как мы понимаем трампизм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 101–111. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9>

Introduction. When Ronald Reagan was elected the 40th president in 1980 at his inaugural address, he warned the nation: “government is not the solution to our problems; government is the problem”. One of his first legislative actions was to cut federal taxes on the wealthiest Americans. From that hour on, the Republican Party set their mantra as “lower taxes and shrink government, at all levels” (except for National Defense) [28].

George H.W. Bush was Reagan’s Vice President and ran to succeed him in 1988. His campaign manager was Lee Atwater, a known dirty tricks campaigner. When Bush ran against Michael Dukakis, Atwater ran a blatantly racist ad Governor of Massachusetts Dukakis implemented a policy of weekend furloughs from prison of certain convicted felons.

A black man, Willie Horton, was one of the men furloughed under that program. He failed to

return as scheduled from his furlough, raped a young woman and assaulted her boyfriend [23; 31]. Lee Atwater ran endless TV ads implying that Dukakis and his liberal policies were responsible for the rape and assault. The ad suggested that Dukakis was releasing dangerous felons into society with no care as to the danger they may do. George H.W. Bush was not a racist, but Atwater's ad campaign made racism an accepted new norm for future GOP elections [21].

Bush won that election with 53% of the vote, and the Republican Party found a new potent weapon: scaring the electorate with divisive, cultural issues.

Analysis. The devolution of the Republican Party continued during President Clinton's tenure in office. Newt Gingrich was elected to the House of Representatives from Georgia in 1979. His goal was to reshape the Republican Party and, in so doing, laid the foundation blocks for Donald Trump.

Gingrich came to the house intent on change and meant to wreak havoc on the established order. He wanted Republican victory and but even more importantly, Democratic Party destruction. He believed that the Republican Party had settled for compromise for generations: "go along, to get along" was not his vision. He did not see Democratic legislators as colleagues; he saw them as enemies; he would use language to demonize and dehumanize them. He urged all Republicans to brand all Democrats as radicals, Socialists, Communists, un-Americans, any invective that would excite emotion from the electorate. He worried not at all if his labels were incorrect or bald-faced lies. Rationality and facts had nothing to do with his assaults. Grab the headlines, grab the news bite for the evening TV shows and move on [7].

As part of his plan to remake the Republican Party, Gingrich moved to nationalize congressional campaigns. He was not content to focus on local issues or personalities; he wanted national issues to dominate Congressional campaigns. He wanted the national agenda of the party to command the debate.

In the 1994 Congressional campaign, he convinced the party to promulgate a "Contract with America": a nine-point program that would substantially reform the American political scene. Drawing on elements of President Reagan's inaugural address, he promised shrunken

governments, lower taxes, welfare reform, and fewer federal regulations that only hampered American entrepreneurial activity [18].

In the 1994 congressional election, the Republican Party gained 54 House seats and nine US Senate seats and gained control of Congress for the first time in 40 years. With a Democratic President, Gingrich moved to neuter the President. Gingrich vowed to block every piece of legislation proposed by President Clinton and improvised a new tool: shutting down the entire federal government by refusing to approve all federal funding. He set a terrible precedence [6]. One that Donald Trump would later find very attractive. Gingrich was sure that voters would swarm to support his newest gambit. They did not, and soon he lost his Speaker's Chair and shortly left the Congress a rejected, spent leader. But his fiery rhetoric, his endless, irresponsible initiatives, and attacks on his own people would eventually provide potent fodder for Donald Trump's campaigns [7].

In 2000, George W. Bush, former Governor of Texas, ran for President against Al Gore, President Clinton's Vice President. The 2000 election was one of the most controversial elections since 1876 and set a pattern that would foretell Donald Trump's election in 2016. Bush failed to win a majority of the popular vote, and the Republican Party challenged the Florida tally. The issue went to the Supreme Court, and the conservative majority ordered the recount halted, and the Court made Bush a minority president.

Still smarting from his father's defeat in 1992 to Bill Clinton, Bush knew that one of the failures of his father's had been promising to lower taxes and then yet raising them during a fiscal crisis. He vowed he would never deny the Republican mantra, lower taxes. He would lower taxes and shrink the federal government by denying funding to Democratic social issues. Another Republican orthodoxy that Trump would gleefully follow.

In 2004 Thomas Frank wrote a keystone book: *What's the Matter with Kansas*. He found that in recent elections, the voters of Kansas no longer voted for their economic self-interest or public policy issues but rather focused singularly on cultural topics such as abortion or gay marriage or prayer in school. They also developed an ever-increasing antipathy for "liberal" coastal elites who appeared to hold cultural values antithetical to

those of Kansas. T. Frank found that Kansas, the epitome of Middle America, had come to despise the liberal “elite” that seemed to populate and control the coastal states. He found they were more engaged with cultural issues like abortion rights and gay marriage than in local infrastructure or better schools. His finding would explain the swell in Republican voters across Middle America [13].

In 2004 Bush ran for reelection against John Kerry, and another pattern emerged that would benefit Trump in 2016. The issue of gay marriage roiled the media and Christian evangelicals across Middle America. Many saw this as the new iconic, cultural issue that rivaled even abortion. Republicans began to see more success from cultural issues than from traditional policy initiatives [9].

The world’s financial market crashed in 2008 and sent the presidential race onto untraveled waters. Barack Obama, the first black candidate for a major party, campaigned against John McCain, Republican Senator from Arizona. Race and the changing demographics of America were now on the front burner in national politics in a way never seen before. America’s population had been evolving for decades; white Christians were slowly losing their historical domination of the electorate. The Black and Hispanic population was surging, especially in the burgeoning urban centers of the nation’s coastal regions. The nations by-ways that remained white and Christian were more threatened by the change than the metropolitan counties. Often urban, suburban areas more readily accepted the change that enveloped their daily lives. They experienced multiculturalism every day and knew it did not threaten them, did not harm them. They often enjoyed the new diversity of restaurants that populated their neighborhoods; the diversity of films that populated their local cinemas. The unique variety that their children experienced in their schools and in play they felt enriched their family. Trump would harness these raised fears, feed the bigotry and hatred, and openly encourage it.

During Obama’s tenure and before, the world trading system underwent a vast paradigm shift. Globalization most fundamentally shifted the profile of the world economy and America’s economy. These profound changes would forever change the voting patterns across America.

In 1956 Malcolm McLean developed the first standardized, intermodal container and customized an old cargo ship to carry them. His first ship transported 58 containers from New Jersey to Texas. International trade would never be the same. Today, the largest ships carry 23,964 containers, and the vessel weighs (228,383 tons) twice the weight of the largest US aircraft carrier [35].

Containers changed international trade; it was cheaper to ship a part manufactured in Shanghai to New York than have a product manufactured in Ohio with union wages. Just in time, manufacturing became the rage, and auto plants in Indiana could rely upon parts arriving from Tokyo just as the assembly line needed them. Massive inventories were no longer needed; no huge warehouses crowded the factory lots. Slowly, inexorably blue-collar workers, well-paid union laborers lost their jobs of many years. Manufactures hired fewer workers; local suppliers lost their contracts; local vendors, coffee shops, hardware stores, florists lost their jobs. Small and medium-sized cities across Middle America died, and the citizens were confused and angry at the destruction of their lives. Who was to blame, who would be their defender? All the media told them that the coastal elite loved the new global economy; they flourished in new wealth from the trade, they flourished in the fresh bounty brought to their stores.

Donald Trump rode a wave, a tsunami of change in communication. The new social media turbocharged his rise in politics. He did not make any of it happen; however, he benefited enormously from the serendipitous timing of his campaign and the communication revolution.

In 1996 Robert Murdoch, an Australian news magnate, bought 20th Century Fox and hired Roger Ailes to head a new 24-hour TV news network: Fox News. Ailes designed it to counter the perceived liberal bias of CNN and contend with the other new 24-hour channel: MSNBC. Roger Ailes, a former associate of Lee Atwater, worked with the Bush campaign to defeat Governor Dukakis in 1988. Ailes learned about dirty tricks in politics from the best. Ailes wanted Fox to counter CNN and bring a definite conservative slant to the news [5].

Technology roiled the entire communications field. The Internet, and the alternative sources of

news it provided, was destroying national TV. Local newspapers were suffocating and dying as young people turned more and more to their digital sources. As the disaffected voters of Middle America sought friendlier voices than the coastal elite networks, Fox News seemed to hear them and understand them. Fox stars Bill O'Reilly, Sean Hannity, and Laura Ingraham provided a powerful echo chamber for the anger and resentment so many felt as the new demographics swirled across the land. When Hannity let his emotions rail against the liberal media, the voters of Middle America tapped their MAGA red hats and joined him in his cries. Early on, Fox News saw Trump as one of their own and became his bullhorn. Soon FOX seemed like a state propaganda agency for his administration [8].

Other social media appeared, just in time, to bolster Trump's arrival on the political scene. As early as 2009, Trump joined Twitter, another internet platform that enabled him to blast out his raw thoughts. Trump needs little sleep and often used the early AM hours to flood his followers with the latest of his screeds. He tweeted over 25,000 times before being banned [37]. At one point, he had 88.9 million followers on Twitter. No other president had ever had such unfettered access to his acolytes. His verbal control over his followers was eerily like that practiced by Jim Jones over his cult members in Guyana [36].

He did not design this platform, but it was tailor-made for his needs and his skills. It enabled him to by-step the national media; the White House press office shrunk under Trump. He had very few official news conferences: he did not need them to reach out to his public. Instead, he forced the national media to report on all his tweets as important news stories. He got his view out and avoided having to answer troubling questions from professional reporters.

The Trump and Obama relationship shaped much of the Trump agenda in the White House. As early as 2011, Trump appeared on his favorite Fox News show and repeated and amplified the conspiracy theory of the radical right that Obama was born in Kenya and was a Muslim like his father. Taking a page from Newt Gingrich, he attacked the Democratic candidate with the biggest lie. Trump delighted in telling all who would listen; Obama is not a citizen, Obama is a Muslim, Obama is a liar. It became his chronic mantra.

Trump even lied that he sent a team of men to Hawaii to probe Obama's background and that they were finding plenty. Of course, all that was a lie as well. When Obama finally released his birth certificate from Hawaii, the whole "crisis" stilled [32].

During Obama's service in the White House, Mitch McConnell prepared us for another new norm for President Trump. Early, during Obama's first term, October 23, 2010, Senate Majority Leader Mitch McConnell declared his "number one priority is making sure President Obama is a one-term president". Taking a page from Newt Gingrich's playbook, McConnell wanted to kill any Democrat initiative. He offered no alternative programs; he refused any proposed compromise; he planned to destroy any Democratic policy [19].

In a like-minded way, when Supreme Court Justice Scalia died in February 2016, almost a year before the next President would take office, McConnell pledged that the Senate, under his leadership, would not consider any candidates that the democratic President would nominate. Again, destroy any possibility of negotiation, destroy any chance for Democrats to claim any victory. Raw-edged politics again frustrated productive politics [10].

On June 16, 2015, Trump declared his candidacy for the Republican nomination for President. In that announcement, he stated that Mexican immigrants to America were rapists and criminals. Other countries also only sent us their worst. When George H.W. Bush used racist ads to bolster his campaign, we knew he was not a racist. With Donald Trump, it was very different; we knew he was a racist, and his livid dialogue was dog whistles to every bigot and racist in America that Trump was one of them (A dog whistle is a phrase used to indicate a subtle message that is "coded" so only those predisposed to hear it will understand).

The Democrats argue that Trump was a white nationalist. He hated immigration and the demographic change it was bringing to America. As one of his major promises in his campaign, he promised to build a big, tall wall across the 1954 miles of the Mexican border. Brown Latinos were a threat to white America. To neuter the voice of the national media, he organized widespread rallies in all the swing States. He promised the tall wall

at those massive assemblies but even promised that the Mexicans would pay for it. Never had the American people seen a candidate who lied like Trump. The Washington Post was so concerned it assigned a reporter to fact-check all his public statements. They counted, during his four years in office, 30,573 lies [20].

At Trump's rallies, he was usually unfettered. No handlers moderated his tone; no advisors could dampen his rhetoric. The national press, always in the back of the auditorium, could and did critique his presentations. They reported on the violence of his supporters and noted how he encouraged the violence. He called the assembled press corps "the enemy of the people" to discredit the media reports. After repeating that night after night, he neutered the media's attempt to muzzle him. The liberal media had been a bane to republican candidates for decades, and Trump provided a new way to vitiate the 4th estate.

He sold his campaign like a TV show. His iconic MAGA hats (Make America Great Again) swept the rallies and the nation. He created his own cult; his own tribe gave them the icon to identify each other. Trump posters blossomed across Trump's America. Many communities, engorged with rage and resentment, found in Trump a new voice. He seemed to hear the cries; he seemed to share their rage at the coastal elites. With Fox News working as his echo chamber, their status anxiety, their hatred found a new sympathetic leader. They loved his rage; they loved his fiery rhetoric; they loved his hatreds.

The 2016 campaign broke the book on how presidential campaigns evolved in America. First, for the second time in just 16 years, a minority vote elected the President. Hillary Clinton won 48.2% of the popular vote, and Trump won 46.1% but gained the majority of electoral votes. Second, social media formats influenced many voters for the first time. Third, foreign nations invested heavily in influencing the election results, and Fourth, traditional democratic voters, left the party in significant numbers.

The 2016 election was the 5th time a candidate lost the popular vote yet won the electoral college count. In 1824 Adams won with only 31.6% of the popular vote. (It went to Congress and Adams won there.) In 1876 Tilden won 50.9% but lost in a brokered deal, 1888 Cleveland won 48.6%, yet Harrison was seated,

and in 2000 Gore got 48.4% but lost to Bush at 47.9%. Close elections, disputed elections often challenge the validity of the new administration [3].

Social media platforms played a significant role in the 2016 tally. With the death of local news, the massive atomization of TV channels, the arrival of conservative echo chambers (Fox News), many voters turned to their ubiquitous, digital companions. Facebook news sites informed many, and the governing algorithm rarely challenged perceived values. They most often echoed the views detected in prior viewing patterns. Twitter, another powerful site, again fed their viewers their reflections; they never truly educated or challenged pre-existing biases [1].

Perhaps, the most disturbing change in the election was the arrival of alien voices anonymously tilting the field to Trump. Russian President Vladimir Putin did not like Hillary Clinton. He knew she would be very harsh in her relations with Russia. He had to work with her when she was Obama Secretary of State. He did not like being confronted by a woman. Having seen Trump running his Miss Universe pageant in Moscow, Putin probably felt sure he could manipulate him.

Paul Manafort, Trump's campaign manager, had experience working with Ukrainians loyal to Russia. Manafort provided those Russian agents with sensitive campaign polling data that identified which issues were most vital, in which election districts, for the critical swing states across the nation [22]. The supposed Russian cyber operatives used vital intelligence information to tailor specific Facebook ads to inform just targeted voters. With just the right propaganda to secure those key votes, Trump won surprising victories. We will never know the impact this clandestine, foreign operation had on the outcome of the election. But in such a close election, that input could quickly have been telling.

Trump did not put together his victory at the polls in a usual manner. He brought forth a unique style and a unique collection of issues, and through no action of his, they correlated with the needs of many voters of Middle America.

Perhaps the most irreligious, the most immoral man ever to contend for a national office shared some chords with white Christian evangelicals. They saw Trump as a voice for the "right to life", and he promised them, conservative

judges, to fight their battle on this issue (One of the few campaign promises he kept). The evangelical also was threatened by gay marriage and the issue of school prayers. He sang their song at rally after rally. Evangelicals felt disrespected by mainline churches; they felt muted by the national media, they emotionally linked to his feelings of disrespect and disapproval by the coastal elites. When Trump hammered the press as “enemies of the people”, they felt the same; when he lamented the changing demographics across America, they felt the same. It had nothing to do with his church attendance or his immoral and/or illegal practices. He felt as they [38]. Emotions ruled; facts were irrelevant [11; 15; 32].

Unspoken was the fear of rising change in America. It was not a mistake that they often titled them “white” Christian evangelicals. They saw the shifting population as America turned brown; they saw the drift of their young from counties losing population to those urban centers on the coast. They saw the constant secularization of their youth as more and more Americans, when asked their religious affiliation, responded: none.

We already detailed the blue-collar workers who feared globalization and immigration; they stood as one with Trump. He would cut off trade deals; he would restore industry. Another layer in these voters’ attraction to Trump was his chronic misogyny. He attacked Hillary as a woman; he attacked Mika Brzezinski (a noted TV anchor); he attacked Megyn Kelly, a Fox News anchor who dared criticize Trump. He could not abide criticism and never by a woman.

Another characteristic of his voters, again dominantly male, was a penchant for less-educated voters to align with Trump [11]. He hated who they hated. The coastal liberals always seemed to live the high life: solid incomes, enviable quality of life, and all expecting a bright future. They felt none of that and felt Trump resented and hated those high hats as well. Trump was their rebel. The elderly, in those counties losing population, also felt lost. Their children, finding no chance of local employment, drifted off to the booming urban centers. Their quality of life dimmed as their towns slowly shuttered, as the best and brightest left. Trump made them feel as if at least someone cared [16].

In the 2016 election, Trump became the 5th president to lose the popular vote but secure the

Electoral College tally. Clinton won 48.2% of the popular vote to 46.1% for Trump. She had 2,868,686 more votes than Trump. Yet, he garnered 304 electoral votes to her 227 [4].

Results. Donald Trump did not lead his followers to his candidacy. He found them and acquired their causes. His racism led him to oppose immigration and the demographic changes sweeping America [17]. The blue-collar union workers loved that. His disdain for international trade and multilateral treaties joined him with those anti-globalization forces. His pathological narcissism called all the bigots and white supremacists to hear his dog whistle and let them know he was one with them [39]. To those feeling abandoned in the counties losing population, he offered an authoritative voice that proclaimed: “I am the only one to fix it”. They needed a simple answer to their anguish. He provided a simple refrain: Make America Great today.

Perhaps Trump’s greatest failure was international relations. It only takes looking at three issues to tally his incompetence.

To the surprise of many, in June 2018, Trump agreed to meet with North Korean leader Kim Jong-Un to de-nuclearize the Korean Peninsula. Neither Kim Yung-Un’s father nor Grandfather had been successful enough to meet with a US President. It was a tremendous victory for North Korea. Trump, as usual, did little homework and was ill-prepared for such a crucial meeting. Kim Yung-Un had demonstrated that he now had nuclear warheads and intercontinental missiles to threaten the United States. The US needed to reduce or eliminate that new threat.

Trump reveled in the TV coverage of the event and the worldwide notoriety he had brought him. He had campaigned as the great dealmaker and unmatched negotiator. At this summit, he accomplished nothing. He made no deal; He negotiated no reduction of weapons [34].

It was similar in his relationship with Xi Jinping in China. In the first year of Trump’s administration, the trade deficit with China went from \$346 billion in 2016 to \$418 billion in 2018 [12]. Even before his campaign, Trump lamented that China was duping the U.S. During the campaign, he vowed he would still the Chinese dragon. Not to be. Hating multilateral deals, he quickly pulled the US from the Trans-Pacific Partnership and seceded a vast opening for the

Chinese to increase their trade. Trump vowed to use tariffs to tame the Chinese deficit, and when imposed, they cost the US consumer dearly. He promised to curb China's raping of US technology when they seized patent rights. Xi Jinping knew Trump was desperate to close a deal, so Trump folded on many of the critical points sought by the US. The great dealmaker, the great negotiator, failed again [26; 27; 30].

But his fixation on nationalism: American first got him into unique problems in Europe. He much preferred bilateral negotiations. Dealing with one adversary permitted him to feed his narcissism. Meeting with a group of leaders made him one of many, and the others were supposed to be his equal. He could not stand that. His pushing of the Prime Minister of Montenegro out of the picture of his first NATO meeting in May 2017 captures how desperate he was to occupy center stage [29].

His relationship with German Chancellor Angela Merkel was yet another example of his failure in different international affairs. Trump could not abide having to deal with a strong woman: a female that would challenge him. He was horrified by her policy of admitting Muslim immigrants into Germany; he could not stand her criticism of his coronavirus response. The world saw a photo from the 2018 G7 conference where Merkel appeared lecturing Trump on global warming. It was one of those images that told the entire narrative [11; 40].

Conclusions. Many now conclude the Trump's four-year administration was the worst in American history [25]. Before Trump, only two presidents had been impeached. The House of Representatives impeached Trump twice. Facing the worst pandemic since 1918, Trump failed. He again proved he was no administrator. Then after he lost the 2020 election with only 46.9% of the popular vote (Biden won with over a 7,000,000 vote's majority).

After the 2020 election, Trump harangued his supporters into assaulting the capitol building in a failed effort to halt the certification of the Electoral College tally. Trump was one of the few US presidents who refused to go to the inaugural of his successor. He proclaimed from the moment of the election that the results were fraudulent. He claimed the election stolen, and he fostered what has now become the Big Lie. He asked his

supporters to proclaim: repeat again and again and again "my election was stolen; I am the authentic President".

His bankruptcy of the Republican Party is perhaps best shown by the platform he ordered for the 2020 campaign. There should be none. This action best describes what Trump did to the GOP. By Trump's command, all the Republican party need offer was Trump. The only campaign slogan needed was to support the beloved leader. Only he could heal the nation. No statement of policies was needed; there were none. The Republican Party was left with only Trump as the one all and be all [20].

The Republican Party faces a bleak future as demography forecasts a decline in their numbers for generations to come; more people of color, younger college-educated, and more woman voters bode ill for the GOP. However, they retain power despite the census forecasts. Republicans have a beneficial future in politics because of three structural elements of US politics.

One, the Electoral College is wildly favorable for the Republicans; as long as Wyoming (population 570,000) has three electoral college votes, while California (population 39,500,000) has only fifty-five votes electoral votes, the Republican party has a shot at winning the Presidency. In the last eight Presidential elections, the Democrats won the popular seven times; yet the Republicans won the Presidency twice [2].

Two, the Republican Party also has tremendous strength because of the nature of the US Senate; when a state like Wyoming has two senators, and California also has two US senators, the Republicans hold a huge advantage. The American demographic pattern, for several decades, is that more and more people of color, young people, college-educated people are moving to the coastal metropolitan centers and away from the rural states like Wyoming or even Iowa; as this trend continues, the rural States of America gain more and more power [24].

The third structural element, extensive gerrymandering to control Congressional district lines and all-district lines in State Legislative bodies, strengthens the Republican Party substantially. Every ten years, the US government conducts a census. From that data, the State legislative bodies redraw all election districts to reflect the new population figure. For instance,

Texas is gaining population rapidly, and Ohio is losing numbers so that Ohio will lose a Congressional seat (Texas will gain 2 seats, and Ohio will lose 1 [33]). The Republican legislature will control how those lines are drawn and maximize the benefits of republican office seekers [21].

Republican leaders do not feel that all these advantages are enough to ensure their dominance as the demographics flows against them, so now they are pursuing yet another anti-democratic maneuver: massive voter suppression. In all those states controlled by Republican “majorities”, they are passing myriad bills to suppress the vote and make it more difficult for people of color, college-aged youth, and young voters to make it to the polls. They have reduced the days and hours to vote, they have reduced the number of polling locations, and they have even made it possible for the legislature to change the vote tally if they disagree with it [14].

The Republican Party is doing all it can to maintain its minority-majority status.

REFERENCES

1. Austin J.C. Where Midwesterners Struggle, Trumpism Lives On. *Brookings*, 2020, November 23. URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2020/11/23/where-midwesterners-struggle-trumpism-lives-on> (accessed 11 May 2021).
2. Berman Russell. The Republican Electoral College Contradiction. *The Atlantic*, 2021, March 23. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2021/03/republican-plan-electoral-college/618362> (accessed 11 May 2021).
3. Britannica T. Editors of Encyclopedia. United States Presidential Election Results. *Encyclopedia Britannica*, 2017, February 3. URL: <https://www.britannica.com/topic/United-States-Presidential-Election-Results-1788863> (accessed 14 February 2021).
4. Castillo M. Roger Ailes’ Knack for Turning Politics into Entertainment Changed Cable News. *CNBC Evolve*, 2017, May 18. URL: <https://www.cnn.com/2017/05/18/how-foxs-ailes-changed-cable-news.html> (accessed 12 April 2021).
5. Cottle M. Newt Broke Politics – Now He Wants to Back in. *The Atlantic*, 2016, July 14. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/11/newt-gingrich-says-youre-welcome/570832> (accessed 15 April 2021).
6. Coppins Mc. The Man Who Broke Politics. *The Atlantic*, 2018, November 15. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/11/newt-gingrich-says-youre-welcome/570832> (accessed 20 April 2021).
7. Dickinson T. How Roger Ailes Built the Fox News Fear Factory. *Rolling Stones*, 2011, May 25. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/how-roger-ailes-built-the-fox-news-fear-factory-244652> (accessed 11 May 2021).
8. Dionne E.J. The GOP’s Past Election Lies Led to Trump’s Big One. *The Washington Post*, 2021, May 12. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-gops-past-election-lies-led-to-trumps-big-one/2021/05/12/83ff231e-b359-11eb-9059-d8176b9e3798_story.html (accessed 11 May 2021).
9. Everett Burgess E., Thrush G. McConnell Throws Down the Gauntlet: Scalia Replacement Under Obama. *Politico*, 2016, February 13. URL: <https://www.politico.com/story/2016/02/mitch-mcconnell-antonin-scalia-supreme-court-nomination-219248> (accessed 12 April 2021).
10. Emmrich S. Germany’s Angela Merkel is Done with Donald Trump. *Vogue*, 2020, November 10. URL: <https://www.vogue.com/article/angela-merkel-congratulates-joe-biden-ignores-donald-trump> (accessed 23 May 2021).
11. Fisher M. Belonging is Stronger than Facts: The Age of Misinformation. *New York Times*, 2021, May 7. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/13/learning/lesson-of-the-day-belonging-is-stronger-than-facts-the-age-of-misinformation.html> (accessed 20 May 2021).
12. Foreign Trade, US Census, Foreign Trade, Trade with China. *U.S. Census*. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/highlights/top/top2012yr.html> (accessed 11 May 2021).
13. Frank Th. What the Matter with Kansas? *Metropolitan Books*, 2004. 322 p.
14. Gardner A., Rabinowitz K., Stevens H. “How GOP-Backed Voting Measures Could Create Hurdles for Tens of Millions of Voters”. *Washington Post*, 2021, March 11. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2021/voting-restrictions-republicans-states> (accessed 11 May 2021).
15. Gorski Ph. Revisited: Why Do Evangelicals Vote for Trump? *Social Science Research Council*, 2020, December 15. URL: <https://tif.ssrc.org/2020/12/15/revisited-why-do-evangelicals-vote-for-trump> (accessed 11 May 2021).
16. Hanson V.D. Why Trump Won. Defining Ideas. *Hoover*, 2016, November 11. URL: <https://www.hoover.org/research/why-trump-won> (accessed 23 May 2021).
17. Hogseth B. Why Democrats Keep Losing Rural Counties Like Mine. *Politico*, 2020, January 12. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/12/01/democrats-rural-vote-wisconsin-441458> (accessed 23 April 2021).

18. Hopson J. How Newt Gingrich Shaped the Republican Party. *WBUR*, 2020, July 7. URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/07/07/newt-gingrich-republican-party> (accessed 24 April 2021).

19. Kessler G. When Did McConnell Say He Wanted to Make Obama “On-Term President”? *Washington Post*, 2012, September 25. URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/post/when-did-mcconnell-say-he-wanted-to-make-obama-a-one-term-president/2012/09/24/79fd5cd8-0696-11e2-aff-d6c7f20a83bf_blog.html (accessed 24 April 2021).

20. Knott M. Is Donald Trump the Worst President Ever? Historians Say So. *Sydney Morning Herald*, 2021, January 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/01/24/trumps-false-or-misleading-claims-total-30573-over-four-years/> (accessed 23 April 2021).

21. McCarthy T. “Putin-Style Democracy: How Republicans Gerrymander the Map”. *The Guardian*, 2021, April 11. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/apr/11/putin-style-democracy-republicans-gerrymandering-electoral-map-democrats-census> (accessed 18 April 2021).

22. Managan D. Trump Campaign Chief Manafort’s Associate Kilimnik Gave Russia 2016 Election Strategy, Polling US Says. *CNBC*, 2021, April 15. URL: <https://www.cnn.com/2021/04/15/trump-campaign-chief-paul-manafort-employee-kilimnik-gave-russia-election-data.html> (accessed 18 April 2021).

23. Mayer J. The Secret Papers of Lee Atwater, Who Invented the Scurrilous Tactics that Trump, Normalized. *New Yorker*, 2021, May 6. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/the-secret-papers-of-lee-atwater-who-invented-the-scurrilous-tactics-that-trump-normalized> (accessed 16 April 2021).

24. Millhiser I. “America’s Anti-Democratic Senate, by the Numbers”. *VOX*, 2020, November 6, URL: <https://www.vox.com/2020/11/6/21550979/senate-malapportionment-20-million-democrats-republicans-supreme-court> (accessed 18 April 2021).

25. Naftali T. The Worst President in History. *The Atlantic*, 2021, January 19. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/01/trump-worst-president-history/617730> (accessed 18 April 2021).

26. Palmer D. America’s Trade Gap Soared Under Trump, Final Figures Show. *Politico*, 2021, February 5. URL: <https://www.politico.com/news/2021/02/05/2020-trade-figures-trump-failure-deficit-466116> (accessed 11 May 2021).

27. Pesak W. China’s Xi Jinping Is Really Going to Miss Donald Trump Despite Four Chaotic Years. *Forbes*, 2021, January 18. URL: <https://www.forbes.com/sites/williampesak/2021/01/18/chinas-xi-jinping-is-really-going-to-miss-donald-trump->

[despite-four-chaotic-years/?sh=6b5260e6426e](https://www.forbes.com/sites/williampesak/2021/01/18/chinas-xi-jinping-is-really-going-to-miss-donald-trump-despite-four-chaotic-years/?sh=6b5260e6426e) (accessed 11 May 2021).

28. Public Papers of Ronald Reagan, January 1981. *Inaugural Address*, 1981, January 20. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/public-papers-president-ronald-reagan> (accessed 19 April 2021).

29. Reuters Staff. Trump Shoves Fellow NATO Leader Aside on His First Summit. *Reuters*, 2017, May 25. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-europe-montenegro-idUSKBN18L2FK> (accessed 11 May 2021).

30. Roberts K. Trump’s Trade Deficit Legacy: Three Largest in History in Four Years. *Forbes*, 2021, January 14. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenroberts/2021/01/14/trumps-trade-deficit-legacy-three-largest-in-history-in-four-years/?sh=5b705cb95ba0> (accessed 20 April 2021).

31. Scott E. How the Willie Horton Ad Factors into George H.W. Bush’s Legacy. *CNN*, 2018, December 3. URL: <https://www.history.com/news/george-bush-willie-horton-racist-ad> (accessed 20 April 2021).

32. Sewer A. Birtherism of a Nation. *The Atlantic*, 2020, May 13. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/05/birtherism-and-trump/610978> (accessed 12 March 2021).

33. Skelley G., Radich N. “Which States Won-And Lost-Seats in the 2020 Census?”. *FiveThirtyEight*, 2021, April 26. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/which-states-won-and-lost-seats-in-the-2020-census/> (accessed 11 May 2021).

34. Stallard K. Donald Trump’s North Korea Gambit: What Worked, What Didn’t, and What’s Next. *Wilson Center: Asia Dispatches*, 2020, November 26. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/donald-trumps-north-korea-gambit-what-worked-what-didnt-and-whats-next> (accessed 3 March 2021).

35. Top 10 World’s Largest Container Ships In 2022. *Marine Insight*. URL: <https://www.marineinsight.com/know-more/top-10-worlds-largest-container-ships-in-2019/> (accessed 23 May 2021).

36. Twitter. *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Twitter> (accessed 11 May 2021).

37. Vazquez M. Donald Trump’s Presidency by the Numbers. *CNN: Politics*, 2020, December 18. URL: <https://edition.cnn.com/2020/12/18/politics/trump-presidency-by-the-numbers/index.html> (accessed 10 May 2021).

38. Weaver C. Why US Evangelicals are Flocking to Trump. *Financial Times*, 2020, October 2. URL: <https://www.ft.com/content/de8dcd60-4bbf-4f3b-a1d7-e9eefb936c7f> (accessed 28 March 2021).

39. Wissot J. *Trump Loyalists Hate Liberals Which is Why They Love Him. Follow Opinion*, 2020, August 20. URL: <https://www.vaildaily.com/opinion/>

wissot-trump-loyalists-hate-liberals-which-is-why-they-love-him (accessed 18 March 2021).

40. Witte G., Birnbaum M. Trump Foreign Policy Under Attack from All Sides at European Security Conference. *Washington Post*, 2019, February 16. URL:

https://www.washingtonpost.com/world/europe/trump-foreign-policy-under-attack-from-all-sides-at-european-security-conference/2019/02/16/9b1a713a-2fac-11e9-8781-763619f12cb4_story.html (accessed 10 April 2021).

Information About the Authors

Tom Heed, PhD (Education), Professor Emeritus, Ramapo College, 505 Ramapo Valley Rd, Mahwah, 07430 New Jersey, USA, theed@ramapo.edu, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3896>

Alexander I. Kubyshkin, Doctor of Sciences (History), Professor of Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, kubyshkin.alexander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

Информация об авторах

Том Хид, доктор педагогических наук, почетный профессор, Колледж Рамапо, 505 Рамапо Валлей Роад, Маувах, 07430 г. Нью Джерси, США, theed@ramapo.edu, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3896>

Александр Иванович Кубышкин, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kubyshkin.alexander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.10>

UDC 327.8
LBC 66.4(4)

Submitted: 12.11.2020
Accepted: 12.01.2021

THE CONCEPT OF DEMOCRACY IN U.S. FOREIGN POLICY IN A POST-BIPOLAR SYSTEM

Natalia V. Eremina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Olga A. Ignatjeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Democracy nowadays means not only specific parameters of domestic political, social and economic development, but has also become a tool for identifying “friends” and “strangers” for the USA and a number of other states of the so-called Western world. In addition, international law, calling the problem of human rights the most important one for the democratization of the world, denotes the possibility of interference of the states concerned in the internal affairs of other countries. *Methods and materials.* The study was conducted in accordance with the epistemological orientations of social constructivism using the case-study method. *Analysis.* The logic of analysis assumes considering a concept of democracy from the position of the theory of the democratic world with its verification on USA political practice including their participation in contemporary local and regional conflicts. *Results.* Thus, democracy becomes a complex tool that allows the USA to solve several problems at once: to divide between states, to influence the domestic politics of other states, to change its position in the international arena, to spread its values, to conceal its foreign policy goals by dressing them up in “democratic” clothes. The U.S., considering itself a model democratic state, identifying other countries as its allies or enemies, at the same time gives them the status of “democratic” or “non-democratic”, or, if necessary, avoiding such a designation (in the case of Saudi Arabia).

Key words: democracy, USA, international processes, color revolutions, Cold War.

Citation. Eremina N.V., Ignatjeva O.A. The Concept of Democracy in U.S. Foreign Policy in a Post-Bipolar System. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhduнародные otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 112-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.10>

УДК 327.8
ББК 66.4(4)

Дата поступления статьи: 12.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

КОНЦЕПТ ДЕМОКРАТИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В УСЛОВИЯХ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ

Наталья Валерьевна Еремина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ольга Анатольевна Игнатьева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время демократия не только означает конкретные параметры внутригосударственного политического, социального и экономического развития, она превратилась в инструмент идентификации «своих» и «чужих» для США и ряда других государств так называемого Западного мира. Кроме того, международное право, называя проблему прав человека важнейшей для демократизации мира, обозначает возможность вмешательства заинтересованных государств во внутренние дела других стран.

Исследование было проведено в соответствии с эпистемологическими ориентациями социального конструктивизма с использованием метода кейс-стади. Концепт демократии был рассмотрен с позиции теории демократического мира с его верификацией политической практикой США, включая их участие в современных международных конфликтах. Таким образом, демократия превращается в комплексный инструмент, который позволяет США решать сразу несколько задач: проводить разделение между государствами, влиять на внутреннюю политику других государств, изменять свои позиции на международной арене, распространять свои ценности, скрывать свои внешнеполитические цели, облекая их в «демократические одежды». США, полагая себя образцом демократического государства, идентифицируя прочие страны как своих союзников или недругов, заодно наделяет их статусом «демократических» или «недемократических», или, в случае необходимости, избегает подобного обозначения (в случае с Саудовской Аравией). Подобный подход отражен не только в исследованиях различных авторов, но и во внешнеполитических стратегиях США. В отечественной науке фактор концепта демократии не рассматривался в контексте развития международных отношений. *Вклад авторов.* Аналитическая часть статьи, посвященная теории демократического мира Р. Румеля и его последователей, с учетом ее практической реализации во внешней политике США, подготовлена Н.В. Ереминой. Методология исследования и роль концепта демократии в современных международных конфликтах проанализирована О.А. Игнатьевой.

Ключевые слова: демократия, США, международные процессы, цветные революции, холодная война.

Цитирование. Еремина Н. В., Игнатьева О. А. Концепт демократии во внешней политике США в условиях постбиполярной системы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 112–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.10>

Введение. Новизна статьи заключается в постановке научной проблемы о факторе концепта демократии на примере теории демократического мира во внешней политике Соединенных Штатов Америки. Кроме того, указанная научная проблема исследуется в статье через анализ триады: идея (идеи демократии, теория демократического мира), идеология (внешнеполитическая стратегия, обосновывающая позиции США на мировой арене), практика (примеры гуманитарных интервенций, проводимых под флагом демократизации). Подобный подход позволяет четко проследить не только зависимость формирования целей внешней политики и практической их реализации от идей либеральной демократии, но и показать негативное влияние внешнеполитических мероприятий США на демократические идеи. Наглядным становится парадокс: США проводят гуманитарные интервенции под флагом продвижения демократии, но таким образом, напротив, сужают и ограничивают потенциал ее распространения в мире.

Цель данной статьи – определить какую роль концепта демократии в выстраивании внешнеполитической деятельности США в условиях постбиполярной системы, что необходимо для понимания формирования международных процессов в целом. Для ответа на поставленный вопрос необходимо решить

3 задачи: 1) исследовать концепт демократии во внешнеполитической стратегии США в рамках анализа теории демократического мира, так как именно данная теория стала ведущей в контексте так называемой победы либеральной демократии, ведомой ими в обозначенный период; 2) исследовать эволюцию концепта демократии во внешнеполитических стратегиях США; 3) а также в различных международных кейсах, в которых принимали участие США.

Методы и материалы. Данная работа представляет собой теоретическое исследование, выполненное в соответствии с эпистемологическими ориентациями социального конструктивизма, рассматривающего взаимодействие акторов на внешнеполитической арене как способ конструирования мира. Конструктивизм в теории международных отношений сформировался в 1950–1960-е гг. на основе работ социологов и социальных психологов. Его основоположником в теории международных отношений стал американский политолог-международник Н. Онуф с монографией «Мир, который мы создаем» (1989). Социальный конструктивизм «обратился к дискурсам, отношениям, взаимодействиям между людьми, отказавшись от всеобщих универсальных истин и повернувшись лицом к многоголосью, к сообществу и диалогу как способам конструирования мира» [5, с. 294].

В работе также использован системный подход, позволяющий интерпретировать концепт демократии как систему, состоящую из идеи, идеологии и практики [5, с. 317]. Проведен критический теоретический анализ внешней политики Соединенных Штатов постбиполярной эпохи, а также кейс-стади [4, с. 18–23] при оценке роли данного концепта во внешнеполитических конфликтах с участием США и НАТО. Анализ и результаты исследования изложены в двух разделах данной статьи в следующей логике: 1) теория демократического мира как база для стратегий внешней политики США; 2) роль демократии в современных международных конфликтах.

Теория демократического мира как база для стратегий внешней политики США

Концепт демократии стал активно распространяться не только в академической, но и в общественно-политической сферах сразу после окончания Второй мировой войны. Так, послевоенный период характеризуется двумя мощными тенденциями: во-первых, поиском формулы демократизации внутреннего развития государств-участников ООН и возможностей демократизации самих международных отношений; во-вторых, противостоянием двух политических систем в ходе холодной войны, длившейся весь этот период вплоть до начала 1990-х годов. Международные отношения в поствоенный период развивались в спорах между концепциями «социальной демократии», основанной на идеалах коммунистической идеологии и выполнении социальных задач (прежде всего равное право на труд, поддерживаемое форматом относительно равного потребления), и «либеральной демократии», выраженной в развитии капиталистического рынка и свободной конкуренции. Данный спор в условиях холодной войны создал основания для превращения концепта демократии в инструмент внешней политики. Однако биполярная система сама по себе сдерживала и некоторым образом ограничивала потенциал и возможности использования концепта демократии на практике. Ситуация кардинально изменилась после ее крушения, когда для западных идеологов и политических лидеров появилась возмож-

ность заявить о победе идеологии либеральной демократии. С этого времени концепт демократии стал основным инструментом внешней политики США как лидера так называемого либерально-демократического мира. Поскольку лагерь западных демократий формировался в контексте противостояния противоборствующему советскому лагерю, внутри него возник только один безоговорочный лидер – США, что сделало его позиции неуязвимыми для критики собственных союзников, что уже в свою очередь опровергает принципы демократии внутри Союза, так как требует лояльности всем решениям Вашингтона и признания его авторитета.

Вместе с тем понятия либеральная демократия и гегемония оказались неразрывно связанными на международной арене в условиях постбиполярной системы, а сама демократия превратилась в основной инструмент внешней политики гегемона Западного мира – США. Впрочем, в результате таких действий идея демократии со временем оказалась в кризисе, а применение пыток, физических ликвидаций и прочих неоднозначных методов повредили имиджу США как модели демократии [2, с. 7].

Отметим, что к концу XX – началу XXI в. возникло широкое многообразие концепций, характеризующих демократии в международном контексте, которые в центр ставили образец американской демократии. Однако не все страны смогли принять унифицированную форму западной демократии в ходе модернизации политических режимов. Среди множества современных концептов и теорий демократии в постбиполярной системе выделяется по своей значимости теория демократического мира, так как она совмещает значение характеристик внутреннего политического режима и внешнеполитических установок государства. Данная теория также предлагает постулат «демократические государства не воюют друг с другом», ссылаясь на который обеспечили для политических лидеров США основания для гуманитарных интервенций, ведь с авторитарными режимами воевать возможно и даже оправданно, так как подобное вмешательство позволяет заставить недемократические государства приобщиться к демократии и таким образом обеспечить мирное межгосударственное сосуществование.

Интерес к данной концепции был инициирован исследованием Р. Руммеля [30, р. 30], проведенным в конце XX века. Данная теория относится к разряду либерально-демократических, подчеркивающих права и свободы индивидов в качестве главных ценностей, постулирующих разделение властей и значимость гражданского общества. Основными факторами мирного сосуществования современных демократий являются желание властных институтов и партий, а также политических лидеров сохранить свой рейтинг среди избирателей, так как любая война ведет к обнищанию и насилию. Также демократические государства являются более предсказуемыми во внешнеполитических отношениях, и с ними можно выстраивать долгосрочные партнерские отношения, в первую очередь, экономические. Кроме того, демократические государства являются более богатыми и, как следствие, избегают войн, чтобы сохранить имеющиеся ресурсы и созданную инфраструктуру. Их государственные деятели стараются создавать международные организации, как политические, так и экономические, для решения вопросов международной напряженности. Со временем основной постулат данной концепции был изменен на вариант, что «демократии в меньшей степени склонны воевать друг с другом». В условиях постбиполярной международной системы теории и практики пришли к консенсусу в понимании того, что демократический режим является наиболее благоприятным типом режима для всех государств мира [29, р. 8].

Теорию демократического мира активно развивал в своих работах М. Дойл. Он обратил внимание на то, что либеральная демократия (либерализм) отождествляется с важным принципом – правами и свободами человека. И именно этот принцип породил демократические права и институты [28, р. 21]. Таким образом, демократия – это то, что определяет либеральное государство [25, р. 234]. В этой связи важно, что теория демократического мира на первое место ставит гражданское общество, хотя и признает, что его позиции могут формироваться под воздействием политиков. Например, президент Дж. Буш-младший назвал «войну с террором» «крестовым походом» [11], что имело ключе-

вое значение для формирования общественного мнения и поддержки иракской кампании. Поэтому для теории демократического мира очень важно взаимодействие властных институтов и общества.

По мнению Дойла, внутренние особенности либерально-демократических государств диктуют их поведение не только во внутреннем измерении, но и во внешнем, так как демократические государства по своей природе обязаны поддерживать мирные отношения с другими либеральными демократиями [18, р. 129]. Более того, демократии стремятся не просто к выживанию в анархической международной системе, они также стремятся и к миру [20, р. 650–652]. Следовательно, создание мирного международного сообщества и предотвращение конфликтов возможно только при увеличении количества демократий, которые воспринимают себя как естественных союзников [19, р. 465]. Кроме того, теоретики демократического мира подчеркивают, что только демократические государства способны к диалогу, только демократические лидеры, привыкшие к нормам и ценностям сотрудничества в собственном государстве, готовы использовать их в международной сфере, но только в том случае, если ведут этот диалог с такими же демократическими государствами, что позволяет создать стабильную демократическую сеть в анархической международной системе [26, р. 90–91].

В конце XX в. концепция демократического мира легла в основу внешней политики США. После анализа ее стратегий мы отметим совмещение постулатов теории демократического мира с основными аспектами американских внешнеполитических стратегий. Без пирровой победы США в холодной войне, которая вдохнула жизнь в идеологию либерально-демократического мира, вряд ли была бы возможна их столь активная внешняя политика с гуманитарным вмешательством, тем более без учета позиции ООН. И вряд ли эти действия получили бы столь широкую поддержку от других государств так называемого лагеря западных либеральных демократий в 1990-х и начале 2000-х годов.

После окончания Второй мировой войны и формирования биполярной системы, США рассматривали экспансию на чужие террито-

рии как необходимую для защиты не только своих интересов, но и представляемого ими концепта демократии. Так, практически все американские президенты, начиная от Дж. Трумэна и заканчивая Д. Трампом, говорили о защите западных ценностей, а поскольку их защиту осуществляют США, то именно по этой причине в основе внешней политики лежит их ответственность за весь мир. СССР же, а потом Россия, напротив, противопоставлялись США как главная угроза миру и стабильному порядку. Данный подход в условиях постбиполярной системы уже никто не сдерживал. Триумф либеральной демократии после крушения СССР позволил США уверовать в идею демократического мира. Следовательно, западные акторы, прежде всего США и институты (в первую очередь ООН), продолжили увязывать любые усилия по миростроительству с трансформацией «несостоятельного государства» в либеральную демократию, осуществляемой с помощью внешнего вмешательства [14]. При этом при оценке демократичности того или иного режима, который необходимо трансформировать, за основу брали американскую модель. Здесь важно отметить, что эта модель в многом основана на принципе рыночной либерализации. Неудивительно [27, р. 55–56], что экономическая либерализация лежит в основе интернационалистской идеологии США. Следовательно, процесс демократизации с точки зрения США определяется степенью экономической либерализации.

После окончания холодной войны при Б. Клинтоне сразу же встала сложная задача примирить американское лидерство со стремлением удержать Россию в сфере своего влияния. В условиях падения социалистического лагеря все страны-союзники и сателлиты США стремились воспользоваться этой ситуацией для улучшения своих экономических и внешнеполитических позиций, что привело к зарождению конкуренции внутри западного блока. В этих условиях Б. Клинтон сразу сделал упор на теорию демократического мира, указав, что «демократии не нападают друг на друга» [16]. Он смело заявил, что лучшая стратегия для обеспечения безопасности США и построения прочного мира – это продвижение демократии в других странах, та-

ким образом связав сразу постулаты теории демократического мира с внешнеполитической стратегией и практикой.

Для реализации поставленной задачи администрация Б. Клинтона выступила с идеей глобального лидерства США, а также продвижения демократии в России и во всем мире. Именно эти подходы позволили ему активизировать внешнюю политику и вмешиваться во внутренние дела других государств для продвижения «гуманитарных ценностей» [7, с. 60–65]. Фактически при Б. Клинтоне была подтверждена стратегия «расширения демократии» во всем мире, инструментами которой выступали военные действия, а также прямая поддержка тех или иных сил в разных странах, воздействие на курс страны и проведение рыночных реформ. Россия стала одним из полигонов для испытания этой доктрины. Одновременно с этим выдвигалась задача положить предел возможностям экспансии самой России, которую продолжали ассоциировать с СССР [1, с. 58–67].

В последующее время идея расширения демократии не только не подверглась сомнению, хотя проведение многочисленных военных операций серьезно подтачивает американский бюджет, но, напротив, укрепилась. Так, Дж. Буш-младший под данным лозунгом начал поход против международного терроризма. Он полагал, что в этом конфликте демократия вновь борется с тоталитаризмом, то есть, рассматривал свои внешнеполитические действия как идеологическое, культурное и ценностное противостояние, поставив США во главу демократического цивилизованного мира. В этом контексте доктрина Буша-младшего не отличается от подходов других американских президентов. Однако в этот период активно возникали и росли новые центры силы, прежде всего в лице Китая, а также России, которая постепенно стала обозначать свои национальные интересы и признавать, что они не согласуются с американским курсом [6, с. 92–111].

По этой причине следующие президенты, так или иначе, признали ослабление позиций США и выступили уже с идеей вернуть государству прежнее, отчасти уже упущенное, лидерство в мире, основанное на американских демократических идеалах. Так, Б. Оба-

ма говорил о восстановлении позиций США [12], а Д. Трамп о необходимости отказаться от активной внешней политики и решать внутренние проблемы в стране [10]. Однако, как мы видим, ни тот, ни другой не смогли рационализировать свою внешнюю политику, так как во внешнеполитической практике США уже давно отказались от компромисса с так называемыми недемократическими, с их точки зрения, государствами, но привыкли добиваться от них односторонних уступок, а в случае их несогласия – вводить санкции или войска.

Таким образом, мы видим, что теория демократического мира базируется на либеральной идеалистической парадигме. Однако не трудно заметить, что она была переработана американскими внешнеполитическими стратегами, добавившими в ее интерпретацию некоторые подходы реалистической парадигмы, так как демократию они понимают не только как причину поддержания мира, но и как инструмент управления конфликтами. Иными словами, они помещают теорию демократического мира в либерально-идеалистическую картину международных отношений, уже ранее созданную по лекалам реализма, что позволило совместить идеи постоянной анархии и конфликтов между государствами с идеями их ограничения и наличием «демократических» регионов, внутри которых царит мир. Еще одна новелла в интерпретации теории демократического мира американскими стратегами – это возможность утверждать необходимость распространения демократии инструментами в духе реалистической парадигмы, вплоть до войны. Возникает парадокс: чтобы установить мир, надо превратить все государства в демократии, даже если для этого необходимо проявить насилие. При этом сама теория демократического мира ничего не говорит о необходимости использования войны как средства международной политики. Этот парадокс стал еще более очевидным в условиях изменений международных отношений и формирования многополярной системы. Однако американская внешнеполитическая мысль нуждается в наличии внешнего врага, выраженного в лице «недемократического», «авторитарного» режима, в противопоставлении с которым выступает «демократическая»

американская модель. Поэтому концепт демократии глубоко укоренен во внешнеполитической стратегии США, и американские президенты от него не отказывались, пожалуй, за исключением Д. Трампа.

Сопоставление положений теории демократического мира с основными аспектами стратегий США позволяет сделать следующие выводы:

1. В основе выстраивания стратегии внешней политики США лежит убеждение в преимуществах их демократической модели, которая не требует доказательств или даже анализа, что согласуется с аргументом теории демократического мира в отношении первостепенной важности внутреннего политического режима. Кроме того, как в теории демократического мира нет упоминания о роли религий и религиозного мышления, влияющего на тот или иной политический режим, так нет этих ссылок и в концепциях внешней политики США. Более того, можно заметить, что в США вообще довольно часто, если не постоянно, игнорируют аспект религии в выстраивании внешней политики. Довольно симптоматично в этой связи, что Индию в Соединенных Штатах называют самой большой демократией в мире, при том, что там до сих пор сохраняется кастовое общество.

2. Политические лидеры США, делая заявления о внешней политике, акцентируют внимание на том, что именно демократическое устройство стран делает возможным полноценное сотрудничество между ними и снимает противоречия межцивилизационного конфликта, о чем говорит теория демократического мира. Согласно ей, можно увидеть выстраивание внешнеполитической иерархии, с точки зрения деления США всех стран на демократические и недемократические. Ссылка на демократичность того или иного государства, с которым сотрудничают США, является превалирующей. Поэтому в верхней строчке иерархии демократий и стран, с которыми США выстраивают полноценные межгосударственные взаимодействия, являются страны ЕС (и ЕС в целом). Когда государство идентифицируется США как демократия, это может подразумевать совместные действия, несмотря на то, что государства по-разному могут интерпретировать понятие де-

мократии. Здесь решающее значение имеет именно позиция США.

3. Теория демократического мира гласит, что государства не воюют друг с другом, так как они – демократии, а значит, не вступают в войну по причине позиций собственного общества, которое стремится ее избежать. Это означает, что ключевым аспектом отсутствия войны можно считать мнение общества, с которым власть должна вступать в диалог. В условиях США мы видим, что интервенции преподносятся американскими и глобальными СМИ именно как инструмент помощи другим народам, которые страдают от некоего тирана. Американской общественности предлагается выступить в роли «благородных идалго», без которых невозможно решить проблемы добра и зла и восстановить справедливость. Не случайно здесь мы можем связать теорию демократического мира с основными положениями демократического политического режима, в центре которого стоит задача обеспечивать права человека. Таким образом, пользуясь постулатами теории демократического мира, США выступают именно в роли защитников прав человека по всему миру, а значит защитниками и демократии, и, соответственно, мира во всем мире. Мнение общественности важно в каждом конфликте, в котором участвовали США. В следующем разделе статьи будет показано значение публикации опросов общественного мнения о вторжении в ту или иную страну.

4. В теории демократического мира не учитывается значение идентичности, а во внешнеполитической стратегии США мы замечаем подход, который гласит, что любая идентичность способна воспринять идеи демократии в том виде, в каком их преподносят сами Соединенные Штаты.

Отметим, что сложности в полноценной реализации теории демократического мира заключены в интерпретации самого понятия демократия, и в спорах о том, является ли американская модель образцовой для других государств, стремящихся именоваться демократиями. В конце концов, даже сторонники либерального мира не могли не признать, что трансформирующиеся государства, проходящие период демократизации, являются нестабильными и, напротив, приходят к дестабили-

зации и могут быть вовлечены в войну быстрее, чем государства недемократические [17, p. 1191–1192].

Таким образом, концепт демократии в настоящее время окончательно соединил внутри- и внешнеполитические действия государств, их внутривнутриполитические особенности оказывают влияние на их позиционирование и на международную политику, как и международная политика оказывает влияние на реформирование внутри государств. Демократия окончательно стала инструментом внешней политики, позволяющей сильным государствам, называющим себя демократическими, оправдывать агрессивную внешнюю политику демократическими лозунгами. Неудивительно, что американские интервенции в другие государства стали называть «демократическими интервенциями», и именно США одними из первых взяли на вооружение концепт демократии, подчеркивая свою исключительность. А теория демократического мира дала им обоснование такого подхода в постбиполярных условиях. Внешняя политика и гуманитарные интервенции США наглядно демонстрируют реализацию принципов теории демократического мира на практике. Рассмотрев ниже конкретные примеры, мы сможем показать взаимосвязь идеи (концепт демократии), идеологии (внешнеполитическая стратегия) и практики.

Роль демократии в современных международных конфликтах с участием США

Демократию принято считать достижением западного общества. Неудивительно, что одной из важных целей внешней политики США является ее распространение по всему миру. «Поддержание демократии не только продвигает такие фундаментальные американские ценности, как свобода вероисповедания и права трудящихся, но и помогает создавать более безопасный, стабильный и процветающий мир, в котором США могут продвигать свои национальные интересы» [23]. Со временем «экспорт демократии» превратился в одно из ведущих направлений внешней политики США, и осуществлялся он не только мирными (международное образование,

дипломатия и социально-экономическое сотрудничество), но и военными средствами [13, р. 64].

Почти все наиболее кровопролитные и продолжительные военные конфликты и гражданские войны современности не обошлись без вмешательства США. Горячие точки располагаются в геополитических узлах, богатых нефтью (Ливия, Сирия, Ирак) или ответственных за транзит газа (Украина). С момента формирования ООН на счету США участие в нескольких десятках конфликтов с так называемыми гуманитарными интервенциями. Согласно определению, данному институтом международных дел Дании, гуманитарные интервенции – это силовое действие, предпринятое государствами, включая использование вооруженных сил в другом государстве без согласия его правительства, с или без санкций Совета Безопасности ООН в целях предотвращения или прекращения массовых нарушений прав человека или международного гуманитарного права» [22]. Также возможна интервенция других государств по просьбе легитимных властей страны, в которой происходит вооруженный конфликт, и которая не может с ним справиться самостоятельно [34, р. 21]. Глава VIII Устава ООН также допускает участие региональных организаций (НАТО, ОБСЕ) в операциях по поддержанию мира [8]. При этом никакая страна не может вмешиваться во внутренние дела другого государства по собственному усмотрению. Однако эти нормы не затрагивают внутреннее законодательство США в вопросах ведения войны на чужой территории. Там существует ряд законов, которые предусматривают как военную помощь (закон контроля экспорта вооружения – АЕСА, закон об иностранной помощи – FAA), так и право объявления войны в одностороннем порядке (Резолюция о военных полномочиях, 1973 [33, р. 6–7]; Разрешение на использование военной силы против террористов (AUMF), 2001). Возможность появления этих законов была обеспечена внешнеполитическими стратегиями США, которые были рассмотрены выше.

Так, после атаки на США 11 сентября Конгресс почти единогласно принял документ «Разрешение на использование вооруженных сил против террористов» (AUMF), который фактически развязал руки Президенту в отношении принятия решения об объявлении войны без учета мнения законодательной власти США. В 2016 г. администрация Президента США дала расширительное толкование данному документу, согласно которому он является фактическим разрешением Конгресса для использования вооруженных сил против Аль-Каиды* и других воинствующих групп [15, р. 640–642].

В процессе исследования также был обнаружен внутренний закон США, разрешивший вмешательство во внутренние дела Ирака с целью свержения режима С. Хусейна и демократизации политического режима Ирака. Это закон об освобождении Ирака (1998), который послужил основанием для Резолюции Конгресса (2002), разрешающей использование военной силы в противостоянии с Ираком [24]. Это входит в противоречие с Уставом ООН и решениями СБ ООН, но таковы реалии постбиполярного мира.

Для установления контроля над регионом США используют разные схемы, суть которых можно свести к попытке легитимации интервенции посредством приглашения со стороны легитимного правительства или с санкций СБ ООН. Необходимо отметить, что разрешение ООН на подобное вторжение удалось получить только один раз после распада биполярной системы, когда при попустительстве России в 2010 г. была принята Резолюция СБ ООН № 1973 [31], ставшая основанием для вторжения США и их союзников на территорию Ливии с последующим убийством законного руководителя страны М. Каддафи.

Обычно для легитимации введения войск и установления контроля над регионом США ссылаются на наличие приглашения от «легитимного» правительства, но для того, чтобы его получить, необходимо сначала сменить власть в стране. Для этого можно использовать либо цветную революцию либо войну с террором. В этом случае марионеточ-

*Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

ное (временное) правительство, пришедшее к власти при поддержке США, дает разрешение на присутствие военных подразделений их и их союзников на территории страны. Так было в случае с Афганистаном, Ираком и Ливией. Гораздо сложнее ситуация с Сирией, где не удалось свергнуть правительство Башара Асада в ходе арабской весны и последующей гражданской войны. США объясняют свое вторжение в Сирию и установление там 12 военных баз приглашением со стороны сирийской оппозиции, легитимность которой признают страны Европейского Союза и Лиги арабских государств.

Необходимо отметить, что вторжение в Афганистан и Ирак было инициировано внутренними актами в рамках объявленной Президентом США Дж. Бушем войны с террором. Только самооборона как ответ на вооруженную агрессию другого государства против пострадавшего государства не противоречит положениям Устава ООН. Однако ни со стороны Афганистана, ни со стороны Ирака подобной агрессии против США на тот момент не было. Террористы, совершившие атаку на Международный торговый центр 11 сентября, были выходцами из Саудовской Аравии. Свои действия против Ирака США пытались оправдать в глазах международной общественности посредством резолюций СБ ООН № 660 и 668, относившимся к периоду войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), таким образом позволив себе манипулировать законодательными актами высшего международного органа.

Очевидно, что проведение цветных революций по смене легитимной власти не может быть объяснено только влиянием внешних сил, заинтересованных в реализации собственных геополитических интересов. Для этого существуют и внутренние причины, такие как низкий жизненный уровень, высокая поляризация доходов, отсутствие лифтов социальной мобильности, коррупция во власти, нарушение прав человека, которые послужили триггером кровавых событий на Украине, на Ближнем Востоке и Северной Африке.

Однако в ходе каждой из этих революций в нее вмешивались западные страны США и ЕС. Так, 21 февраля 2014 г. под давлением стран Запада легитимный президент

Украины был вынужден подписать Соглашение об урегулировании кризиса, в соответствии с которым должны были быть проведены досрочные выборы. После того как В. Янукович покинул Украину, 23 февраля 2014 г. исполняющим обязанности президента стал новый председатель Верховной Рады А. Турчинов. Легитимность его власти уже к 24 февраля была признана США и странами ЕС. Кроме того, представители правительства США активно проявляли себя на Майдане и в ходе консультаций новой власти, установившейся на Украине в 2014 году. Исследователи не сомневаются и в участии США и стран Запада в событиях Арабской весны [3, с. 473–477].

Существует версия, что для проведения цветной революции США используют сетевые войны, механизм которых подробно изложен в работе Дж. Аркилла и Д. Боргера [9, с. 82]. Сетевую структуру уничтожить нелегко, так как ее центром управления являются не люди, а сверхидея. В качестве объединяющего фактора выступает идентичность, которая выражается в митингах, шествиях, вооруженных столкновениях, информационном освещении. Костяком сети в случае первых цветных революций были сербский Отпор, грузинская Кмара, украинская Пора. Возможность сменить власть также поддерживается подготовкой потенциальных национальных лидеров в западных вузах.

Для оправдания интервенции США и их союзников на территорию суверенного государства в глазах международного общественного мнения используются социологические опросы, проводимые Gallup и другими ведущими американскими организациями, в ряде случаев формируются международные комиссии при правительстве стран-членов НАТО. Так в августе 1999 г. при Правительстве Швеции была сформирована независимая международная комиссия по Косово, которая была призвана дать оценку действиям США и НАТО в Югославии. Комиссия пришла к выводу, что вмешательство НАТО было хоть и незаконным с точки зрения международного права, но все-таки оправданным, так как предотвратило геноцид албанского населения в Косово. В выводах также говорилось об отрицательной оценке решения обвинителя международного уголовного трибунала по бывшей

Югославии не возбуждать расследования в отношении НАТО [32, р. 289].

Деятельность другой «международной» комиссии, сформированной при правительстве Канады в 2000 г., имела еще более далеко идущие последствия. Комиссия пришла к выводу, что не надо дожидаться геноцида населения, а нужно действовать если есть какая-то угроза. Так появилось понятие «обязанность защищать» (R2P), которая по сути легализовала право превентивной гуманитарной интервенции, которым и воспользовались США уже в 2003 г. в ходе войны в Ираке [21, р. 38–39].

Таким образом, идеалы демократии, ее красивые проявления в виде высокого уровня жизни населения, служат ширмой для реализации собственных геополитических интересов США и стран НАТО в горячих точках нашей планеты. Нетрудно заметить, что указанные примеры гуманитарных интервенций США основаны на идеях демократии и конкретно теории демократического мира: во-первых, не оспаривается возможность вмешательства в дела недемократического государства с целью защиты прав человека, что составляет основную ценность государственности, с точки зрения указанной теории; во-вторых, все государства способны воспринимать демократию и пойти по пути демократизации; в-третьих, демократические институты играют важнейшую роль во взаимодействии общества и власти, общественность привлечена к принятию решений о гуманитарной интервенции.

Результаты. Концепт демократии – удобный инструмент для внешнеполитической деятельности, так как позволяет соотносить различные аспекты внутриполитического развития одного государства с национальными интересами другого. Благодаря этому страна, полагающая себя моделью демократии, поднимает вопрос демократического развития (преимущественно к правам человека) другой страны, и, таким образом, получает возможности влиять через инструменты мягкой силы на внутреннюю ситуацию в ней, изменяя собственное положение на международной арене.

В наибольшей степени этот принцип в своей деятельности реализуют США, которые

являются лидером Североатлантического альянса и получают поддержку от союзников, в том числе в вопросах военных интервенций, благодаря риторике о нарушениях прав человека или недемократичности того или иного режима, что, с точки зрения США, легитимизирует их внешнюю политику. При этом концепт демократии, в первую очередь в виде теории демократического мира, прямо указывается во внешнеполитических стратегиях США, а их эволюция только укрепила его в качестве базового элемента внешней политики. В научных исследованиях концепт демократии также использовался для подтверждения конфронтационности не только между государствами (сверхдержавами), но и блоками государств. Подобные позиции означают, что в современном мире неизбежен рост множества локальных конфликтов.

Идеи продвижения демократического мира, если рассматривать не просто идеологию, выраженную в рамках внешнеполитических стратегий, но и примеры гуманитарных интервенций США, например, в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, служат не только обоснованием активизации внешнеполитических усилий США и оправдывают наличие множества военных баз, но и демонстрируют двойные стандарты и опровергают стремление других обществ и народов к демократии как к эталону политической эволюции.

Неудачные миротворческие операции США показали, что опора на постулаты демократических интервенций, основанных на их внешнеполитических позициях, не только не способствует миру во всем мире, но, напротив, формирует множество конфликтных зон. Именно сама практика США лучше всего опровергает ими же выбранные основы для проведения внешнеполитических действий. Заявления о необходимой демократизации всех недемократичных государств как способа достижения мира теперь активно оспариваются растущими геополитическими игроками (Китай, Россия).

Вторжение США в другие государства обосновывалось на языке либеральной демократии стремлением защитить права человека, освободить другие народы от тирании их диктаторов, что скорее говорит об империа-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

листических и мессианских традициях Соединенных Штатов, нежели об их демократических устремлениях. Попытки демократизации политических режимов стран, в которые вторглись США с союзниками, также не увенчались успехом, порождая хаос и продолжающуюся по сию пору дестабилизацию. Более того, развал системы правления на Ближнем Востоке привел к формированию мощных исламистских групп.

Данная практика заставляет поставить вопрос: можно ли считать либерально-демократическое (гуманитарное) вторжение в другую страну проявлением демократизации. Наш взгляд, нельзя. Напротив, данные действия приводят только к разочарованию в демократии, падению веры в наличие демократических институтов. Во многом именно это и стало основанием быстрого роста приверженцев ИГИЛ **, а значит – потенциал либерально-демократического инструментария к изменениям в мире и утверждению мира во всем мире изрядно ограничен. Неудивительно, что в ответ на гуманитарные интервенции, проводимые США под прикрытием демократии, стали формироваться новые механизмы воздействия извне на нестабильные регионы, прежде всего в лице России и Китая. А поддержка либерально-демократических форм постепенно сокращается среди не западных государств.

Именно внешнеполитическая практика США очерчивает проблемное поле теории демократического мира, которая практически стала для них базовой в восприятии международных отношений и мировой политики. Внешняя политика США в действительности приводит не к процветанию демократии, а к утверждению американского внешнеполитического империализма. В этом контексте так называемый коллективный Запад во главе с США не может выступать идеальной моделью, образцом для подражания. В условиях постбиполярной системы это автоматически приводит к росту новых центров влияния, которые вызывают закономерный интерес у субъектов международных отношений.

1. Бжезинский, З. Преждевременное партнерство / З. Бжезинский // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 58–67.

2. Гринин, Л. Е. Контуры нового мирового порядка / Л. Е. Гринин // Философия и общество. – 2015. – Т. 77, № 3–4. – С. 7–33.

3. Косов, А. П. США и «арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества / А. П. Косов // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 473–481.

4. Масалков, И. К. Стратегия кейс-стади: методология исследования и преподавания : учеб. для вузов / И. К. Масалков, М. В. Семин. – М. : Академический проспект ; Альма Матер, 2011. – 443 с.

5. Современная политическая наука : Методология : науч. изд. / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 776 с.

6. Согрин, В. В. Внешняя политика Дж. Буш-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 92–111.

7. Сучков, М. А. Внешняя политика США при Б. Клинтоне / М. А. Сучков // Университетские чтения – 2009 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Ч. XII. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 60–65.

8. Устав ООН. – 1945. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (дата обращения: 18.01.2020). – Загл. с экрана.

9. Arquilla, J. Information Strategy and Warfare (Contemporary Security Studies) / J. Arquilla, D. Borger. – 1st ed. – London ; New York : Routledge, 2007. – 268 p.

10. Barnes, T. Trump Unveils “Keep America Great” As 2020 Presidential Election Campaign Slogan / T. Barnes. – 2018. – March 11. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-2020-campaign-slogan-keep-america-great-again-make-presidential-election-a8250301.html> (date of access: 03.03.2020). – Title from screen.

11. Blair Terror Speech in Full. – Electronic text data. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/3536131.stm (date of access: 01.03.2020). – Title from screen.

12. Blake, A. Obama: The Man of Many Slogans / A. Blake. – 2012. – July 10. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/post/president-obama-a-man-of-many-slogans/2012/07/10/gJQAf8UlaW_blog.html (date of access: 01.02.2020). – Title from screen.

** Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

13. Blum, W. *America's Deadliest Export: Democracy The Truth about US Foreign Policy and Everything Else* / W. Blum. – 2nd ed. – London : Zed Books, 2015. – 368 p.
14. Boutros-Ghali, B. *Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-Keeping: Report of the Secretary-General Pursuant to the Statement Adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992* / B. Boutros-Ghali. – DOI: <https://doi.org/10.1177/004711789201100302>. – Electronic text data. – Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/004711789201100302> (date of access: 09.01.2021). – Title from screen.
15. Bradley, C. *Obama's AUMF Legacy* / C. Bradley, J. Goldsmith // *The American Journal of International Law*. – 2016. – Vol. 110, № 4. – P. 628–645.
16. Clinton, W. *William J. Clinton: Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union* / W. Clinton. – 1994. – Jan. 25. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=50409> (date of access: 09.01.2021). – Title from screen.
17. Dodge, T. *Intervention and Dreams of Exogenous Statebuilding: The Application of Liberal Peacebuilding in Afghanistan and Iraq* / T. Dodge // *Review of International Studies*. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 1189–1212.
18. Doyle, M. W. *Liberal Peace: Selected Essays* / M. W. Doyle. – Oxon : Routledge, 2012. – 256 p.
19. Doyle, M. W. *Three Pillars Of The Liberal Peace* / M. W. Doyle // *American Political Science Review*. – 2005. – Vol. 99, iss. 3. – P. 463–466.
20. Doyle, M. W. *Silence Of The Laws – Conceptions Of International Relations And International Law* / M. W. Doyle, G. S. Carlson // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 2008. – № 46. – P. 648–666.
21. Evans, G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All* / G. Evans. – Washington DC : Brookings Institution Press, 2008. – 349 p.
22. *Humanitarian Intervention: Legal and Political Aspects*. – Danish Institute of International Affairs. – 1999. – 132 p. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.diis.dk/files/media/publications/import/extra/humanitarian_intervention_1999.pdf (date of access: 07.09.2020). – Title from screen.
23. *Human Rights and Democracy*. U.S. Department of State. – 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.state.gov/policy-issues/human-rights-and-democracy> (date of access: 18.01.2020). – Title from screen.
24. H.R. 4655–105th Congress (1997–1998). – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/4655> (date of access: 11.02.2020). – Title from screen.
25. MacMillan, J. *Beyond the Separate Democratic Peace* / J. MacMillan // *Journal of Peace Research*. – 2003. – Vol. 40, № 2. – P. 233–243.
26. Owen, J. M. *How Liberalism Produces Democratic Peace* / J. M. Owen // *International Security*. – 1994. – Vol. 19, № 2. – P. 87–125.
27. Paris, R. *Peacebuilding and the Limits of Liberal Internationalism* / R. Paris // *International Security*. – 1997. – Vol. 22, № 2. – P. 54–89.
28. Rasmussen, M. V. *The West, Civil Society and the Construction of Peace* / M. V. Rasmussen. – Hampshire ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. – 208 p.
29. Ray, J. L. *Democracy and International Conflict: An Evaluation of the Democratic Peace Proposition* / J. L. Ray. – Columbia : University of South Carolina Press, 1995. – 252 p.
30. Rummel, R. *Libertarianism and International Violence* / R. Rummel // *Journal of Conflict Resolution*. – 1983. – Vol. 27, № 1. – P. 27–71.
31. *Security Council Approves “No-Fly Zone” Over Libya, Authorizing “All Necessary Measures” to Protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions* // United Nations News Centre. – 2011. – March 17. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm> (date of access: 20.01.2020). – Title from screen.
32. *The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo*. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 372 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf> (date of access: 23.02.2020). – Title from screen.
33. *The War Power Resolution: Concepts and Practice*. Congressional Research Service. – 2019. – March 8. – 101 p. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R42699.pdf> (date of access: 17.09.2020). – Title from screen.
34. Visser, L. *May the Force Be with You: The Legal Classification of Intervention by Invitation* / L. Visser // *Netherlands International Law Review*. – 2019. – Vol. 66, iss. 1. – P. 21–45.

REFERENCES

1. Brzezinski Z. *Prezhdevremennoe partnerstvo [Premature Partnership]*. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1994, no. 1, pp. 58-67.
2. Grinin L.E. *Kontury novogo mirovogo porjadka [The Contours of a New World Order]*. *Filosofija i obshhestvo*, 2015, vol. 77, no. 3-4, pp. 7-33.
3. Kosov A.P. *SShA i «arabskaja vesna»: oenki rossijskogo jekspertnogo soobshhestva [The U.S. and the Arab Spring: Assessments by the*

Russian Expert Community]. *Vestnik RUDN. Serija «Mezhdunarodnye otnoshenija»*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 473-481.

4. Masalkov I.K., Semin M.V. *Strategija kejs-stadi: metodologija issledovanija i prepodavanija: ucheb. dlja vuzov* [Case Study Strategy: Research and Teaching Methodology. University Textbook]. Moscow, Akademicheskij prospekt Publ.; Al'ma Mater Publ., 2011. 443 p.

5. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., eds. *Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija: nauch. izd.* [Modern Political Science: Methodology. Scientific Publication]. Moscow, Aspect Press Publ., 2019. 776 p.

6. Sogrin V.V. Vneshnjaja politika Dzh. Busha-mladshogo. *Genesis. Jevoljucija. Itogi* [The Foreign Policy of J. Bush, Jr. Genesis. Evolution. Results]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2014, no. 2, pp. 92-111.

7. Suchkov M.A. Vneshnjaja politika SShA pri B. Klintonе [U.S. Foreign Policy Under B. Clinton]. *Universitetskie chtenija – 2009: materialy nauch.-metod. chtenij PGLU. Ch. XII* [University Readings – 2009. Proceedings of the Scientific and Methodological Readings at the PSLU. Part 12]. Pyatigorsk, Izd-vo PGLU, 2009, pp. 60-65.

8. *Ustav OON* [UNO Charter], 1945. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (accessed 18 January 2020).

9. Arquilla J., Borger D. *Information Strategy and Warfare (Contemporary Security Studies)*. London, New York, Routledge, 2007. 268 p.

10. Barnes T. *Trump Unveils “Keep America Great” As 2020 Presidential Election Campaign Slogan*, 2018, March 11. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-2020-campaign-slogan-keep-america-great-again-make-presidential-election-a8250301.html> (accessed 3 March 2020).

11. *Blair Terror Speech in Full*. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/3536131.stm (accessed 1 March 2020).

12. Blake A. *Obama: The Man of Many Slogans*, 2012, July 10. URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/post/president-obama-a-man-of-many-slogans/2012/07/10/gJQAf8U1aW_blog.html (accessed 1 February 2020).

13. Blum W. *America’s Deadliest Export: Democracy The Truth About US Foreign Policy and Everything Else*. London, Zed Books, 2015. 368 p.

14. Boutros-Ghali B. *Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-Keeping: Report of the Secretary-General Pursuant to the Statement Adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992*. DOI: <https://doi.org/10.1177/004711789201100302>. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/004711789201100302> (accessed 9 January 2021).

15. Bradley C., Goldsmith J. Obama’s AUMF Legacy. *The American Journal of International Law*, 2016, vol. 110, no. 4, pp. 628-645.

16. Clinton W. *William J. Clinton: Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union*, 1994, January 25. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=50409> (accessed 9 January 2021).

17. Dodge T. Intervention and Dreams of Exogenous Statebuilding: The Application of Liberal Peacebuilding in Afghanistan and Iraq. *Review of International Studies*, 2013, vol. 39, no. 5, pp. 1189-1212.

18. Doyle M.W. *Liberal Peace: Selected Essays*. Oxon, Routledge, 2012. 256 p.

19. Doyle M.W. Three Pillars of the Liberal Peace. *American Political Science Review*, 2005, vol. 99, iss. 3, pp. 463-466.

20. Doyle M.W., Carlson G.S. Silence of the Laws – Conceptions of International Relations And International Law. *Columbia Journal of Transnational Law*, 2008, no. 46, pp. 648-666.

21. Evans G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All*. Washington DC, Brookings Institution Press, 2008. 349 p.

22. *Humanitarian Intervention: Legal and Political Aspects*. Danish Institute of International Affairs, 1999. 132 p. URL: https://www.diis.dk/files/media/publications/import/extra/humanitarian_intervention_1999.pdf (accessed 7 September 2020).

23. *Human Rights and Democracy. U.S. Department of State*, 2019. URL: <https://www.state.gov/policy-issues/human-rights-and-democracy> (accessed 18 January 2020).

24. *H.R. 4655–105th Congress (1997–1998)*. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/4655> (accessed 11 February 2020).

25. MacMillan J. Beyond the Separate Democratic Peace. *Journal of Peace Research*, 2003, vol. 40, no. 2, pp. 233-243.

26. Owen J.M. How Liberalism Produces Democratic Peace. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 2, pp. 87-125.

27. Paris R. Peacebuilding and the Limits of Liberal Internationalism. *International Security*, 1997, vol. 22, no. 2, p. 54-89.

28. Rasmussen M.V. *The West, Civil Society and the Construction of Peace*. Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2003. 208 p.

29. Ray J.L. *Democracy and International Conflict: An Evaluation of the Democratic Peace Proposition*. Columbia, University of South Carolina Press, 1995. 252 p.

30. Rummel R. Libertarianism and International Violence. *Journal of Conflict Resolution*, 1983, vol. 27, no. 1. pp. 27-71.

31. Security Council Approves “No-Fly Zone” Over Libya, Authorizing “All Necessary Measures” to Protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions. *United Nations News Centre*, 2011, March 17. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm> (accessed 20 January 2020).

32. *The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned. The independent International Commission on Kosovo*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 372 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf> (accessed 23 February 2020).

33. *The War Power Resolution: Concepts and Practice. Congressional Research Service*, 2019, March 8. 101 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R42699.pdf> (accessed 17 September 2020).

34. Visser L. May the Force Be with You: The Legal Classification of Intervention by Invitation. *Netherlands International Law Review*, 2019, vol. 66, iss. 1, pp. 21-45.

Information About the Authors

Natalia V. Eremina, Doctor of Sciences (Politics), Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of European Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, nerem78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1349-8659>

Olga A. Ignatjeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

Информация об авторах

Наталья Валерьевна Еремина, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nerem78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1349-8659>

Ольга Анатольевна Игнатьева, кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, olga7919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1658-6427>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.11>

UDC 327.83
LBC 66.4

Submitted: 03.03.2021
Accepted: 29.05.2021

THE UNITED STATES POLICY TOWARDS UN PEACEKEEPING OPERATIONS UNDER THE TRUMP ADMINISTRATION

Darya B. Pushkina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Anna L. Khazanova

University of Edinburgh, Edinburgh, United Kingdom

Abstract. *Introduction.* The United States has always been one of the five permanent members of the United Nations Security Council and the largest financial donor to the UN System and peacekeeping operations. American policy towards the organization and peacekeeping operations has varied from harsh critique to active support. While in the office, President Trump criticized UN PKO missions for their inefficiency and pointed out the need for reforms both in the field of peacekeeping and the entire UN system. This led some American scholars to conclude that the Trump administration was an entirely special phenomenon in American policy towards the United Nations. This article analyzes United States policy towards UN peacekeeping under the Trump administration and attempts to respond to the question: does President Trump's policy regarding UN peacekeeping operations represent a fundamentally new phenomenon, or is it a continuation of trends that emerged during previous administrations? *Methods and materials.* The article analyzes U.S. State Budgets, State Department Congressional Budget Justifications, official speeches by President Trump, Trump Administration foreign policy doctrine 'America First', official UN documents related to funding issues and troop contributions. The authors also conducted expert interviews. *Analysis.* President Trump administration policy towards UN peacekeeping is analyzed to identify its main trends and determine their similarities with the policies of previous presidents towards UN peace operations. *Results.* The article concludes that, although President Trump's policy on UN peacekeeping operations was more critical than that of many of his predecessors, it is essentially a continuation of long-standing trends in U.S. politics. *Authors' contributions.* D. Pushkina defined research focus of the article, examined academic literature on USA administrations' policies towards the United Nations, selected research methods, defined the main vectors of the research, organized interviews with experts and made general conclusions. A. Khazanova researched and analyzed official U.S. documents with special focus on U.S. policy towards United Nations and UN peacekeeping, examined relevant UN documents, gathered budgetary data, conducted interviews with experts, made conclusions.

Key words: American foreign policy, United Nations, UN peacekeeping, President Trump, international relations.

Citation. Pushkina D.B., Khazanova A.L. The United States Policy Towards UN Peacekeeping Operations Under the Trump Administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 126-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.11>

УДК 327.83
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 03.03.2021

Дата принятия статьи: 29.05.2021

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ОПЕРАЦИЙ ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ТРАМПЕ

Дарья Булатовна Пушкина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Анна Леонидовна Хазанова

Университет Эдинбурга, г. Эдинбург, Великобритания

Аннотация. На протяжении всего периода существования ООН США являются одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности и делают самый большой вклад в бюджет Организации Объединенных Наций и Департамента миротворческих операций ООН. Придя к власти, президент Трамп начал активно критиковать операции ООН по поддержанию мира за их неэффективность, указывал на необходимость их реформирования, а также настаивал на значительных сокращениях их финансирования. Данная риторика сохранялась Президентом Трампом на протяжении всего пребывания в Белом доме. В статье анализируются официальные документы США: государственные бюджеты, обоснования бюджета Конгресса, речи, произнесенные президентом Трампом во время официальных выступлений, внешнеполитическая доктрина «America First», официальные документы ООН, касающиеся вопросов финансирования и военного персонала. Авторы также провели интервью с экспертами. В статье сделан вывод о том, что политика Дональда Трампа в отношении миротворческих операций ООН хотя и оказывается более критической, чем его предшественников, в основе своей все же является продолжением давно возникших в американской политике тенденций. *Вклад авторов.* Д.Б. Пушкина сформировала исследовательский вектор статьи, изучила научную литературу по политике администраций различных президентов США в отношении к ООН и миротворческим операциям ООН, определила методологию исследования, организовала интервью с экспертами. А.Л. Хазанова провела анализ политики администрации президента Трампа в отношении ООН и операций ООН по поддержанию мира, изучила официальные документы США и ООН по данной теме, собрала и проанализировала данные о бюджетной политике США в отношении миротворческих миссий, провела интервью с экспертами.

Ключевые слова: внешняя политика Соединенных Штатов Америки, Организация Объединенных Наций, операции ООН по поддержанию мира, президент Трамп, международные отношения.

Цитирование. Пушкина Д. Б., Хазанова А. Л. Политика США в отношении операций ООН по поддержанию мира при президенте Трампе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 126–136. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.11>

Introduction. Since the establishment of the United Nations organization, the United States has been the largest financial donor to the Department of Peacekeeping Operations [10]. The approved budget for the UN peacekeeping operations for the 2020/2021 fiscal year is U.S. \$6.58 billion. The United Nations estimated the United States' share at 27.89% of this amount [17]. The share of each country is calculated by the UN according to a rather complex formula every three years and reflects the “paying capacity” of the Organization's member countries [38]. USA, the world's largest economy, pays the greatest share of all UN members [15]. While American financial contributions to the PKOs are substantial, it is worth noting that currently there are almost no U.S. military personnel involved in UN peacekeeping operations [34]. It should be noted that the U.S. policy towards the UN and peacekeeping operations is a topic of active debates in the USA. These discussions intensified after President Donald Trump came to power and

announced the need to reduce funding for the UN, including the organization's peacekeeping operations [35].

In academic circles, opinions about U.S. policy toward UN peacekeeping operations differ. Many experts consider that D. Trump's policy towards the UN and peacekeeping missions, particularly to reduce their funding, significantly complicated the work of UN peacekeeping operations [13; 30]. N. Sheehan specifies that the reduction in funding reduces the effectiveness of UN peacekeeping operations, and consequently affects the realization of peacekeeping missions [13; 30]. C. De Coning indicates that the Trump administration policy aimed at reducing the funding for peacekeeping operations will have long-term consequences, and the Organization will have to work on restoring its peacekeeping potential for a long time [8]. Many scholars do state that the effectiveness of peacekeeping operations and the UN as a whole is a topic for a debate [40], however, they argue that the U.S. should be more actively involved into the UN in

order to both improve organization and contribute to U.S. national interest. For example, K. Rudd notes that the reform of the UN is necessary to improve the effectiveness of the Organization and UN strengthening would correspond with the national interest of the United States [29]. There is also an opinion that UN peacekeeping missions stabilize situations that are not particularly important to the United States: without the UN's participation, the United States might not have paid attention to these conflicts. However, further funding for peacekeeping operations can provide the United States with support of small countries on issues that are important to the national interest of the U.S. [40]. Other researchers criticize the excessive, in their opinion, concern in American academic societies with the foreign policy of the Trump administration towards the UN [29]. For example, G.R. Olsen thinks that D. Trump successfully implemented the interests of the United States in his foreign policy [20] and Trump's policies towards the UN correspond to the American national interest.

Several academic articles discuss the existence of continuity in the political agenda of the U.S. presidential administrations, both in general and towards the United Nations [14; 18]. It is emphasized by some scholars that the President's party affiliation does not affect the direction of his administration's policy in relation to peacekeeping operations [3], which underlines foreign policy continuity among the administrations. Some experts, analyzing various issues of the Trump administration's foreign policy, concluded that Trump did not carry out a radically tougher foreign policy towards the UN [29; 40]. However, other researchers describe the D. Trump's presidency as "special" [18]. They specify that the political agenda of President Trump differed from the agenda of his predecessors by being particularly critical towards the UN, which posed a threat to the future of international cooperation, and marked the beginning of a difficult period for peacekeeping [9]. In this article, we will consider President Trump's policy on UN peacekeeping operations with the goal intend to find out whether President Trump's critical policy towards UN peacekeeping operations represents a fundamentally new phenomenon or it is a continuation of trends that emerged during previous administrations.

Methods and materials. This article analyzes U.S. and UN official documents. The study examines the federal budgets of the United States for the period from 1994 to 2021 fiscal years, State Department Congressional Budget Justifications for the period from 1994 to 2021 fiscal years in order to highlight the main trends that have emerged in previous presidencies, data on the distribution of seats between parties in the U.S. Congress, official speeches by President Trump, Trump Administration foreign policy doctrine 'America First', official UN documents related to funding issues and number of American troops involved in peacekeeping operations. Authors conducted interviews with experts on U.S. foreign policy and UN peacekeeping operations to get insider information and point of view on the topic. For the anonymity, which is required by the method of expert interview and convenience, their quotes will be cited in the article under 'Expert 1' and 'Expert 2'.

Analysis. The U.S. President and President's administration form the political agenda and official rhetoric towards the United Nations and other international organizations. Executive branch of Government represents the United States and their interests in the UN bodies through the U.S. mission in the UN. The President nominates American ambassadors to the United Nations, and the Senate provides its advice and consent to its proposals [36]. U.S. policies towards UN peacekeeping operations are produced not only by the presidential administration. The decision on the amount of funds allocated to peacekeeping operations depends heavily on the Congress. The U.S. Congress is important in determining country's policy towards the UN and peacekeeping operations through funding and oversight [36]. Every fiscal year the Congress allocates a defined budget for U.S. foreign affairs costs, including for UN peacekeeping.

Criticism of the UN and peacekeeping operations, specifying the need for their reform and attempts to reduce the budget allocated for peacekeeping are features of the U.S. political agenda that were prominent not only during the D. Trump's presidency. The Clinton administration insisted on reforming the UN to improve the Organization's efficiency. U.S. during Clinton's term in the office also proposed to reduce the budget for peacekeeping operations. Since 1994,

Congress has limited the amount of payment to the United States, setting a threshold of 25%, due to the concerns that the tariff for the USA is too high compared to what is set for other UN member states. Clinton's administration also took this stand due to serious losses in peacekeeping operations in Somalia, Haiti and Bosnia [2; 37]. In 1994, the Presidential Decree No. 25 "U.S. Policy on Reforming Multilateral Peacekeeping Operations" was issued, which outlined clear criteria for making decisions about U.S. support and participation in UN peacekeeping operations. Claiming that peacekeeping operations were not, and cannot be, a key element of American foreign policy, the document considered well-designed and well-conducted peacekeeping missions as a useful tool to advance American interests [14]. The Clinton administration was initially loyal to UN peacekeeping operations, but it has revised its active support and stopped participation in them, especially in regions that were not vital for the U.S. national security. An important role in this change was played by the fact that serious criticism of peacekeeping operations came from the Congress controlled by the Republican Party at that time [21; 22]. Under Clinton, the United States began to provide significantly fewer peacekeepers. According to President Clinton's

resolution No. 25, one of the criteria for increasing the number of U.S. troops sent to peacekeeping operations was more active participation of other UN member states in them [37] (Fig. 1).

In comparison with the Clinton administration, the George W. Bush administration was initially skeptical of UN peacekeeping. Similarly to Clinton's administration, Bush administration reduced the number of personnel provided by the United States to the UN PKOs. V. Holt and M. McKinnon believe that the rhetoric of the Bush administration indicated that the United States would become less involved in UN peacekeeping operations in the future or even make obstacles for new operations [14]. However, after the terrorist attack of September 11, 2001, the political agenda of the United States changed. During the presentation of the new U.S. security strategy on September 17, 2002, George W. Bush declared that "...weak states, such as Afghanistan, can create as much danger to our national interests as strong states..." [31]. Such a change in the U.S. political course promoted state's closer cooperation with the UN and greater support for peacekeeping operations. Peacekeeping operations began to be interpreted by the president as a "useful tool" [14]. The Republican-controlled Congress under George W. Bush favored

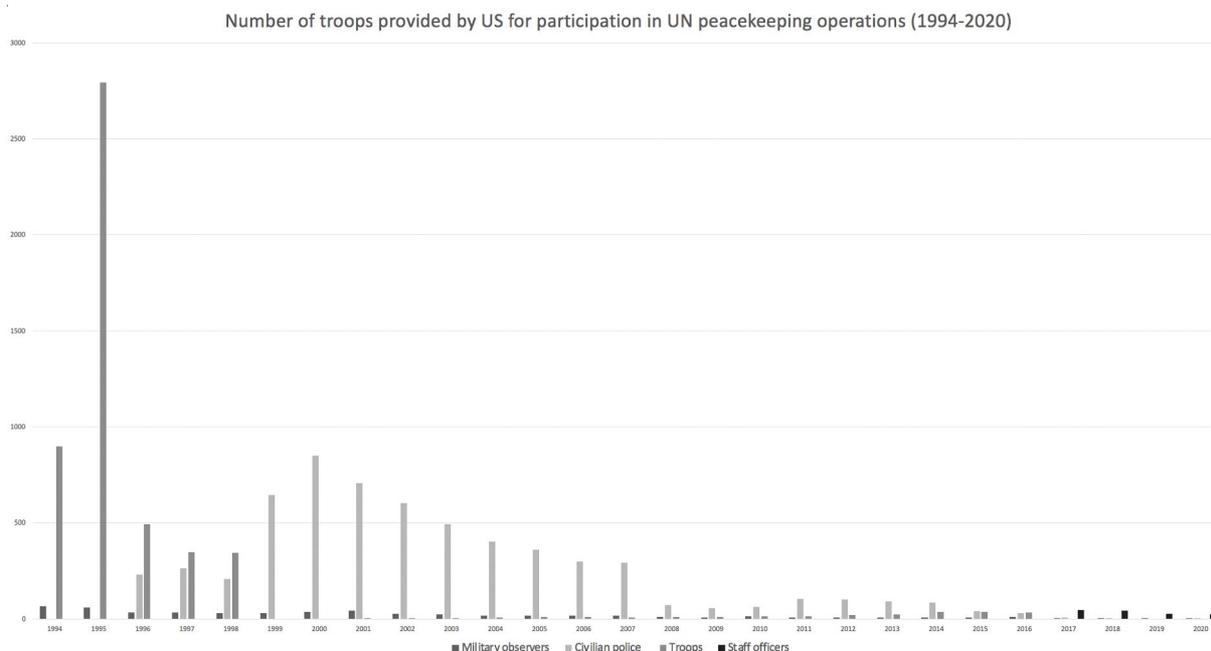

Fig. 1. Number of troops provided by U.S. for participation in UN peacekeeping operations (1994–2020)

Note. Source: Troop and Police Contributions // United Nations Peacekeeping URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed 31 March 2021).

administration's budget proposals, and by 2006 the president had gathered relatively stable congressional support for funding peacekeeping missions. The majority of the seats in the House of Representatives at that time belonged to the Republicans, and in the Senate – to the Democrats [21; 22].

V. Holt and M. McKinnon, in their analysis of Clinton and Bush administrations policy towards the UN peacekeeping operations, identified certain trends: the United States interpreted UN peacekeeping missions not as the core object of its foreign policy, but as one of the many tools necessary to achieve humanitarian purposes and implement national interests; skepticism about the United Nations is widespread among American political elites, which results in disagreements over funding, mission support, and the provision of troops; United States policy has demonstrated flexibility and low-key support for peacekeeping, despite Congressional budget reductions and a relatively low degree of its importance to the U.S. national interest; support for peacekeeping operations was not a policy priority of either Clinton or George W. Bush; the U.S. intention to reach a more equitable division of contributions to UN peacekeeping operations emerged during the Clinton presidency and continued during Bush administration in the U.S. policy towards the Organization.

The Obama administration supported UN peacekeeping operations to the greater degree. Few months after coming to power, President Obama announced the resumption of closer ties with the UN [33]. The academic literature states that there is some continuity in the policy of presidential administrations towards the Organization: the Obama administration, like the Bush administration, was interested in using the Security Council in the national interests of the United States, particularly to approve various operations in the Middle East aimed at eliminating the terrorist Osama Bin Laden [3]. At the same time, President Obama also repeatedly supported international cooperation, the United Nations and participation in peacekeeping operations in Addresses to the UN General Assembly. Since 2010 Obama administration requested more money from Congress to fund peacekeeping than was requested by his predecessors. Since 2010, Congress allocated amounts below those

requested by the presidential administration, but tried to pay the full amount specified by the UN. From 2007 to 2015, the majority of the seats in the Senate belonged to Democrats, from 2015 to 2017 – to Republicans. In the House of Representatives from 2007 to 2011, the majority belonged to Democrats, and from 2011 to 2017 – to Republicans [21; 22].

In general, the Obama administration also criticized the UN for inefficiency but believed that the organization could be reformed and U.S. should play an active role in it. As Expert 1 stated: “for Obama, the United Nations was something which should work better and they began to reform the organization to make it more effective... for Trump... it was an organization that really didn't need to exist. So both were skeptical about what the UN is actually capable of doing but Obama was disappointed that the UN was not doing more and Trump thought that it should not be there in the first place... The net result was the neither president got the USA very involved in the UN peacekeeping”.

Donald Trump came to office with the promise to “Make America Great Again”. President's administration engaged in a foreign policy “America First”, focused on the national interests of the United States and American national security [1]. The main idea declared by the President Trump administration was the preservation of the U.S. global leadership in providing humanitarian assistance, together with the expectation of greater participation from other countries. Describing its foreign policy program, the Trump administration emphasized the fight against terrorist organizations as a top priority, said it intends to strengthen the military sector and paid great attention to foreign trade, claiming that the president will act exclusively in the interests of the American people and conclude trade agreements that are beneficial for the United States [1].

Despite the fact that the “America First” foreign policy doctrine declared a diplomatic approach to the resolution of international conflicts and interaction with other states [1], it did not focus on the relations with international organizations or mutually beneficial interaction with other countries. In many documents and speeches Trump administration was quite open about the fact that U.S. interests were a priority in foreign

policy. Delivering his speeches, President Trump encouraged the leaders of other countries to respect the sovereignty, declared the intention of the United States to act in its own national interests and indicated that other countries can and should stand by this policy [27].

The United Nations, being an important institution of international relations, could act as a convenient platform for promoting American interests. Peacekeeping operations could also be interpreted as an effective and profitable political tool to protect and promote U.S. national interests. For example, UN peacekeeping is 8 times more cost-effective than sending American peacekeeping forces to conflict points [23]. However, the President Trump's administration has criticized the Organization and peacekeeping operations. In his Addresses to the UN General Assembly, President Trump repeatedly mentioned their inefficiency, the need for reforms and spoke about the desire to reduce their funding. For example, in 2017, D. Trump addressed the UN member states, specifying the excessive bureaucratization and irrational spending of funds in the Organization, and also

encouraged to support his declaration on the need for its reform [19].

This policy arguably reflected widespread opinions within the American society about the United Nations in general and U.S. participation in its peacekeeping activities in particular. As Expert 1 stated: "There is a reluctance to see American soldiers abroad, even in situations which the United States had began, whether it is Afghanistan, whether it is Iraq, ...the American public have not been supporting the idea of sending Americans abroad and certainly not doing it under a third party like the United Nations peacekeeping".

Since 2017, Congress has refused to raise the 25% funding threshold, as it did during previous presidencies, and the Trump administration in mid-2017 allowed U.S. funding equal to 25% of the total budget for peacekeeping operations, but not greater. This resulted in the accumulation of the United States debt in the amount of more than \$900 million as of fiscal year 2020 [39]. This policy of the United States towards peacekeeping operations resulted in a 21% reduction in their budget and caused significant troubles to the work of the missions [8] (Fig. 2).

Fig. 2. Funds for international peacekeeping activities (in thousands of U.S. dollars) requested by the presidential administrations and allocated by the U.S. Congress in the period from 1994 to 2021

Note. Source: Congressional Budget Justifications: State Department, foreign operations, and related programs for fiscal years 2010–2021; United Nations Peacekeeping: Issues for Congress // EveryCRSReport. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20110211_RL33700_cf1b351ae70f97932c3541e5589e4a1891adbdb4.pdf (accessed 31 March 2021).

The Trump administration carried out a critical policy on peacekeeping operations. It aimed at reducing their funding throughout the entire president's term. For example, in the Justification of the budget allocated by Congress to the State Department in 2018, the presidential administration noted the necessity to pay attention to the share of funds provided to international institutions by the United States [16], including the United Nations. The priority of funding organizations that most successfully promote the interests of the United States and the willingness to reduce funding for organizations that are less effective in this aspect were emphasized [6]. The document reviews the activities of the UN, in particular, peacekeeping operations. It is noted that peacekeeping operations must be improved in order to be carried out more effectively and to resolve conflicts more effectively [6]. Furthermore, Trump's administration specified that the costs of peacekeeping operations should be distributed more fairly among UN members, and the rate for the United States was too high and needed to be reduced. The document specifically marked the need to carefully examine mission mandates and their progress in order to assess their success and effectiveness, as well as to promote mission mandates to advance the purposes pursued by the Security Council [6].

In 2018, the Trump administration proposed to reduce the funding of peacekeeping operations by 52% compared to the approximate amount allocated to UN peacekeeping in 2017 [6]. It is also notable that the criticism of the UN and peacekeeping was contrasted with a positive assessment of the activities of NATO. The document highlights NATO as an example of such an organization, emphasizing the intention to prioritize funding for organizations that directly support the interests of U.S. national security [6].

In the budget for the 2019 fiscal year, the Trump administration specified the problems that seem to them most significant in relation to peacekeeping operations. The disproportionate distributions of responsibilities, both financial and military, as well as the insufficient certainty of the goals of peacekeeping operations and indicators for measuring the success of missions were issues of particular concern to President Trump [4]. One of the basic concepts expressed in the budget for the 2019 fiscal year – increased

accountability and responsibility, as well as more honest “burden-sharing” among the member countries of the United Nations, becomes a key policy of the President towards the UN peacekeeping operations and can be deduced in subsequent documents. Once again specifying the importance of the ability of international organizations to “promote” the interests of the United States, the presidential administration requested U.S. \$1.2 billion [7] to fund peacekeeping operations in 2019, but Congress allocated a larger amount – U.S. \$1.55 billion [12].

In the budget for the 2020 fiscal year, Trump administration proposed to reduce funding for the UN peacekeeping operations by 27% in comparison with the amount allocated in 2019. The International Peacekeeping Contributions Account (CIPA), which funds contributions to most UN peacekeeping operations, was expected to be reduced from 1.55 billion in fiscal year 2019 to 1.13 billion in 2020, according to the proposed budget for fiscal year 2020 [11]. However, Congress again allocated more funds than the presidential administration had proposed: the approximate budget for peacekeeping operations in 2020 was \$1.52 billion [12].

In fiscal year 2021, the Trump administration proposed to allocate \$1.07 billion for UN peacekeeping, which is 29% less than the approved level of fiscal year 2020 of \$1.52 billion [12]. The budget for fiscal year 2021 reiterates the need to fund international institutions that are essential for U.S. national security, and to reduce funding for programs that do not affect U.S. national security interests [5]. Consequently, using critical rhetoric and insisting on reducing funding for the UN and peacekeeping operations, the Trump administration stressed that the UN is not an Organization that can promote and protect the national interests of the United States. Despite such a policy of the president, due to the Congress decisions, the United States allocated more amounts to UN peacekeeping operations than it requested during the entire presidential term of Donald Trump (Fig. 3, 4).

D. Trump emphasized that the national interest is central to U.S. policy towards the UN and peacekeeping operations in his Addresses to the UN General Assembly. The problems of sovereignty and national security were also often mentioned in the speeches of the former

president [26; 27]. In the 2018 Address, Donald Trump also mentions peacekeeping operations. The President speaks about the reduction of funding for UN peacekeeping operations, encouraging other countries to participate more actively in the Organization’s peacekeeping

activities [27]. The effective allocation of financial resources provided by the United States, as well as the success of the missions and organizations to which they are provided, are important factors for D. Trump. The President also criticized UN peacekeeping missions as ineffective. Meanwhile,

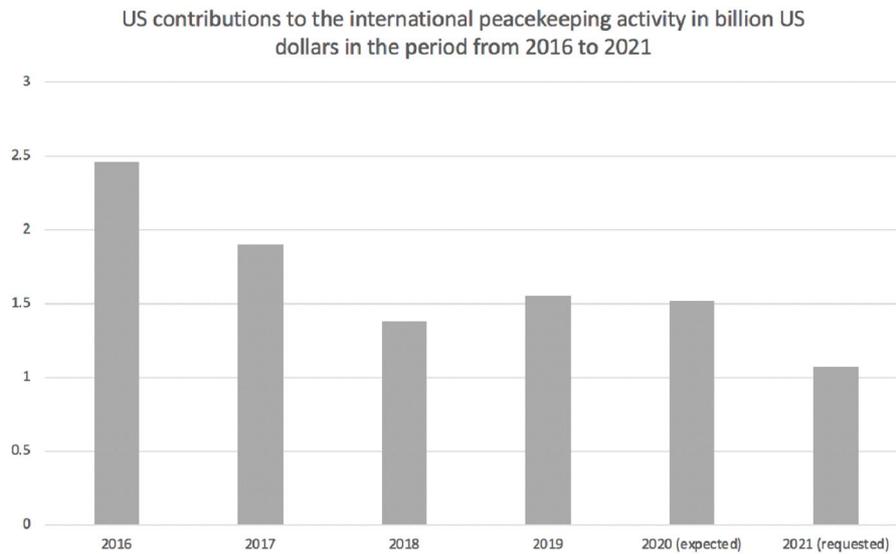

Fig. 3. U.S. contributions to the international peacekeeping activity in billion U.S. dollars in the period from 2016 to 2021

Note. Source: Congressional Budget Justifications: State Department, foreign operations, and related programs for fiscal years 2018–2021.

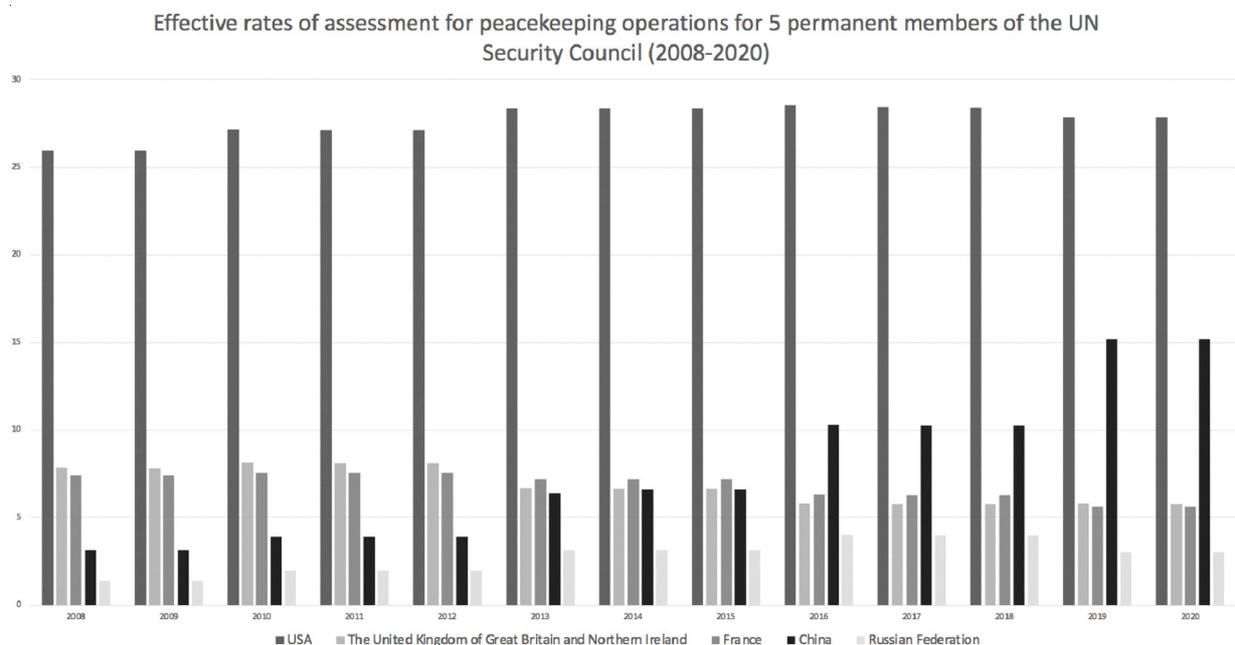

Fig. 4. Effective rates of assessment for peacekeeping operations for 5 permanent members of the UN Security Council (2008–2020)

Note. Source: How we are funded // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded> (accessed 31 March 2021).

many researchers emphasize that UN peacekeeping operations can be effective in the presence of certain factors [25; 32].

In his address to the UN General Assembly in 2019, President Trump again spoke about the key concepts of his “America First” policy: the importance of state sovereignty and the intention to act in the interests of the American people [24]. The president did not mention peacekeeping operations in this address. In 2020 in Trump address to the 75th session of the UN General Assembly, he mentioned the merits of the United States in promoting peace, using as an example his own mediation in signing of agreement between Serbia and Kosovo [28]. As Expert 2 said: “He <Trump> said, a lot of negative things about the UN and its peacekeeping operations, about the U.S. standing in the world and all of these things, but actually a lot of the actual policies didn’t really change that much in the impact it had. ...the approach... especially for Trump, was driven by domestic politics and the desire to impress those who elected him...”.

President Trump repeatedly accused the UN of inefficiency and stated “if the United Nations is to be effective organization it must focus on the real problems of the world...” [28]. Expert 1 observes: “By the time you get to the Trump administration, there is this sort of general hatred for anything liberal like the United Nations and a determination not to be involved. But that is linked to with a determination under Trump not to place American forces overseas, to bring American troops back home as far as possible... never using American troops under command of non-American, and I think that has always been a big thing for the UN peacekeeping side of things as United States does not like its troops being under the control of non-American generals and, of course, in peacekeeping operations, that is quite a usual thing”. In general, this study found that Trump administration policy seems to support some general trends formed by the previous U.S. administrations and reflect on widespread thinking in the American society.

Results. The critical policy of the United States towards the UN peacekeeping operations was noted by researchers during several post-Cold War American administrations, starting with the Clinton administration. The Trump administration was not the first to specify the need

to reform the UN and peacekeeping operations. The national interest was an important factor in participating in peacekeeping operations for all previous administrations, and Trump administration was not the first to focus on it but his administration and particularly, his official rhetoric was very critical of the organization. The intention to reduce funding for organizations that do not effectively promote the interests of the United States was repeatedly emphasized in documents and speeches. President Trump pointed out that he does not consider the UN and peacekeeping operations as useful and effective tools for promoting the national interest of the United States, he repeatedly insisted on reducing U.S. funding for the UN and stressed the importance of such organizations as NATO to the USA.

During his time in the office, President Trump has proposed more dramatic reductions in the peacekeeping budget than his predecessors, and the measures taken by the Trump administration have resulted in a 21% reduction in the overall peacekeeping budget [8]. However, none of Trump’s proposals to reduce U.S. funding for peacekeeping was approved by Congress, which allocated more than the amounts requested by the presidential administration, thus the reductions in funding were not as significant. The amount of American troops participating in UN PKOs has been reducing progressively since early 1990s and Trump’s administration did not propose anything special in this regard. Trump’s calls on other countries to participate more in the United Nations, including its funding and including funding PKOs were also not entirely new, such calls were made, for example, by Clinton administration.

This article concludes that, although the policy agenda expressed by D. Trump towards the UN and UN PKOs created a serious concern in a large number of American academic scholarly circles, the U.S. foreign policy towards the UN and UN peacekeeping missions followed the trends formed in the U.S. policy during previous administrations. Despite this, it should be noted that the Trump administration particularly criticized peacekeeping missions, which is not typical of previous administrations. D. Trump’s policy towards UN peacekeeping operations can be described not as “special”, but as a more critical continuation of the existing trends in American foreign policy towards the UN and UN peacekeeping operations.

REFERENCES

1. *America First Foreign Policy*. URL: <https://web.archive.org/web/20170224011956/https://www.whitehouse.gov/america-first-foreign-policy> (accessed 17 February 2021).
2. Berdal M.R. *Fateful Encounter: The United States and UN Peacekeeping*. *Survival*, 1994, vol. 36, no. 1, pp. 30-50.
3. Bosco D. *Course Corrections: The Obama Administration at the United Nations*. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, vol. 6, no. 3-4, pp. 335-349.
4. *Budget of the U.S. Government, Fiscal Year 2019*. URL: <https://www.govinfo.gov/features/budget-fy2019> (accessed 16 February 2021).
5. *Budget of the United States Government, Fiscal Year 2021*. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/budget/2021> (accessed 16 February 2021).
6. *Congressional Budget Justification Department of State, Foreign Operations, and Related Programs, Fiscal Year 2018*. URL: <https://www.expressnews.com/file/247/5/2475-Condition-of-Rio-Grande-dams.pdf> (accessed 16 February 2021).
7. *Congressional Budget Justification Department of State, Foreign Operations, and Related Programs, Fiscal Year 2019*. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/FY-2019-Congressional-Budget-Justification-Department-of-State-Foreign-Operations-and-Related-Programs.pdf> (accessed 16 February 2021).
8. De Coning C. *The Future of UN Peace Operations: Principled Adaptation Through Phases of Contraction, Moderation, and Renewal*. *Contemporary Security Policy*, 2021, pp. 1-14.
9. Diehl P.F. *Triage or Substitution?: The Changing Face of UN Peacekeeping in the Era of Trump and Nationalism*. *International Peacekeeping*, 2019, vol. 26, no. 5, pp. 540-544.
10. *Funding the United Nations: What Impact Do U.S. Contributions Have on UN Agencies and Programs?* URL: <https://www.cfr.org/article/funding-united-nations-what-impact-do-us-contributions-have-un-agencies-and-programs> (accessed 20 December 2020).
11. *FY 2020 Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs*. URL: <https://www.state.gov/fy-2020-congressional-budget-justification-department-of-state-foreign-operations-and-related-programs> (accessed 16 February 2021).
12. *FY 2021 Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs*. URL: <https://www.usaid.gov/results-and-data/budget-spending/congressional-budget-justification/fy2021> (accessed 16 February 2021).
13. Holt V.K. *Reforming UN Peacekeeping: The US Role and the UN Financial Crisis*. *The Brown Journal of World Affairs*, 1996, vol. 3, no. 1, pp. 125-134.
14. Holt V.K., Mackinnon M.G. *The Origins and Evolution of US Policy Towards Peace Operations*. *International Peacekeeping*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 18-34.
15. *How Does the US Fund the UN?* URL: <https://betterworldcampaign.org/us-un-partnership/how-the-us-funds-the-un> (accessed 20 February 2021).
16. *How We are Funded*. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded> (accessed 31 March 2021).
17. *Implementation of General Assembly Resolutions 55/235 and 55/236*. URL: <https://undocs.org/A/73/350/Add.1> (accessed 15 December 2020).
18. King J.D., Riddlesperger J.W., Jr. *The Trump Transition: Beginning a Distinctive Presidency*. *Social Science Quarterly*, 2018, vol. 99, no. 5, pp. 1821-1836.
19. *More than 120 Countries Back Pledged Reforms to Shape '21st Century UN'*. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/09/565092-more-120-countries-back-pledged-reforms-shape-21st-century-un> (accessed 31 March 2021).
20. Olsen G.R. *Donald Trump and "America First": the Road Ahead is Open*. *International Politics*, 2019, pp. 1-19.
21. *Party Division*. URL: <https://www.senate.gov/history/partydiv.htm> (accessed 31 March 2021).
22. *Party Divisions of the House of Representatives, 1789 to Present*. URL: <https://history.house.gov/Institution/Party-Divisions/Party-Divisions> (accessed 31 March 2021).
23. *Peacekeeping is Cost Effective, but Must Adapt to New Reality*. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/articles/2017-05-30/peacekeeping-cost-effective-must-adapt-new-reality> (accessed 20 February 2021).
24. *President Donald Trump Addresses the 74th Session of the United Nations General Assembly, September 24, 2019*. URL: <https://usoas.usmission.gov/remarks-by-president-trump-to-the-74th-session-of-the-united-nations-general-assembly/donald-trump-4> (accessed 16 February 2021).
25. Pushkina D. *A Recipe for Success? Ingredients of a Successful Peacekeeping Mission*. *International Peacekeeping*, 2006, vol. 13, no. 2, pp. 133-149.
26. *Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly*. URL: <https://ru.usembassy.gov/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly> (accessed 16 February 2021).
27. *Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly*,

New York, NY. URL: <https://usoas.usmission.gov/remarks-by-president-trump-to-the-73rd-session-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-ny> (accessed 16 February 2021).

28. *Remarks by President Trump to the 75th Session of the United Nations General Assembly*. URL: <https://mr.usembassy.gov/remarks-by-president-trump-to-the-75th-session-of-the-united-nations-general-assembly> (accessed 16 February 2021).

29. Rudd K. UN Reform Under the Trump Administration: The Way Ahead. *The Washington Quarterly*, 2017, vol. 40, no. 1, pp. 95-107.

30. Sheehan N. United Nations Peacekeeping: Limitations and Prospects. *The Economics of Peace & Security*, 2008, no. 2, p. 74.

31. *The National Security Strategy of the United States of America*. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (accessed 31 March 2021).

32. *The United Nations and The United States*. Ramesh Thakur. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-united-nations-and-the-united-states> (accessed 28 February 2021).

33. *Transcript: Obama Addresses U.N. General Assembly*. URL: <https://edition.cnn.com/2009/POLITICS/09/23/obama.transcript/index.html> (accessed 31 March 2021).

34. *Troop and Police Contributors*. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed 25 February 2021).

35. *Trump Administration Eyes \$1 Billion in Cuts to U.N. Peacekeeping*. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/23/trump-administration-eyes-1-billion-in-cuts-to-u-n-peacekeeping> (accessed 15 December 2020).

36. *U.S. Funding to the United Nations System: Overview and Selected Policy Issues*. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/R45206.html> (accessed 13 February 2021).

37. *U.S. Set to Limit Role of Military In Peacekeeping*. URL: <https://www.nytimes.com/1994/01/29/world/us-set-to-limit-role-of-military-in-peacekeeping.html> (accessed 17 February 2021).

38. *UN Scales of Assessment: Explaining the UN Budget Formula in 9 Questions*. URL: <https://betterworldcampaign.org/us-un-partnership/un-budget-formula> (accessed 16 February 2021).

39. *United Nations Issues: U.S. Funding of U.N. Peacekeeping*. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10597.pdf> (accessed 13 February 2021).

40. *What the U.N. Is Good For... or Could Be*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/09/21/what-the-u-n-is-good-for-or-could-be> (accessed 31 March 2021).

Information About the Authors

Darya B. Pushkina, PhD, Associate Professor, Department of Problems of Interdisciplinary Synthesis in the Field of Social Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University, Galernaya St, 58-60, 190121 Saint Petersburg, Russian Federation, d.pushkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7282-1073>

Anna L. Khazanova, MSc Candidate in Psychology of Mental Health, University of Edinburgh, School of Health in Social Science, Teviot Place, EH8 9AG Edinburgh, United Kingdom, annkhazanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8855-6251>

Информация об авторах

Дарья Булатовна Пушкина, PhD, доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, 190121 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.pushkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7282-1073>

Анна Леонидовна Хазанова, магистр программы психологии, Университет Эдинбурга, Тевиот Плэйс, EH8 9AG г. Эдинбург, Великобритания, annkhazanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8855-6251>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.12>

UDC 327
LBC 66.4(0),3

Submitted: 17.11.2020
Accepted: 15.03.2021

“VACCINE NATIONALISM” AS A GREAT POWER COMPETITION: ANALYSIS FROM THE STANDPOINT OF THE SECURITIZATION THEORY¹

Maksim V. Kharkevich

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Elena S. Zinovieva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* State leaders and heads of international organizations argue that COVID-19 is a global security threat that requires international responses. However, to date, there is no stable international cooperation regime in the field of counteracting the virus, primarily at the level of vaccine development. Moreover, countries are competing in this area, considering primacy in the creation of a COVID-19 vaccine not only as a step towards the fight against the virus, but as a tool to strengthen their international positions and increase international prestige and “soft power”. *Methods and materials.* The authors investigate the problem from the standpoint of the securitization theory, according to which national and international security threats are formed by political actors as speech acts and discursive practices. *Analysis.* From the standpoint of this theory, despite the fact that the COVID-19 pandemic is securitized at the national level in many countries, at the global level, this securitization discourse about COVID-19 is embedded in a broader macrosecuritization framework, which assumes that the dominant threats are associated with the confrontation of great powers. *Results.* The consequence of this is the legitimization of the policy of “vaccine nationalism” and the lack of international cooperation in the field of vaccine production.

Key words: COVID-19, “vaccine nationalism”, international politics, securitization theory, great powers.

Citation. Kharkevich M.V., Zinovieva E.S. “Vaccine Nationalism” As a Great Power Competition: Analysis from the Standpoint of the Securitization Theory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 137-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.12>

УДК 327
ББК 66.4(0),3

Дата поступления статьи: 17.11.2020
Дата принятия статьи: 15.03.2021

«ВАКЦИННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ» В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ: АНАЛИЗ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ¹

Максим Владимирович Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Елена Сергеевна Зиновьева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Лидеры государств и международных организаций, занимающихся вопросами здравоохранения, утверждали, что коронавирус COVID-19 представляет собой глобальную угрозу безопасности и требует международных ответов. Однако на международном уровне не сложилось устойчивого режима международного сотрудничества в области противодействия вирусу, что особенно явно проявилось на эта-

пе создания вакцины. Страны конкурировали в данной области, рассматривая первенство в создании вакцины от коронавируса COVID-19 не только как шаг на пути в борьбе с вирусом, но и как инструмент для укрепления позиций на международной арене и повышения международного престижа, «мягкой власти» своей страны. Авторы статьи исследуют проблему с позиций теории секьюритизации, согласно которой угрозы национальной и международной безопасности формируются политическими субъектами как дискурсивная практика. С позиций данного подхода, несмотря на то что пандемия COVID-19 секьюритизирована на уровне отдельных стран, на глобальном уровне данный дискурс встроен в более широкую рамку макросекьюритизации, которая исходит из того, что доминирующие угрозы связаны с противоборством великих держав, а не с угрозами в области здравоохранения. Следствием этого является легитимация политики «вакцинного национализма» и отсутствие международного сотрудничества в области производства вакцины. *Вклад авторов.* М.В. Харкевич разработал концепцию исследования, проработал его теоретико-методологические основания. Е.С. Зиновьева провела анализ политики государств в области разработки вакцин и сформулировала итоговые выводы.

Ключевые слова: COVID-19, «вакцинный национализм», международная политика, теория секьюритизации, великие державы.

Цитирование. Харкевич М. В., Зиновьева Е. С. «Вакцинный национализм» в контексте конкуренции великих держав: анализ с позиций теории секьюритизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 137–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.12>

Введение. Согласно информации ВОЗ первый случай заражения коронавирусной инфекцией COVID-19 был зафиксирован в г. Ухань, Китай, 31 декабря 2019 года. Всего с этого времени, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, на 26 октября 2021 г. насчитывалось 278 миллионов подтвержденных случаев заражения во всем мире, при этом погибло от этой болезни 5 миллионов человек [49]. Экономический ущерб от вируса, по оценкам экспертов, к концу 2021 г. составил 12,5 млрд долларов [4]. По меньшей мере 400 миллионов рабочих мест к этому времени потеряно из-за вируса [3]. Текущую эпидемию характеризует беспрецедентный масштаб и темпы распространения. Кроме того, ее особенностью стало широкое медийное освещение.

Пандемия явилась одним из наиболее серьезных вызовов мировому порядку в XXI веке. Ф. Фукуяма поставил ее в один ряд с такими рубежными событиями как террористические атаки 11.09.2001 г. и финансово-экономический кризис 2008 года [9]. По мнению европейского исследователя К. Норлоффа, пандемия стала самым серьезным вызовом либеральному международному порядку с 1991 года [37, р. 811].

При этом пандемия продемонстрировала не только угрозы безопасности в области здравоохранения, связанные с растущей взаимозависимостью, мобильностью и проницаемостью границ, но и взаимосвязь таких об-

ластей мировой политики, как безопасность, здравоохранение и экономика. Вместе с тем, несмотря на глобальный характер угрозы, на этапе создания вакцины наметилась конкуренция, а не сотрудничество великих держав в ее производстве.

В области противодействия кризису государства в большей степени стремились полагаться на собственные силы, а не сотрудничать, в частности, большинство стран ввели ограничения на въезд из-за границы, контроль над экспортом значимых медикаментов и медицинского оборудования, необходимого для лечения коронавирусной инфекции, что в свою очередь способствовало маргинализации роли международного сотрудничества и международных институтов в области здравоохранения, в том числе ВОЗ [44] и Глобального альянса в области вакцин и иммунизации [17], а также Коалиции в области инноваций для готовности к эпидемиям (СЕРИ) и Организации в области снабжения вакцинами в Женеве (GAVI) [42]. Более того, в ноябре 2020 г. США официально уведомили ВОЗ о выходе из состава членов организации. Д. Трамп обвинил ВОЗ в том, что организация в условиях эпидемии находится под влиянием Китая и членство в ней не соответствует национальным интересам США [16]. Эта политика была впоследствии пересмотрена избранным в 2020 г. президентом США Д. Байденом, однако она, тем не менее, свидетель-

ствовала о снижении роли международного сотрудничества в области борьбы с эпидемией и ее последствиями.

По состоянию на 2020 г., когда велась активная разработка вакцин, на международном уровне отсутствовали договоренности, направленные на обеспечение равноправного доступа к компонентам и технологиям создания вакцин на глобальном уровне, кроме того, возможный выход США из ВОЗ подорвал устойчивость и легитимность уже сложившегося режима международного сотрудничества в области здравоохранения.

Исследователи отмечали, что такая политика контрпродуктивна с точки зрения национальных интересов всех стран [31], в том числе и развитых государств, которые на сегодняшний день конкурируют в области создания вакцины от коронавируса [4]. Так, сотрудничество в области разработки вакцины могло бы ускорить создание вакцины [30] и снизить экономический ущерб от коронавируса [17, p. v], в том числе за счет снижения негативных ожиданий относительно перспектив экономического упадка в связи с эпидемией в развивающихся странах, в частности, в таких отраслях, как туризм, гостиничная и развлекательная индустрии, спорт и общественное питание. Более того, международное сотрудничество могло бы способствовать большей доступности различных технологий, необходимых для создания вакцины, и таким образом ускорить ее появление [44, p. 305]. Кроме того, международная кооперация повысила бы глобальное доверие к институтам транснационального здравоохранения и в целом к сложившейся системе глобального управления [17, p. v]. Однако, как отмечали эксперты, текущая эпидемия лишь усилила уже наметившуюся тенденцию к глобальной разобщенности, а международное сотрудничество стагнирует и во многих других областях, нуждающихся в глобальных решениях, в том числе в области изменения климата, противодействия незаконной миграции или контроля над распространением ядерного оружия [45], а также противодействия другим инфекционным заболеваниям [25]. Российские исследователи И. Кобринская и Б. Фрумкин отмечали, что текущая международная политика характеризуется национализмом и «отгораживанием» от реалий международной политики в большин-

стве государств, трендом на антиглобализм и разобщенность в международном сообществе [9, с. 73].

Следует отметить, что это не первый в истории человечества случай, когда в условиях эпидемии государства конкурировали за доступ к лекарствам и вакцинам, схожая ситуация сложилась и в 2009 г. в ходе вспышки эпидемии N1H1. Как правило, глобальный доступ к лекарствам и вакцинам удавалось обеспечить лишь после того, как страны, в которых базируются производители лекарственных средств, обеспечивали полный доступ к ним для своего населения. Так, вакцинация против полиомиелита [40] и оспы [36], а также распределение лекарств, направленных на противодействие вирусу ВИЧ / СПИД [41], были проведены на основании недискриминационного и универсального доступа. Вместе с тем, подобные примеры международного сотрудничества в области здравоохранения носят скорее спорадический, чем универсальный характер, кроме того, как правило, они возникали на том этапе, когда собственное население полностью вакцинировано и издержки от возможного распространения эпидемии для развитых стран превышали затраты на глобальную вакцинацию [44, p. 305].

Сложившуюся исторически ситуацию в области противодействия пандемиям Д. Филдер обозначал как стремление к «вирусному суверенитету», когда государства не рассчитывали на международную помощь и сотрудничество и стремились поддерживать собственные фармацевтические компании и исследовательские структуры, которые производили бы необходимые лекарства и вакцины на территории их страны, ограничивая передачу соответствующих технологий как чувствительных [20]. Данная тенденция укрепилась в ходе текущей пандемии коронавируса, которая усугубила наметившиеся в глобальном масштабе тенденции к фрагментации и деглобализации. Эксперты начали писать о политике «вакцинного национализма», согласно которому государства стремятся укреплять связи с производителями вакцин и не допускать их передачи другим странам, несмотря на то, что на уровне политической риторики государства выступают за необходимость укрепления международного сотрудничества

в области здравоохранения перед лицом коронавируса (см., например: [7]). Как представляется, теория секьюритизации позволяет пролить свет на эти противоречия, в силу того, что в иерархии угроз угрозы здравоохранения на уровне государства воспринимаются как менее значимые по сравнению с угрозами великодержавного соперничества на глобальном уровне.

Методы и материалы. В качестве теоретико-методологической основы исследования была использована теория конструктивизма, а именно, такое ее направление, как теория секьюритизации. В качестве эмпирической базы исследования были использованы официальные документы и выступления официальных лиц ведущих государств мира (Российская Федерация, США и ряда других) и международных организаций (ООН, ВОЗ), а также научные публикации в ведущих российских и зарубежных изданиях, посвященные влиянию COVID-19 на международную политику. Указанные источники и материалы позволили сформировать полное представление о характере политического и академического дискурса в области секьюритизации пандемии COVID-19 на уровне как отдельных государств, так и на международном.

Согласно теории конструктивизма, частным направлением которой является теория секьюритизации, не рациональный подсчет выгод и издержек определяет выбор внешнеполитического курса, а набор представлений и идей, которые определяют идентичности и предпочтения государств, а также легитимность различных моделей поведения. Несмотря на то, что с экономической и политической точек зрения выбранная стратегия может быть рискованной, она рассматривается как легитимная и обоснованная в условиях современной международной анархии и нарастающей межгосударственной конфликтности.

Теория реализма в международных исследованиях, как правило, не рассматривает вопросы здравоохранения как значимые в международных отношениях (в отличие от баланса сил между великими державами [32] и военно-политической проблематики [51]) и, таким образом, не может объяснить выход проблемы борьбы с эпидемией и разработки вакцины на уровень приоритетных на повес-

тке дня глобальной безопасности и внешней политики государств. В 2020 г. видные реалисты опубликовал работы, посвященные влиянию пандемии коронавируса на международную политику [19; 24], в целом, их оценки сводятся к тому, что пандемия не оказывает существенного влияния на международную политику и внимание к вопросам здравоохранения является преходящим феноменом мировой политики, в силу того, что эта проблематика не оказывает существенного влияния на баланс сил, национальные интересы стран (которые также формулируются в терминах власти, согласно классику реализма Г. Моргентау), а также на природу основных акторов мировой политики, а именно, государств [19].

Либеральное направление теории международных отношений также лишь вскользь исследует вопросы трансграничного здравоохранения [27], но, в отличие от политического реализма, рассматривает данную область как деполитизированную в рамках функционализма [33, р. 57] или же усиливающую взаимозависимость в силу взаимной уязвимости государств в рамках неолиберализма [28, р. 106], как следствие, способствующую плодотворному сотрудничеству между государствами. Современные исследователи либерального толка, опубликовавшие работы о последствиях пандемии и ее влиянии на мировую политику, акцентируют внимание на ее влиянии на процессы демократизации и либеральный международный порядок [24], на проблемы обеспечения личностной безопасности [34; 43], а также предлагают рекомендации по развитию и углублению международного сотрудничества по противодействию эпидемии [48], то есть, в целом, осмысливают ее в рамках того же подхода, который был характерен и для более ранних работ представителей данного научного течения.

В отличие от реализма и либерализма, теория социального конструктивизма и такое ее направление, как теория секьюритизации в силу своего внимания к роли нематериальных факторов во внешней политике государств, которые, однако, рассматриваются как рациональные субъекты, позволяет не только изучить причины выхода вопроса трансграничного взаимодействия на передний план меж-

дународной повестки дня, но и оценить ее влияние на перспективы формирования посткризисного мира. Выбранный же большинством стран односторонний и высококонфликтный внешнеполитический курс с позиций социального конструктивизма объясняется господством гоббсианской культуры международной анархии [50, р. 400], которая диктует логику внешнеполитического поведения даже в областях, напрямую не связанных с проблемами безопасности и военной стратегии.

Теория секьюритизации как инструмент анализа мировых политических процессов

Теория секьюритизации Копенгагенской школы на сегодняшний день является одним из наиболее популярных подходов в конструктивистском направлении теории международных отношений к исследованию международных процессов. Среди представителей теории секьюритизации следует назвать Б. Бузана, О. Уивера, Я. Вилде [13; 14]. Согласно теории секьюритизации проблема рассматривается как угроза безопасности в том случае, если она представляется как угрожающая выживанию определенного референтного объекта (как правило, в качестве референтного объекта выступает правительство, территориальная целостность и общество, в том числе общественное здоровье). Особый характер секьюритизированных угроз безопасности обосновывает использование экстраординарных средств для их разрешения, легитимируя возможность мобилизовать или привлечь особые силы и средства [14, р. 21].

Согласно Копенгагенской школе процесс секьюритизации состоит из двух этапов: политизация проблемы (возведение ее в сферу публичной политики как требующую решения правительства) и секьюритизация проблемы (возведение ее в ранг угроз безопасности, требующих принятия чрезвычайных мер, выходящих за рамки стандартных политических процедур государства) [14, р. 24]. На сегодняшний день мы можем говорить о полномасштабной секьюритизации эпидемии коронавируса, что будет доказано в следующем разделе.

Теория секьюритизации получила дальнейшее развитие в работе Б. Бузана и

О. Уивера «Макросекьюритизация и констелляции угроз безопасности: пересмотр масштаба теории секьюритизации», которая распространяет данную исследовательскую рамку на уровень международной политики [13]. Концепция макросекьюритизации исходит из того, что угрозы международной безопасности не существуют изолированно друг от друга, они формируют констелляции, между угрозами существует иерархия с точки зрения широты аудитории и универсальности проблематики. Существуют нишевые угрозы на разных уровнях мировой политики, которые волнуют соответствующую им аудиторию, но возникают и универсальные по проблеме и охвату аудитории угрозы, которые формируются и поддерживаются дискурсами макросекьюритизации (новый термин, предложенный Бузаном и Уивером) [13, р. 253]. Они иерархически выше остальных дискурсов и оказывают формирующее влияние на них в том смысле, что нижестоящие по уровню или универсальности дискурсы выражаются в терминах дискурсов макросекьюритизации. Например, в Средние века в Европе роль макросекьюритизации играли крестовые походы, в период холодной войны – противостояние СССР и США, в начале 2000-х гг. – война против терроризма. Бузан и Уивер предположили, что в 2009 г. роль макросекьюритизации начинает играть изменение климата [13, р. 254].

Однако документы ведущих стран мира, связанные с национальной и международной безопасностью, фиксируют сегодня следующий макросекьюритизирующий дискурс – возвращение конкуренции между великими державами [1; 35]. Как представляется, современная эпидемия и секьюритизирующие дискурсы, сложившиеся вокруг нее, будучи нишевыми в силу того, что они затрагивают исключительно вопросы здравоохранения, апроприируются макросекьюритизирующим дискурсом о великодержавной конкуренции. В результате угрозы глобальной эпидемии воспринимаются как стоящие в иерархии угроз ниже по сравнению с доминирующим макросекьюритизирующим дискурсом, что, в свою очередь, легитимирует и поддерживает на дискурсивном уровне политику «вакцинного национализма».

Секьюритизация коронавируса как нишевой угрозы безопасности

Политическая риторика на уровне глав государств, лидеров международных организаций вокруг текущей эпидемии коронавируса трактует ее как угрозу национальной или глобальной безопасности. В принципе подобная ситуация не нова. Так, в 2014 г. Президент США Б. Обама заявил, что вирус Эбола – это «серьезная угроза региональной и глобальной безопасности» [39], а в 2015 г. ВОЗ объявила эпидемию Эболы «угрозой национальной безопасности далеко за пределами зоны непосредственной вспышки эпидемии» [29].

Наиболее остро риторика секьюритизации коронавируса представлена на уровне отдельных государств. Президент России В.В. Путин сравнил противодействие коронавирусной инфекции с Великой Отечественной войной [5]. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху назвал борьбу с вирусом «войной с невидимым врагом» [46]. Аналогичная риторика присутствует и у лидеров других государств, в том числе Франции, Германии, Китая, США.

Президент Франции Э. Макрон, лидер КНР Си Цзинпин, Генеральный Секретарь ООН А. Гуттереш объявили, что вакцина является общим достоянием человечества и должна быть доступна всему населению планеты, поскольку использование вакцины в одной стране никак не противоречит ее использованию в другой [47]. Однако подобные подходы были представлены на уровне политической риторики и не нашли своего отражения в практической политике государств, которые не обозначили сроки и условия глобальной вакцинации, но при этом стремились зарезервировать максимальное количество вакцины для населения своих стран, ограничивая доступ к ним со стороны других государств (подробнее об этом в следующем разделе).

Таким образом, в контексте глобальной политики проблема противодействия вирусу выстраивалась в логике противоборства великих держав, каждая из которых стремилась обеспечить лидирующее положение в международной системе, а противодействие вирусу и выработка вакцины рассматривались как

инструмент достижения глобального лидерства. Государства не только конкурировали в области создания вакцин, но и стремились назначить «виновными» в появлении и широком распространении эпидемии геополитических соперников, ослабляя таким образом их позицию на международной арене – с этой точки зрения особенно показательными были дискурсы США и Китая, каждое из государств обвиняло другое в том, что именно там зародился «очаг» инфекции [26].

В рамках этой же конкурентной логики развивалась и политика в области разработки вакцин и последующей вакцинации населения. Согласно данным Народного альянса в области вакцинации на 2020 г., хотя население богатых стран составляет только 14 % от населения планеты, страны Запада заключили предварительные договоренности о поставке 53 % от всего планируемого объема наиболее эффективных вакцин, то есть достаточного, чтобы трижды провакцинировать каждого гражданина, в то время как 9 из 10 граждан наименее развитых стран вряд ли получат доступ к вакцине в 2020 году [18].

Так, согласно заявлениям официальных лиц США, необходимо сначала обеспечить доступ к вакцине для населения США, а затем уже стремиться помочь населению других стран [10]. В мае 2020 г. Си Цзинпин объявил на Всемирной Ассамблее Здравоохранения (руководящий орган ВОЗ) о том, что, если Пекину удастся разработать вакцину, то он поделится результатами с миром, но не уточнил, когда это произойдет. Вместе с тем, Э. Фаучи – директор Национального института здравоохранения США заявил, что, согласно его прогнозам, правительство КНР будет использовать вакцины «преимущественно для огромного населения Китая» [15].

Китай также планировал впоследствии развивать продажи соответствующей вакцины на рынках развивающихся стран, или предоставляя ее бесплатно, или субсидируя ее покупку. Президент Китая Си Цзинпин объявил о начале инициативы «Шелковый путь в области здравоохранения», которая направлена на субсидирование вакцинации китайскими вакцинами в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где проживает более половины населения планеты. Китай планирует

использовать вакцину с тем, чтобы консолировать партнерские отношения с правительствами стран в стратегически важных регионах мира. Однако, как отмечали исследователи, современное регулирование на западных рынках таково, что китайские вакцины вряд ли получают к ним доступ [12]. Сложившаяся ситуация лишь подстегивала геополитическую конкуренцию за лидерство между производителями вакцин.

Аналогичный дискурс был представлен и в академической литературе. Российские и зарубежные исследователи-международники отмечали, что в XXI в. главной угрозой безопасности стала великодержавная конкуренция и связанная с ней глобальная нестабильность, в логику этой проблематики встраивается и борьба с пандемией [24; 41]. На глобальном уровне представлены схожие оценки. Так, Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш в своем выступлении перед Генеральной Ассамблеей ООН поставил геополитическую напряженность на первое место в списке угроз международной безопасности на текущий момент, а противодействие пандемии – лишь на четвертое [2].

Так, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г., в числе приоритетных угроз безопасности отмечается, что «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах» и проводящих политику сдерживания России [8]. В стратегии Национальной безопасности Российской Федерации от 2021 г. представлены схожие оценки угроз. В Стратегии национальной безопасности США от 2017 г. отмечено, что «США будут участвовать в растущей глобальной конкуренции» между великими державами и победа в этой конкуренции – это залог национальной безопасности страны [36]. Таким образом, на уровне как отдельных стран, так и глобальных институтов сложился новый макросекьюритизирующий дискурс о великодержавной конкуренции как главной угрозе национальной и международной безопасности.

Соответственно, в рамках этого дискурса, та великая держава, которая первой про-

ведет вакцинацию, станет победителем коронавируса и в результате усилится относительно своих конкурентов. Согласно данному подходу, после вакцинации произойдет возвращение к прежней жизни, но, возможно, с новым балансом сил между великими державами [38] либо, как полагают западные авторы, в случае успешной вакцинации и борьбы с эпидемией в странах Запада, им удастся сохранить либеральный международный порядок [24]. В этих условиях ключевое значение приобретает борьба за вакцину, конкуренция вакцин и стремление обеспечить лидерство в области борьбы с эпидемией. Стремление большей части населения мира вернуться к прежней нормальности делает позицию великодержавников более привлекательной и с электоральной и с психологической точки зрения. Как отмечает видный исследователь конструктивистского толка М. Барнетт, дополнительное моральное обоснование и легитимацию выбранному политическому курсу на «вакцинный национализм» в странах Запада придавала логика рыночных отношений, которая обосновывала эксклюзивный доступ к вакцине для населения стран, где она производится, ее рыночной доступностью [11].

Практика «вакцинного национализма» в области противодействия пандемии

Как отмечали авторы термина «вакцинный национализм» – исследователи Т. Боллики и Ч. Браун, в одноименной статье для журнала «Форин Аффэйрс», в условиях отсутствия международных соглашений, которые обязывали бы государства распространять вакцину против вируса среди всего населения планеты на равноправной основе, лидеры государств стремятся прежде всего обеспечить вакциной население своих стран, при этом по возможности ограничивая доступ со стороны других государств к вакцине или к технологиям ее производства [12].

Значимость вакцин, в том числе с точки зрения национальных интересов отдельных стран, обусловлена их ролью в борьбе с пандемией. Цель вакцины – обеспечить иммунный ответ организма таким образом, чтобы иммунная система человека, прошедшего вакцинацию и подвергающегося воздействию

вируса, могла взять под контроль патоген и человек не был болен или инфицирован. Вакцины против коронавируса, как и любые другие должны пройти несколько этапов проверки – сначала на животных, потом на небольших группах здоровых волонтеров, после на больших репрезентативных выборках населения, в том числе пожилых, больных и молодых людях. И только после этого вакцина может быть введена в широкий оборот и проведена массовая вакцинация.

В настоящее время целый ряд стран ведет разработки по созданию вакцины от коронавируса, в том числе и Российская Федерация, которая стала первой, зарегистрировавшей вакцину. 11 августа 2020 г. в России на официальном уровне было объявлено о создании первой вакцины от коронавируса «Спутник-V», созданной Национальным исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи (НИЦЭМ) [6]. 14 октября 2020 г. Президент России В.В. Путин объявил о создании второй вакцины – «ЭпиВакКорона», разработанной новосибирским центром «Вектор». Как ожидается, в ближайшее время будет зарегистрирована и третья вакцина российского производства. Таким образом, в данной области мы видим заявку со стороны России на глобальное лидерство в данной области, что, в свою очередь, призвано укрепить статус России как глобальной державы. Аналогичные разработки ведутся в США, в Китае, в странах ЕС, АСЕАН и ряде других государств мира, также стремящихся упрочить свои международные позиции. Таким образом Россия также встраивается в борьбу за лидерство в области здравоохранения между великими державами.

Производство вакцины – это дорогостоящее и высокотехнологичное предприятие, в связи с чем, государства, разрабатывая вакцину, стремятся, во-первых, защитить свое население от болезни, но, во-вторых, укрепить свои позиции на международной арене, в том числе с позиций «мягкой силы», как государство с развитой технологической базой в сфере биотехнологий, в-третьих, получить экономические преимущества за счет продажи вакцины.

Согласно ситуации на 2020 г., государства стремились, с одной стороны, заключать договоренности с крупными фармацевтичес-

кими компаниями о предпродажах вакцины, а с другой, формировать альянсы в данной области, чтобы упрочить свои переговорные позиции.

Летом 2020 г. Соединенные Штаты скупили практически все поставки ремдесивира, одного из первых препаратов, доказавших свою эффективность работать против COVID-19, не оставляя ничего для Соединенного Королевства, ЕС или большей части остального мира на три месяца. Кроме того, США стремятся заключить соглашение о предпродажах вакцины со всеми крупными фармацевтическими компаниями, с тем, чтобы обеспечить достаточное количество вакцины для населения США, что уже вызвало недовольство со стороны других стран, в том числе Германии. Франция, Германия, Италия и Нидерланды сформировали Инклюзивный Альянс по вопросам вакцинации для совместных переговоров с разработчиками и производителями вакцин. Этот альянс впоследствии стал частью более крупного проекта Европейской комиссии по ведению переговоров с производителями от имени стран-членов ЕС для заключения предварительных контрактов и резервирования доз многообещающих вакцин для населения своих стран. Более того, страны Запада в условиях обострившейся конкуренции стремятся вывести производство медикаментов с территории Китая на территорию своих стран [21].

Схожая риторика представлена и в аналитических трудах. В частности, американские исследователи Э. Фрейман и Дж. Стеббинг отмечают, что в сложившейся ситуации страна, которая первой разработает и введет в эксплуатацию вакцину от коронавируса, получит геополитическое и стратегическое преимущество [21]. В этих условиях, по мнению видного представителя либерального направления теории международных отношений Дж. Айкенберри, неизбежна конкуренция между великими державами и рост национализма [24]. Кроме того, как отмечает Р. Ниблетт, директор Чэтэм Хаус, способность вакцинировать население и справиться с эпидемией будет существенно влиять на политический капитал лидеров [24] как внутри страны, так и на международной арене, что придает дополнительный импульс политике «вакцинного национализма».

Таким образом, анализ политической риторики и практики государств в области противодействия коронавирусу показывает, что произошла апроприация секьюритизирующего дискурса, сформировавшегося вокруг текущей эпидемии, дискурсом, который описывает современную мировую политику как борьбу за лидерство великих держав, следствием чего становится проводимая политика «вакцинного национализма».

Результаты. Теория секьюритизации исходит из того, что угрозы безопасности не просто существуют как факты объективной реальности, но и активно конструируются в качестве таковых политическими акторами на национальном, региональном и глобальном уровнях. Анализ риторики политических лидеров государств и международных организаций за 2020 г., занимающихся вопросами здравоохранения, показал, что несмотря на то, что на национальном уровне многие государства определяли коронавирус как угрозу национальной безопасности, описывая свои действия как «войну против эпидемии», на глобальном уровне не сложилось макросекьюритизирующего дискурса вокруг данной проблемы, что в свою очередь затрудняло международное сотрудничество по борьбе с вирусом, в частности на уровне разработки вакцины.

На основании анализа был сделан вывод, что произошла апроприация секьюритизирующего дискурса, сформировавшегося вокруг текущей эпидемии, дискурсом, который описывал современную мировую политику как борьбу за лидерство великих держав, который в свою очередь поддерживал и легитимировал политику «вакцинного национализма».

Смена Президента США (в ноябре 2020 г. на выборах победил кандидат от демократов Д. Байден), не переломила тенденцию великодержавной конкуренции, которая проявляется, в том числе в политике «вакцинного национализма».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109.

The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental

Research within the framework of the scientific project No. 20-04-60109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная доктрина Российской Федерации (в ред. от 2015 г.) // Официальный сайт МИД Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/976907 (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

2. К Генеральной ассамблее обратился генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш // Официальный сайт ООН. – 2020. – 22 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iaun.ru/news/world/2020/09/22/un-secretary-general-antonio-guterres> (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

3. Кобринская, И. Центрально-восточная Европа в международных процессах «пост-COVID-19» / И. Кобринская, Б. Фрумкин // Международные процессы. – 2021. – Т. 18, № 2 (61). – С. 71–91. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.1>.

4. Не одичать в «осыпающемся мире» / О. Н. Барабанов [и др.] // Доклад дискуссионного клуба Валдай. – М. : [s. n.], 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-odichat-v-mire/> (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.

5. Путин заявил о готовности повторить подвиг времен Великой Отечественной войны // Коммерсант. – 2020. – 10 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4283360> (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

6. Путин объявил о регистрации в России второй вакцины от COVID-19 // РБК. – 2020. – 14 окт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/14/10/2020/5f86ee589a79471be7f80074> (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

7. Три призыва ВОЗ к 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: Пресс-релиз. Женева // Официальный сайт ВОЗ. – 2020. – 15 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news/item/15-09-2020-who-s-three-messages-for-un75> (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

8. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // БД Консультант Плюс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/af6dbeb87d5a61b838f49f4571aa1a49c82b35fd/ (дата обращения: 16.03.2021). – Загл. с экрана.

9. Фриман, Ч. Геополитика: мировой беспорядок после COVID и США / Ч. Фриман // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 6. – Электрон.

текстовые дан. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-posle-covid-i-ssha/> (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.

10. 'America First' Approach to Coronavirus Vaccine Development Could Leave U.S. Behind // Washington Post. – 2020. – May 12. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/es/el-washington-post-podcast/america-first-approach-to-coronavirus-vaccine-development-could-leave-us-behind/> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.

11. Barnett, M. COVID-19 and the Sacrificial International Order / Barnett // International Organization. – 2020. – Vol. 74, iss. S1. – P. E128–E147. – DOI: <https://www.doi.org/10.1017/S002081832000034X>.

12. Bollyky, J. The Tragedy of Vaccine Nationalism / J. Bollyky, Ch. P. Bown // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 27. – Sept./Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-07-27/vaccine-nationalism-pandemic> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

13. Buzan, B. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory / B. Buzan, O. Wæver // Review of International Studies. – 2009. – Vol. 35, № 2. – P. 253–276. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S02602105090008511>.

14. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. De Wilde. – London : Lynne Rienner Publishers, 2020. – 241 p.

15. Coronavirus: Vaccine Front-Runner China Already Inoculating Workers // BBC News. – 2020. – Aug. 27. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53917315> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.

16. Coronavirus: Trump Moves to Pull US out of World Health Organization // BBC News. – 2020. – July 7. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-53327906> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.

17. COVID-19 and the Cost of Vaccine Nationalism / M. Hafner [et al.]. – Santa Monica, California : RAND Corporation, RR-A769-1, 2020. – 61 p. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA769-1.html (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

18. Crisis Nationalism: To What Degree Is National Partiality Justifiable During a Global Pandemic? / E. Beaton [et al.] // Ethical Theory and Moral Practice. – 2021. – Iss. 1. – P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10677-021-10160-0>.

19. Drezner, D. W. The Song Remains the Same: International Relations After COVID-19 / D. Drezner // International Organization. – 2020. – Vol. 74, iss. S1. – P. E18–E35. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000351>.

20. Fielder, D. P. Vaccine Nationalism's Politics / D. P. Fielder // Science. – 2020. – Vol. 3, iss. 6505. –

P. 749. – DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe2275>. – Electronic text data. – Mode of access: <https://science.sciencemag.org/content/369/6505/749.full> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

21. Freiman, E. China is Winning the Vaccine Race / E. Freiman, J. Stebbing // Foreign Affairs. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

22. Fukuyama, F. The Pandemic and Political Order / F. Fukuyama // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 26. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

23. Hoffman, A. The Securitization of the Coronavirus Crisis in the Middle East / A. Hoffman // Pomper Studies. The COVID-19 Pandemic in the Middle East and North Africa. – 2020. – Vol. 39, № 10. – P. 10–15. – Electronic text data. – Mode of access: <https://pomper.org/the-securitization-of-the-coronavirus-crisis-in-the-middle-east> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.

24. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic / J. Allen [et al.] // Foreign Policy. – 2020. – Vol. 20. – P. 2020.

25. International Importation of Measles Virus – United States, 1993–; 2001 / N. V. Oster [et al.] // The Journal of Infectious Diseases. – 2004. – Vol. 189, iss. Supplement_1. – P. 48–53. – DOI: <https://doi.org/10.1086/374854>. – Electronic text data. – Mode of access: https://academic.oup.com/jid/article/189/Supplement_1/S48/2082141 (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

26. Jaworsky, B. N. The Politics of Blaming: The Narrative Battle Between China and the US Over COVID-19 / B. N. Jaworsky, R. Qiaoan // Journal of Chinese Political Science. – 2020. – Sept. 1. – P. 295–315. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09690-8>.

27. Johnson, T. Ordinary Patterns in an Extraordinary Crisis: How International Relations Makes Sense of the COVID-19 Pandemic / T. Johnson // International Organization. – 2020. – Vol. 74, iss. S1. – P. E148–E168. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000430>.

28. Keohane, R. O. Globalization: What's New? What's Not? (And so What?) / R. O. Keohane, Jr J. S. Nye // Foreign Policy. – 2000. – № 118. – P. 104–119. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1149673>.

29. Key Events in the WHO Response to the Ebola Outbreak // World Health Organization. Official Site. – 2015. – January. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.who.int/csr/disease/ebola/one-year-report/who-response/en/> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.

30. Kim, J. H. SARS-CoV-2 Vaccine Development, Access, and Equity / J. H. Kim // *Journal of Experimental Medicine*. – 2020. – Vol. 217, № 11. – P. 1–3. – DOI: <https://doi.org/10.1084/jem.20201288>.
31. Legal Agreements: Barriers and Enablers to Global Equitable COVID-19 Vaccine Access / A. Phelan [et al.] // *The Lancet*. – 2020. – Vol. 396, № 10254. – P. 800–802. – DOI: <https://doi.org/10.1084/jem.20201288>.
32. Mearsheimer, J. J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia / J. J. Mearsheimer // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2010. – Vol. 3, № 4. – P. 381–396.
33. Mitrany, D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization / D. A. Mitrany // *Debates on European Integration* / ed. by M. Eilstrup-Sangiovanni. – 2006. – P. 43–67.
34. Mukumbang, F. C. Are Asylum Seekers, Refugees and Foreign Migrants Considered in the COVID-19 Vaccine Discourse? / F. C. Mukumbang // *BMJ Global Health*. – 2020. – Vol. 5, № 11. – P. e004085. DOI: <http://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-004085>.
35. National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. – 2018. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
36. National Security Strategy of the United States of America. – 2017. – Dec. – Electronic text data. – Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
37. Norrlöf, C. Is COVID-19 a Liberal Democratic Curse? Risks for Liberal International Order / C. Norrlöf // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2020. – Vol. 33, № 5. – P. 799–813.
38. Norrlöf, C. Is COVID-19 the end of US Hegemony? Public Bads, Leadership Failures and Monetary Hegemony / C. Norrlöf // *International Affairs*. – 2020. – Vol. 96, № 5. – P. 1281–1303. – DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa134>.
39. Obama Says Ebola Outbreak a 'Global Security Threat' // *BBC News*. – 2014. – Sept. 17. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-29231400> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
40. Patrick, S. When the System Fails: COVID-19 and the Costs of Global Dysfunction / S. Patrick // *Foreign Affairs*. – 2020. – Vol. 99, № 4. – P. 40–50. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/when-system-fails> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.
41. Piot, P. International Response to the HIV/AIDS Epidemic: Planning for Success / P. Piot, A. M. Coll Seck // *Bulletin of the World Health Organization*. – 2001. – № 79. – P. 1106–1112.
42. Santos Rutschman, A. The COVID-19 Vaccine Race: Intellectual Property, Collaboration(s), Nationalism and Misinformation / A. Santos Rutschman // *Washington University Journal of Law and Policy*. – 2020. – Vol. 64. – 22 p. – SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3656929> (date of access: 10.11.2020).
43. Shaw, T. M. COVID-19 and Human Development/Security: What Futures for Social Sciences/Policy? / T. M. Shaw // *The Round Table*. – 2021. – Vol. 110, № 1. – P. 179–180. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00358533.2021.1890376>.
44. The COVID-19 Vaccine Development Landscape / T. T. Le [et al.] // *Nat Rev Drug Discov*. – 2020. – № 19 (5). – P. 305–306.
45. Thompson, K. M. The Case for Cooperation in Managing and Maintaining the End of Poliomyelitis: Stockpile Needs and Coordinated OPV Cessation / K. M. Thompson, R. J. D. Tebbens // *The Medscape Journal of Medicine*. – 2008. – № 10 (8). – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2562150/> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.
46. Thriving in a Crisis, Netanyahu Urges Israelis to Wage 'War on Invisible Enemy' // *The Times of Israel*. – 2020. – March 11. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.timesofisrael.com/looking-indispensable-netanyahu-urges-israelis-to-wage-war-on-invisible-enemy/> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
47. UN Chief: COVID-19 Vaccine Must be Affordable and Available to All // *UN News*. – 2020. – Sep. 16. – Electronic text data. – Mode of access: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1072522> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
48. Von Bogdandy, A. The Role of International Law in Vaccinating Against COVID-19: Appraising the COVAX Initiative / A. von Bogdandy, P. Villarreal // *Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL)*. – 2020. – Research Paper № 2020-46. – 24 p. – DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3733454>.
49. Weekly Operational Update on COVID-19 (25 October 2021) // *World Health Organization*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/weekly-operational-update-covid-19-25-october-2021> (date of access: 16.03.2021). – Title from screen.
50. Wendt, A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // *International Organization*. – 1992. – Vol. 46, № 2. – P. 391–425.

51. Wohlforth, W. C. Realism and the End of the Cold War / W. C. Wohlforth // *International Security*. – 1994. – Vol. 19, № 3. – P. 91–129. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2539080>.

REFERENCES

1. Voennaja docktrina Rossijskoj Federatsii (v red. ot 2015 g.) [Military Doctrine of the Russian Federation (As Revised in 2015)]. *Ofitsial'nyy sayt MID Rossijskoj Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Official Website]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/976907 (accessed 16 March 2021).
2. K. General'noj assamblee obratilsja general'nyj sekretar' OON Antoniu Guterresh [Antonio Guterres Addressed UN General Assembly]. *Ofitsial'nyy sayt OON* [UN Official Website], 2020, September 22. URL: <https://iaun.ru/news/world/2020/09/22/un-secretary-general-antonio-guterres> (accessed 16 March 2021).
3. Kobrinskaja I., Frumkin B. Central'no-vostochnaja Evropa v mezhdunarodnyh processah «post-COVID-19» [Central-Eastern Europe in Post-COVID-19 International Politics]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends], 2021, vol. 18, no. 2 (61), pp. 71-91. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.1>.
4. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ja.D., Luk'janov F.A. Ne odichat' v «osypajushhemsja mire» [Not Run Wild in a Crumbling World]. *Doklad diskussionnogo kluba Valdaj* [Valdai Report]. Moscow, s. n., 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-odichat-v-mire> (accessed 10 November 2020).
5. Putin zajavil o gotovnosti povtorit' podvig vremen Velikoj Otechestvennoj vojny [Putin Announced His Readiness to Repeat the Feat of the Great Patriotic War]. *Kommersant*, 2020, March 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4283360> (accessed 16 March 2021).
6. Putin objavil o registracii v Rossii vtoroj vakciny ot COVID-19 [Putin Announced the Registration of the Second COVID-19 Vaccine in Russia]. *RBK*, 2020, October 14. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/10/2020/5f86ee589a79471be7f80074> (accessed 16 March 2021).
7. Tri prizyva VOZ k 75-j sessii General'noj Assamblei OON: Press-reliz. Zheneva [Three Calls from WHO to the 75th Session of the UN General Assembly. Press Release. Geneva]. *Ofitsial'nyy sayt VOZ* [WHO Official Website], 2020, September 15. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/15-09-2020-who-s-three-messages-for-un75> (accessed 16 March 2021).
8. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 Dated December 31, 2015 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. *BD Konsultant Plyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/af6dbeb87d5a61b838f49f4571aa1a49c82b35fd (accessed 16 March 2021).
9. Friman Ch. Geopolitika: mirovoj besporjadok posle COVID i SShA [Geopolitics: Epy Global Turmoil After Coronavirus and the United States]. *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 2020, no. 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-posle-covid-i-ssha> (accessed 10 November 2020).
10. ‘America First’ Approach to Coronavirus Vaccine Development Could Leave U.S. Behind. *Washington Post*, 2020, May 12. URL: <https://www.washingtonpost.com/es/el-washington-post-podcast/america-first-approach-to-coronavirus-vaccine-development-could-leave-us-behind> (accessed 16 March 2021).
11. Barnett M. COVID-19 and the Sacrificial International Order. *International Organization*, 2020, vol. 74, iss. S1, pp. E128-E147. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081832000034X>.
12. Bollyky J., Bown Ch.P. The Tragedy of Vaccine Nationalism. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 27 (September/October). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-07-27/vaccine-nationalism-pandemic> (accessed 10 November 2020).
13. Buzan B., Wæver O. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory. *Review of International Studies*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 253-276. DOI: <https://doi.org/10.1017/S02602105090008511>.
14. Buzan B., Wæver O., Wilde J.De. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Lynne Rienner Publishers, 2020. 241 p.
15. Coronavirus: Vaccine Front-Runner China Already Inoculating Workers. *BBC News*, 2020, August 27. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53917315> (accessed 16 March 2021).
16. Coronavirus: Trump Moves to Pull US out of World Health Organization. *BBC News*, 2020, July 7. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-53327906> (accessed 16 March 2021).
17. Hafner M. et al. *COVID-19 and the Cost of Vaccine Nationalism*. Santa Monica, California, RAND Corporation, RR-A769-1, 2020. 61 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA769-1.html (accessed 10 November 2020).
18. Beaton E. et al. Crisis Nationalism: To What Degree is National Partiality Justifiable During a Global Pandemic? *Ethical Theory and Moral Practice*, 2021, iss. 1, pp. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10677-021-10160-0>.
19. Drezner D.W. The Song Remains the Same: International Relations After COVID-19. *International*

Organization, 2020, vol. 74, iss. S1, pp. E18-E35. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000351>.

20. Fielder D.P. Vaccine Nationalism's Politics. *Science*, 2020, vol. 369, iss. 6505, p. 749. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abe2275>. URL: <https://science.sciencemag.org/content/369/6505/749.full> (accessed 10 November 2020).

21. Freiman E., Stebbing J. China is Winning the Vaccine Race. *Foreign Affairs*, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (accessed 10 November 2020).

22. Fukuyama F. The Pandemic and Political Order. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 26. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 10 November 2020).

23. Hoffman A. The Securitization of the Coronavirus Crisis in the Middle East. *Pompers Studies. The COVID-19 Pandemic in the Middle East and North Africa*, 2020, vol. 39, no. 10, pp. 10-15. URL: <https://pomeps.org/the-securitization-of-the-coronavirus-crisis-in-the-middle-east> (accessed 16 March 2021).

24. Allen J. et al. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreign Policy*, 2020, vol. 20, p. 2020.

25. Oster N.V., Harpaz R., Redd S.B., Papania M.J. International Importation of Measles Virus – United States, 1993–; 2001. *The Journal of Infectious Diseases*, 2004, vol. 189, iss. Supplement_1, pp. 48-53. DOI: <https://doi.org/10.1086/374854>. URL: https://academic.oup.com/jid/article/189/Supplement_1/S48/2082141 (accessed 10 November 2020).

26. Jaworsky B.N., Qiaoan R. The Politics of Blaming: The Narrative Battle Between China and the US over COVID-19. *Journal of Chinese Political Science*, 2020, September 1, pp. 295-351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09690-8>.

27. Johnson T. Ordinary Patterns in an Extraordinary Crisis: How International Relations Makes Sense of the COVID-19 Pandemic. *International Organization*, 2020, vol. 74, iss. S1, pp. E148-E168. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000430>.

28. Keohane R.O., Nye Jr J.S. Globalization: What's New? What's Not? (And so What?). *Foreign Policy*, 2000, no. 118, pp. 104-119. DOI: <https://doi.org/10.2307/1149673>.

29. Key Events in the WHO Response to the Ebola Outbreak. *World Health Organization. Official Site*, 2015, January. URL: <https://www.who.int/csr/disease/ebola/one-year-report/who-response/en> (accessed 16 March 2021).

30. Kim J.H. SARS-CoV-2 Vaccine Development, Access, and Equity. *Journal of Experimental Medicine*, 2020, vol. 217, no. 11, pp. 1-3. DOI: <https://doi.org/10.1084/jem.20201288>.

31. Phelan A.L. et al. Legal Agreements: Barriers and Enablers to Global Equitable COVID-19 Vaccine Access.

The Lancet, 2020, vol. 396, no. 10254, pp. 800-802. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31873-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31873-0).

32. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, no. 4, pp. 381-396.

33. Mitrany D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. Eilstrup-Sangiovanni M., ed. *Debates on European Integration*, 2006, pp. 43-67.

34. Mukumbang F.C. Are Asylum Seekers, Refugees and Foreign Migrants Considered in the COVID-19 Vaccine Discourse? *BMJ Global Health*, 2020, vol. 5, no. 11, p. e004085. DOI: <http://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-004085>.

35. *National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge*, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 16 March 2021).

36. *National Security Strategy of the United States of America*, 2017, December. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 16 March 2021).

37. Norrlöf C. Is COVID-19 a Liberal Democratic Curse? Risks for Liberal International Order. *Cambridge Review of International Affairs*, 2020, vol. 33, no. 5, pp. 799-813. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1812529>.

38. Norrlöf C. Is COVID-19 the End of US Hegemony? Public Bads, Leadership Failures and Monetary Hegemony. *International Affairs*, 2020, vol. 96, no. 5, pp. 1281-1303. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa134>.

39. Obama Says Ebola Outbreak a 'Global Security Threat'. *BBC News*, 2014, September 17. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-29231400> (accessed 16 March 2021).

40. Patrick S. When the System Fails: COVID-19 and the Costs of Global Dysfunction. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 99, no. 4, pp. 40-50. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/when-system-fails> (accessed 10 November 2020).

41. Piot P., Coll Seck A.M. International Response to the HIV/AIDS Epidemic: Planning for Success. *Bulletin of the World Health Organization*, 2001, no. 79, pp. 1106-1112.

42. Santos Rutschman A. The COVID-19 Vaccine Race: Intellectual Property, Collaboration(s), Nationalism and Misinformation. *Washington University Journal of Law and Policy*, 2020, vol. 64. 22 p. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3656929>. (accessed 10 November 2020).

43. Shaw T.M. COVID-19 and Human Development/ Security: What Futures for SocialSciences/Policy? *The*

Round Table, 2021, vol. 110, no. 1, pp. 179-180. DOI: <https://doi.org/10.1080/00358533.2021.1890376>.

44. Le T.T., Andreadakis Z., Kumar A., Roman R. G., Tollefsen S., Saville M., Mayhew S. The COVID-19 Vaccine Development Landscape. *Nat Rev Drug Discov*, 2020, no. 19 (5), pp. 305-306.

45. Thompson K.M., Tebbens R.J.D. The Case for Cooperation in Managing and Maintaining the End of Poliomyelitis: Stockpile Needs and Coordinated OPV Cessation. *The Medscape Journal of Medicine*, 2008, no. 10 (8). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2562150> (accessed 10 November 2020).

46. Thriving in a Crisis, Netanyahu Urges Israelis to Wage 'War on Invisible Enemy'. *The Times of Israel*, 2020, March 11. URL: <https://www.timesofisrael.com/looking-indispensable-netanyahu-urges-israelis-to-wage-war-on-invisible-enemy> (accessed 16 March 2021).

47. UN Chief: COVID-19 Vaccine Must be Affordable and Available to All. *UN News*, 2020,

September 16. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1072522> (accessed 16 March 2021).

48. von Bogdandy A., Villarreal P. The Role of International Law in Vaccinating Against COVID-19: Appraising the COVAX Initiative. *Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL)*, 2020, Research Paper no. 2020-46. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3733454>.

49. Weekly Operational Update on COVID-19 (25 October 2021). *World Health Organization*. URL: <https://reliefweb.int/report/world/weekly-operational-update-covid-19-25-october-2021> (accessed 16 March 2021).

50. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391-425.

51. Wohlforth W.C. Realism and the End of the Cold War. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 3, pp. 91-129. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539080>.

Information About the Authors

Maksim V. Kharkevich, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, kharkevich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9476-9694>

Elena S. Zinovieva, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, zinovieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5129-338X>

Информация об авторах

Максим Владимирович Харкевич, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, kharkevich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9476-9694>

Елена Сергеевна Зиновьева, доктор политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, zinovieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5129-338X>

США, КАНАДА И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.13>

UDC 327(73)
LBC 66.4(7Coe),01

Submitted: 30.11.2020
Accepted: 28.03.2021

THE DOCTRINAL FOUNDATIONS OF THE CHANGE IN U.S. FOREIGN POLICY DURING TRUMP'S PRESIDENCY: MEXICO AND CANADA ¹

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The research's subject is the foreign policy's theoretical foundations of D. Trump's presidential administration in 2016–2020, which consist in changing the principles' use of American liberal internationalism to the conservative nationalism's principles under the motto which is called "Make America Great Again". The theoretical approaches' basis of intergovernmental interaction in the field of politics, economics and migration is considered on the example of relations between the United States, Canada and Mexico. The work's purpose is to identify the doctrinal basis of D. Trump administration's foreign policy and the impact of the adopted foreign policy settings on changes in intergovernmental interaction in the international arena. *Methods.* The theoretical bases' methodology for the doctrinal provisions development of the U.S. foreign policy during the D. Trump's administration was to use behavioral approach and special methods of political analysis. There were no major analytical studies on this topic at the time of writing. Therefore, the author of the article used the materials for his research from Russian and American scientific and periodical journals for 2019–2020. *Analysis.* The publications' analysis by domestic and American authors has shown that the change in the U.S. foreign policy during the D. Trump's presidency is due not so much to the personal qualities of the U.S. President, as some researchers believe, but to the objective conditions of the world process, where the United States want to but they can't bear the burden of the world leader in the conditions of significant growth of other global power centers. *Results.* The author's analysis of intergovernmental interaction between the United States, Canada and Mexico has shown the chosen path of using the conservative nationalism's principles in relations with their closest allies is not so much due to the personal qualities of D. Trump how many objective changes taking place in the world political process, which led to an increase in mutual contradictions between these states. Overall, the author argues that the choice of a conservative nationalism's policy in American foreign policy is associated with the crisis of liberal democracy.

Key words: D. Trump, liberal internationalism, conservative nationalism, the U.S.-Mexico relations, the U.S.-Canada relations, USMCA, Latin American immigration.

Citation. Sokov I.A. The Doctrinal Foundations of the Change in U.S. Foreign Policy During Trump's Presidency: Mexico and Canada. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 151-162. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.13>

**ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СМЕНЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА: МЕКСИКА И КАНАДА¹****Илья Анатольевич Соков**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования являются доктринальные основы внешней политики администрации президента Д. Трампа в 2016–2020 гг., которые заключаются в смене использования принципов американского либерального интернационализма на принципы консервативного национализма под девизом «Сделаем Америку снова великой». Обоснование теоретических подходов межгосударственного взаимодействия в области политики, экономики и миграции рассмотрено на примере отношений между Соединенными Штатами, Канадой и Мексикой. Цель работы состоит в выявлении доктринальной основы внешней политики администрации Д. Трампа и влиянии принятых внешнеполитических установок на изменения межгосударственного взаимодействия на международной арене. Методология определения теоретических оснований для выработки доктринальных положений внешней политики США администрации президента Д. Трампа заключается в использовании бихевиористского подхода и специальных методов политического анализа. На момент подготовки материала статьи отсутствовали какие-либо крупные аналитические исследования по данной тематике. Поэтому в статье использованы материалы российских и американских научных и периодических журналов за 2019–2020 годы. Проведенный анализ публикаций отечественных и американских авторов показал, что смена внешней политики США в период президентства Д. Трампа обусловлена не столько личностными качествами президента США, как считает определенная часть исследователей, а объективными условиями мирового процесса, в котором Соединенные Штаты хотят, но не могут нести бремя мирового гегемона в условиях значительного роста других глобальных центров силы. Как показал анализ межгосударственного взаимодействия между США, Канадой и Мексикой, выбранный путь использования принципов консервативного национализма в отношениях со своими ближайшими союзниками обусловлен не столько личностными качествами президента США Д. Трампа, сколько объективными изменениями, происходящими в мировом политическом процессе, приведшими к нарастанию взаимных противоречий между этими государствами.

Ключевые слова: Д. Трамп, либеральный интернационализм, консервативный национализм, американо-мексиканские отношения, американо-канадские отношения, ЮСМКА, латиноамериканская иммиграция.

Цитирование. Соков И. А. Доктринальные основы смены внешней политики США в период президентства Д. Трампа: Мексика и Канада // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 151–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.13>

Введение. Внешняя политика США независимо от того, какая политическая партия приводит своего кандидата в Белый дом, отличается преемственностью и консенсусом в вопросах взаимодействия с другими государствами. Президентство Д. Трампа в целом не следует этим тенденциям. Поэтому первые оценки внешней политики администрации нового американского президента в большей степени связывали с его характером и мировоззрением. Так, эксперты США за 11 месяцев работы Д. Трампа определили его как «самого транзакционного (в значении полностью незавершенного. – И. С.), импульсивного и непоследовательного человека, когда-либо проживавшего в Белом доме» [38, р. 84].

Профессор Джорджтаунского университета Пол. Д. Миллер в 2019 г. охарактеризовал «национализм Трампа как произвольный, опасный, несвязный и глупый» (цит. по: [29, р. 78]). Подобную оценку с различными интерпретациями можно встретить и в отечественных научных публикациях [1–4].

На наш взгляд, такой подход дает упрощенное представление как о новом президенте, так и о политическом процессе в США. Консервативный прагматизм во внешней политике Соединенных Штатов имеет историческую традицию, а его доктринальная основа обусловлена американской политической культурой. Наступившее время для США следует рассматривать как переходную стадию

от единоличной гегемонии в мире к перераспределению американского влияния между другими мировыми центрами силы. Нежелание уступки гегемонии выражается в поиске новых подходов, дающих возможность приостановить этот объективный процесс. Однако четыре года президентства Д. Трампа показали, что это тупиковый путь. Выбранный путь «сделать Америку снова великой» (Make America Great Again – MAGA) разобщил американское общество, перессорил с ближайшими партнерами по континенту (Канадой и Мексикой), ухудшил отношения с другими государствами.

Методы и материалы. Методология определения доктринальных основ внешней политики Д. Трампа предусматривает бихевиористский подход, который заключается в мультифакторном анализе выступлений американского президента, в анализе его индивидуального поведения с лидерами других стран, в рассмотрении его политики как части широкого культурного и ценностного контекста в политической культуре США. В качестве специального политического метода использовался метод политико-правового анализа, который позволил сопоставить формальный статус президента Д. Трампа с его реальным обладанием властью на посту президента, проанализировать правовые и политические компоненты его деятельности посредством содержательного контент-анализа принятых документов. Все это позволило ясно понять невозможность избрания Д. Трампа президентом на второй срок из-за его грубых просчетов во внешней политике, вызвавших рост недовольства в среде американской элиты, который выразился в беспрецедентном примере американской истории: Д. Трамп стал первым американским президентом, дважды подвергнутым процедуре импичмента.

Анализ. Доктринальные основы внешней политики США при президенте Д. Трампе не укладываются в какие-либо известные теоретические постулаты, которые были в американской истории. На протяжении всех четырех лет его президентства западные исследователи пытались примерить к нему прошлые теории: палеоконсерватизм [31, р. 54], консервативный национализм [24], прогрессивный консерватизм [12, р. 51], интернациона-

листский реализм [38, р. 84], популизм [11, р. 54] и даже корпоративизм [15, р. 7].

Американские «мозговые центры» за время президентства Д. Трампа не смогли охарактеризовать его политику как необходимую, и даже те представители, кто его поддерживал, не собирались стать его последователями [30, р. 35]. С другой стороны, ведущие американские эксперты потеряли «Великую стратегию», которая превозносила достоинства либерального международного порядка [21, р. 107]. Д. Трамп не придерживался господствовавшей консервативной ортодоксии, а прагматично воспользовался имевшимися проблемными вопросами в сфере торговли, иммиграции и внешней политики, которые и привели его в Белый дом.

В основу доктрины Д. Трампа вошли многочисленные принципы, на которые не все исследователи обращают внимание. Во-первых, это принцип исключительности, который на протяжении всей американской истории использовался в отношениях с другими странами. Во-вторых, это принцип односторонности. Он не только позволил Д. Трампу выйти из многосторонних соглашений, но и дал возможность устанавливать в одностороннем порядке свои правила при заключении новых соглашений. Президент Д. Трамп особенно широко применял этот принцип в сферах – торговли, иммиграции и внешней политики.

Многие американские эксперты ожидали, что доктрина Трампа наполнится принципом изоляционизма. Но этого не произошло. Наоборот, во внешней политике США широкое применение получил популизм, как некоторая замена либеральному интернационализму.

В своей доктрине президент Д. Трамп старался употребить принцип собственного примера. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2017 г., он сказал, что США не будут больше продвигать американскую либеральную демократию в другие страны, а станут «примером процветания, свободы, законности и правопорядка» [10].

Перечисленные принципы, вошедшие в доктрину Трампа, показывают, что 45-й американский президент не стремился полностью демонтировать либеральный международный порядок. Его главные внешнеполитические приоритеты состояли в защите американских

интересов, как он их понимал. Он полагал, что принятые предыдущими администрациями международные военные и торговые обязательства были непропорционально дорогостоящими для США и должны быть пересмотрены [7]. Он говорил, что самое важное отличие плана администрации от намерений политических противников состоит в том, чтобы поставить Америку на первое место: «Американизм, а не глобализм будет нашим кредо» [12, p. 51].

Кроме того, Д. Трамп соединил американскую внешнюю политику с внутренней политикой, связь между которыми была нарушена прежними администрациями. Начиная с событий 9/11, большая часть внешней политики обслуживала интересы американской элиты [7]. Война в Ираке – «это периферия американских национальных интересов» [23].

Непринятие доктрины Трампа американским истеблишментом исходит не из ее содержания, а от особенностей характера самого Д. Трампа и способов ее подачи. Из своего прошлого опыта агента по операциям с недвижимостью и застройщика огромных жилых башен он принес в президентскую практику ведение переговоров на заранее неприемлемых для партнеров условиях, впоследствии делая уступки, добиваясь в целом необходимого для него решения.

Изменения американского подхода в межгосударственных отношениях в XXI в. исследователями связываются с началом целого ряда развязанных США войн на Ближнем Востоке, повлекшими миграционные перемещения [28], мировым экономическим и финансовым кризисом 2007–2011 гг. [8, p. 537], ростом числа националистических и популистских политических партий во многих странах [18]. Действительно, все эти факторы [26] влияли на американскую внешнюю политику, но вряд ли они стали определяющими для смены внешнеполитического курса Америки во времена президента Д. Трампа. К началу президентства Д. Трампа стало ясно, что США не могут справляться с ролью лидера в поддержании мирового порядка и нести в том числе и бремя расходов на его сохранение. Поэтому не случайно первые претензии президента США к членам НАТО лежали в русле выравнивания совместного финансирова-

ния этого военного блока. При этом на условия ведения внешней политики США с партнерами, соперниками и противниками, как они сами их определили, стали действовать многочисленные факторы, придающие им специфический характер. Наиболее объяснимыми и простыми они были с партнерами, наиболее сложными – с соперниками и противниками. Нами для анализа выбраны отношения США с Мексикой и Канадой, потому что они первыми испытали на себе новые американские подходы во взаимоотношениях.

Необходимо также признать, что снижение влияния США в мировых процессах обострило борьбу политических взглядов внутри страны в вопросе поддержания ускользающей гегемонии на мировой арене. Либеральный интернационализм, который продвигала Демократическая партия США, предполагал сохранение мировой роли США через внедрение либеральных ценностей и институтов в развивающихся странах, что, по их мнению, могло позволить в конечном счете привести к глобальному либеральному управлению через наднациональные институты.

Непредвиденное, даже по американским оценкам, получение власти президентом Д. Трампом открыло другой путь, который исходил из необходимости укрепления мощи самих Соединенных Штатов под девизами «Сделаем Америку снова великой» (Make America Great Again – MAGA) и «Америка прежде всего» (America First). Новая политика США была оформлена доктриной Трампа.

Идеология доктрины сменила американские приоритеты. Согласно ей война в Ираке – это периферия американских национальных интересов (цит. по: [6, p. 86]). Еще в 2017 г. на конференции консервативных политических деятелей Д. Трамп сказал о том, что США, восстанавливая другие страны, одновременно ослабляют свою собственную страну. Только на Ближнем Востоке ими было потрачено 6 трлн долл. США [6, p. 92].

«Великая стратегия» (grand strategy) во внешней политике, которой придерживались все предыдущие американские правительства в XXI в., была не только затратная, но и создавала военные угрозы. По мнению американского эксперта С. Уэртейма, прошлые стратегии в лучшем случае имели ошибоч-

ные приоритеты, а в худшем – превратили США в деструктивного актора. Вместо того, чтобы способствовать мировому развитию, Вашингтон продолжал наращивать вооружение и развязывать бесплодные войны [37, р. 19].

Внешняя торговая политика, по мнению Д. Трампа, должна была создавать преимущества для США. Поэтому все прошлые договоренности и соглашения им были отклонены или пересмотрены для создания новых условий, выгодных для Америки. Так, 3 марта 2020 г. на встрече Национальной ассоциации округов (National Association of Counties) президент прямо сказал, что если Америка платит на два пункта больше, чем Германия, или платит больше, чем другие страны, она не должна это делать, потому что «...у нас есть доллар, у нас есть сила, у нас есть самая великая страна на земле» [18].

Начиная свой предвыборный марафон в 2016 г., Д. Трамп широко представил изменения, которые должны были коснуться основы экономических отношений североамериканских государств – соглашения НАФТА, заменой договором, дающим большие торговые преференции Соединенным Штатам в тех областях, где они проигрывали своим континентальным конкурентам [32].

Выступая 19 апреля 2016 г. в Мичигане, Д. Трамп говорил, что в 2014 г. компания «Дженерал Моторс» объявила о планах удвоить свои инвестиции в Мексику к 2018 г., а «Мексика станет автомобильной столицей мира очень быстро, Мичиган повсеместно останется с большим количеством пустых зданий, если Вы не выберете президентом Дональда Трампа» [17].

В течение ряда лет новый договор, названный соглашением ЮСМКА, согласовывался и изменялся представителями США, Канады и Мексики, а также специальными комиссиями Конгресса США, когда, наконец, 29 января 2020 г. был подписан Д. Трампом. Выступая в национальной ассоциации губернаторов штатов 10 февраля 2020 г., Д. Трамп отмечал, что трехлетний период подготовки соглашения ЮСМКА не прошел даром. За этот период страна получила 7 млн рабочих мест, уровень безработицы стал самым низким за последние 50 лет, и была зафиксиро-

вана самая низкая безработица среди afroамериканцев, латиноамериканцев и азиатских американцев [19].

Процесс подготовки соглашения ЮСМКА сопровождался различными угрозами и применением таможенных санкций со стороны США [24]. Окончательный вариант подписанного соглашения, по мысли президента Д. Трампа, мог показать значительный экономический эффект уже в 2020 году.

Соглашением ЮСМКА предполагалось с 1 июня 2020 г. соблюдать установленные правила (75 % запчастей для автомобилей должны быть произведены в странах Северной Америки и за 40 % запчастей должна быть выплачена заработная плата не менее 15 долл. США в час) [5]. Были включены и другие правила, которые выполнить в условиях пандемии оказалось сложно. Например, проследить цепочки поставок товаров, выверить складской учет в процессе производства при нахождении части сотрудников на карантине или по болезни от коронавируса. Наступившая и распространившаяся по территории стран Северной Америки пандемия спутала все экономические преференциальные ожидания для США. Более того, в США имеются исследования, результаты которых говорят о том, что введенные президентом Д. Трампом импортные пошлины за нарушение правил, установленных в соглашении ЮСМКА, фактически оплачиваются американским бизнесом. Отследить стоимостные цепочки создания конечной цены товара невозможно в силу того, что в современном автомобиле от 5 до 10 тыс. деталей и узлов. Производство и сборка каждого из них может происходить из десятков стран и (или) несколько раз пересекать границы стран Северной Америки, входящих в соглашение ЮСМКА.

Второе серьезное условие этого соглашения состоит в поддержании определенной заработной платы сборщиков автомобилей (не менее 15 долл. США в час), что также выполнить сложно. В условиях роботизации изготовления автомобиля, в общих затратах на их сборку, сумма оплаты сборщиков объективно снижается, но зато растет оплата инженеров, которые настраивают сборочных роботов. Влияние этого фактора особенно значительно на автосборочных заводах, распо-

ложенных в Канаде. И канадский, а не мексиканский автобизнес, как ожидалось, пострадал от этого правила больше всего.

Это касается не только производства автомобилей. Можно привести следующий пример. 6 августа 2020 г. президент Д. Трамп, выступая на фабрике по производству стиральных машин в г. Клайде, штат Огайо, сказал, что принял решение наложить 10 % штраф на канадские товары из алюминия, чтобы защитить американскую промышленность от роста импорта [19]. И это заявление прозвучало несмотря на то что президент отлично знал, что по соглашению ЮСМКА 10%-е тарифы относятся к сырому, чистому алюминию, произведенному на заводах, и не относятся к изделиям из алюминия. По словам Д. Трампа, канадские производители увеличили своей экспорт продукции из алюминия [34], что создавало угрозу применения штрафных санкций со стороны США. Поэтому на следующий день заместитель премьер-министра Канады Христя Фриланд (Chrystia Freeland) в своем заявлении отметила, что в ответ на американские тарифы Канада намеревается быстро наложить контрмеры: доллар за доллар. И это была не просто угроза, подобный прецедент уже был. Еще до подписания соглашения ЮСМКА в 2018 г., когда Д. Трамп начал тарифную войну с Канадой на 12,5 млрд долл. США, Канада ответила поднятием тарифов на 16,6 млрд канад. долл. на импорт многочисленных американских продовольственных товаров, начиная с виски Бурбон и заканчивая кетчупом Хайнц [34].

Выдвигаясь на партийном кокусе в Айове на второй срок, Д. Трамп сказал, что положительный эффект от соглашения ЮСМКА получил не только промышленный, но и сельскохозяйственный сектор [35].

Если по отношению к Канаде американское руководство оказывает в основном только экономическое давление, то по отношению к Мексике – проявляет и сильное политическое давление. Основанием для такого подхода было решение администрации президента Д. Трампа связать латиноамериканскую иммиграцию через мексиканскую границу с национальной безопасностью и фактически перекрыть поток беженцев из стран Центральной Америки.

В феврале 2019 г. Д. Трамп заявил в Конгрессе о необходимости дополнительного финансирования в строительстве пограничной стены. Когда Конгресс не выделил необходимых средств, президент начал строительство за счет бюджета Министерства обороны, заявив при этом, что администрация собирается противостоять кризису национальной безопасности на южной границе США и он будет преодолен в любом случае [38, р. 84]. За три года было построено 128 миль пограничной стены, но задача ставилась построить 500 миль за четыре года президентства. невыполнение планов строительства было связано с противодействием демократов, хотя на построенном участке не было зафиксировано ни одного незаконного перехода [18]. К тому же и американцы, и мексиканцы не желают иметь в своей жизни приграничные преступные картели [20].

Важной особенностью иммигрантской политики президента Д. Трампа в отношении латиноамериканцев (в том числе мексиканцев) являются новые подходы в их задержании на территории Соединенных Штатов. Негражданин США, обвиненный и задержанный в нарушении американского миграционного законодательства, может ожидать результата слушаний о депортации Иммиграционным судом несколько месяцев, фактически содержится в тюремных условиях. Иммигрантская система задержания представляет собой массовое задержание: почти 400 000 чел. были задержаны в 2018 г., и в среднем каждый день в течение года в местах задержания содержатся до 47 000 недокументированных мигрантов. Места заключения для иммигрантов фактически неотличимы от тюрем. Многие неграждане удерживаются на объектах, управляемых частными тюремными корпорациями, находятся в отдаленных местах, далеких от сообществ задержанных. Имеются значительные ограничения на доступ и контакт с членами семьи, а также существуют ограничения на посещения адвокатов. Эти объекты не имеют необходимых условий содержания для людей, статус которых суд еще не определил [27]. Различные информационные агентства и правозащитные организации на таких объектах зарегистрировали низкую доступность медицинских услуг, отсутствие

гигиены в ваннных комнатах и плохое качество еды, а также широкое применение одиночного заключения без судебной санкции. Более 130 конгрессменов-демократов поддерживали эти исследования, тогда как администрация президента посчитала их предвзятыми [22].

Особо следует сказать о политике «разделения семей», которая активно проводилась администрацией президента Д. Трампа в 2018 г., по которой разлучили более 2 800 детей-иммигрантов со своими родителями. В новостных американских программах и за рубежом транслировались изображения: дети, представляющие себя в суде; матери, ищущие своих потерявшихся детей; ряды детей, спящих на ковриках в складских помещениях, окруженных проволочными заграждениями; сотни тысяч людей, шефствующих по всей стране с надписями «Где дети?».

2 августа 2017 г. президент Д. Трамп обнародовал планы реформирования процесса иммиграции путем принятия нового закона о реформировании американской иммиграции для полной занятости (Reforming American Immigration for Strong Employment – RAISE), положения которого предполагали: сокращение выдачи грин-карт ежегодно на 50 %; отмену положения о воссоединении семей, содержащегося в историческом Законе об иммиграции 1965 г.; дополнительные требования на определенные навыки и образование, а также способности говорить по-английски. Понятно, что эти меры были направлены, прежде всего, против латиноамериканских иммигрантов [13], но они поддерживались белым большинством [16].

16 мая 2019 г. президент Д. Трамп обнародовал новую иммиграционную программу, основанную на привилегии (Merit-Based Immigration System), которую он скопировал с канадского иммиграционного законодательства. Суть данной системы заключается в том, что в случае принятия этого законодательства США будут выдавать грин-карты трудовым мигрантам: знающим английский язык, обладающим требуемыми трудовыми навыками и имеющим родственников на территории США, у которых они могли бы остановиться на первое время [25, р. 1]. Однако эти намерения президента не воплотились в

законе. Лидер меньшинства в Сенате Чарльз Шумер, демократ от Нью-Йорка (Charles Schumer, D-N.Y), сказал, что Д. Трамп не говорил с демократами о плане, и он сомневается, что демократы поддержат его. Сенатор Линдси Грэм, республиканец от Северной Каролины (Lindsey Graham, R-S.C.), также сказал, что предложение Трампа недостаточно разработано, чтобы стать законом, оно выдвинуто как собственное пожелание президента об иммиграционной реформе [36].

В 2020 г. коронавирус внес существенные изменения в иммиграционную политику правительства США. Временный запрет на въезд и посещение страны перерос в постоянное требование соблюдения особых санитарных правил, связанных с пандемией [14, р. А6]. Поток недокументированных латиноамериканцев через мексиканскую границу значительно снизился, как и резко снизилось число мексиканцев, приезжавших ранее на сезонные сельскохозяйственные и временные работы в США. К тому же прибывающие в США люди, не имея медицинской страховки, оказывались полностью незащищенными перед коронавирусом.

С пандемией отпала необходимость в продолжении строительства пограничной стены на границе с Мексикой, и как указывал Дональд Трамп, мексиканский президент Лопес Обрадор стал его лучшим другом и «желанным партнером» (cherished partner) [33, р. С7], так как «сегодня 27 000 мексиканских солдат на границе защищают нашу страну» [20].

Коронавирус, кроме того, обнажил теневую сторону доктрины Трампа: создание вновь великой Америки, прежде всего, для белых. «Белизна», по мнению нынешнего президента, определяла и определяет величие США. Не случайно в условиях социальной нестабильности и пандемии убийство афроамериканца Флойда подняло волну расовых протестов в большинстве городов Америки. Но если афроамериканцы считают себя полноправными гражданами США, добившимися этих прав в 1960–1970-е гг., то латиноамериканцы, половина из которых от общего количества в 11 млн чел. находятся на нелегальном положении, вынуждены терпеть унижения больше, чем афроамериканцы.

Во время пандемии коронавируса со 2 апреля 2020 г. администрация президента применила Закон об оборонном производстве (Defense Production Act), который использовался во время Корейской войны, позволяя реквизировать произведенные товары для снабжения вооруженных сил. По этому закону американские компании, производящие защитные маски для лица (респираторы), не могли их экспортировать в Канаду, ближайшему союзнику США [9, р. 38], хотя в 2019 г. США произвели средств индивидуальной защиты (personal protective equipment – PPE) на 1,2 млрд долл. США и получили по импорту на 6,0 млрд долл. США, что является достаточным объемом для всего населения страны. Отказ экспортировать маски в Канаду в период пандемии, как считает Эрик Бэм, говорит «о близорукости анти-торговой повестки Трампа» [9, р. 38]. Канада же еще раз убедилась в неискренности «добрососедских отношений» Соединенных Штатов. К этому можно привести и обратный пример из торговой политики США. В разгар пандемии в Соединенных Штатах ошибочно полагали, что гидроксихлорохин (средство от малярии) способно помочь в борьбе против коронавируса, и даже сам президент принимал его некоторое время. Но когда премьер-министр Индии Нарендра Моди уменьшил часть экспорта препарата из страны на 10 %, Д. Трамп «6 апреля 2020 г. объявил о возможном возмездии» в отношении Индии [9, р. 38]. Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что президент Д. Трамп решил возродить величие Америки за счет своих союзников и партнеров.

Результаты. Проведенное исследование позволило выявить доктринальные основы внешней политики администрации Д. Трампа и уточнить влияние принятых внешнеполитических установок на изменения межгосударственного взаимодействия США на международной арене:

1. Доктрина Д. Трампа не укладывается в известные теоретические постулаты, которые использовались в истории США либеральной и консервативной элитой, что «обескуражило» основные американские «мозговые центры». Они взяли «паузу» для объяснения феномена Трампа и его политики.

2. Идеологической основой внешней политики администрации США явился американский прагматический консерватизм, который стал выражаться в предвыборных лозунгах: «Сделаем Америку снова великой» и «Америка прежде всего».

3. Разворот американской внешней политики от либерального интернационализма к прагматичному консерватизму был обусловлен объективными условиями мирового политического процесса во втором десятилетии XXI в., когда США стали терять свое влияние гегемона.

4. Инструментами внешней политики, основанной на прагматичном консерватизме, стали свойственные ему угрозы и давления в экономических и политических вопросах. В экономической сфере это: замена в торговых соглашениях уже наработанных условий свободной торговли с заменой и использованием для себя преференций; включение в торговые договоры вопросов политического характера, ущемляющих определенным образом национальный суверенитет; связывание торговых партнеров условиями, ограничивающими им возможность для заключения соглашений с другими странами; навязывание своих товаров и услуг в контексте мнимой угрозы национальной безопасности.

5. Сила давления в политической, экономической и культурной сферах на своих союзников, соперников и противников во времена президента Д. Трампа стала беспрецедентной и порой неразличимой по отношению к этим группам стран.

6. Приведенные сюжеты взаимоотношений США с Мексикой и Канадой показывают, что эти страны стали экспериментальной площадкой для отработки администрацией президента Д. Трампа внешнеэкономических и внешнеполитических действий с другими странами.

7. Использование указанной внешней политики дало реальный и положительный эффект для экономики США в краткосрочной перспективе, несмотря на противодействие внутри страны (со стороны либеральной элиты) и на международной арене (как со стороны союзников, так и противников). В свою очередь, можно ожидать снижения эффективности от такой политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-014-00040, а также в рамках деятельности центра Волгоградского государственного университета «Американа».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00040, and as part of the activities of the center for American studies “Americana” of Volgograd State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братерский, А. В. «Мозговые центры» при президентстве Дональда Трампа / А. В. Братерский // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 6. – С. 92–108. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300009772-9>.
2. Лебедева, Л. Ф. Внешнеторговая политика Д. Трампа: риски и вызовы на уровне штатов / Л. Ф. Лебедева // МЭиМО. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 43–48. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-43-48>.
3. Лексютина, Я. В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга / Я. В. Лексютина // МЭиМО. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 85–93. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93>.
4. Супян, В. Б. Экономическая модель Д. Трампа: итоги и перспективы / В. Б. Супян // МЭиМО. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 34–42. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42>.
5. Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (date of access: 28.10.2020). – Title from screen.
6. Antle III, W. J. The Foreign Policy We Need: A Primer on Realism and Restraint for Conservatives by a Conservative / W. J. Antle III // The American Conservative. – 2020. – Vol. 19, iss. 4. – P. 86+.
7. Anton, M. An insider explains the president’s foreign policy. April 20, 2019 // Foreign Policy magazine. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2019/04/20/the-trump-doctrine-> (date of access: 29.10.2020). – Title from screen.
8. Bieber, F. Formerly Global Review of Ethnopolitics / F. Bieber // Journal Ethnopolitics. – 2018. – Vol. 17, iss. 5. – P. 519–540. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17449057.2018.1532633> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
9. Boehm, E. Trump’s Trade War Made the Pandemic Worse, and Nationalism Will Slow the Recovery: Protectionism Is Now Infecting the GOP to a Degree That May Be Difficult to Eradicate When the Trump Era Ends / E. Boehm // Reason. – 2020. – Vol. 52, iss. 4. – P. 38+.
10. Borger, J. A blunt, fearful rant: Trump’s UN speech left presidential norms in the dust, 2017 // The Guardian. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-un-speech-analysis-north-korea> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
11. Buckley, F. H. Populism and Pluralism / F. H. Buckley // The American Conservative. – 2020. – Vol. 19, iss. 2. – P. 54.
12. Buckley, F. H. Progressive Conservatism: It’s the Sweet Spot That Led to Trump’s Victory / F. H. Buckley // The American Conservative. – 2016. – Vol. 19, iss. 4. – P. 51.
13. Burleigh, N. How Donald Trump Played the (White) Race Card and Reshaped the Democratic Party; the President Changed the Way We Talk about Race. Now 2020 Is a Referendum on Diversity / N. Burleigh // Newsweek. – 2019. – Vol. 172, iss. 8. – P. 68 p.
14. Colvin, J. President Suspends Issuance of Green Cards / J. Colvin, E. Spagat, B. Fox // Telegraph – Herald (Dubuque). – 2020. – P. A6.
15. ‘Corporatism’ Has Taken over Capitalism. Contributors: Not available. – Daily Herald (Arlington Heights, IL). – 2020. – April 27. – P. 7.
16. Cox, D. Beyond economics: Fears of cultural displacement pushed the white working class to Trump, PRRI/The Atlantic Report, May 9, 2017 / D. Cox, R. Lienesch, R. P. Jones. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.prrri.org/research/white-working-class-attitudes-economy-trade-immigration-election-donald-trump/> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
17. Donald Trump Michigan Speech Transcript: Asks Black Voters ‘What Do You Have to Lose?’ Apr. 19, 2016. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-michigan-speech-transcript-asks-black-voters-what-do-you-have-to-lose> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
18. Donald Trump National Association of Counties Speech Transcript March 3, 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-national-association-of-counties-speech-transcript> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
19. Donald Trump National Governors Association Speech Transcript February 10, 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-national-governors-association-speech-transcript> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.

20. Donald Trump New Mexico Rally Transcript: Full Speech Transcript Sep. 17, 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-new-mexico-rally-transcript-full-speech-transcript> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
21. Donald Trump Speech Transcript at Greenville, North Carolina Rally ‘MAGA’ Event Jul 17, 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-maga-event-speech-transcript-north-carolina-rally> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
22. Drezner, D. W. The End of Grand Strategy / D. W. Drezner, R. R. Krebs, R. Schweller // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 99, iss. 3. – P. 107+.
23. Dueck, C. Age of Iron: On Conservative Nationalism / C. Dueck. – N. Y. : Oxford University Press, 2019. – 228 p.
24. Dueck, C. The Trump Doctrine: Pressuring adversaries and allies alike / C. Dueck. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.aei.org/articles/the-trump-doctrine-pressuring-adversaries-and-allies-alike/> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
25. Gelatt, J. Should the U.S. Adopt a Merit-Based Immigration System / J. Gelatt, J. L. Neufeld // HR Magazine. – 2020. – P. 1.
26. Judis, J. The Nationalist Revival: Trade, Immigration, and the Revolt against Globalization. Columbia Global Reports / J. Judis. – N. Y. : Columbia University, 2018. – 157 p.
27. Kim, C. Y. Presidential Ideology and Immigrant Detention / C. Y. Kim, A. Semet // Duke Law Journal. – 2020. – Vol. 69, iss. 8. – P. 1855–1903.
28. Major episodes of political violence and conflict regions, 1946–2015. Centre for Systemic Peace. 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
29. Merry, R. W. Why Elites Abandoned Nationalism: Progressive Liberalism Means Globalism, Universalism, and American Exceptionalism / R. W. Merry // The American Conservative. – 2020. – Vol. 19, iss. 4. – P. 78+.
30. Never Trump: The Revolt of the Conservative Elites / by R. P. Saldin and S. M. Teles. – N. Y. : Oxford University Press, 2020. – 304 p.
31. Peterson, M. J. America Needs a Re-Founding: We May No Longer Be Called Conservatives If We Rise to the Occasion / M. J. Peterson // The American Conservative. – 2020. – Vol. 19, iss. 4. – P. 54+.
32. Read Donald Trump’s Speech on Trade. Donald Trump speaks during a campaign stop at Alumisource, a metals recycling facility in Monessen, PA, June 28, 2016. – Electronic text data. – Mode of access: <https://time.com/4386335/donald-trump-trade-speech-transcript/> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
33. Riechmann, D. Trump Forgoes Insults of Past, Calls Mexico Cherished Friend / D. Riechmann, J. Colvin // Telegraph – Herald (Dubuque). – 2020. – P. C7.
34. Roberts, J. US President Donald Trump speaks at a Whirlpool Corporation washing machine factory in Clyde, Ohio, US on August 6, 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.france24.com/en/20200807-trump-reimposes-tariffs-on-raw-canadian-aluminum-ottawa-vows-retaliation> (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
35. Shanahan, J. President Trump champions USMCA trade deal in RNC speech August 27, 2020 The Daily Iowan / J. Shanahan, C. McCullough. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dailyiowan.com/2020/08/27/president-trump-champions-usmca-trade-deal-in-rnc-speech/> (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.
36. Trump prepares to unveil broad immigration plan but shows no signs. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-prepares-to-unveil-broad-immigration-plan-but-shows-no-signs-of-tempering-hard-line-rhetoric/2019/05/15/83f81f78-7720-11e9-b3f5-5673edf2d127_story.html (date of access: 20.10.2020). – Title from screen.
37. Wertheim, S. The Price of Primacy: Why America Shouldn’t Dominate the World / S. Wertheim // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 99, iss. 2. – P. 19–29.
38. Zakheim, Dov S. Trump Doctrine / Dov S. Zakheim // The National Interest. – 2020. – Iss. 166. – P. 84+.

REFERENCES

1. Braterskii A.V. «Mozgovye tsentry» pri prezidentstve Donalda Trampa [Think Tanks During Donald Trump’s Presidency]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture], 2020, no. 6, pp. 92–108. DOI: doi.org/10.31857/S268667300009772-9.
2. Lebedeva L.F. Vneshnetorgovaia politika D. Trampa: riski i vyzovy na urovne shtatov [Foreign Trade Policy Under D. Trump: Risks and Challenges at the State Level]. *MEiMO* [World Economy and International Relations], 2020, vol. 64, no. 7, pp. 43–48. DOI: doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-43-48.
3. Leksutiina Ia.V. Amerikano-kitaiskie otnosheniia v 2018–2019 gg.: torgovaia voina i protsess dekaplinga [U.S.-China Relations in 2018–2019: Trade War and the Process of Decoupling]. *MEiMO* [World Economy and International Relations], 2020, vol. 64, no. 6, pp. 85–93. DOI: doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.
4. Supian V.B. Ekonomicheskaiia model D. Trampa: itogi i perspektivy [D. Trump’s Economic

Model: Results and Prospects]. *MEiMO* [World Economy and International Relations], 2020, vol. 64, no. 7, pp. 34-42. DOI: doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42.

5. *Agreement Between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20*. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (accessed 28 October 2020).

6. Antle III W.J. The Foreign Policy We Need: A Primer on Realism and Restraint for Conservatives by a Conservative. *The American Conservative*, 2020, vol. 19, iss. 4, p. 86+.

7. Anton M. An Insider Explains the President's Foreign Policy. April 20, 2019. *Foreign Policy Magazine*. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/04/20/the-trump-doctrine-> (accessed 29 October 2020).

8. Bieber F. Formerly Global Review of Ethnopolitics. *Journal Ethnopolitics*, 2018, vol. 17, iss. 5, pp. 519-540. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17449057.2018.1532633> (accessed 20 October 2020).

9. Boehm E. Trump's Trade War Made the Pandemic Worse, and Nationalism Will Slow the Recovery: Protectionism is Now Infecting the GOP to a Degree That May Be Difficult to Eradicate When the Trump Era Ends. *Reason*, 2020, vol. 52, iss. 4, p. 38+.

10. Borger J. A Blunt, Fearful Rant: Trump's UN Speech Left Presidential Norms in the Dust, 2017. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-un-speech-analysis-north-korea> (accessed 20 October 2020).

11. Buckley F.H. Populism and Pluralism. *The American Conservative*, 2020, vol. 19, iss. 2, p. 54.

12. Buckley F.H. Progressive Conservatism: It's the Sweet Spot That Led to Trump's Victory. *The American Conservative*, 2016, vol. 19, iss. 4, p. 51.

13. Burleigh N. How Donald Trump Played the (White) Race Card and Reshaped the Democratic Party; The President Changed the Way We Talk About Race. Now 2020 is a Referendum on Diversity. *Newsweek*. 2019, vol. 172, iss. 8. 68 p.

14. Colvin J., Spagat E., Fox B. President Suspends Issuance of Green Cards. *Telegraph – Herald (Dubuque)*, 2020, p. A6.

15. 'Corporatism' Has Taken Over Capitalism. Contributors: Not available. *Daily Herald (Arlington Heights, IL)*, 2020, April 27, p. 7.

16. Cox D., Lienesch R., Jones R.P. *Beyond Economics: Fears of Cultural Displacement Pushed the White Working Class to Trump*, PRRI/The Atlantic Report, May 9, 2017. URL: <https://www.prrri.org/research/white-working-class-attitudes-economy-trade-immigration-election-donald-trump> (accessed 20 October 2020).

17. *Donald Trump Michigan Speech Transcript: Asks Black Voters 'What Do You Have to Lose?' Apr. 19, 2016*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-michigan-speech-transcript-asks-black-voters-what-do-you-have-to-lose> (accessed 20 March 2021).

18. *Donald Trump National Association of Counties Speech Transcript March 3, 2020*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-national-association-of-counties-speech-transcript> (accessed 20 March 2021).

19. *Donald Trump National Governors Association Speech Transcript February 10, 2020*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-national-governors-association-speech-transcript> (accessed 20 March 2021).

20. *Donald Trump New Mexico Rally Transcript: Full Speech Transcript Sep. 17, 2019*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-new-mexico-rally-transcript-full-speech-transcript> (accessed 20 March 2021).

21. *Donald Trump Speech Transcript at Greenville, North Carolina Rally 'MAGA' Event Jul. 17, 2019*. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-maga-event-speech-transcript-north-carolina-rally> (accessed 20 March 2021).

22. Drezner D.W., Krebs R.R., Schweller R. The End of Grand Strategy. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 99, iss. 3, p. 107+.

23. Dueck C. *Age of Iron: On Conservative Nationalism*. New York, Oxford University Press, 2019. 228 p.

24. Dueck C. *The Trump Doctrine: Pressuring Adversaries and Allies Alike*. URL: <https://www.aei.org/articles/the-trump-doctrine-pressuring-adversaries-and-allies-alike> (accessed 20 October 2020).

25. Gelatt J., Neufeld J.L. Should the U.S. Adopt a Merit-Based Immigration System. *HR Magazine*, 2020, p. 1.

26. Judis J. *The Nationalist Revival: Trade, Immigration, and the Revolt Against Globalization*. *Columbia Global Reports*. New York, Columbia University, 2018. 157 p.

27. Kim C.Y., Semet, A. Presidential Ideology and Immigrant Detention. *Duke Law Journal*, 2020, vol. 69, iss. 8, pp. 1855-1903.

28. *Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946–2015*. *Centre for Systemic Peace*. 2015. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (accessed 20 October 2020).

29. Merry R.W. Why Elites Abandoned Nationalism: Progressive Liberalism Means Globalism, Universalism, and American Exceptionalism. *The American Conservative*, 2020, vol. 19, iss. 4, p. 78+.

30. Saldin R.P., Teles S. M. *Never Trump: The Revolt of the Conservative Elites*. New York, Oxford University Press, 2020. 304 p.

31. Peterson M.J. America Needs a Re-Founding: We May No Longer Be Called Conservatives If We Rise to the Occasion. *The American Conservative*, 2020, vol. 19, iss. 4, p. 54+.

32. *Read Donald Trump's Speech on Trade. Donald Trump Speaks During a Campaign Stop at Alumisource, a Metals Recycling Facility in Monessen, PA, June 28, 2016*. URL: <https://time.com/4386335/donald-trump-trade-speech-transcript> (accessed 20 March 2021).

33. Riechmann D., Colvin J. Trump Forgoes Insults of Past, Calls Mexico Cherished Friend. *Telegraph – Herald (Dubuque)*, 2020, p. C7.

34. Roberts J. *US President Donald Trump Speaks at a Whirlpool Corporation Washing Machine Factory in Clyde, Ohio, US on August 6, 2020*. URL: [https://www.france24.com/en/20200807-](https://www.france24.com/en/20200807-trump-reimposes-tariffs-on-raw-canadian-aluminum-ottawa-vows-retaliation)

[trump-reimposes-tariffs-on-raw-canadian-aluminum-ottawa-vows-retaliation](https://www.france24.com/en/20200807-trump-reimposes-tariffs-on-raw-canadian-aluminum-ottawa-vows-retaliation) (accessed 20 October 2020).

35. Shanahan J., McCullough C. *President Trump Champions USMCA Trade Deal in RNC Speech August 27, 2020* *The Daily Iowan*. URL: <https://dailyiowan.com/2020/08/27/president-trump-champions-usmca-trade-deal-in-rnc-speech> (accessed 20 March 2021).

36. *Trump Prepares to Unveil Broad Immigration Plan but Shows no Signs*. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-prepares-to-unveil-broad-immigration-plan-but-shows-no-signs-of-tempering-hard-line-rhetoric/2019/05/15/83f81f78-7720-11e9-b3f5-5673edf2d127_story.html (accessed 20 October 2020).

37. Wertheim S. The Price of Primacy: Why America Shouldn't Dominate the World. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 99, iss. 2, pp. 19-29.

38. Zakheim Dov S. Trump Doctrine. *The National Interest*, 2020, iss. 166, p. 84+.

Information About the Author

Пья А. Соков, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.14>

UDC 327
LBC 66.4(4/8)

Submitted: 30.10.2020
Accepted: 19.06.2021

CHINA'S AND RUSSIA'S GROWING FOOTPRINT IN LATIN AMERICA AS A CHALLENGE TO AMERICAN INTERESTS¹

Andrey S. Yevseenko

Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Trump administration defined China and Russia as a “revisionist powers”, which challenge to American power, influence and interests. Such a perception affected the U.S. policy in Latin America. Major alarmist sentiments come from the U.S. military, which regularly notes the growth of foreign presence in the region. *Methods and materials.* The author conducted a critical analysis of Chinese and Russian footprint aspects in Latin America, which cause U.S. establishment concerns. Information was gathered from doctrinal documents, economic statistics and indicators of arms exports. *Analysis.* President Trump administration hasn't created a credible barrier against the rise of foreign influence in this region. The causes lie in the specifics of the current U.S. foreign policy, which lacks positive incentives and representativeness. As a result, foreign influence is constrained by three main factors. First, the investment climate in Latin America continues to deteriorate. Second, most governments of the Latin American countries don't intend to spoil relations with the United States. Thirdly, today there are no alternatives to the United States in the military-strategic aspect. *Results.* Washington involuntarily promotes expanding and strengthening of other world powers' footprint in Latin America. It happens not just because of Trump administrations' protectionism and its skepticism about multilateral formats. Latin American continue to be considered in the context of Monroe Doctrine. American establishment doesn't seek to invest its political capital in expanding the U.S. influence in the region. That's why a high level of representativeness in promoting initiatives and new formats of cooperation has become an advantage of foreign actors.

Key words: Latin America, USA, China, Russia, investments, military presence, diplomatic ties.

Citation. Yevseenko A.S. China's and Russia's Growing Footprint in Latin America As a Challenge to American Interests. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 163-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.14>

УДК 327
ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 30.10.2020
Дата принятия статьи: 19.06.2021

РАСШИРЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ КНР И РФ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ КАК ВЫЗОВ АМЕРИКАНСКИМ ИНТЕРЕСАМ¹

Андрей Сергеевич Евсеенко

Институт США и Канады РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Администрация Д. Трампа обозначила Китай и Россию «ревизионистскими державами», бросающими вызов американской мощи, влиянию и интересам. Это восприятие отразилось и на латиноамериканской политике США. Однако создать надежный барьер на пути роста иностранного влияния в данном регионе администрации Д. Трампа не удалось. Причины лежат в характерных чертах современной внешней политики США. Ей не достает положительных стимулов и представительности. Вашингтон непроизвольно способствует расширению и укреплению влияния других мировых держав в Латинской Америке. Проблема лежит не только в протекционистской политике администрации Д. Трампа, ее скептическом отношении к международным форматам сотрудничества. Американский истеблишмент продолжает воспринимать Латинскую Америку через призму «доктрины Монро», не стремится использовать свой политический капитал для расширения влияния США в регионе.

Ключевые слова: Латинская Америка, США, Китай, Россия, инвестиции, военное присутствие, дипломатические связи.

Цитирование. Евсеенко А. С. Расширение присутствия КНР и РФ в Латинской Америке как вызов американским интересам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 163–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.14>

Введение. Политика администрации Д. Трампа в Латинской Америке имела несколько измерений. Прежде всего, регион был определен как источник одной из ключевых проблем американской внутренней политики – притока нелегальных эмигрантов [40]. Избранный администрацией курс отличался противоречивостью. Рассчитывая на снижение притока мигрантов, Вашингтон принимал меры, которые только усиливали социальную напряженность в странах Латинской Америки. Объемы иностранной помощи для региона были сокращены, а денежные переводы мигрантов планировалось обложить налоговыми сборами. Не менее противоречивыми стали соглашения США со странами «Северного треугольника», также находящимися в перманентном экономическом кризисе. Они стали пунктом приема мигрантов, стремящихся попасть на территорию Соединенных Штатов [31].

Еще одним аспектом американской политики на данном направлении стала ревизия торговых отношений. К этому вопросу администрация подошла с позиций антиглобализма, протекционизма и меркантилизма. В результате было принято решение о выходе Соединенных Штатов из Транстихоокеанского партнерства, что сорвало расширение американских торговых связей с Перу, Чили и Мексикой. Экономика последней отдельно пострадала в результате заключения нового соглашения «США – Мексика – Канада» (United States – Mexico – Canada Agreement, USMCA) [5].

Наконец, регион был определен в Стратегии национальной безопасности США (National Security Strategy of the United States of America) как сфера соперничества Соединенных Штатов с Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией [40]. Подобный подход контрастирует с политикой двух предыдущих американских администраций, находившихся у власти в XXI веке. В Стратегии национальной безопасности США 2006 г. Китай и Россия рассматривались через призму сотрудничества и общнос-

ти интересов. КНР уже именовалась как «глобальный игрок» [23]. К РФ подобный термин не применялся, однако отмечалось ее влияние за пределами постсоветского пространства. Акцент ставился на борьбе с терроризмом, продвижении свободы и лидерстве США в мировом демократическом сообществе. Основными противниками, помимо террористических организаций, рассматривались «тирании», к которым ни Китай, ни Россия не относились. Таковыми были определены некоторые политические режимы Латинской Америки, лидеры которых названы «тиранами и их последователями». При этом в документе не отмечалось деструктивное влияние иностранных государств в данном регионе.

Несколько иная картина наблюдалась в Стратегии национальной безопасности США 2015 года. В документе вновь не упоминалось о деструктивном влиянии иностранных государств в Латинской Америке. Проблемы региона теперь связывались с низким качеством государственного управления и деятельностью криминальных структур. В целом документ акцентировал внимание на угрозах негосударственного характера, таких как изменение климата, эпидемия Эболы и международный терроризм. Китай рассматривался через призму сотрудничества в противостоянии глобальным вызовам. Озабоченность вызывали его военная модернизация и методы урегулирования территориальных споров в Азии. Внешняя политика России рассматривалась в контексте «агрессии», регулярно упоминаемой в документе. Однако эта «агрессия» фигурировала как проблема в контексте европейской политики США и не рассматривалась как глобальный вызов. Также не отрицалось сотрудничество с РФ «в сферах общих интересов» [22].

Стратегия национальной безопасности 2017 г. существенно пересматривала отношения США с Китаем и Россией на уровне доктринальных документов американской внешней политики. КНР и РФ теперь позиционировались как «ревизионистские державы» («the revisionist powers»). Они «бросают вызов аме-

риканской мощи, влиянию и интересам», подрывая, тем самым, безопасность и процветание Америки. Поэтому их политика определялась как вызов первого порядка. Противостояние КНР и РФ распространилось и на Латинскую Америку. Его содержание и итоги необходимо рассмотреть через призму не только последствий для региона, но и перспектив латиноамериканской политики Вашингтона после завершения президентской избирательной кампании 2020 года.

Методы и материалы. В исследовании проводится критический анализ экономического и военного аспектов китайского и российского присутствия в Латинской Америке как вызывающих наибольшее опасение у администрации Д. Трампа. Автор обращается к доктринальным документам, экономической статистике и показателям экспорта вооружений. Эти данные позволяют выявить масштабы и потенциал влияния ключевых военно-стратегических соперников США в Латинской Америке. Автор обращается к методу дискурс-анализа для выделения тех аспектов их деятельности, которые нашли отражение в дискурсе представителей администрации Д. Трампа и военного истеблишмента в 2017–2020 годы. Данная проблематика находится в сфере интересов отечественных латиноамериканистов. Последствия формирования полицентричного миропорядка для стран Латинской Америки, содержание их отношений с главными центрами силы современного мира изучались в работах В.Л. Хейфеца. Основные направления китайской и российской политики в Латинской Америке, последствия их конкуренции с США в регионе рассматривались в работах П.П. Яковлева. Проблемы соперничества мировых держав в Латинской Америке и причины потери США доминирующих позиций в регионе обозначены В.П. Сударевым. Экономические аспекты американо-китайского соперничества в Латинской Америке изучались Я.В. Лексютинной. Проблема экономического сотрудничества РФ со странами Латинской Америки в условиях санкционного давления США на Россию и пути укрепления торгово-экономических связей России со странами континента рассматривались в трудах В.М. Давыдова и В.М. Тайар. Основные аспекты латиноамериканской политики

США в сфере безопасности и ее значение для региональной стабильности исследованы А.А. Манухиным.

Китайское присутствие в Латинской Америке: избыточный алармизм американского истеблишмента

Администрация Д. Трампа в Стратегии национальной безопасности определила КНР как основного военно-стратегического соперника США. Касательно Латинской Америки, озабоченность у администрации вызывали китайские инвестиции в региональную экономику, а также займы местным правительствам. Подобный инструментальный рассматривался как способ закрепить местные страны в китайской сфере влияния. Еще одним вызовом для США были определены военно-технический и военно-дипломатический аспекты внешней политики Китая. В качестве ответных мер администрация Трампа предлагала углубление торговых связей и сотрудничество в сфере безопасности. Первое предполагало модернизацию торговых соглашений в сторону большей транспарентности и смещения торгового баланса в пользу США. Второе – помощь в подготовке местных сил правопорядка и преследовании местного криминалитета и коррумпированных политиков [40].

Следует заметить, что в предыдущие 20 лет нарастающее китайское присутствие в Латинской Америке не рассматривалось Белым домом в столь негативном ключе [31]. Администрации Дж.У. Буша и Б. Обамы воспринимали потоки китайских займов и инфраструктурные проекты с участием китайских компаний как способ поддержания местных экономик [25]. Единственным условием руководства США в тот период была транспарентность политики КНР на данном направлении. Ее принципы регулярно обсуждались в ходе двусторонних консультаций, начиная с весны 2006 года. В частности, администрацию Буша волновало содержание китайско-венесуэльских отношений, в то время как Пекин интересовался американской позицией относительно транзита власти на Кубе. Подобная форма диалога устраивала обе стороны. США получали возможность избегать ложных тракто-

вок китайских намерений в регионе [25]. КНР, со своей стороны, могла развеять возникавшие опасения американского истеблишмента. Со стороны последнего уже тогда высказывалось беспокойство относительно китайского присутствия в Латинской Америке. Те же подозрения можно было услышать от администрации Д. Трампа. Среди них – усиление региональных противников США (Венесуэлы и Кубы), риски для американской интеллектуальной собственности в экономическом сотрудничестве латиноамериканских стран с КНР, угроза американским позициям в регионе через военно-политическое и военно-техническое сотрудничество Китая с местными акторами [29].

В отличие от середины 2000-х гг., на сегодняшний день главными «алармистами» расширения китайского присутствия в Латинской Америке являются не американские сенаторы и конгрессмены, а военные в лице Южного командования вооруженных сил США (US Southern Command, Southcom). Они рассматривают китайские займы и инфраструктурные проекты как возможность не только расширить и упрочить свое военное присутствие в данном регионе, но и изменить расстановку сил в глобальном масштабе [35]. Ключевые опасения связаны с китайскими вложениями в портовую инфраструктуру, в особенности – участие в реконструкции Панамского канала. Дополнительно осложняют обстановку для американских военных IT-проекты корпорации «Хуавей» и наземная космическая инфраструктура Китая в регионе. Проблема, с позиции Южного командования ВС США, приобретает долгосрочный характер, поскольку КНР расширяет и углубляет сотрудничество с местными властями в военной сфере [20].

Однако данные опасения призваны скорее обосновать присутствие вооруженных сил США в регионе. Высказываемые военными подозрения относительно китайских намерений не выливаются в рост финансирования на сдерживание КНР. Наоборот, относительно скромный бюджет Южного командования ВС США в последние годы сокращался: с 214 млн долл. в 2016 г. до 209 млн долл. в 2020 году [24]. Бюджетный запрос на 2021 финансовый год для Южного командования ог-

раничился 197 млн долларов [10]. У подобного отношения есть основания. Во-первых, региональные акторы (за исключением Венесуэлы и Кубы) не совершали демаршей в отношении США и не рассматривали КНР как противовес американскому военному присутствию. Во-вторых, некоторые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Сальвадор) в период администрации Д. Трампа укрепили сотрудничество с Соединенными Штатами в сфере военной кооперации и борьбы с организованной преступностью.

Следует заметить, что и руководство КНР не нацелено на конфронтацию с США в целом и в данном регионе в частности. Официальный Пекин неоднократно декларировал необходимость ревизии существующего миропорядка. Однако он нацелен скорее на уравновешивание влияния развитых стран с одной стороны и развивающихся с другой. Китай видит себя лидером второй группы стран [34]. Причем это лидерство основано на признании экономических и технологических успехов Пекина последних лет. Способом его поддержания служат многосторонние взаимовыгодные связи, рисковать которыми партнеры не решатся. В этом есть элемент частичной ревизии существующей системы международных отношений, отход от ее «западоцентричности» и механизмов принуждения. При этом речь не идет о тотальном контроле над правительствами других стран или мировой гегемонии.

Безусловно, взгляды китайского руководства на мировой порядок будут корректироваться в соответствии с изменением возможностей самого Китая, а также новыми глобальными вызовами. Тем не менее, развитие отношений КНР с латиноамериканскими государствами стоит рассматривать как способ уравновесить односторонние действия Вашингтона и возможность заручиться дипломатической поддержкой в международных организациях [12]. Особенность государств Латинской Америки в том, что географически они расположены от КНР дальше, чем страны Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Восточной Африки. Поэтому маловероятно, что КНР начнет наращивать свои возможности проецирования силы в данном регионе.

Приоритетом Китая на латиноамериканском направлении останется экономическая сфера, а не безопасность и военно-техническое сотрудничество. Последние два аспекта китайцам будет крайне трудно здесь развивать. Во-первых, подавляющее большинство местных государств нацелены на сотрудничество с США. Во-вторых, не многие из них располагают средствами для закупки современной военной техники. В результате на Латинскую Америку приходится менее 5 % китайского экспорта вооружений. Подавляющее большинство этих поставок (86 %) направлено в Венесуэлу [36].

В целом военная политика Китая в латиноамериканском регионе отличается осторожностью. Пекин не вступает в военные союзы, не организует здесь военных баз и не проводит военных учений. Официальное сотрудничество между китайскими вооруженными силами и военными ведомствами латиноамериканских государств неоднородно и подвержено влиянию политической конъюнктуры. Для защиты своих экономических активов Китай, с высокой долей вероятности, будет расширять не военные связи, а взаимодействие с местными правоохранительными структурами. Деятельность же китайских частных военных компаний в регионе значительно уступает их присутствию в Азии и Африке. В том числе потому, что китайские коммерческие структуры пользуются услугами местных охранных компаний [13].

При этом экономическое присутствие Китая в Латинской Америке несоизмеримо выше, чем военное. Товарооборот между КНР и странами региона вырос с 17 млрд долл. в 2002 г. до 315 млрд долл. в 2019 году [31]. 19 государств Латинской Америки участвуют в инициативе «Один пояс, один путь», три из них (Чили, Перу и Коста-Рика) имеют с Китаем двустороннее соглашение о свободной торговле. Объем китайских прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в регион тоже неуклонно рос. В 2004–2017 гг. он увеличился с 2 до 25 млрд долларов [38]. Эти вложения вызывали озабоченность у администрации Д. Трампа. В китайских инвестициях они видели риск ухудшения положения государств [27].

Более категоричные оценки высказывались относительно китайских займов. Мест-

ные власти часто оказывались не в состоянии обслуживать свои долговые обязательства перед китайскими кредиторами. В результате управление объектами, на строительство которых выделялись эти средства, переходило к китайским государственным корпорациям в рамках реструктуризации долгов. Администрация Трампа рассмотрела в этом стратегию КНР по выстраиванию «кредитных ловушек» и закабалению региона [28]. С этой точки зрения Китай не только получает широкий доступ к ресурсам той или иной страны. Эквадор, к примеру, реструктурирует долговые обязательства перед Пекином и претендует на новые займы в обмен на поставки нефти [15]. Опасения также связаны с военно-стратегической сферой. В дискурсе американской элиты «кредитные ловушки» способны вынудить местные правительства к открытию доступа китайским ВМС в латиноамериканские порты.

Однако здесь скорее имеют место быть просчеты при определении долговых рисков. Китай, в отличие от США и МВФ, не пытался изменить правила ведения бизнеса или местные принципы кредитно-денежной политики. Он пытался лишь адаптировать свои интересы под существующие условия латиноамериканских экономик. При этом Китай обладал определенными конкурентными преимуществами перед американскими и европейскими кредиторами. Они заключались в отсутствии требований к транспарентности осуществляемых сделок, экологичности производства и охране труда. Ожидалось, что предоставленные займы простимулируют экономический рост в регионе, который поспособствует возвращению вложенных средств. Однако местные экономики оставались ресурсо-ориентированными, а значит – высоко уязвимыми перед конъюнктурой рынка. Большая доля в них государственного сектора превращала любой экономический кризис в политический. В результате единственным способом рассчитаться по долгам в таких условиях оставались поставки ресурсов. Данные обстоятельства не позволяют рассматривать китайский опыт предоставления займов Венесуэле и Эквадору как удачный.

Тем более, что Пекин пересмотрел принципы кредитования латиноамериканских партнеров в сторону ужесточения условий займов [9].

Каждый проект начал рассматриваться индивидуально, а не в общей совокупности. Приоритет стал отдаваться инвестициям и созданию консорциумов с местными корпорациями. К тому же регион уже не рассматривается столь же перспективным с точки зрения экономического развития. Поэтому объемы государственных займов Китая латиноамериканским правительствам и государственным корпорациям в последние годы неуклонно снижаются. Достигнув своего пика в 2015 г. – 21,5 млрд долл., они достигли к 2019 г. своих минимальных значений за последние 10 лет – 1,1 млрд долларов [14]. Такое снижение интереса к региону демонстрируется и в сфере ПИИ. В 2005–2019 гг. их приток в регион составил только 8,6 % от общемирового объема китайских инвестиций [33]. Несмотря на рост инвестиций в 2019 г. на 16,5 %, по сравнению с 2018 г., китайские корпорации демонстрируют осторожность. В 2019 г. они участвовали лишь в 19 сделках, по сравнению с 56 годом ранее. Большинство из них состояло в слиянии и поглощении активов, а не организации новых проектов [32]. В целом китайские инвестиции за 2019 г. составили 12,8 млрд долларов [26]. Это несоизмеримо меньше американских инвестиций за этот же период – 256 млрд долларов [30]. В такой ситуации говорить о фундаментальном переориентировании бизнес-элит Латинской Америки или местных правительств на сотрудничество с Китаем не приходится.

Маловероятно чтобы эти тренды изменились в условиях преодоления последствий пандемии COVID-19. Китай однозначно продемонстрировал наибольшие успехи по восстановлению экономики, и латиноамериканские партнеры вправе рассчитывать на участие КНР в возрождении их экономик. Однако китайское руководство, приняв в июле 2020 г. стратегию «двойного обращения», нацелено адаптировать свои внешнеэкономические связи к антиглобалистским тенденциям и санкционному давлению. Это не означает выход КНР из сложившихся производственных цепочек, но и новой экономической экспансии Китая ждать не приходится [4]. Скорее наоборот, ожидается ужесточение условий получения средств из Китая, с которым уже сталкиваются его латиноамериканские партнеры [9].

К тому же, не во всех странах региона китайские инвесторы смогут чувствовать себя вольготно. Президент Мексики Л. Обрадор закрыл китайским инвесторам доступ к наиболее интересным инфраструктурным проектам. Вице-президент Бразилии Г. Моуран отмечал, что китайские инвесторы будут приветствоваться до тех пор, пока «играют по бразильским правилам» [8]. В Чили китайская корпорация «Тяньци Литий» столкнулась с противодействием местных антимонопольных структур. В целом, во главе большинства стран региона стоят сторонники рыночной экономики. Это вынуждает китайских инвесторов все чаще участвовать в тендерах, где их победа не гарантирована.

Таким образом, экономическое присутствие Китая в регионе нацелено на выгодное вложение средств, а не получение контроля над местными правительствами за счет приобретения тех или иных активов. Еще одним опасением, прозвучавшим со стороны государственного секретаря Соединенных Штатов М. Помпео, являются китайские инфраструктурные проекты. С его слов, они создают проблемы для местных экономик и провоцируют нестабильность [28]. В качестве примера им был приведен самый проблемный региональный проект с китайским участием – эквадорская ГЭС «Кока Кодо Синклер» («Coca Codo Sinclair»). Построенная на сейсмоактивном участке, с ошибками в проектировании, использованием некачественных материалов и неудовлетворительным качеством работы, гидроэлектростанция создала массу проблем эквадорскому правительству, которое не может их решить без посторонней помощи. Однако эта неудача не ударила по другим китайским региональным проектам в сфере электроэнергетики. В Латинской Америке их счет идет на десятки. В частности, продолжается работа над такими проектами как гидроэлектростанция «Сан-Хосе» в Боливии, плотина «Ревентазон» в Коста-Рике, двумя атомными электростанциями в аргентинском регионе Патагония, газовой электростанцией «Мартано» в Панаме и многими другими.

Однако преувеличивать их опасность с точки зрения роста китайского влияния тоже не стоит. У латиноамериканцев данные проекты не вызывают большого энтузиазма.

Дело не только в пренебрежении китайских подрядчиков к проблемам экологии, интересам коренного населения и отсутствию общественной дискуссии о целесообразности того или иного проекта. При их реализации используются только китайские материалы, технологии и рабочая сила. В результате не создаются новые рабочие места, местные инженеры не получают опыта, перетока китайских инноваций не происходит. К этому стоит добавить ущерб, который нанес китайский импорт местным производителям [16].

Чувствительный урон латиноамериканской экономике нанесла и «торговая война» между КНР и США. Ее продолжение способно отпугнуть инвесторов и создать волатильность на региональном рынке [7]. От тарифной войны, ее последствий для Китая, вполне могут пострадать латиноамериканские страны, чьи экономики заточены на экспорт (прежде всего углеводородов и минералов). Продолжение конфликта ударит по местной экономике через сокращение торговых оборотов, депрессию на финансовых рынках, обесценивание валюты. Странам придется выбирать между Вашингтоном и Пекином, если тарифная война продолжится. Ее гипотетическое завершение тоже негативно отразится на регионе. Дело в том, что рамочное соглашение, заключенное между США и КНР в январе 2020 г., предполагает значительное увеличение импорта американской сельскохозяйственной продукции китайской стороной. В результате товарообмен между Китаем и Латинской Америкой рискует сильно сократиться. Особенно пострадают Бразилия и Аргентина, которые на фоне «торговой войны» между Пекином и Вашингтоном нарастили экспорт сельскохозяйственной продукции в Китай.

Таким образом, китайское присутствие в Латинской Америке не может нанести критический ущерб интересам Соединенных Штатов. Оно не решает местных системных проблем, таких как технологическая отсталость и безработица. Поэтому ждать включения региона в прокитайскую орбиту не приходится. КНР лишь заполняет тот вакуум, который образуют США. Примером его создания является отказ администрации Д. Трампа вести «коронавирусную дипломатию». Помимо сокращений выплат Всемир-

ной организации здравоохранения (ВОЗ), были снижены отчисления в бюджет Панамериканской организации здравоохранения (Pan-American Health Organization), а также заблокирован экспорт средств индивидуальной защиты и аппаратов ИВЛ из США. Именно это обстоятельство вынудило страны Латинской Америки, к примеру Гаити, обратиться за аналогичной помощью к КНР.

Приход в Белый дом администрации Д. Байдена позволяет рассчитывать на прекращение практики столь резких поворотов во внешней политике США. Тем не менее, он не гарантирует, что подобный «вакуум» перестанет появляться вновь. Противостояние Китаю имеет двухпартийный консенсус. Однако, в отличие от Д. Трампа, демократы нацелены вести его при широкой международной поддержке [21]. Она отразится и в торговой войне, где Байден нацелен договориться о коллективной (прежде всего трансатлантической) тарифной политике в отношении Китая. Следовательно, все созданные ранее угрозы латиноамериканским рынкам и объемам внешней торговли никуда не исчезнут. Помимо этого, готовность демократов противостоять КНР и сфере экологических и технологических стандартов может навредить производственным цепочкам, где Латинская Америка традиционно играет значительную роль. При этом бороться за экономическое процветание региона демократы нацелены традиционными для них методами, которые практиковала и администрация Б. Обамы – выделением субсидий для местных экономик. Поэтому Латинская Америка, с высокой долей вероятности, продолжит сталкиваться с издержками американо-китайского соперничества.

Российский фактор в латиноамериканской политике США

Наряду с китайским влиянием, российская политика в Латинской Америке была обозначена как противоречащая интересам США. Ее негативное значение выражается в поддержке режима Мадуро в Венесуэле и режима Кастро на Кубе. Особый интерес американского истеблишмента к противостоянию с властями двух стран во многом определен внутривнутриполитической повесткой. Кубин-

ская диаспора сыграла значительную роль в победе Д. Трампа в 2016 г. и оказала не менее заметное влияние на исход президентских выборов 2020 года. В ней все большую роль играют мигранты, прибывшие в США после 1993 года. Они поддержали выбранную Д. Трампом конфронтационную модель американо-кубинских отношений.

Давление на Венесуэлу, а также Никарагуа связано не только со стремлением заручиться поддержкой латиноамериканской диаспоры, но и в противостоянии с демократами. Характерной чертой республиканского истеблишмента является стремление дискредитировать своих оппонентов через приверженность последних социалистическим идеям. В частности, вице-президент М. Пенс задолго до начала предвыборной кампании 2020 г. сравнивал демократов с президентом Венесуэлы Н. Мадуро. Д. Трамп в своем послании Конгрессу отдельно подчеркнул социалистический характер венесуэльского режима [37]. Таким образом, демонизация латиноамериканских социалистов ведется, в том числе, и для борьбы с демократами, в среде которых социалистические идеи пользуются популярностью.

Однако тесное сотрудничество России с этими тремя странами не связано с их идеологической направленностью. Два всплеска интереса РФ к региону в 2008 и 2014 гг. определены двумя комплексами причин. К первому относится асимметричная демонстрация силы в ответ на политику США на постсоветском пространстве. В частности, посадка стратегических бомбардировщиков ТУ-160 в Венесуэле произошла вскоре после военного конфликта в Грузии в августе 2008 года. Ко второму – необходимость диверсифицировать торговые связи на фоне усиления санкционного давления. В результате Аргентина и Бразилия, а не Куба или Никарагуа, являются главными экономическими партнерами РФ в регионе.

Масштаб военно-технического сотрудничества Кубы, Никарагуа и Венесуэлы с Россией тоже во многом определен современной внешней политикой США. Вашингтон не пересмотрел своего отношения к кубинским и никарагуанским «левым», несмотря на завершение «холодной войны». Гавана и Манагуа

оставались в перманентной конфронтации с США. При этом их военно-технические связи с Россией не были утрачены и стали альтернативой сотрудничеству с Соединенными Штатами. Ей же является военное сотрудничество Москвы и Каракаса, начавшееся после разрыва военной кооперации Венесуэлы и США.

Главными «алармистами» этого сближения РФ со странами Латинской Америки, как и в случае с Китаем, является Южное командование ВС США. Американские военные видят дестабилизирующее влияние России не только в поставках вооружений на Кубу, в Венесуэлу и Никарагуа. Они также апеллируют к непрозрачности российской политики в регионе [19]. Отдельное внимание Южное командование уделяет антиамериканской агитации в латиноамериканском сегменте интернета, которую военные интерпретируют не иначе как попытку РФ дискредитировать позиции США в регионе. Данный сюжет получил еще большее освещение со стороны аналитиков Государственного департамента США. По их мнению, РФ пытается через агитацию в социальных сетях подогревать протесты и, таким образом, изменять отрицательную позицию общества и местных правительств к венесуэльскому президенту Мадуро [17].

Однако сами американские дипломаты выражают сомнения относительно организованной компании в интернете. По их словам, подавляющее большинство постов с призывами к демонстрациям не нарушали местного законодательства, а сами протестующие выходили на улицу с разными лозунгами, не содержащими явной промадуrowsкой направленности [17]. Та же ситуация с военно-техническим сотрудничеством латиноамериканских стран с РФ. Американские военные явно преувеличивают его значение, ведь всего 0,8 % вооружений, закупленных региональными акторами в 2015–2019 гг., приобретены у России. Лидером здесь остается Венесуэла, однако объем ее импорта вооружений за этот период упал на 88 % по сравнению с 2010–2014 годами [36]. Такая позиция России в латиноамериканском импорте вооружений обусловлена несколькими причинами. Прежде всего это экономический спад, который наблюдается в регионе в последние годы. Панде-

мия COVID-19 только усугубила ситуацию, что не способствует росту расходов на оборону. Непосредственно в Венесуэле ситуация усугубляется санкционным давлением и перманентным предбанкротным состоянием страны. Доля российских вооружений в Латинской Америке сдерживается еще и стремлением местных правительств расширять сотрудничество с США в сфере безопасности. В результате не состоялось несколько сделок с Аргентиной и Мексикой на поставку российских вооружений.

Помимо перечисленных факторов, у американского истеблишмента есть еще несколько причин не вводить санкции против латиноамериканских стран за импорт оружия из РФ. Во-первых, эти сделки, по большей части, происходят со странами, которые имеют давние связи с Россией в сфере военно-технического сотрудничества. Во-вторых, они не включают в себя новейшие системы вооружений, такие как комплексы С-400 и Су-35. В-третьих, их объемы не ставят под сомнение лидерство США в данной сфере: 19 % закупленных латиноамериканскими странами вооружений в 2015–2019 годы [36].

Следует отметить, что и Россия не намеревается бросать вызов лидерству США в Латинской Америке. В концепции внешней политики РФ регион не рассматривается как сфера противостояния с Соединенными Штатами [2]. Латинская Америка устойчиво занимает периферийное положение во внешнеполитических интересах Кремля, а долгосрочная российская стратегия в регионе по-прежнему не просматривается [18]. Россия, как и Китай, не намерена бросать здесь вызов интересам США. Показательно, что в ответ на введение американских санкций против своих дочерних компаний, корпорация «Роснефть» в марте 2020 г. свернула поставки легкой нефти и газового конденсата в Венесуэлу, невзирая на их важность для Каракаса. Конфликт же между Кремлем и Белым домом вокруг присутствия российских военных специалистов в Венесуэле был разрешен в течение трех месяцев.

Неконфронтационность России подтверждается также ее нацеленностью на многосторонние форматы сотрудничества с местными акторами. Подавляющее большинство

из них не стремится к конфронтации с США. Более того, возможности РФ для наращивания своего присутствия весьма ограничены. Санкционное давление США и ЕС, а также стагнация в экономике не позволяют России претендовать на роль ключевого торгового партнера и инвестора для стран Латинской Америки [11]. Удаленность от российских границ, а также нежелание местных властей портить отношения с США, ограничивают возможности РФ по наращиванию военного присутствия. Следовательно, у России не будет рычагов, позволяющих ей определять внешнеполитический вектор региона. Однако она продолжит использовать те возможности для расширения своего присутствия, которые появляются в результате неядерных и непоследовательных действий Вашингтона.

Эти позиции не будут поколеблены с приходом в Белый дом демократической администрации. Она нацелена на нормализацию отношений с Кубой через снятие санкций и торгово-экономическое взаимодействие. Поэтому в данном аспекте Россия и США будут скорее взаимодополнять, а не противостоять друг другу. Обратная ситуация в венесуэльском кризисе. Администрация Дж. Байдена намерена организовать широкое международное давление на режим Мадуро [39]. Тем не менее Россия не откажется от его дипломатической поддержки. Санкционное давление эту позицию не изменит. РФ в течение 2019–2020 гг. уже адаптировала к нему свои венесуэльские активы. Изменить ситуацию могли бы прямые переговоры между Москвой и Вашингтоном по вопросу политического урегулирования в Венесуэле. Однако они маловероятны в силу текущей позиции американских демократов к внешней политике РФ.

Результаты. Администрация Д. Трампа в своей внешней политике сделала ставку на унилатерализм и конфронтационные методы отстаивания интересов. Таким образом она рассчитывала удержать лидерские позиции США в мире и снизить влияние набирающих силу соперников. Применительно к Латинской Америке, результат оказался прямо противоположный. Избранный администрацией Д. Трампа курс привел к расширению позиций недружественных США держав в За-

падном полушарии. Торговая война с Китаем привела к наращиванию экспортно-импортных связей КНР с Аргентиной и Бразилией. Возвращение конфронтации в американо-кубинские отношения способствовало укреплению военно-технического сотрудничества Москвы и Гаваны [1]. Политика «максимального давления» по отношению к ИРИ привела к возобновлению ирано-венесуэльского сотрудничества для обхода американских санкций. Однако нельзя характеризовать всю современную политику США в Латинской Америке только непоследовательностью, реакционностью и конфронтационностью.

Соединенные Штаты не предлагают региону позитивную и актуальную повестку дня. Дело не только в администрации Д. Трампа, которая повысила тарифы на ввоз латиноамериканских товаров в США, сократила объемы иностранной помощи и нарастила военное присутствие под предлогом борьбы с преступностью. Регион продолжительное время занимает периферийное положение во внешней политике Соединенных Штатов [3]. Американский истеблишмент давно не выдвигает инициатив, подкрепленных высоким уровнем представительности. Выстроенные Соединенными Штатами механизмы межамериканского сотрудничества находятся в перманентном кризисе [6]. Выдвинутая США инициатива «Рост в Западном полушарии» (Growth in the Americas) ориентирована на инвестиции в энергетику и инфраструктурные проекты, хотя регион остро нуждается в высоких технологиях. Продвигают эту инициативу американские дипломаты и чиновники, а не высшее руководство Соединенных Штатов. В последний раз высокопоставленная торговая делегация США прибывала в Латинскую Америку в период первой каденции администрации Б. Обамы. При этом Китай подкрепляет свои латиноамериканские инициативы высоким уровнем представительности. Си Цзиньпин в течение шести лет нахождения во главе КНР совершил пять туров в Латинскую Америку, в ходе которых посетил 11 стран. Д. Трамп, в свою очередь, ограничился одним визитом в рамках саммита G-20 в Буэнос-Айресе.

Этот дефицит представительности и нехватка инициатив со стороны американского истеблишмента основаны на традиционном

для него взгляде на Латинскую Америку сквозь призму «доктрины Монро». Однако суть здесь не во влиянии «третьих стран» в регионе. Само по себе оно уже не вызывает ни военных интервенций, ни санкционного давления. Речь скорее идет о представлении Западного полушария как единой общности, в основе которой лежат исторический, географический и культурный факторы. Здесь создается иллюзия о совпадении интересов латиноамериканских государств и США, которое не требует каких-либо усилий для поддержания проамериканского курса в политике региона. Подобные предубеждения будут только способствовать сохранению и укреплению влияния других мировых держав в Латинской Америке. США регулярно создают потенциал для их присутствия своей неготовностью предложить перспективу, отвечающую современным вызовам.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-014-00040 «Трансформация современной политики США в Западном полушарии: региональные последствия и роль глобальных акторов».

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project 20-014-00040.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дронина, И. Россия далеко, а Куба рядом / И. Дронина // Независимое военное обозрение. – 2020. – 8 нояб. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-11-08/1_1069_cuba.html (дата обращения: 13.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 28.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Лексютина, Я. В. Закат доминирования США в Латинской Америке? / Я. В. Лексютина // Латинская Америка. – 2014. – № 11. – С. 4–11.
4. Ломанов, А. В. Циркуляция против изоляции / А. В. Ломанов // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, № 3 (109). – С. 8–20.

5. Манухин, А. А. Особенности политики администрации Дональда Трампа в Латинской Америке / А. А. Манухин // *Россия и Америка в XXI веке*. – 2019. – № S1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760005322-1-1/> (дата обращения: 14.08.2020). – Загл. с экрана.
6. Сударев, В. П. Эволюция политики США в Латинской Америке при президенте Д. Трампе / В. П. Сударев // *США и Канада: экономика, политика, культура*. – 2020. – Т. 50, № 1. – С. 75–87. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300008057-2>.
7. Яковлев, П. П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции / П. П. Яковлев // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 47–58. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>.
8. Brito, R. Brazil Wants China to Invest in Its Infrastructure: Vice President / R. Brito, L. Paraguassu // *Reuters*. – 2019. – June 19. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-china/brazil-wants-china-to-invest-in-its-infrastructure-vice-president-idUSKCN1TE2YH> (date of access: 16.07.2020). – Title from screen.
9. China to Grow Stronger in Latin America in Aftermath of COVID-19 Pandemic / T. Barrozo [et al.] // *Forbes*. – 2020. – June 10. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/mergermarket/2020/06/10/china-to-grow-stronger-in-latin-america-in-aftermath-of-covid-19-pandemic/#5c27acac4986> (date of access: 23.07.2020). – Title from screen.
10. Congressional Research Service. United States Southern Command (SOUTHCOM). – 2020. – March 17. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF11464.pdf> (date of access: 21.08.2020). – Title from screen.
11. Davydov, V. M. Repercusiyn Latinoamericana Del Giro A La Confrontaciyn En Relaciones De Rusia Con Los EE.UU / V. M. Davydov, V. M. Tayar // *Iberoamerica*. – 2019. – № 4. – P. 5–25.
12. Eisenman, J. Building a More “Democratic” and “Multipolar” World / J. Eisenman, E. Heginbotham // *China Review*. – 2019. – Vol. 19, № 4. – P. 55–84.
13. Ellis, R. E. Chinese Security Engagement in Latin America / R. E. Ellis // *Center for Strategic and International Studies*. – 2020. – Nov. – Electronic text data. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/201119_Chinese_Security_Engagement.pdf (date of access: 21.05.2021). – Title from screen.
14. Gallagher, K. China-Latin America Finance Database / K. Gallagher, M. Myers // *Washington: Inter-American Dialogue*. – 2020. – May 21. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.thedialogue.org/map_list/ (date of access: 26.08.2020). – Title from screen.
15. Garip, P. Ecuador Seeking New Oil-Backed Loan from China / P. Garip // *The Argus*. – 2020. – July 13. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.argusmedia.com/en/news/2122758-ecuador-seeking-new-oilbacked-loan-from-china> (date of access: 21.08.2020). – Title from screen.
16. International Labour Office. World Employment and Social Outlook 2017. Sustainable Enterprises and Jobs: Formal Enterprises and Decent Work. – 2017. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_579893.pdf (date of access: 17.08.2020). – Title from screen.
17. Jakes, L. As Protests in South America Surged, So Did Russian Trolls on Twitter, U.S. Finds / L. Jakes // *New York Times*. – 2020. – Jan. 19. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2020/01/19/us/politics/south-america-russian-twitter.html> (date of access: 29.10.2020). – Title from screen.
18. Jeifets, V. L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region / V. L. Jeifets // *Vestnik RUDN. International Relations*. – 2020. – Vol. 20. – № 3. – P. 521–533. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533>.
19. Larter, D. US General Says Russian and Chinese Deals in Latin America Risk Destabilizing region / D. Larter // *Defense News*. – 2020. – Sept. 9. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.defensenews.com/global/the-americas/2020/09/09/us-general-says-russian-and-chinese-deals-in-latin-america-risk-destabilizing-region/> (date of access: 12.09.2020). – Title from screen.
20. Lopez, T. SOUTHCOM Commander: Foreign Powers Pose Security Concerns / T. Lopez. – 2019. – Oct. 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1981449/southcom-commander-foreign-powers-pose-security-concerns/> (date of access: 16.08.2020). – Title from screen.
21. National Security Strategy Archive. Interim National Security Strategic Guidance. – 2021. – March. – Electronic text data. – Mode of access: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2021/03/2021_Interim.pdf (date of access: 18.04.2021). – Title from screen.
22. National Security Strategy Archive. National Security Strategy. – 2015. – Feb. – Electronic text data. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf> (date of access: 15.04.2021). – Title from screen.
23. National Security Strategy Archive. The National Security Strategy of the United States of America. – 2006. – March. – Electronic text data. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/>

uploads/2020/04/2006.pdf (date of access: 15.04.2021). – Title from screen.

24. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). Operation And Maintenance Overview Fiscal Year 2020 Budget Estimates. – 2019. – March. – Electronic text data. – Mode of access: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2020/fy2020_OM_Overview.pdf (date of access: 20.08.2020). – Title from screen.

25. Paz, G. S. China, United States and Hegemonic Challenge in Latin America: An Overview and Some Lessons from Previous Instances of Hegemonic Challenge in the Region / G. Paz // The China Quarterly. – 2012. – March. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dialogochino.net/wp-content/uploads/2016/03/ARTICLE-GONZALO-S-PAZ-CHINA-QUARTERLY-March-2012-1.pdf> (date of access: 15.08.2020). – Title from screen.

26. Peters, E. Monitor Of Chinese OFDI In Latin America And The Caribbean 2020 / E. Peters // Universidad Nacional Autonoma de Mexico. – 2020. – March 23. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/340279644_MONITOR_OF_CHINESE_OFDI_IN_LATIN_AMERICA_AND_THE_CARIBBEAN_2020 (date of access: 02.12.2020). – Title from screen

27. Pompeo, M. Interview with Sabrina Bacal of TVN. U.S. Department of State / M. Pompeo. – 2018. – Oct. 18. – Electronic text data. – Mode of access: <https://2017-2021.state.gov/interview-with-sabrina-bacal-of-tvn/index.html> (date of access: 15.11.2020). – Title from screen.

28. Pompeo, M. U.S. Latin American Policy, U.S. Embassy in Chile / M. Pompeo. – 2019. – Apr. 12. – Electronic text data. – Mode of access: <https://cl.usembassy.gov/secretary-of-state-michael-r-pompeo-on-u-s-latin-american-policy/> (date of access: 12.08.2020). – Title from screen.

29. Senate Committee on Foreign Relations. Challenge or Opportunity? China's Role in Latin America. – 2005. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/092005_Transcript_Challenge%20or%20Opportunity%20Chinas%20Role%20in%20Latin%20America.pdf (date of access: 15.08.2020). – Title from screen.

30. Statista Research Department. Direct investment position of the United States in Central and South America from 2000 to 2019. – 2020. – Dec. 9. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/188585/united-states-direct-investments-in-north-and-south-america-since-2000/> (date of access: 14.02.2021). – Title from screen.

31. Sullivan, M. Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview / M. Sullivan // Congressional Research Service. – 2020. – July 1. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/>

IF10460.pdf (date of access: 12.08.2020). – Title from screen.

32. Sutar, R. China Continues to Cut Back Latin America Loans / R. Sutar // Dialogo Chino. – 2020. – Apr. 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dialogochino.net/en/trade-investment/chinese-investment-latin-america-cut-back/> (date of access: 03.09.2020). – Title from screen.

33. Textor, C. Total Chinese Investments Between 2005 and 2019, by Global Region / C. Textor // Statista: Business Data Platform. – 2020. – Aug. 26. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/276607/chinese-investments-by-global-region/> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

34. The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's National Defense in the New Era. – 2019. – July 24. – Electronic text data. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (date of access: 12.08.2020). – Title from screen.

35. Tidd, K. W. Posture Statement of Commander. United States Southern Command / K. W. Tidd. – 2018. – Feb. 15. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Tidd_02-15-18.pdf (date of access: 14.08.2020). – Title from screen.

36. Trends in International Arms Transfers, 2019 / P. Wezeman [et al.] // SIPRI Fact Sheet. – 2020. – March. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (date of access: 04.09.2020). – Title from screen.

37. Trump, D. 2020 State of the Union Address / D. Trump. – 2020. – Feb. 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3> (date of access: 26.07.2020). – Title from screen.

38. Wedell, L. How Latin America Factors Into the US-China Rivalry / L. Wedell // The Diplomat. – 2019. – Feb. 27. – Electronic text data. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2019/02/how-latin-america-factors-into-the-us-china-rivalry> (date of access: 13.08.2020). – Title from screen.

39. White House. Background Press Call by Senior Administration Officials on Venezuela. – 2021. – March 8. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/03/08/background-press-call-by-senior-administration-officials-on-venezuela/> (date of access: 25.04.2021). – Title from screen.

40. White House. National Security Strategy of the United States of America. – 2017. – Dec. 18. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (date of access: 14.08.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Dronina I. Rossiya daleko, a Kuba ryadom [Russia is Far, Cuba is Near]. *Nezavisimoye voennoye obozreniye* [Independent Military Review], 2020, November 8. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-11-08/1_1069_cuba.html (accessed 13 December 2020).
2. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/2542248 (accessed 28 August 2020).
3. Lexiutina Ya.V. Zakat dominirovaniya SShA v Latinskoj Amerike? [Looming End of the US Domination in Latin America?]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2014, no. 11, pp. 4-11.
4. Lomanov A.V. Tsirkulyatsiya protiv izolyatsii [Circulation Against Isolation]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 2021, vol. 19, no. 3 (109), pp. 8-20.
5. Manuhin A.A. Osobennosti politiki administracii Donal'da Trampa v Latinskoj Amerike [The Features of Donald Trump Administration's Policy in Latin America]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. S1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005322-1-1> (accessed 14 August 2020).
6. Sudarev V.P. Jevoljucija politiki SShA v Latinskoj Amerike pri prezidente D. Trampe [Evolution of U.S. Policy Towards Latin America Under The Presidency of D. Trump]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'ura* [USA and Canada: Economics – Politics – Culture], 2020, vol. 50, no. 1, pp. 75-87. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300008057-2>.
7. Yakovlev P.P. SShA i KNR v Latinskoj Amerike: kontury konkurencii [USA and China in Latin America: Contours of Competition]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 47-58. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>.
8. Brito R., Paraguassu L. Brazil Wants China to Invest in its Infrastructure: Vice President. *Reuters*, 2019, July 19. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-china/brazil-wants-china-to-invest-in-its-infrastructure-vice-president-idUSKCN1TE2YH> (accessed 16 July 2020).
9. Barrozo T., Martinez C., Zhang J., Ge S. China to Grow Stronger in Latin America in Aftermath of COVID-19 Pandemic. *Forbes*, 2020, June 10. URL: <https://www.forbes.com/sites/mergermarket/2020/06/10/china-to-grow-stronger-in-latin-america-in-aftermath-of-covid-19-pandemic/#5c27acac4986> (accessed 23 July 2020).
10. *Congressional Research Service. United States Southern Command (SOUTHCOM)*, 2020, March 17. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF11464.pdf> (accessed 21 August 2020).
11. Davydov V.M., Tayar V.M. Repercusiyn Latinoamericana Del Giro A La Confrontaciyn En Relaciones De Rusia Con Los EE.UU. *Iberoamérica*, 2019, no. 4, pp. 5-25.
12. Eisenman J., Heginbotham E. Building a More “Democratic” and “Multipolar” World: China’s Strategic Engagement with Developing Countries. *China Review*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 55-84.
13. Ellis R.E. Chinese Security Engagement in Latin America. *Center for Strategic and International Studies*, 2020, November. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/201119_Chinese_Security_Engagement.pdf (accessed 21 May 2021).
14. Gallagher K., Myers M. China-Latin America Finance Database. *Washington: Inter-American Dialogue*, 2020, May 21. URL: https://www.thedialogue.org/map_list (accessed 26 August 2020).
15. Garip P. Ecuador Seeking New Oil-Backed Loan from China. *The Argus*, 2020, July 13. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2122758-ecuador-seeking-new-oilbacked-loan-from-china> (accessed 21 August 2020).
16. *International Labour Office. World Employment and Social Outlook 2017. Sustainable Enterprises and Jobs: Formal Enterprises and Decent Work*, 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/dcomm/-/publ/documents/publication/wcms_579893.pdf (accessed 17 August 2020).
17. Jakes L. As Protests in South America Surged, So Did Russian Trolls on Twitter, U.S. Finds. *New York Times*, 2020, January 19. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/19/us/politics/south-america-russian-twitter.html> (accessed 29 October 2020).
18. Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 521-533. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533>.
19. Larter D. US General Says Russian and Chinese Deals in Latin America Risk Destabilizing Region. *Defense News*, 2020, September 9. URL: <https://www.defensenews.com/global/the-americas/2020/09/09/us-general-says-russian-and-chinese-deals-in-latin-america-risk-destabilizing-region> (accessed 12 September 2020).
20. Lopez T. *SOUTHCOM Commander: Foreign Powers Pose Security Concerns*, 2019, October 4. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1981449/southcom-commander-foreign->

powers-possibility-security-concerns (accessed 16 August 2020).

21. *National Security Strategy Archive. Interim National Security Strategic Guidance*, 2021, March. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2021/03/2021_Interim.pdf (accessed 18 April 2021).

22. *National Security Strategy Archive. National Security Strategy*, 2015, February. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf> (accessed 15 April 2021).

23. *National Security Strategy Archive. The National Security Strategy of the United States of America*, 2006, March. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2006.pdf> (accessed 15 April 2021).

24. *Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). Operation And Maintenance Overview Fiscal Year 2020 Budget Estimates*, 2019, March. URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2020/fy2020_OM_Overview.pdf (accessed 20 August 2020).

25. Paz G.S. China, United States and Hegemonic Challenge in Latin America: An Overview and Some Lessons from Previous Instances of Hegemonic Challenge in the Region. *The China Quarterly*, 2012, March. URL: <https://dialogochino.net/wp-content/uploads/2016/03/ARTICLE-GONZALO-S-PAZ-CHINA-QUARTERLY-March-2012-1.pdf> (accessed 15 August 2020).

26. Peters E. Monitor Of Chinese OFDI In Latin America And The Caribbean 2020. *Universidad Nacional Autonoma de Mexico*, 2020, March 23. URL: https://www.researchgate.net/publication/340279644_MONITOR_OF_CHINESE_OFDI_IN_LATIN_AMERICA_AND_THE_CARIBBEAN_2020 (accessed 2 December 2020).

27. Pompeo M. *Interview with Sabrina Bacal of TVN. U.S. Department of State*, 2018, October 18. URL: <https://2017-2021.state.gov/interview-with-sabrina-bacal-of-tvn/index.html> (accessed 15 November 2020).

28. Pompeo M. *U.S. Latin American Policy. U.S. Embassy in Chile*, 2019, April 12. URL: <https://cl.usembassy.gov/secretary-of-state-michael-r-pompeo-on-u-s-latin-american-policy> (accessed 12 August 2020).

29. *Senate Committee on Foreign Relations. Challenge or Opportunity? China's Role in Latin America*, 2005. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/092005_Transcript_Challenge%20or%20Opportunity%20Chinas%20Role%20in%20Latin%20America.pdf (accessed 15 August 2020).

30. *Statista Research Department. Direct investment position of the United States in Central*

and South America from 2000 to 2019, 2020, December 9. URL: <https://www.statista.com/statistics/188585/united-states-direct-investments-in-north-and-south-america-since-2000/> (accessed 14 February 2021).

31. Sullivan M. Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview. *Congressional Research Service*, 2020, July 1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10460.pdf> (accessed 12 August 2020).

32. Sutar R. China continues to cut back Latin America loans. *Diologo Chino*, 2020, April 4. URL: <https://dialogochino.net/en/trade-investment/chinese-investment-latin-america-cut-back> (accessed 3 September 2020).

33. Textor C. Total Chinese Investments Between 2005 and 2019, by Global Region. *Statista: Business Data Platform*, 2020, August 26. URL: <https://www.statista.com/statistics/276607/chinese-investments-by-global-region> (accessed 1 September 2020).

34. *The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's National Defense in the New Era*, 2019, July 24. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed 12 August 2020).

35. Tidd K.W. *Posture Statement of Commander: United States Southern Command*, 2018, February 15. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Tidd_02-15-18.pdf (accessed 14 August 2020).

36. Wezeman P., Fleurant A., Kuimova A., Da Silva D.L., Tian N., Wezeman S. Trends in International Arms Transfers, 2019. *SIPRI Fact Sheet*, 2020, March. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (accessed 4 September 2020).

37. Trump D. *2020 State of the Union Address*, 2020, February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3> (accessed 26 July 2020).

38. Wedell L. How Latin America Factors Into the US-China Rivalry. *The Diplomat*, 2019, February 27. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/how-latin-america-factors-into-the-us-china-rivalry> (accessed 13 August 2020).

39. *White House. Background Press Call by Senior Administration Officials on Venezuela*, 2021, March 8. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/03/08/background-press-call-by-senior-administration-officials-on-venezuela> (accessed 25 April 2021).

40. *White House. National Security Strategy of the United States of America*, 2017, December 18. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 14 August 2020).

Information About the Author

Andrey S. Yevseenko, Candidate of Sciences (Politics), Researcher, Department of Foreign Policy Researches, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Khlebny Lane, 2/3, 121069 Moscow, Russian Federation, a.evseyenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3409-5901>

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Евсеенко, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований, Институт США и Канады РАН, Хлебный переулок, 2/3, 121069 г. Москва, Российская Федерация, a.evseyenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3409-5901>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.15>

UDC 327
LBC 63.3(0)6

Submitted: 09.12.2020
Accepted: 04.04.2021

THE COMINTERNIST ORIGINS OF CURRENT SOCIALIST BOLIVARIANISM¹

Victor L. JEIFETS

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Lazar S. JEIFETS

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the Comintern “trace” in the formation of modern “Bolivarian socialism”, proclaimed by the leaders of Venezuela at the beginning of the 21st century. Communist postulates (in the Comintern perception) were, certainly, not the only source of the formation of the ideology of the ruling Socialist United Party of Venezuela. At the same time, a number of the postulates were formulated back in the 1920s by activists of the Venezuelan Revolutionary Party (later they became members of the country’s Communist Party) and the Socialist Party of Ecuador. A number of similar concepts were the subject of discussions between the leadership of the Comintern and the Peruvian People’s Revolutionary Alliance and were also debated during one of the congresses of the Communist International. Another important aspect explored by the authors is the analogy between the processes of the formation of a united left party in Venezuela in the 1930s and in the 2000s (as a comparative example, the pattern of creating a united revolutionary party within the framework of the Castro revolution in Cuba was also used). *Methods and materials.* The study uses a set of methods of analysis adopted in historical and political science, namely documentary analysis, systemic and comparative analysis. *Analysis and Results.* The cases presented in the article prove that Socialism of the 21st century is not the exclusive creation of Hugo Chavez, but is closely related to ideological discussions in the international left-wing movement of the first half of the 20th century. The article is based primarily on archival documents, which allowed the authors to show little-known pages in the history of Latin American left-wing parties. *Authors’ contribution.* V.L. JEIFETS and L.S. JEIFETS made joint analysis of the archival documents, carried out the study of historiography, and developed the theoretical framework of the research. The conclusions also are the product of joint work.

Key words: Comintern, Socialist United Party of Venezuela, Venezuelan Revolutionary Party, Bolivarianism, APRA.

Citation. JEIFETS V.L., JEIFETS L.S. The Cominternist Origins of Current Socialist Bolivarianism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 178-191. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.15>

УДК 327
ББК 63.3(0)6

Дата поступления статьи: 09.12.2020
Дата принятия статьи: 04.04.2021

КОМИНТЕРН И ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БОЛИВАРИАНИЗМА¹

Виктор Лазаревич Хейфец

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Лазарь Соломонович Хейфец

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья исследует коминтерновский «след» в формировании современного «боливарианского социализма», провозглашенного лидерами Венесуэлы в начале XXI века. Другой важный аспект, исследо-

ванный авторами, – аналогии между процессами формирования единой левой партии в Венесуэле в 1930-е и в 2000-е гг. (в качестве сравнительного примера использована также модель создания единой революционной партии в рамках кастровской революции на Кубе). Статья основана преимущественно на архивных документах, что позволило авторам показать малоизвестные страницы истории латиноамериканских левых партий. *Вклад авторов.* В.Л. Хейфец и Л.С. Хейфец совместно провели анализ архивных документов, изучение историографической базы, разработку теоретической базы исследования; выводы также сделаны совместно.

Ключевые слова: Коминтерн, Единая социалистическая партия Венесуэлы, Венесуэльская революционная партия, боливарианизм, АПРА.

Цитирование. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и истоки современного социалистического боливарианизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 178–191. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.15>

Introduction. The analysis of current political trends in Latin America, including the phenomenon of its “turn to the left” (occurred at the beginning of 21st century and still present in some countries of the region, especially in Venezuela) in our opinion is incomplete. Despite studying the current situation, the main features and trends of this “turn to the left” as also of the prospects for its development and possibilities to recover after strong “right-wing counter-offensive”, the historical roots of this phenomenon are often left out of the investigation. This is the “sin” of many political scientists, who examine the “Socialism of the 21st century” starting from scratch [26; 42; 48, p. 9–20], that is, without taking in account the historical traditions or the valuable experience of the penetration of the ideas of socialism into the political culture of Latin American nations during the 20th century. Due to the visible collapse of the “historical left-wing movement” (i.e. Communist one) since the end of the USSR, the history of the International Communism isn’t generally considered as the real antecedents for the New Latin American Lefts of this century. A slight difference are the works of L.Okuneva who researched Brazilian case [31], but even in this case the author traces the history as back as to the 1980s.

In this respect, we consider necessary to affirm that the analysis of Fidel Castro’s triumph in 1959, without taking into consideration the history of the Communist Party of Cuba between the years 1920–1950 (the so called “first Cuban Marxist-Leninist party”) and its influence among intellectuals, workers and peasants, and without understanding the role of student leader Julio Antonio Mella, etc., would simply be an easy tale similar to the well-known fiction stories. However, this version of history, politically correct and

comfortable for Castroist revolutionary elites (quite significant in the historiography) should be recognized incomplete one, at least. The episodes of the heroic assault on the Moncada barracks, the landing of the “Granma”, the guerrilla combats in the Sierra Maestra mountains remained in live human memory and the personalities of Fidel Castro, Ernesto Che Guevara and Camilo Cienfuegos left everyone else in the background. We are not referring here to “other guerrillas” (as, for example, “The Second Escambray Front”, which also should have its significant place in history), but to the key influence of previous social and political movements, many of which were related to the Comintern activities. Without overshadowing the important role of the insurgents, one must point out that understanding the phenomenon of the Cuban revolution is absolutely impossible without previous investigating of the history of different revolutionary currents and of the penetration of these ideologies in the society.

This statement is even more valid in the case of today’s political panorama of Venezuela dominated by the United Socialist Party (Partido Socialista Unificado de Venezuela, PSUV) which proclaimed the ideology of the “Socialism of 21st Century” (also known as “Bolivarian Socialism”). The history of the early Venezuelan revolutionary movement related closely to the Comintern was forgotten even by many of those researchers who belonged to Marxist trend in Historiography who prefer to start the analysis of the current situation from the “generation of 28”. The pro-Cominternist group among the Venezuelan exiles opposed to Juan Vicente Gomez regime was never so huge, but their contribution in the process of revolutionizing social consciousness cannot be ignored. That revolutionary movement became a

kind of preparatory school for many national politicians and the roots of the ideologies of the mid-1920s were the source of inspiration for consequent generations of parties and militants.

Another example is the “Bolivarian Alternative” proclaimed by the President of Venezuela Hugo Chávez (1999–2013) and, in one way or another, supported by the leaders of Cuba (Fidel Castro and Raul Castro), Bolivia (Evo Morales (the president until November of 2019)) and Ecuador (Rafael Correa (the president until 2016)). Not only it looks a lot like to the ideas put forward by the Third International (Communist International) for the Latin American revolutionary movement, and expressed both by the leaders of the world communist organization and by its activists in the Western Hemisphere.

“I, Hugo Chávez, am neither a Marxist nor an anti-Marxist. I am neither a Communist nor an anti-Communist. You have to go beyond Marxism. It can encompass it, but it is not the solution, especially for our countries, for these conditions where I believe there is no vestige of the working class” [4, p. 392], he also repeated the better definition of his political credo should be “Bolivarianism” [10]. The prominent political scientist Manuel Alcántara put in doubt the proximity of Chávez with left-wing ideology and pointed out that he, rather, should be considered as a politician who had stirred up the most classic components of Latin American populism: “the role of the caudillo on the party, the emotional, rhetorical and key-filled language with a strong symbolic content, movementism as an expression and channel of participation. and of the political representation of a nation-people that until the arrival of the leader has been deprived of all its significance; the furious anti-Americanism, <...> and the return to the preponderant role of the state in a newly centralized economy” [1]. We can admit that it would be an arbitrary oversimplification to declare that the Bolivarian revolutionary ideology is based exclusively on the ideas of the Comintern dissolved almost eighty years ago.

However, one shouldn't put special glasses to be able to observe the influence of the Comintern on Chávez. The question then arises: how did this ex-army officer, who originally was more interested in baseball than in politics, assimilate the revolutionary ideas of the

Comintern? It would be logic to imagine that these ideas were simply in the air, even though the World Communist Party had already gone. Effectively, Chávez himself was never even close to Communist militants, but Luis Miquilena a prominent trade unions militant (originally a Communist Party (PCV) member, but later on founder of the Revolutionary Party of the Proletariat and also a member of the Democratic Republican Union) [12, p. 62; 6, p. 162–167; 29], was his tutor in 1990s. This veteran of the revolutionary movement of the 1940s was the closest comrade in struggle of Eduardo Machado, one of the most active Communist militants who was in touch with the Comintern even before the founding of the PCV and generated ideas consistent with the program of the “Bolivarian Revolution.” Chavez was also influenced a lot by Douglas Bravo, the founder of the Armed Forces of National Liberation, a leftist guerrilla group which fought against R. Betancourt government. This guerrilla commander, excluded in 1966 from the Communist Party, brought together the most radical ideas of the communists of the 1920s and the ideological heritage of Simón Bolívar in the ideology of the Party of the Venezuelan Revolution (PRV), created by him. According to Chavez' ex-companion Francisco Arias, “the main orientations accepted by us, we took from the Party of Venezuelan Revolution” [23, p. 98].

One of the fundamental ideas of Hugo Chávez's “XXI Century Socialism” is “the desire to sow the grain of revolution throughout the world” [51, p. 224]. According to Chávez, it is necessary to spread revolutionary ideas within and beyond the Western Hemisphere: “From Canada to Argentina, in the Caribbean countries we must spread our ideas <...> We must reach the heart of Africa – our mother, our party must pass through all of Europe, beginning with the Portuguese coast and up to the infinite steppes of Russia friendly and fraternal” [51, p. 226]. The President of Venezuela in 1999–2013 proclaimed “the return of the ghost of Socialism” to Latin America and explained the necessity to create “an extensive network of friendly international movements” that would oppose the US “imperial hegemony” with a purpose to propagate the revolutionary ideology in the world [27]. Various intents to carry out this ideology, as J.P. Marthoz affirms, could be seen in contemporary Venezuelan foreign policy [28].

Methodology and sources. Through this text the authors will analyze the relationship established between the first Venezuelan communists and the General Staff of the world revolution based in Moscow, as also the relations between the Comintern, the Ecuadorian Socialist Party (PSE) and the Peruvian American People's Revolutionary alliance (APRA). We are not especially interested in highlighting the organizational links between the Comintern and the Latin American left-wing forces, but, rather, consider that these groups laid down the bases for the contemporary "Bolivarian socialism" and the approaches formulated by the Venezuelan, Peruvian and Ecuadorian revolutionaries discussed various times with the Executive Committee of the Communist International (ECCI) were a prelude for the discussions within the Bolivarian sector of contemporary Latin-American left-wing. We see a need to analyze the position of the Comintern on the first plans for the formation of the PCV and the APRA (which went far beyond the orthodox Marxist dogms), as also the perception of the situation and circumstances of this segment of Latin American left-wing movement by the headquarters of the Comintern.

Until recently, the details of this story were kept under lock and key, and only with the partial opening of the Archive in the Comintern in Moscow (RGASPI, for its acronym in Russian) do they begin to appear before the public. The history of the Latin American sections of the Comintern is full of examples that show that initially the Third International was not a robotized mechanism of the world revolution, but a living institution, full of discussions and contradictions. This article helps to fill the historiographic gap by highlighting several guidelines for discussions about cominternist tactics in Latin American countries as also to explain better what kind of Comintern inner discussions and political processes within Latin American left-wing groups of 1920s might be considered as a legacy for today's political processes.

While the studies of the history of Venezuelan and Ecuadorian left-wing were made more than once [6; 7; 25; 27; 29], however, the researches base on RGASPI materials are, rather, scarce, and while there are some of the works which highlight unknown pages of this evolution

(we should distinguish the articles by M. Becker, D. Kersfeld, V. Jeifets and L. Jeifets [3; 20; 21; 22; 24], there is still a necessity to show in what extent the current left-wing turn is connected with the Comintern epoch, i.e., to find out the antecedents of "Bolivarian Socialism of the 21st century".

The study uses a set of analysis methods adopted in historical and political science, namely: documentary analysis, systemic and comparative analysis, which allows us to reconstruct the main lines of interaction between different Communist groups of "Bolivarian countries" and the Comintern. It is these research methods that contribute to a critical examination of the documentary base of the study, which includes documents from the Latin American political parties and the Comintern found in the RGASPI and the Center for Research of Mexican Socialist and Workers' Movement (CEMOS) located in Mexico City. We also shall use some newspaper sources, especially those that published materials describing the essence of complex relations between PCV and the PSUV in Venezuela, with a purpose to obtain information on the events related to the subject of the study.

Meanwhile, the resolutions taken and the official documents cannot be the exclusive platform for investigations of the subject. The performances behind the scenes at the Comintern were a key part of the functioning of its national sections, which confronts historians with the challenge of studying them from the analysis of secret correspondence. In order to find out and collate the details of the history of the Venezuelan, Peruvian and Ecuadorian left of that period, we will contrast the archival sources with the information published in the existing bibliography. Such an approach makes it possible to better understand the essence of the evolution of the left in to assess accurately the issues that could not be publicly discussed given their confidential nature.

Analysis. The analytical part of the article consists of five sections; this structure is contributing to achieve our objectives. In the first, we will focus on the essence of the Bolivarian approaches as formulated during the discussions at the Sixth World Congress of the Comintern in 1928; the second one deals with the plans of the revolutionary continentalism proposed by the Peruvian revolutionary Victor Raul Haya de la

Torre which might be considered as an alternative to a Communist vision of the revolution. The third and the fourth sections are dedicated to description and analysis of details of formation of the left-wing movement in Ecuador and Venezuela (respectively) and to their complex relations with the Comintern. Finally, the fifth section contains an analysis of some aspects of the process of formation of the PSUV in the first decade of this century. Various sections include an analysis of the parallels in relations between the Comintern headquarters and internal development of the national left-wing groups in the 1920s and political processes in the Bolivarian Republic of Venezuela at this century.

The Comintern faces the Bolivarianism: the discussions at the 6th World Congress

The term “Bolivarian countries” first appeared in the Comintern documents in the 1920s. During the discussion at the 6th World Congress (1928) on the program of the Comintern, Jules Humbert-Droz, the member of the ECCI and the leader of the Regional Secretariat for Latin America, affirmed that to solve the problems of America Latin America was necessary to apply to the region the tactic used by the Comintern in the colonial and semi-colonial countries [18, p. 104]. He justified his thesis in the fact that the political independence of the Latin American countries did not allow them an independent capitalist development. For this reason, very soon the continent became an object of exploitation: first by British imperialism and then by North American one. Such circumstances, according to Jules Humbert-Droz, turned Latin America into a focus of strong struggle whose balance was increasingly tilted to the side of the United States. The most important strategic conclusion of Humbert-Droz was the recognition of the struggle of the Latin American people against imperialism, as one of the most important factors in the battle of the international proletariat against the British and North American imperialisms.

Some Latin American communists from the beginning did not approve this concept. Thus, Ricardo Paredes, the leader of the PSE, thought that in the Latin American continent there were between three and four groups of countries with

similar economic, historical and political development; Argentina, Uruguay, Chile and Brazil, according to him, corresponded to the first group and were the countries with more developed industry and agriculture compared to other countries and where the British capital predominated and a bourgeois democracy was existing. The second group included the Caribbean nations and could be called colonial countries, where the Americans were creating an economy of monocultures. According to Paredes' typology, the countries of Central America and Mexico were included in the third group, “with multiple similarities, but also with many differences”. As a separate group, Paredes considered the “Bolivarian” countries (Venezuela, Colombia, etc.), with many similar features: great consequences of feudalism, an industry “that was still in an initial stage”; and oil as the most important feature of this group of countries. Paredes paid attention to the differences between Latin American countries in relation to the national question, pointing out that indigenous people in some countries were an important factor in the revolutionary movement due to the similar economic conditions of servitude and the location of the indigenous race in the lowest social level. As examples he cited the triumph of the Ecuadorian liberal revolution of Eloy Alfaro and the massive participation of indigenous people in the Emiliano Zapata movement during the Mexican Revolution [39; 43, p. 23–25].

In the course of the discussion that took place in the journal *The Communist International*, the Soviet communist Sergei Gusev (Travin) presented an absolutely paradoxical opinion about the character of the revolution in Latin America. He distinguished the weakness of Latin American bourgeoisie and the absence of its revolutionary spirit; the few numbers and little consciousness of young industrial proletariat, and that it had not yet become a revolutionary class; he highlighted also the presence of the imperialist bloc. According to Gusev, the fragility of the national bourgeoisie facilitated the formation of the worker-peasant bloc in the countries of Latin America, although he was aware of the backwardness of the urban proletariat, particularly the industrial one. He considered “the rapid arrival” of US imperialism

as a catalyst for the revolutionary process, “because for the working masses of Latin America, US imperialism was much more aggressive than the British” [47, p. 97].

While describing the conditions necessary for the triumph of the revolutionary national liberation movements, Gusev highlighted joint and simultaneous (possible, armed) actions which might be taken in different places and nations under the slogan of “the anti-imperialist union of the republics of workers and peasants of Latin America”. He came to conclusion that it was impossible to liberate the countries of the continent from the imperialist yoke by way of bourgeois-democratic revolutions: “only the socialist revolution could liberate Latin America and give the land to the peasants”. In this way, Gusev thought of the future Latin American revolution as a “spontaneous mass revolution of the socialist type” [47, p. 99, 101].

Meanwhile, Humbert-Droz warned about the possibility of usurpation of hegemony in the Latin American revolution by the military: “When the revolutionary movement leads us to the usurpation of power, the latter is not held in the hands of three classes, but in the hands of the petty bourgeoisie and officers, the generals, who defend the interests of the petty bourgeoisie and express their ideology <...> When the movement triumphs, they obtain power for themselves. The masses that approach the movement do not create their own organs of the power” [18, p. 110]. In some sense this prognosis made by Humbert-Droz can be seen in the phenomenon of Chávez at the XXI century.

In the 1920s, the idea of the formation of a united Communist Party of the “Bolivarian countries” (Venezuela, Colombia, Ecuador and Bolivia) was considered various times within the Comintern and within some revolutionary groups. The organization of the CP of the “Bolivarian countries” was put on the order of the day during the realization of the plan to reorganize the Revolutionary Socialist Party of Colombia and the constitution of the section of the Third International in Venezuela. For several years the militants tried to convert this structure into an independent political movement and, after the planned triumph of the communist revolution, they were going to use it as an independent actor in international relations.

Another face of the revolutionary Continentalism

The “continental” way of thinking was typical not only for the ECCI, but also for the future founder of the APRA, the Peruvian revolutionary Víctor Raúl Haya de la Torre. While Aprist historiography over the decades claimed that Haya had rejected the proposal to join the Comintern and became a bitter enemy of the Communists because of the ideological controversies [41], the story is more complex. After his visit to Moscow in 1924, the exiled Peruvian student leader, who at that time was a member of the CP of Mexico, asked for a formal council from the Comintern while declared that he was trying to form a large party of workers and peasants in Peru with a purpose to turn it later into an “international structure for all of Latin America and thus inspire the revolutionaryism of the masses for the revolution with the aim of the unity of the peoples of the continent against Yankee imperialism” [17, p. 28-29].

Haya de la Torre did not doubt at all that the future party would unleash immediately the agitation throughout America “on the basis of the indigenous, peasants and workers to carry out the Latin American Federation based on the suppression of capitalist exploitation, nationalization of industry and modernization of the social system of Incaic communism for agricultural production” [17, p. 29]. The founder of the new party asked the Comintern to lend him moral support and agitation, and, “if possible”, to give also some financial aid.

After presenting the party’s program to the trial of Edgar Woog (Stirner), the most prominent Comintern specialist of the Third International in Latin American issues, Haya incorporated into the document some clauses about the nationalization of industry, the distribution of land over the basis of ancient Incaic traditions, the formation of Workers’ and Peasants’ government, the substitution of the bourgeois parliaments with the Soviets, etc. The program declared the unity of the peoples of America and open and determined anti-imperialism. Haya de la Torre was going to build his party on the basis of organizing principles of any other Communist Party, but at the same time was going to “adapt them” to national realities. However, to avoid panic or backlash, the

APRA was to omit “scaremongering or foreign words” and to be “absolutely national” in its propaganda and literature [17, p. 31]. After the consolidation of power and ending the danger of counterrevolution and an imperialist intervention, Haya de la Torre promised that the Peruvian government would evolve “towards a more radical communism.” The Aprista plans continued to be continental, however, Haya de la Torre’s activity was focused on Peru because, according to him, in Argentina, Chile and Mexico “there is a lot of reactionary force and a lot of labor division” [17, p. 31–32].

Woog did not take long to support Haya de la Torre, since he also perceived the Peruvian situation very promising; the Swiss revolutionary considered Haya de la Torre’s views “too abstract”. And the biggest obstacle to realizing the ideas of Víctor Raúl, according to Woog, was precisely this future party “organized directly to assume power”, in which its boss would be “almost the only one who has a more or less Marxist conception of the movement. revolutionary”. Woog’s conclusion was very disappointing for Haya de la Torre: “I do not doubt that for Peru the support of the indigenous peasant mass will be decisive for the maintenance of proletarian power, but without an iron party, without a group of comrades perfectly educated on the basis of experience itself and that of the Russian revolutionary movement and the period of reconstruction in Russia since the October revolution, they will not be able to stay in power for two months” [52, p. 34].

The break between Haya de la Torre and the Comintern was consummated in 1926, when the Peruvian founded APRA as a Latin American “autonomous movement” “without any foreign interference or influence”. Taking a distance from the Comintern, the Alliance expressed its disillusionment with the Latin American Antiimperialist League (controlled by the Communists), which “did not enunciate a political program but a resistance to imperialism” and the Latin American Union, which “limited itself to intellectual action”. The Apristas implied that only their party, like the United Front of manual and intellectual workers (workers, students, peasants, intellectuals, etc.) was the driving force of the anti-imperialist revolutionary movement in Latin America.

Between adventures and organization: the birth of Communism in Ecuador

Ricardo Paredes and his companions, in their turn, saw in the Ecuadorian Socialist Party a force capable of becoming a strong and dynamic organization, based on the promotion of communism in neighboring countries, and set the ambitious goals of rallying all the Communists in the region around the PSE [39, p. 3]. The “revolutionary pact” with the PRV and the Revolutionary Socialist Party of Colombia was considered as the basis for the future activities, thus stipulating the simultaneous actions of three allies. The objective of such a movement should be the creation of the Greater Socialist Colombia (Colombia, Venezuela, Ecuador), as the important and first cell of the future Federation of Latin American Peoples, and later, of the World Soviet Federation.

Understanding the organizational insufficiency of three parties to carry out such a project, the PSE considered that their unification by stages was needed: first, the creation of the common leadership of the parties of Colombia and Ecuador able to work in coordination with the delegate sent by the PRV, and, secondly, the organization of a single directive center of the three parties [38, p. 3].

During the debate on Raúl Mahecha’s (one of the leaders of the famous banana strike in Colombia, who stayed in Ecuador being persecuted by Colombian authorities) unexpected plan, the leaders of the Ecuadorian communists became even more convinced of the regularity of such an orientation. Mahecha, according to his own words, received a proposal from the representatives of the Rockefeller group company, to make available to the Revolutionary Socialist Party of Colombia “to carry out the social revolution, first in Colombia, then in Ecuador and later in Venezuela”, 5 million dollars and big quantities of rifles, cannon and machine guns on condition that the latter would grant the oil concession to the “Standard Oil”. The representatives of the American oil businessman supposedly affirmed that “what they would get was the oil of these nationalities” [38, p. 3–4]. The proposal was extended to the PSE and the PRV. In the event of rejection by the Communists, the agents of Rockefeller decided to offer this plan

to Colombian President Olaya Herrera and organize the invasion to Ecuador to “impose its oil policy and get the black gold that the United States was beginning to lack, while England was removing the US from their positions in Colombia and in other countries” [36, l. 23–24].

From Enrique Terán’s (PSE’s Secretary General) point of view, the acceptance of this plan could contribute to favor a rapid realization of the social revolution with a greater probability of its success. The advantage consisted in the possibility of delivery of weapons by “those bandits” immediately and without arousing any suspicion on the part of the bourgeoisie. The final outcome could be “the possibility of triumphing in the three republics and forming our Soviet federative union, which makes up such a great force that we could declare war on concessions later, and crush imperialism with our continental war of montoneras. The opportunity not to let the reaction advance later until it annihilates our parties like in Chile, Mexico, Cuba, Venezuela etc.” [38, p. 4].

In this way, the leaders of the PSE and Mahecha saw the tactical union with the oil oligarch Rockefeller, as the real possibility of the triumph of the continental social revolution. With all this, they were fully aware that such a tactic would mean the betrayal of “our ideals and our international organization”. On the other hand, they were afraid of rejecting such a path, since other forces would accept this help, and then “the revolution that we rejected... would turn fierce against our parties”, wrote E. Terán and R. Mahecha to the South American Secretariat of the Comintern [38, p. 5].

The leaders of the PSE asked the Comintern for the right to make “immediate and definitive” decisions and their responsibility for them. They expected them to analyze exactly “the very serious moments we are going through, the proximity of an armed movement in our countries, the imminence of an agrarian revolution, especially in Ecuador, the immense significance that a revolution can have in a group of countries that would undermine the imperialist power” [38, p. 8]. However, the Comintern did not want to accept the ambitious and obviously adventurous plans of the Ecuadorian communists, without bothering to explain the reasons for their decision. It is clear that the leadership of the International did not see

in this the prospects of the Latin American revolution, preferring to concentrate on other priorities.

The stumbling way of the Venezuelan Communism

Venezuelans Salvador de la Plaza and the brothers Gustavo and Eduardo Machado – emigrants and enemies of the dictatorship of Juan Vicente Gómez, participated actively in the Latin American anti-imperialist movement and founded also the Continental Revolutionary Group (GCR) and did everything possible to act based on the tasks of the “continental revolution” [see more details in: 16]. In 1927, with the participation of the members of the illegal Continental Revolutionary Group, the PRV was founded with a purpose to unify all opposition to Gómez, both abroad and within the country, to overthrow the dictator. The PRV presented itself as a defender of the “foundation in Venezuela of the government of principles and not the government of a single leader”, of a government capable of “putting an end to the hegemony of individuals and replacing it with the predominance of ideas”. The PRV stated that it is fighting for progress and improvement of the situation in Venezuela and for world peace [35, p. 46].

The GCR set the task of taking advantage of the favorable situation for the triumph of communism in America “that must arise in Venezuela as soon as the armed revolt that is being organized at the moment triumphs [9, l. 35–36]”. Venezuela was considered as the potential base for the deployment of the revolution on a continental scale. To achieve these objectives, two programs were drawn up: one for secret operations and the other for public actions, and believed that it was necessary “to keep the end pursued in secret until the revolt triumph, trying to achieve, on the one hand, the participation of the group in it, hence the participation of the masses, and on the other hand, not to give international capital a pretext to obstruct the movement”. The group supposed to form and lead “a united front with all the organizations, regardless of their social tendencies, for the campaign to overthrow the current tyrant and for the armed revolt that is being prepared with de facto means for the recognition of belligerence” [9, l. 36].

Gustavo Machado – the “general commissioner of the revolution” – immediately went to Moscow to “establish and maintain the broad brother relations between the government of the Union of Soviet Socialist Republics and the one that would be created in Venezuela after the triumph of the Revolution” [50, l. 15]. The Venezuelan supporters of the continental revolution only wanted from the III International and the USSR money and an expedition ship [15, p. 76] to carry weapons already offered by the Mexican government, and after the triumph of the revolution they expected the sending of advisers to carry out the socialist reforms. This idea was fully accepted by the Soviet plenipotentiary representative in Mexico Stanislav Pestkovsky and by Mikhail Grolman, the ECCI representative in Mexico.

However, in Moscow the Communist leaders thought otherwise. The Comintern and the People’s Commissariat for Foreign Affairs (NKID) denied aid to the Venezuelan revolutionaries, rejecting the “Garibaldian way” of overthrowing Gómez and considering support for the “pronouncement” as an adventure in view of the absence of social base within the country. They recommended creating the communist party before organizing the anti-dictatorial armed intervention [13, l. 162; 50, l. 220].

The true reasons for the refusal can only be assumed, since they were not explained in detail in the available documents. Conceptually, the ideas of the APRA, the PSE and the GCR anticipated the program of S. Gusev and were fully inserted into the general ideology of the world revolution. A similar armed expedition to overthrow the dictatorial regime in 1928 was planned by J.A. Mella, the leader of the Anti-Imperialist League of the Americas, ready to collaborate with the anti-Machadist leaders of the Nationalist Movement, but Mella never got the support of Moscow [46, l. 1]. While the Comintern gladly engaged in the organization of armed interventions in Germany, the Balkans, and elsewhere, without stopping at enormous expense, it did not agree to the ambitious plans of the supporters of the “continental revolution”. Why didn’t the officials of the world revolution support the revolutionary uprisings in Latin America? The history tells us that armed actions against hateful dictatorships could achieve their results. In a few years, only

APRA was able to triumph in the elections in Peru, showing the appeal of its program to the masses, in 1933 a general strike organized by the Cuban Communists led to the fall of the Gerardo Machado regime, etc.

The probability of success of the revolt in Venezuela was also great, since the opposition to the tyranny managed to accumulate broad social sectors ready to participate in the anti-dictatorial coalition and anti-imperialist activity. However, the proclamation of its emphasis on the Communist Party and the program of the socialist revolution, contributed to the reduction of the field of activity of the radical leftist opposition against J.V. Gómez. What they were afraid of at the headquarters of the Comintern was the loss of hegemony of the party of the proletariat in the revolution, and their consequent conversion into general democratic ideology of the anti-dictatorial movement. These fears were not absolutely unfounded, since in Latin America the degree of loyalty to the Comintern of the followers of the world revolution was quite conditional. Communism was more of a dream than an ideology, the same as today for Hugo Chávez. That is why its members did not consider it possible to overthrow the tyrannical regimes by forces that were not under the full control of the Comintern, proposing the socialist revolution for the distant future.

The formation of contemporary Socialist United Party in Venezuela

Hugo Chávez declared more than once that he considered his country as the center for the advancement of the ideas of “Socialism of the XXI century”, not only in Latin America but throughout the world. The international organization “Bolivarian Alternative for the Americas” (ALBA), created in 2004 at the initiative of Hugo Chávez and Fidel Castro, included Venezuela, Cuba, Bolivia, Nicaragua, Dominican Republic and (for a short time) Honduras, as also some smaller Caribbean nations [37]. This group bases its activity on the ideas of mutual social political and economic assistance among the Latin American nations, considering their revolution as part of the global struggle against US imperialism [19; 30]. The intents to create a kind of Fifth International which would be, alike the Comintern, an international

coordinating center for the leftist parties throughout Latin America and all over the world, was also the essential part of this Chavist strategy. The PSUV, which had in its best moments, more than 7.5 million people, according to press reports, was considered as a political lever to form the network of international movements [11].

In Cuba, after the Castroist revolution, the process of forming the only leading party was carried out above all “from below”. The Popular Socialist Party (PSP) recognized the leadership of Fidel Castro in the revolutionary process and was willing to accept the different forms of cooperation, from the election of the leader of the July 26 Movement as its Secretary General to the creation of the Revolutionary Organizations Integrated (ORI), like the base of the United Party of the Socialist Revolution of Cuba. Initially there were some obstacles due to the activities of the communist Aníbal Escalante, secretary of the National Directorate of the ORI (who, incidentally, in the 1930s worked in the ECCI). Finally, Escalante was dismissed from his post in March, 1962 by the ORI leadership at the instigation of Fidel Castro who accused him of “having promoting the sectarian spirit to its highest possible level, of having promoted an organization which he had controlled” [5, p. 19–20]. The situation with the “old-line Communist” Anibal Escalante was, however, something more complicated. According to some archive documents from Poland published recently in the USA, Escalante had concentrated too much control over national apparatus of the party in his hands and the July 26 Movement (M-26) was quite jealous with it and had feared that the PSP would be able to get control over the military cadres [45]. This internal episode had also international dimension as Moscow was preoccupied over the clash between Escalante and Castro and was wondering if this wouldn’t signify the rapprochement between Havana and Maoist China [44]. In two years ex-leader was imprisoned and accused of being part of a “microfaction plot” within the Communist Party and of maintaining some extraofficial relations with the Soviet embassy trying to orchestrate the overthrow of Castro [5, p. 19–20]. However, the international dimension of the Escalante case never became very significant within Cuban political life, as the main part of the PSP finally choose to support Fidel

and to let him free way to construct a new political system.

On the contrary, in Venezuela the formation of the leading PSUV was done “from above”, by “Commander Chávez”, although had no such international dimension like in Cuba. While the PCV supported originally to Hugo Chávez and during some consequent elections the PCV was among the parties who formed part of pro-Chávez coalition, later on the situation became more complex. At the 13th Extraordinary Congress of the PCV (2007), the Venezuelan Communists after energetic debates over Chávez’ plan to create the PSUV which would absorb all the national left-wing forces decided to approve this plan, but at the same time they opted to maintain their own political autonomy [14]. In Autumn of 2007 the PCV was one of the most energetic promoters of option “Yes” at the referendum convoked to approve or not the draft of new Constitution suggested by Chávez and National Assembly.

The leftist forces that did not want to dissolve in the PSUV, because they did not want to lose their individuality, were branded as traitors by the leader of the Bolivarian revolution. In October 2008, Hugo Chávez broke relations with the “schismatics” and “counterrevolutionaries” of Patria Para Todos (PPT) and the PCV, who did not agree to disperse in the PSUV and presented their own candidates in elections: “Don’t be liars, PCV and PPT, you have your own counterrevolutionary plans. You are playing at dividing the popular movement and I accuse you of counterrevolutionaries, and you must be swept off the Venezuelan political map as disloyal, liars and manipulators” [40].

Already after the triumph of the referendum on the constitutional changes presented by Chávez, the Communists were forced to get even closer to the PSUV, since they did not want to be out of the political life of the country [2]. On February 16, 2009, the PCV proposed to preserve the structure of the so-called Simón Bolívar Command to use it as a dispute club for pro-Chavista social sectors. The same was stated by the representatives of PPT. The communist Yul Jabour was right when he pointed out that Chávez’s success in the referendum was practically guaranteed, because in reality the “hard-fought” parties worked together on the most important issues of the campaign. On the other

hand, it was important for the PSUV not to rush to give a positive response to its comrades from yesterday, today considered semi-dissidents. In this new phase of romance with the PSUV the PCV converted into the second party in the Chavist coalition (2.99% of votes) [8], and at the presidential elections the PCV obtained about half of million votes.

In the history of Venezuela, when the PCV was founded, a similar case has already occurred. A barrage of accusations fell on the Communists, the leaders of the PRV de la Plaza and Machado, the men who founded the party and led the Latin American anti-imperialist movement, left movement. They were accused of “caudillismo” and asked to dissolve the PRV and take care of something “specific in nearby regions of the country.” G. Machado bitterly wrote: “May we disappear from the “circulation, may we no longer be named. <...> We are attacked because it seems that we are not satisfied with being leaders but that we aspire to be leaders! This happens to the extent of the ridiculous and I am not willing to let Ricardo Martínez [he was referring to Venezuelan communist who at those times was in charge of the Latin American Section of the Red Trade Union International] continue mortifying himself with my future presidency of the republic. This is not revolutionary, nor is it serious” [16, p. 25].

As disciplined members of the Comintern, the leaders of the PRV carried out the order of their superior instances; the Communist Party of Venezuela was founded by other people. However, in the mid-1930s, when the dictatorship fell, they returned to the country and throughout their lives played an important role in party activities. The current PCV could not resist the pressure of Hugo Chávez, but in order not to disappear from political life, it had to accept the compromise [2; 34].

After the death of Hugo Chavez in 2013 and postulation of Nicolas Maduro by the Gran Polo Patriótico, the PCV supported him [19]. However, it maintained its basic attitude saying that it was not considering the Venezuelan social and economic system as Socialist one [32; 33]. The Communist supported the majority of the candidates postulated by the GPP, but there were divergences in regional and municipal levels, and the PCV finally decided in some cases to postulate

its own candidates competing with GPP. The rupture came in 2020 when the PCV decided to present its own list to the National Assembly. According to O. Figuera, “the resistance is against North American or European imperialism not because socialism is being built in Venezuela, no, it is not because of that, because in Venezuela socialism is not in crisis, dependent and rentier capitalism is in crisis, which is the model that is has installed in our country, that model is in crisis <...>. Faced with this model, we have proposed raising a revolutionary solution that deepens peasant, worker and popular control and their role in the process of transformation of Venezuelan society and not a solution that is proposed is to build a new revolutionary bourgeoisie” [34].

Although some observers considered it a maneuver with a purpose to accumulate the anti-Maduro votes in circumstances of abstention by the main part of opposition parties, the essence of the issue can be easily read in the same words by Figuera: “Our difference with the Government is not a quota for the National Assembly, our difference is political, it has to do with the fact that we do not share economic policy, with labor policy, at the agrarian and peasant level, which has to do with bureaucracy and corruption, the existence of mafias that control important spaces of society and the State <...> those are our differences that are not of today, we have raised them for years” [34].

The PCV never wanted to be a minor partner, but an equal one. While it had to subordinate partially to Hugo Chavez, the Communists remember that they are the oldest party in Venezuela and that it was their ideology which became one of the founding stones for the Bolivarian socialism. Thus, it was inevitable that they would require political independence, especially in the moment of crisis of the ruling regime. In effect, Maduro’s accusations against the PCV are very similar to those made by Chavez in 2008: “We carry a project, clinging to Bolívar, to Chávez, to the socialist project, defined, clear, we think very well what we do and we do it without depending on blackmail neither imperialists nor leftists, childish and false. In the end they come together, they are destructive forces, both” [49].

The compromise between Chávez and PCV was one-sided. The Venezuelan president Hugo Chávez planned to build the “Socialism of the

21st century” taking as an ideology, to a great extent, the one born in the Comintern, but without the PCV founded with the participation of the Third International as an independent political force. This well points to traditions of the World Communist Party that didn’t allow for differences within its ranks. It looks like the PSUV leaders fascinated with their hegemony and charisma of Chávez proved unable to understand the complex essence of their relations with the Communists and some others allies.

Results

While examining the Comintern “trace” in the formation of modern “Bolivarian socialism” (the slogan and ideology proclaimed by governing Venezuelan Socialist United Party) the authors came to conclusion that there is a visible influence of the Comintern ideology and practice which contributed to the political formation of some leaders of Venezuelan “Bolivarian” revolution (Hugo Chávez, first of all). Although it was not the only source of the formation of such ideology, some of these postulates not only were formulated back in the 1920s by left-wing militants close to the Venezuelan Communism and to the Comintern, but also were shared by the militants of the Ecuadorian Socialists and Communists and the leader of Peruvian Aprism V.R. Haya de la Torre. These concepts were debated energetically and finally amended during the VI Congress of the Comintern, however, Moscow was not able to change completely the original ideas offered by Latin American left-wing militants. The general conclusion is that the “Socialism of 21st century” it is not completely new approach, but a sum of some previous concepts adopted to the realities of South American politics of this century.

As for the models of the Party construction discussed in respect to the Venezuelan Revolutionary Party/Communist Party of Venezuela, the authors see a lot of similarities with the process of the creation of united revolutionary party formed during Castroist revolution in Cuba. However, it was demonstrated that this process was quite different in today’s Venezuela and it was undertaken from above, with obvious purpose to marginalize some political actors; these circumstances never let to unify all the left-wing and revolutionary forces. The Communist in

Venezuela opted for maintaining their organizational autonomy precisely because of PSUV’s inability to permit ideological heterodoxy and equality of different left-wing parties.

NOTE

¹ The study is funded by the Russian Science Foundation, grant № 19-18-00305, “The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

REFERENCES

1. Alcántara Sáez M. ¿Qué Izquierda surge hoy en América Latina?, más diferencias que similitudes, *El País*, 2006, May 28.
2. Arocha J.P. Alianza no sólo electoral. PCV llamó a mantener el Comando Simón Bolívar como instancia unitaria. *Tribuna Popular*. Caracas, 2009, February 25.
3. Becker M. The Comintern and Ecuador. Jeifets V., Schelchkov A., eds. *Rossiiskaia revoliutsiia, Komintern i Latinskaia Amerika* [The Russian Revolution, Comintern and Latin America]. Moscow, Nauka Publ., 2019, pp. 487-501.
4. Blanco Muñoz A. *Habla el comandante*. Caracas, Universidad Central de Venezuela, 1998. 289 p.
5. Blight J. *Sad and Luminous Days: Cuba’s Struggle with the Superpowers After the Missile Crisis*. Lanham, Md, Rowman & Littlefield, 2007. 324 p.
6. Boersner D. *Análisis del Partido Comunista en Latinoamérica y Venezuela*. Caracas, Univ. Popular Alberto Carnevali, 1961. 310 p.
7. Caballero M. *Entre Gómez y Stalin*. Caracas, Universidad Central de Venezuela, 1989. 214 p.
8. *Consejo Nacional Electoral. Divulgación Elecciones Parlamentarias*, 2010, September 26. URL: http://www.cne.gov.ve/divulgacion_parlamentarias_2010 (accessed 14 February 2011).
9. Continental Revolutionary Group. Salvador de la Plaza, Secretary General. Mexico City, 1926. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 107, folder 3, l. 35-36.
10. Chávez: Yo no soy comunista. *BBC*, 2003, June 3. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/spanish/latin_america/newsid_2973000/2973926.stm (accessed 24 March 2013).
11. *Chávez Would Create a Secret Service Against the USA*. URL: <http://www.dni.ru/society/2008/6/1/143374.html> (accessed 3 January 2014).
12. Dabagian E.S. *Venesuela: krisis vlasti i fenomen Ugo Chavesa (genesis, evolutsiia i*

perspektivy) [Venezuela: Crisis of Power and Hugo Chavez Phenomenon (Genesis, Evolution and Perspectives)]. Moscow, ILA RAN, 2000.

13. Diary of the Plenipotentiary Representative S. Pestkovsky. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive for the Foreign Policy of the Russian Federation]. Mexican Section, f. 0110, inv. 6, d. 1, folder 101, l. 76.

14. Figuera Óscar. Trascendental Congreso del PCV. Total respaldo a propuestas del Presidente Chávez. *Tribuna Popular*, 2007, March 5.

15. G. Machado's Autobiography. 1952. Personal Folder of Gustavo Machado. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 200, folder 16, part 2.

16. G. Machado to S. de la Plaza. París, April 19, 1930. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 107, folder 16, l. 25.

17. Haya de la Torre V.R. to Stirner (Woog). (Not Earlier than December 9, 1924). *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 118, folder 2, l. 28-32.

18. Humbert-Droz J. Some Problems of the Revolutionary Movement of Latin America. *Communist International*, 1928, no. 27-28.

19. Iwanowski Z. Partidos políticos de Venezuela en las condiciones de la polarización. *Iberoamérica*, 2018, no. 4, pp. 25-52.

20. Jeifets L., Jeifets V. El Giro a la Izquierda en América Latina y el nacimiento del "nuevo bolivarianismo". *Revista CS*. Cali, 2009, no. 4, pp. 195-212.

21. Jeifets V., Jeifets L. La inserción internacional de la izquierda comunista anti-gomecista en el exilio venezolano, primeros años. *Izquierdas*. Santiago, 2015, no. 25, pp. 1-28.

22. Jeifets V., Jeifets L. Los orígenes del Partido Comunista del Ecuador y la Tercera Internacional. *Izquierdas*, 2010, núm. 6, pp. 1-23.

23. Jones B. *Hugo! The Hugo Chávez Story From Mud Hut to Perpetual Revolution*. London, The Bodley Head, 2008. 600 p.

24. Kerssfield D. Bolcheviques en Ecuador. *The International Newsletter of Communist Studies Online*. Bochum, 2014, vol. 19, pp. 73-82.

25. Key Sánchez F. *Fundación del Partido Comunista de Venezuela: (trabajo elaborado para el Comité Central y el VI Congreso del P.C.V.)*. Caracas, Fondo Editorial "Carlos Aponte", 1980. 94 p.

26. "Left-Wing Turn" in Latin America. Moscow, Institute of Latin America, 2007. 187 p.

27. Marcano K., Barrera Tyshka K., Chávez H. *Istoriia lichnosti* [History of the Personality]. Saint Petersburg, Ed. Ánfora, 2009. 589 p.

28. Marthoz J.-P. *Venezuela's Foreign Policy: A Mirage Based on a Curse*. Norwegian Peacebuilding Resource Center Report, 2014. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/186054/5ac5220191adf69475fb57f9e303479c.pdf> (accessed 14 May 2016).

29. Melcher D. *Estado y movimiento obrero en Venezuela: represión e integración hasta 1948*. Caracas, Academia Nacional de la Historia-Universidad de los Andes, 1992. 198 p.

30. Nikolaev Y. Chávez Called to Sow a Grain of Revolution Throughout the World, Mexico City, June 1, 2008. *RIA "Novosti"*. URL: <http://www.rian.ru/world/20080601/108982787.html> (accessed 14 February 2011).

31. Okuneva L.S. A los orígenes del "viraje para la izquierda" en el Brasil: el concepto del socialismo en el ideario del Partido de los Trabajadores (las décadas de los ochenta y los noventa del siglo XX). *Electronic Scientific Journal Istoriya*, 2018, no. 3 (67), p. 21.

32. PCV: *En Venezuela no hay socialismo*, March 11, 2016. URL: <https://canaldenoticia.com/venezuela-no-socialismo-segun-pcv> (accessed 14 February 2018).

33. PCV: Nuestra diferencia con el Gobierno no es por un cupo a la Asamblea. *Panorama*, September 4, 2020. URL: <https://www.panorama.com.ve/politicaeconomia/PCV-Nuestra-diferencia-con-el-Gobierno-no-es-por-un-cupo-a-la-Asamblea-20200903-0041.html> (accessed 14 October 2020).

34. PCV: "Se fortalece la democracia y liderazgo del Presidente Chávez". *Tribuna Popular*, 2008, November 24.

35. Programa del Partido Revolucionario Venezolano. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 107, folder 3, l. 46.

36. Protocol of the Meeting of the Secretariat of Latin American Countries, June 27, 1928. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 79, folder 37, l. 23-25.

37. Pyatakov A. "Maratón" integracionista latinoamericano a comienzos del siglo XXI. *Iberoamérica*, 2015, no. 1, pp. 65-83.

38. R. Maecha and E. Terán to the Secretary of the South American Secretariat of the CI, January 3, 1930. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 67, folder 11, l. 3-5.

39. R. Paredes to the Secretary General of the Communist International, February 9, 1929. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 67, folder 8, l. 3-8.

40. Rompe Hugo Chávez con dos partidos aliados. *Jornada*. Mexico City, D.F., 2008, October 12.

41. Sánchez L.A. *Haya de la Torre y el APRA*. Lima, Universo, 1980. 225 p.
42. Schelchkov A. The Left-Wing Alternative to Neoliberalism. The Cultural and Democratic Revolution in Bolivia at the Beginning of 21st Century. *Latinoamerikanskii Istoricheskii Almanakh*, 2016, no. 179, pp. 192-240.
43. *Stenograficheskie otchet VI kongressa Komintern* [Stenographic Report of the 6th Congress of the Comintern]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, vol. 6. 196 p.
44. Taubman W. Review of "One Hell of a Gamble": Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964. *Journal of Cold War Studies*, 2002, vol. 4, no. 1, pp. 123-124.
45. *Telegram from Polish Embassy in Havana (Jejec), 24 March 1962, March 24, 1962, History and Public Policy Program Digital Archive, Szyfrogramy from Havana 1962, 6/77 w-82 t-1264, Polish Foreign Ministry Archive (AMSZ), Warsaw. Obtained by James G. Hershberg (George Washington University) and Translated by Margaret K. Gnoinska (Troy University)*. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115741> (accessed 14 October 2020).
46. The CC of the PC of Mexico to the Latin Secretariat of the Comintern, July 14, 1928. *Centro de Estudios del movimiento obrero y socialista* [Center for Studies of Workers' and Socialist Movement]. PCM collection, box 3, folio 17, l. 1.
47. Travin S.K. On the Question of Characteristics of the Revolutionary Movements in Latin America (Some Theses). *The Communist International*, 1928, no. 29-30, pp. 97-101.
48. Uggla F. A Turn to the Left or to the Centre? – Latin America: Left, Right or Beyond? *Stockholm Review of Latin American Studies*. Stockholm, s. n., 2008, no. 3, pp. 9-20.
49. *Venezuela: ¿Por qué Nicolás Maduro pierde el apoyo de sus propios aliados?* URL: https://www.clarin.com/mundo/crisis-venezuela-nicolas-maduro-pierde-apoyo-propios-aliados-_0_172xpoOoZ.html (accessed 24 October 2020).
50. Vice-People's Commissar for Foreign Affairs M.M. Litvinov to the General Secretary of the ECCI, September 3, 1926. Personal Folder of Gustavo Machado. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 200, folder 16, part 2, l. 220.
51. Vidal P.F. and Ansaldo-Rolof M. Hugo Chávez y los principios del Socialismo del Siglo XXI: una indagación discursiva (2005–2013). *Izquierdas*, 2018, no.42, pp. 224-250.
52. Woog to Haya de la Torre, Moscow, January 12, 1925. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive for Social and Political History], f. 495, inv. 118, folder 2, l. 34.

Information About the Author

Victor L. Jeifets, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, jeifets@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>

Lazar S. Jeifets, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, ilaranspb@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>

Информация об авторах

Виктор Лазаревич Хейфец, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, jeifets@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>

Лазарь Соломонович Хейфец, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ilaranspb@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 28.01.2021
Accepted: 14.03.2021

**U.S. DIGITAL DIPLOMACY AND BIG DATA:
LESSONS FROM THE POLITICAL CRISIS IN VENEZUELA, 2018–2019¹**

Anna N. Sytnik

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia A. Tsvetkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Ivan A. Tsvetkov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reveals the current U.S. digital diplomacy applying the case study referred to the political crisis in Venezuela culminated in late 2018 and early 2019, when the speaker of the National Assembly Juan Guaido declared himself the self-proclaimed acting president after the elections. Confrontation between his supporters and those of the incumbent President Nicolas Maduro reached its apogee. The aim of the research is to reveal whether the U.S. has been able to influence the development of the political situation and opinion of Venezuelan citizens through various digital diplomacy instruments and international broadcasting channels. The analytical part of the paper is divided into two sections. The first section discusses methodological issues relative to research in the field of digitalization of U.S. foreign policy and international relations in general. These methodological approaches are tested on the case study, namely the U.S. digital diplomacy in Venezuela in the second section of the paper. *Methods.* The methodology of the research includes the analysis of big data and social media. The primary sources are the accounts of U.S. officials, government-sponsored media, Venezuelan media, and bloggers. Twitter was surveyed to the extent that active political discussions flared up there during the crisis. At the time, Venezuela had the third highest number of Twitter users in the world. *Analysis.* Using the machine analytics, about 10 million tweets were retrieved, allowing us to determine the place of the U.S. governmental accounts among the influencers of public opinion in Venezuela. *Results.* The analysis shows that local digital media, and the activity of bloggers and politicians, including Juan Guaido and Nicolas Maduro, had more impact on the Twitter community and Venezuelans than U.S. channels of digital diplomacy or tweets of American politicians. The more active local bloggers are, the less chances were left for external players including the United States as well as Russia, China, or Europe, to change public opinions of Venezuelans. *Authors' contribution.* Anna Sytnik carried out the big data analysis using Python programming language and developed the methodological foundations of the research. Natalia Tsvetkova developed the methodological foundations of the research and made the interpretations of analysis in terms of U.S. digital and data diplomacy. Ivan Tsvetkov developed the contextual frameworks of the case study.

Key words: United States, digital diplomacy, data diplomacy, datafication, Venezuela, Twitter.

Citation. Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 192-203. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16>

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ: УРОКИ ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО КРИЗИСА 2018–2019 ГОДОВ¹

Анна Николаевна Сытник

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Наталья Александровна Цветкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Иван Александрович Цветков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает особенности современной цифровой дипломатии США на основе анализа событий вокруг политического кризиса в Венесуэле в конце 2018 – начале 2019 г., в ходе которого спикер оппозиционного парламента Х. Гуайдо объявил себя самопровозглашенным президентом после внеочередных выборов, а в стране началось противостояние между его сторонниками и сторонниками действующего президента Н. Мадуро. Цель исследования – установить, повлияли ли США на развитие ситуации с помощью применения цифровых внешнеполитических инструментов. Аналитическая часть статьи состоит из двух разделов. В первом разделе раскрыты общие вопросы, связанные с изучением социальных сетей как части внешнеполитического арсенала США и датафикации международных отношений в целом. Во втором разделе методы анализа социальных сетей применяются для анализа цифровой дипломатии США в отношении Венесуэлы. Методология исследования основывается на машинной обработке больших данных. Документальными источниками выступают аккаунты американских и венесуэльских СМИ, а также независимых блогеров. Специальному исследованию подвергнута одна из социальных платформ – «Твиттер», поскольку именно там разгорелись активные политические дискуссии во время кризиса и Венесуэла занимает третье место в мире по числу пользователей и публикаций в Твиттере. С помощью программных алгоритмов было получено и обработано около 10 млн твитов, что позволило определить место американских правительственных аккаунтов среди лидеров общественного мнения по венесуэльскому вопросу. Результаты анализа показали, что местные цифровые СМИ, индивидуальные блогеры, а также политики, включая Х. Гуайдо и Н. Мадуро, оказывали большее влияние на аудиторию Твиттера, чем специально созданные каналы цифровой дипломатии или твиты политиков США. Чем активнее действовали блогеры, как проправительственной, так и оппозиционной окраски, тем меньше шансов оставалось у внешних игроков, включая США, а также Россию, Китай и Европу, оказывать влияние на венесуэльцев при помощи социальных сетей или каналов международного вещания. *Вклад авторов.* А.Н. Сытник осуществила анализ больших данных при помощи инструментов программирования, разработала методологические основы исследования; Н.А. Цветкова разработала методологические основы исследования и сформулировала основные результаты; И.А. Цветков участвовал в написании окончательного текста и разработке методологии исследования.

Ключевые слова: США, цифровая дипломатия, дипломатия данных, датафикация, Венесуэла, Твиттер.

Цитирование. Сытник А. Н., Цветкова Н. А., Цветков И. А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 192–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16>

Введение. Процессы цифровизации охватывают сегодня самые разнообразные сферы жизни, включая международные отношения. Цифровые инструменты все активнее используются международными акторами. Цифровая дипломатия и дипломатия данных,

кибербезопасность, глобальное управление интернетом и цифровые избирательные технологии – это те компоненты цифрового кластера внешней политики, которые наиболее заметны в мировой политике и вызывают столкновения между государствами.

Цифровая дипломатия – это использование социальных сетей для влияния на зарубежную аудиторию, что все чаще расценивается как наиболее эффективный инструмент в арсенале современной дипломатии. Бурно развивается такое направление, как дипломатия данных, подразумевающее применение различных методов анализа социальных сетей с использованием искусственного интеллекта для решения задач внешней политики, включая проблемы информационного противостояния, публичной дипломатии и «мягкой киберсилы». Определение базовых принципов глобального управления интернетом необходимо для решения комплекса проблем, связанных с разграничением международного и национального контроля над киберпространством. В настоящее время данные вопросы являются предметом интенсивных переговоров между различными стейкхолдерами, включая государства и гражданское общество. Идет работа над соглашениями по отдельным сюжетам, относящимся к данной сфере. Кибербезопасность и информационная безопасность также являются важнейшими темами в рамках международной повестки. Еще одной бурно развивающейся областью международных отношений выступают цифровые избирательные технологии, их изучение подразумевает, в частности, сравнительный анализ использования электронного или цифрового голосования в разных странах, а также затрагивает проблему влияния государств на политические процессы и выборы в зарубежных странах. Указанные компоненты цифровизации международных отношений с каждым годом становятся все более заметными, и в настоящее время уже можно говорить о целом корпусе связанных с ними теоретических и прикладных проблем, которые ждут своих исследователей.

В данной статье речь пойдет об одном из компонентов цифровизации международных отношений, а именно о цифровой дипломатии и дипломатии данных во внешней политике США. Наша публикация продолжает дискуссию, которая развернулась в последние годы на страницах зарубежных и отечественных журналов и в рамках научных конференций, таких как: конференция в Волгоградском государственном университете «Трансформация современной политики США в Западном по-

лушарии», конференция в Центре североамериканских исследований ИВИ РАН «США и Россия. Взаимоотношения. Взаимовосприятие. Изучение» и др. [1–3].

В статье определены особенности современной цифровой дипломатии США на основе анализа событий вокруг политического кризиса в Венесуэле в конце 2018 – начале 2019 г., в ходе которого спикер оппозиционного парламента Х. Гуайдо объявил себя самопровозглашенным президентом после внеочередных выборов, а в стране началось противостояние между его сторонниками и сторонниками действующего президента Н. Мадуро. Основная цель нашего исследования – установить, повлияли ли США на развитие ситуации с помощью применения различных цифровых внешнеполитических инструментов.

Методы и материалы. Исследование основывается на анализе больших данных, извлеченных из социальных сетей. Большие данные в данном случае – это аккаунты американских и венесуэльских СМИ, а также независимых блогеров, занимающих активную позицию в венесуэльском кластере интернета. Необходимо отметить некоторые особенности метода анализа больших данных в данной статье. Специальному исследованию подвергнута одна из социальных платформ – «Твиттер», поскольку именно там шли самые активные политические дискуссии во время кризиса (Венесуэла занимает третье место в мире по числу пользователей и числу публикаций в Твиттере). Используя машинный способ, мы получили все твиты (посты), содержащие хештег со словом «Венесуэла» на английском и испанском языках, с веб-страницы расширенного поиска Твиттера (Twitter Advanced Search). Выбор именно этого хештега был обусловлен широким распространением практики использования хештега страны для донесения информации до национальной целевой аудитории. Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с декабря 2018 по март 2019 г., когда противостояние между сторонниками Гуайдо и Мадуро в социальных сетях достигло кульминации, а оба политика вели активную деятельность в социальных сетях, пытаясь привлечь пользователей на свою сторону. Общее число проанализированных машинным способом

твитов составило около 10 млн. В итоге была осуществлена выборка 250 наиболее популярных блогеров, а также 1 000 самых влиятельных аккаунтов в Твиттере за каждый день, что позволило нам определить долю американских правительственных аккаунтов среди лидеров общественного мнения по венесуэльскому вопросу. Результаты анализа предоставили нам достоверный ответ на исследовательский вопрос о степени влияния американских правительственных и неправительственных социальных медиа на общественное мнение в Венесуэле. Нельзя не отметить, что, несмотря на значимость темы о цифровой дипломатии во внешней политике США в отношении стран Западного полушария, данный вопрос изучен крайне фрагментарно. Совсем не изучена информационная деятельность США в социальных сетях, а зарубежная и российская научная литература о работе каналов международного вещания в регионе весьма малочисленна. Однако существует ряд работ, авторы которых косвенно затрагивали данный вопрос [4; 5; 13; 15].

Анализ. Датафикация, цифровая дипломатия, дипломатия данных: современные подходы к изучению. Одной из форм цифровизации международных отношений и внешней политики выступает датафикация (datafication). Датафикация – это использование больших данных и их аналитики в политической практике. Сегодня самые разные участники международных отношений, от государственных структур и огромных корпораций до индивидуальных блогеров, стремятся использовать данные социальных сетей для реализации своих политических и экономических интересов. Феномен датафикации меняет наше представление о больших данных. Это не просто набор данных из социальных сетей, классифицируемый по количеству байтов, но и своеобразное «топливо» для нового вида внешнеполитической деятельности – дипломатии данных. Одним из примеров такой деятельности могут выступать проекты Центра глобального вовлечения в структуре госдепартамента США, который активно разрабатывает проекты дипломатии данных для противостояния информационной деятельности России в европейских государствах [13].

Изучение цифровой дипломатии, или дипломатии данных, требует обращения к количественному и качественному анализу публикаций в социальных сетях. На сегодняшний день социальная платформа «Твиттер» является важнейшим источником больших данных, доступным исследователям международных отношений. Она не только сохраняет широкую популярность во всем мире, но и предоставляет всем заинтересованным лицам широкий набор инструментов для сбора детализированной информации о взаимодействии пользователей во время локальных, региональных и глобальных событий, а также о степени влияния отдельных акторов на общественное мнение. Области применения анализа данных из Твиттера обширны и разнообразны. Новейшая политика администрации платформы «Твиттер» в части закрытия или приостановки функционирования различных аккаунтов, от фейковых до профайла Президента США, создает новые интересные кейсы о цифровизации политики.

Цифровые следы, оставленные пользователями Твиттера, различные переменные, такие как число подписчиков, хештеги, географическое положение и т. д., представляют интерес для исследователей и являются первичными данными для разработки стратегии цифровой дипломатии различных государств. Как известно, эта социальная сеть ведет учет самых различных проявлений активности пользователей, таких как прямые ответы на твиты (replies), обращения к другим аккаунтам (упоминания, или mentions) и распространение информации (ретвиты, или retweets). Взаимодействия, осуществляемые пользователями, выстраиваются в сети обсуждений под различными хештегами, формируя диалоги и сообщества. Эти хештегированные темы формируют вокруг себя сообщества пользователей, обсуждающих конкретные вопросы [11]. Феномен «хештег-сообществ» оказался эффективным полем для влияния со стороны различных акторов. Самый известный пример – выборы Президента США в 2016 году. По мнению ряда экспертов, в ходе этой кампании именно создание с помощью хештегов фейковых групп для обсуждения чувствительных политических вопросов привело к поляризации американского общества [14; 16].

Однако существует несколько проблем, которые ограничивают применение анализа социальных сетей в области изучения международных отношений. Главная проблема – доступность данных об активности пользователей социальных сетей, которая с каждым годом становится все более ограниченной. Достаточно вспомнить, как после знаменитых слушаний в конгрессе США в октябре 2017 г. по проблеме возможного вмешательства России в выборы США через социальные сети многие известные платформы ограничили доступ к встроенной аналитике через API (интерфейс программирования приложений). Поэтому основным альтернативным способом получения и анализа данных являются приложения независимых разработчиков, такие как SocioVizz, Tableau, Netlyric и др., которые, однако, позволяют получить или проанализировать только ограниченное число твитов, или постов. Для получения полноценного банка больших данных требуется создание особых алгоритмов их сбора с помощью квалифицированных программистов. Существует множество программных инструментов для анализа данных и два наиболее востребованных в этой сфере языка программирования: Python и R. Алгоритмы, составленные на этих языках, чаще всего используются исследователями в области социальных наук.

Вторая проблема – это репрезентативность данных. Сегодня, несмотря на популярность социальных сетей, собранные данные, например из социальной сети «Твиттер», составляют лишь около 1 % от общего массива публикаций в социальных сетях по поводу какого-либо события, что не может не сказаться на обоснованности выводов. Феномен цифрового разрыва – разница в образовании, профессиональных занятиях, социальном статусе и др. между пользователями социальных сетей и населением в офлайне – также оказывает влияние на результаты исследования. Тем не менее, даже если мир Твиттера не идентичен миру офлайна, он полностью реален, поскольку его пользователи, их желания, эмоции и политические взгляды оказывают масштабное влияние на всю систему международных отношений и дипломатии. Например, тысячи твитов повернули электоральные предпочтения населения в крупных городах Вене-

суэлы во время выборов, а два миллиона твитов, связанных с бразильскими протестами июня 2013 г., изменили политическую судьбу президента этой страны [7].

Самыми распространенными и проверенными способами анализа данных выступают анализ хештега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), сентимент-анализ (sentiment analysis) и др. Анализ хештега позволяет отследить участников дискуссии по определенной теме, самые популярные посты и самое главное – кто из участников обсуждения приобретает наибольшую популярность [2]. Хештеги – это текстовые комбинации, перед которыми стоит знак решетки и которые используются для контекстной маркировки дискуссий по определенной теме. Помимо маркировки они также служат механизмом для создания и обмена темами, для поддержки или отрицания тех или иных политических суждений, фильтрации и направления контента для определенной аудитории. Наконец, сам хештег может быть сообщением или его частью [7]. Хештеги стали инструментом для запуска массовых кампаний, инструментом для онлайн-протестов и участия в политической жизни посредством «хештегового активизма», а также для распространения дезинформации и «фейковых новостей» в социальных сетях. Будучи мощными инструментами инфильтрации социальных сетей, хештеги все чаще используются конфликтующими или конкурирующими сторонами в политическом пространстве в глобальном масштабе, что заставляет исследователей больше концентрироваться на проблеме манипулирования трафиком в социальных сетях [9].

Анализ хештега остается значимым компонентом в изучении цифровой дипломатии или дипломатии данных США. Цифровая дипломатия имеет состязательный характер, поскольку является инструментом продвижения определенного содержания постов и сдерживания распространения постов своих противников. Однако обе стороны могут использовать один и тот же хештег, чтобы привлечь определенную часть пользователей на свою сторону. Политическая функция и значимость хештегов активно изучаются экспертами. Однако дипломатия хештега уже широко ис-

пользуется и в практической плоскости, в цифровой дипломатии различных государств с 2010-х годов. Высокую оценку данному виду дипломатии дал Ричард Стенгель, заместитель госсекретаря по публичной дипломатии в период администрации Б. Обамы. Он отмечал, что дипломатия хештега является наиболее эффективным инструментом для мобилизации пользователей в зарубежных странах вокруг определенных ценностей [12].

Одна из первых проблем, возникающих в ходе аналитики данных социальных сетей, заключается в том, как определить влиятельных и активных пользователей. Это важно как для понимания содержания цифровой дипломатии, так и для решения практических задач по организации информационных цифровых кампаний. Постоянно появляются новые методики измерения степени влияния пользователей, каждая из которых основывается на различных критериях. Влияние может коррелировать с экспертным авторитетом в конкретных областях. Некоторые исследователи различают лидеров мнений, инфлюэнсеров и дискуссантов по типу деятельности и воздействия [10]. Инфлюэнсеры имеют значительные показатели по фолловингу (то есть числу подписчиков, F), ретвитам (RT), упоминаниям (M), ответам (RP) и лайкам (FT). Лидерами дискуссии по определенным хештегам обычно выступают крупные СМИ, а также индивидуальные блогеры. До сих пор доминирует мнение, что твиттер-аккаунты крупных новостных сайтов оказывают наиболее заметное влияние на широкую аудиторию [6]. Однако наши исследования с использованием больших данных показывают, что индивидуальные блогеры могут оказывать существенное влияние на политическую окраску содержания трендовых постов и направлять дискуссию в социальных сетях по определенному треку [2; 3; 15].

Указанные дискуссии можно апробировать на конкретном примере. В качестве примера мы обратились к событиям политического кризиса в Венесуэле в 2018–2019 годах. Наша исследовательская гипотеза, которую необходимо подтвердить или опровергнуть, состоит в том, что США оказывали через социальные сети существенное влияние на происходящие события. Этот кейс предоставля-

ет нам возможность получить большие данные, оценить возможности анализа хештегов, выявить реальных инфлюэнсеров и пр.

Влияние США на социальные сети в Латинской Америке: политический кризис в Венесуэле 2018–2019 годов. Венесуэла считается третьей в мире страной по величине концентрации пользователей в Твиттере. В стране развивается цифровой активизм как государственных акторов, так и оппозиционных сил, что делает данную социальную сеть релевантной для нашей темы [8]. Общий банк проанализированных данных составил около 10 млн твитов, что позволило применить все указанные методы анализа социальных сетей, включая анализ хештега, сентимент-анализ, а также выявить манипуляцию трафиком, активность ботов и, самое главное, показать место и роль американской цифровой дипломатии в политических событиях в Венесуэле. Анализ выявил наиболее влиятельные каналы международного вещания различных стран и самых популярных индивидуальных блогеров в Венесуэле, а также показал основные тезисы и лозунги, которые пользовались наибольшей популярностью среди населения страны, что повлияло на политические предпочтения в самый напряженный период противостояния между правительством и оппозицией.

Суммируя результаты анализа политических дискуссий в социальных сетях, можно утверждать следующее. Во-первых, политический кризис, связанный с самопровозглашением Х. Гуайдо президентом страны зимой 2018–2019 гг., привел к резкому росту политического значения дискуссий в социальных сетях. На смену традиционным СМИ, которые ранее являлись основными медиумами политической жизни в Венесуэле, пришло информационное противостояние отдельных политиков внутри социальных сетей. Еще одно наблюдение связано с перераспределением значимости местных и зарубежных каналов информационного влияния. В 2015–2016 гг., когда в стране проходили парламентские выборы, международные каналы вещания, наряду с местными и региональными СМИ, определяли политическую повестку и формировали мнение избирателей. В политическом же кризисе 2018–2019 гг. на первые позиции выш-

ли венесуэльские блогеры и политики самой разной идеологической окраски, действовавшие через свои аккаунты в соцсетях. Именно эти каналы распространения информации оказывали наиболее заметное (и фиксируемое с помощью машинной обработки данных) влияние на пользователей. Конечно, у традиционных «больших» СМИ также имелись свои аккаунты в социальных сетях, но среди самых популярных 250 аккаунтов в цифровых медиа Венесуэлы подавляющее большинство принадлежало местным блогерам, экспертам и пр., а не зарубежным СМИ или каналам американской публичной дипломатии [14; 16].

Во-вторых, деятельность творцов американской цифровой дипломатии в социальных сетях Венесуэлы привлекала к себе хоть какое-то внимание только в случае распространения твитов о помощи США населению Венесуэлы. Такая информация всегда приветствовалась пользователями. В социальных сетях появлялись и приобретали популярность твиты политиков из США, таких как конгрессмен Марк Рубио или советник по национальной безопасности Джон Болтон. Большинство твитов, исходящих от авторов, ассоциированных с правительством США, были направлены на дискредитацию личности президента Мадуро, подчеркивали неприемлемость проводимой им политики и жесткого противостояния с оппозицией. Твиты по дискредитации Н. Мадуро доминировали на каналах цифровой дипломатии США, но не становились популярными среди пользователей Венесуэлы.

В-третьих, анализ показал, что индивидуальная активность в социальных сетях и личная цифровая дипломатия американских политиков, будь то твиты указанных выше деятелей или, например, президента Д. Трампа, госсекретаря М. Помпео, спикера нижней палаты Конгресса Н. Пелоси, получали больше признания среди пользователей в Венесуэле, чем твиты, идущие от специально созданных аккаунтов в области публичной дипломатии или от американских телевизионных каналов. Такая ситуация довольно нетипична для цифровой дипломатии США. Обычно каналы международного вещания американского правительства, такие как «Голос Америки на испанском языке» и др., формировали повестку дня и доминировали в рамках зарубеж-

ных информационных кампаний США (примером может служить ситуация вокруг выборов в Венесуэле 2015–2016 гг.) [16].

По нашему мнению, падение популярности каналов международного вещания США могло быть связано с некоторыми реформами и изменениями в структуре и содержании информации из-за попыток команды Д. Трампа провести ревизию международного вещания. Президент неоднократно обвинял американские каналы вещания и весь институт публичной дипломатии в нелояльности. Сотрудники ведомств публичной дипломатии США саботировали призывы президента к проведению идеологической правоконсервативной линии на каналах международного вещания, а чехарда в назначениях и отсутствие внятной стратегии снижали интенсивность работы цифровых ведомств публичной дипломатии.

Другое объяснение может заключаться в эффективно налаженном взаимодействии между ведомствами публичной дипломатии США и либеральными журналистами и блогерами Венесуэлы через различные семинары и программы обучения еще в период функционирования президента У. Чавеса [16]. Политика по созданию многочисленных суррогатных СМИ в Венесуэле, которые становились партнерами радиостанции «Голос Америки», позволила США оказывать влияние на информационные потоки при помощи местных, но дружественных СМИ, таких как El Nacional, DolarToday® и NTN24.

Однако самое убедительное объяснение падения интереса к официальным каналам цифровой дипломатии США в Каракасе заключается в резкой активизации местных блогеров, а также главных акторов противостояния – Х. Гуайдо и Н. Мадуро – в социальных сетях, что сделало твиты американских каналов менее популярными и востребованными во время кризиса.

Представленная ниже таблица иллюстрирует один из дней функционирования социальных сетей Венесуэлы, когда активность официальных каналов цифровой дипломатии и членов политического истеблишмента США, а также каналов международного вещания самых разных стран была наиболее масштабной, – это 26 января 2019 г. (через три дня после того, как Х. Гуайдо провозгласил себя дей-

ствующим президентом). Мы выделили наиболее заметные американские официальные аккаунты и СМИ, а также профайлы политиков и СМИ Венесуэлы, которые входят в число 250 наиболее популярных инфлюэнсеров. Индекс влияния твита суммирует числовые

показатели лайков, ретвитов, ответов, упоминаний, что указывает на широту охвата аудитории социальных сетей. В таблице выделены цветом те каналы, которые являются частью механизма публичной дипломатии или транслируют официальную позицию США.

Место американских аккаунтов среди самых влиятельных авторов твиттер-публикаций в Венесуэле, 26 января 2019 г.

Position of U.S. accounts among most influential tweets in Venezuela, January 26, 2019

Позиция среди топ-250	Полное имя политика, СМИ, блогера	Число лайков	Число ответов	Число ретвитов	Индекс влияния
1	Juan Guaidó	45 262	1 791	23 520	70 573
2	Bene Barbosa	27 315	798	5 474	33 587
3	Albert Rivera	16 900	1 395	9 914	28 209
4	Ísmail Saymaz	21 759	450	5 239	27 448
5	Nelson Bocaranda	12 317	469	11 537	24 323
6	Marta Lucía Ramírez	11 311	1 963	8 384	21 658
...					
10	Nicolás Maduro	7 305	250	7 412	14 967
11	Sergio Contreras B.	7 394	1 708	5 635	14 737
...					
13	NTN24 Venezuela	8 277	459	5 830	14 566
14	Beatriz Becerra	6 394	433	7 237	14 064
15	Maibort Petit	7 681	269	5 991	13 941
16	RAUL JULIA LEVY	7 627	214	5 770	13 611
17	Secretary Pompeo	8 370	535	4 014	12 919
18	Edgard Gutiérrez	6 874	162	5 046	12 082
19	Pedro Brieger	7 909	315	3 733	11 957
20	Hilario	7 037	619	3 762	11 418
21	USA en Español	5 888	85	4 970	10 943
...					
25	John Bolton	6 771	546	2 970	10 287
...					
28	Asamblea Nacional	5 722	63	4 083	9 868
...					
36	Marco Rubio	5 080	257	3 402	8 739
37	Últimas Noticias	3 863	855	3 905	8 623
38	Pedro Luis Flores	4 675	549	3 186	8 410
...					
43	CNN en Español	2 640	3447	2 014	8 101
44	Dr. Jill Stein	4 761	253	2 938	7 952
...					
82	AlbertoNews	2 267	101	2 902	5 270
83	Senator Rubio Press	2 737	212	2 205	5 154
84	Ana Mercedes Diaz	2 367	515	2 239	5 121
...					
91	BBC News Mundo	2 923	507	1 468	4 898
92	Abraham Mendieta	2 407	359	2 119	4 885
95	Department of State	2 847	331	1 643	4 821
...					
110	CNN	1 094	2 278	806	4 178
...					
156	Sputnik Mundo	928	195	1 746	2 869
157–250	...				

Из данных, приведенных в таблице, видно, что действующие политики, такие как Х. Гуайдо и Н. Мадуро, а также местные или региональные СМИ, например либеральный колумбийский канал NTN24, привлекали наибольшее внимание пользователей. Их твиты широко распространялись по другим пользователям. Аккаунты отдельных официальных лиц США также нередко попадали в число 250 ведущих твитов, однако их появление в этом рейтинге чаще всего было связано с контекстуальной заинтересованностью венесуэльцев вопросом международного признания или непризнания президента Гуайдо. Официально созданные для решения задач цифровой и публичной дипломатии каналы, такие как USA en Español («США на испанском языке»), редко попадали в число первых десяти самых влиятельных каналов и не привлекали внимание аудитории социальных сетей Венесуэлы. Другие издания или каналы международного вещания, например «Голос Америки на испанском языке», «Госдепартамент США», а также еще дюжина имеющихся каналов цифровой дипломатии Правительства США редко попадали в число топовых ведущих инфлюэнсеров за изучаемый период.

Ведущие позиции занимали индивидуальные местные блогеры различной политической окраски, которые оказывали значительно большее влияние на пользователей социальными сетями, чем каналы американской цифровой дипломатии. Это крайне важный тезис для дискуссии о влиянии США на политический кризис в зарубежных странах, в данном случае – в Венесуэле.

Если какое-то информационное влияние США и было зафиксировано, то оно носило лишь косвенный характер и распространялось посредством отдельных твитов официальных лиц, которые обращались к населению страны, указывая конкретный хештег (изначально запущенный без участия ведомств американской цифровой дипломатии). Масштаб деятельности США оказался несопоставимым с масштабом активности местных независимых блогеров, влияние которых возросло благодаря популярности социальных платформ в стране и отсутствию давления со стороны правящих кругов на оппозиционные каналы.

Другими словами, разветвленная сеть местных социальных сетей, активная деятельность местных СМИ в цифровом формате обуславливали снижение популярности зарубежных СМИ и правительственных каналов цифрового вещания. И этот тезис относится не только к каналам международного вещания США, а также – к российским, китайским и европейским каналам цифровой дипломатии, которые редко попадали в первую сотню рейтинга постов. Все международные каналы теряли популярность на фоне роста личной цифровой активности основных акторов противостояния и местных блогеров и СМИ по сравнению, например, с ситуацией 2015–2016 гг., когда страна переживала предыдущий политический кризис.

Поэтому, в-четвертых, можно утверждать: еще в 2015–2016 гг. СМИ и блогеры Венесуэлы запускали гораздо меньше популярных и значимых твитов, что делало социальные сети открытыми для внешних инфлюэнсеров и позволяло иностранным изданиям формировать информационный тренд. Однако ситуация резко поменялась в декабре 2018 – январе 2019 года. Возникло новое информационное противостояние двух политических фигур – Н. Мадуро и Х. Гуайдо. Оба политика мобилизовали ресурсы своей личной цифровой дипломатии, осуществляя ежедневные вбросы информации и стремясь найти поддержку у населения. С января 2019 г. твиты Х. Гуайдо значительно обгоняли по популярности твиты Н. Мадуро. Если последний пытался объяснить народу, что он законный президент и всегда следовал конституции, то Х. Гуайдо старался объяснить правомерность своего места на политической арене страны. Однако ситуация не была стабильной, и порой Н. Мадуро оказывался популярнее своего оппонента. Подобный «цифровой спарринг» привел к тому, что появился феномен политической поляризации пабликов в социальных сетях Венесуэлы. Такой феномен впервые был отмечен во время президентской избирательной кампании в США в 2016 г. и позже охватил многие страны [15].

Однако цифровое противостояние между действующим президентом Н. Мадуро и Х. Гуайдо не обеспечило победы одной из сторон, а наоборот, привело к тупиковой политической ситуации к марту 2019 г., которая со-

храняется и сегодня. Пятьдесят процентов пользователей поддерживали Х. Гуайдо, остальные 50 % ретвитили и поддерживали посты Н. Мадуро. С марта 2019 г. стало наблюдаться дальнейшее снижение активности зарубежных каналов, включая США, что может свидетельствовать о потере политического момента для смены власти, а также о том, что данный кризис пока оставлен на разрешение внутренними силами Венесуэлы. Такая ситуация в целом более благоприятна для действующего президента страны.

Результаты исследования. США не оказали значительного влияния на политический кризис в Венесуэле в силу разветвленности местной блогосферы и популярности местных блогеров и СМИ. Международное вещание США и твиты американских политиков терялись среди твитов местных инфлюэнсеров.

В ходе проведения анализа программ цифровой дипломатии США в условиях политической трансформации было выявлено, что информационные каналы международного вещания США не пользовались популярностью среди венесуэльских пользователей, а значит не оказывали прямого воздействия на пользователей социальными сетями в стране. Влияние оппозиционных информационных каналов и отдельных политиков и блогеров, включая спикера оппозиционного парламента Х. Гуайдо и действующего президента Н. Мадуро, значительно возросло в ходе потрясений конца 2018 – начала 2019 года. Местные цифровые СМИ, активность индивидуальных блогеров и политиков оказывали больше влияния, чем специально созданные каналы цифровой дипломатии США. Социальные сети формировали поток разнонаправленной информации, и чем активнее действовали блогеры как проправительственной, так и оппозиционной окраски, тем меньше шансов оставалось у внешних игроков – США, России, Китая или Европы – оказывать влияние на венесуэльцев.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование поддержано Санкт-Петербургским государственным университетом, проект № 73555239.

This research was supported by the St. Petersburg State University, project № 73555239.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Согрин, В. В. Методология современной американистики / В. В. Согрин // Американский ежегодник / под ред. В. В. Согрина. – М. : Весь мир, 2019. – С. 11–23.

2. Цветкова, Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37–47. – DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

3. Цветкова, Н. А. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике / Н. А. Цветкова, Н. М. Кузнецов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 27–44. – DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>.

4. Шинкаренко, А. А. Венесуэла в поисках выхода из системного кризиса / А. А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 97–107. – DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8.

5. Castro, R. Back to #6D: Predicting Venezuelan States Political Election Results through Twitter / R. Castro, K. Leonardo, C. Vaca // 2017 Fourth International Conference on eDemocracy and eGovernment, 19–21 April, 2017. – P. 148–153. – DOI: 10.1109/ICEDEG.2017.7962525.

6. Harder, R. Intermedia Agenda Setting in the Social Media Age: How Traditional Players Dominate the News Agenda in Election Times / R. Harder, J. Sevenans, P. Van Aelst // The International Journal of Press / Politics. – 2017. – № 3. – P. 275–293.

7. Hashtags Functions in the Protests Across Brazil / R. Recuero [et al.] // SAGE Open. – 2015. – № 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015586000#articleCitationDownloadContainer> (date of access: 10.08.2020). – Title from screen.

8. Leading Countries Ranked by Share of Twitter Users as of July 2018. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/261402/distribution-of-twitter-traffic-by-country> (date of access: 10.08.2020). – Title from screen.

9. Nimmo, B. “Measuring Traffic Manipulation on Twitter”. Working Paper 2019.1. Project on Computational Propaganda / B. Nimmo. – Oxford : University of Oxford, 2019. – № 1. – Electronic text data. – Mode of access: <https://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2019/01/Manipulating-Twitter-Traffic.pdf> (date of access: 10.08.2020). – Title from screen.

10. Riquelme, F. Measuring User Influence on Twitter: A Survey / F. Riquelme, P. González-Cantergiani // Information Processing & Management. – 2016. – Vol. 52, № 5. – P. 949–975. – DOI: 10.1016/j.ipm.2016.04.003.

11. Ruiz-Soler, J. Twitter Research for Social Scientists: A Brief Introduction to the Benefits, Limitations and Tools for Analysing Twitter Data / J. Ruiz-Soler // *Revista Dígitos*. – 2017. – № 3. – P. 17–31.

12. Stengel, R. Information Wars: How We Lost the Global Battle against Disinformation & What We Can Do about it / R. Stengel. – New York : Atlantic Monthly Press, 2019. – 368 p.

13. Sytnik, A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis / A. Sytnik // *Digital Transformation and Global Society. Communications in Computer and Information Science*. – 2019. – № 1038. – P. 187–196.

14. Tsvetkova, N. Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in U.S. International Broadcasting, 2013–2019 / N. Tsvetkova // *Vestnik of Saint Petersburg State University. International Relations*. – 2019. – № 4. – P. 435–449.

15. Tsvetkova, N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? / N. Tsvetkova // *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice* / eds.: A. Velikaya, G. Simons. – London ; New York : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 103–117.

16. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics / N. Tsvetkova [et al.] // *Cogent Social Sciences*. – 2019. – № 1. – P. 1–15. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1693109>.

REFERENCES

1. Sogrin V.V. Metodologiya sovremennoj amerikanistiki [Methodology of Current American Studies]. Sogrin V.V., ed. *Amerikanskiy ezhegodnik*. Moscow, Ves' mir Publ., 2019, pp. 11–23.

2. Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya [The Digital Diplomacy As a Phenomenon of International Relations: Research Methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series], 2020, no. 2, pp. 37–47. DOI: [10.28995/2073-6339-2020-2-37-47](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47).

3. Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Fenomen diplomatii bolshih dannyh v mirovoj politike [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series], 2020, no. 4, pp. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>.

4. Shinkarenko A.A. Venesuela v poiskah vyhoda iz sistemnogo krizisa [Looking for a Solution of the Crisis in Venezuela]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2020, no. 1, pp. 97–107. DOI: [10.31857/S0044748X0007763-8](https://doi.org/10.31857/S0044748X0007763-8).

5. Castro R., Leonardo K., Vaca C. Back to #6D: Predicting Venezuelan States Political Election Results Through Twitter. *2017 Fourth International Conference on eDemocracy and eGovernment, 19–21 April, 2017*, pp. 148–153. DOI: [10.1109/ICEDEG.2017.7962525](https://doi.org/10.1109/ICEDEG.2017.7962525).

6. Harder R., Sevenans J., Aelst Van P. Intermedia Agenda Setting in the Social Media Age: How Traditional Players Dominate the News Agenda in Election Times. *The International Journal of Press / Politics*, 2017, no. 3, pp. 275–293.

7. Recuero R., Zago, G., Bastos M., Araújo R. Hashtags Functions in the Protests Across Brazil. *SAGE Open*, 2015, no. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015586000#articleCitationDownloadContainer> (accessed 10 August 2020).

8. *Leading Countries Ranked by Share of Twitter Users As of July 2018*. URL: <https://www.statista.com/statistics/261402/distribution-of-twitter-traffic-by-country> (accessed 10 August, 2020).

9. Nimmo B. “Measuring Traffic Manipulation on Twitter”. *Working Paper 2019.1. Project on Computational Propaganda*. Oxford, University of Oxford, 2019, no. 1. URL: <https://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2019/01/Manipulating-Twitter-Traffic.pdf> (accessed 10 August 2020).

10. Riquelme F., González-Cantergiani P. Measuring User Influence on Twitter: A Survey. *Information Processing & Management*, 2016, vol. 52, no. 5, pp. 949–975. DOI: [10.1016/j.ipm.2016.04.003](https://doi.org/10.1016/j.ipm.2016.04.003).

11. Ruiz-Soler J. Twitter Research for Social Scientists: A Brief Introduction to the Benefits, Limitations and Tools for Analysing Twitter Data. *Revista Dígitos*, 2017, no. 3, pp. 17–31.

12. Stengel R. *Information Wars: How We Lost the Global Battle Against Disinformation & What We Can Do About It*. New York, Atlantic Monthly Press, 2019. 368 p.

13. Sytnik A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis. *Digital Transformation and Global Society. Communications in Computer and Information Science*, 2019, no. 1038, pp. 187–196.

14. Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and Deterrence in U.S. International Broadcasting, 2013–2019. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, no. 4, pp. 435–449.

15. Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power. Velikaya A., Simons G., eds. *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. London, New York, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 103–117.

16. Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics. *Cogent Social Sciences*, 2019, no. 1, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1693109>.

Information About the Authors

Anna N. Sytnik, PhD in International Relations, Assistant Lecturer, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Smolnogo St, 1/3, 191060 Saint Petersburg, Russian Federation, a.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Natalia A. Tsvetkova, Doctor of Sciences (History), PhD in Social and Behavioral Studies, Professor, Head of the Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Smolnogo St, 1/3, 191060 Saint Petersburg, Russian Federation, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Ivan A. Tsvetkov, Candidate of Sciences (History), Associated Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Smolnogo St, 1/3, 191060 Saint Petersburg, Russian Federation, ivan558@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0763>

Информация об авторах

Анна Николаевна Сытник, кандидат политических наук в области международных отношений, ассистент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191060 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.sytnik@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6853-6253>

Наталья Александровна Цветкова, доктор исторических наук, доктор философии в социальных науках (PhD), профессор, заведующая кафедрой американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191060 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Иван Александрович Цветков, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191060 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivan558@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5503-0763>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.17>

UDC 327
ЛБС Ф4(7)

Submitted: 25.06.2021
Accepted: 30.08.2021

IDEOLOGY AND PRAGMATISM IN THE BILATERAL RELATIONS WITH THE UNITED STATES: BRAZIL AND BOLIVIA¹

Tatiana A. Vorotnikova

Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reviews the trajectory of international cooperation in the Western Hemisphere on the example of the case studies of Brazil-U.S. and Bolivia-U.S. bilateral relations, which experienced a significant change due to inner-political transformations in the countries. The main purpose of the study is to assess the degree of variability in the foreign policy, implemented by governments belonging to different political spectrum. *Methods.* The research is lined up on a comparison of the foreign policy of left governments of Luiz Inácio Lula da Silva and Dilma Rousseff in Brazil and Evo Morales in Bolivia, as well as the shift to the “right” of the administrations of Michel Temer and Jeanine Безе are in focus. The study also reveals the activities of the current administrations of Jair Bolsonaro (since 2019) in Brazil and Luis Arce (since 2020) in Bolivia. *Analysis.* Thus, orientation towards independence and aspiration to oppose Washington during the period of the “left turn” was prevalent. At the same time, interim administrations’ denial of the principles of anti-Americanism did not lead to the long-term results and radical progress in relations. Nevertheless, there is no reason to point out a formation of a trend towards the dependence of the Latin American countries on the changes in U.S. policy. On the contrary, the line to the independence and sovereignty, which was developed in the previous decade, is being maintained. *Results.* The dynamics of the analyzed bilateral relations and the adjustment of the foundations of cooperation in multilateral formats indicate a strong subjective factor and an increasing influence of ideology in the foreign policy of the states in the region.

Key words: USA, Brazil, Bolivia, foreign policy, international relations, political regimes.

Citation. Vorotnikova T.A. Ideology and Pragmatism in the Bilateral Relations with the United States: Brazil and Bolivia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 204-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.17>

УДК 327
ББК Ф4(7)

Дата поступления статьи: 25.06.2021
Дата принятия статьи: 30.08.2021

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАГМАТИЗМ В ОТНОШЕНИЯХ С США: БРАЗИЛИЯ И БОЛИВИЯ¹

Татьяна Александровна Воротникова

Институт Латинской Америки РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Траектория международного взаимодействия в Западном полушарии показана на примере двусторонних отношений Бразилии и Боливии с Соединенными Штатами Америки, менявшихся с приходом к власти новых политических сил в этих странах. Цель исследования – оценить степень вариативности во внешнеполитических действиях, реализуемых правительствами, принадлежащих к разному политическому спектру. Исследование основано на сравнении внешней политики правительств Л.И. Лулы да Силвы и Д. Руссефф в Бразилии и Э. Моралеса в Боливии, стоявших на левых позициях, а затем переходных правительств М. Темера и Ж. Аньес, характеризовавшихся отходом от ранее избранной модели и резким поворотом «вправо». Рассмотрена также специфика деятельности нынешних администраций Ж. Болсонару (с 2019 г.) в Бразилии и Л. Арсе (с 2020 г.) в Боливии. Так, в эпоху «левого поворота» прослеживалась ориентация на независимость и стремление противодействовать Вашингтону. Вместе с тем отказ временных администраций от принципов антиамериканизма не привел к долгосрочным результатам, и радикального улучшения

отношений не произошло. Тем не менее нет оснований говорить о формировании тенденции к зависимости латиноамериканской стороны от изменений в политике США. Напротив, линия на самостоятельность и суверенитет, выработанная в предыдущее десятилетие, сохраняется. Показано, что в целом динамика двусторонних связей и корректировка основ сотрудничества в многосторонних форматах свидетельствуют о сильном субъективном факторе и возрастании влияния идеологии в выстраивании внешней политики в регионе.

Ключевые слова: США, Бразилия, Боливия, внешняя политика, международные отношения, политические режимы.

Цитирование. Воротникова Т. А. Идеология и прагматизм в отношениях с США: Бразилия и Боливия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 204–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.17>

Введение. Прагматизм или идеология, что движет Латинской Америкой в отношениях с США? Данная статья предлагает продолжить дискуссию об актуальной ситуации в международных отношениях Западного полушария в ракурсе трансформации двустороннего взаимодействия между Соединенными Штатами Америки и теми государствами Латинской Америки, в которых произошла смена или серьезная перестройка политического курса. И в Бразилии, и в Боливии имели место серьезные внутривнутриполитические изменения, обозначившие новое состояние политических институтов и общественных настроений, которые в определенной степени можно экстраполировать на более широкий региональный контекст. Данная постановка вопроса позволяет определить сущностные ориентиры латиноамериканских правительств в выстраивании внешнеполитической линии в направлении северного соседа, оценить перспективы формирования единой платформы или размежевания позиций региональных держав на международной арене.

Идеология во внешней политике, как и любое проявление государственной политики, конденсирует и выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики. Идеологизированная внешняя политика фокусируется на доктринах и принципах, отдавая приоритет их отстаиванию в ущерб практическим последствиям, в то время как прагматичная внешняя политика основывается на полезности и практичности идей, утилитарность последствий которых превышает ценность самого принципа. Идеологизированная внешняя политика больше связана с конкретными администрациями и персонами, нежели политика, основанная на прагматизме, предполагающем более долгосрочное плани-

рование вне политических убеждений представителей власти и внешнеполитических ведомств. На практике оба эти подхода, как правило, являются взаимодополняющими, так как политика, ориентированная только на идеологию, стремится к утопии, а политика, ориентированная только на прагматизм, имеет тенденцию быть непостоянной и оппортунистической [21].

Так, например, в Бразилии внешняя политика, проводимая Итамарати², исторически отличалась определенной независимостью от правящей партии и на протяжении многих лет представлялась как государственная политика, обособленная от открытой политической игры, и с участием большего числа субъектов в процессе принятия решений. Однако после прихода к власти партии РТ (Partido dos Trabalhadores – Партия трудящихся), возглавляемой Луисом Инасиу Лулой да Силва и в большей степени его преемницей Дилмой Руссефф, международная деятельность южноамериканского гиганта претерпела изменения под влиянием идеологических контуров. Сочетание прагматичного подхода, на позициях которого традиционно стоял МИД, и новых ориентиров, исходящих от президента, позволило говорить о формировании так называемой «параллельной дипломатии» в этот период [4, с. 181]. Последующее руководство, как будет показано ниже, также оставалось в поле идеологии, хотя и с противоположным знаком.

Очевидно, что внешняя политика зачастую следует за экономическими интересами и возможностями страны, однако такая зависимость не всегда линейна. Так, например, в правительстве MAS (Movimiento al Socialismo) при президенте Эво Моралесе международные связи Боливии строились на основании идеологической близости и принципах анти-

американизма, что толкало Ла-Пас к сближению с противниками Вашингтона – Ираном и Китаем и в определенной степени с Россией. При этом, если судить по объему внешней торговли, то основными партнерами южноамериканской страны оставались Бразилия, Аргентина и США (чего нельзя сказать, например, про Иран, с которым экономические связи оставались на незначительном уровне) [11].

Двойственность в определении приоритетов в международных отношениях Западного полушария можно проследить также на динамике континентального сближения/расхождения латиноамериканских государств как коллективного противовеса доминированию США. На протяжении 1990-х и начала 2000-х гг. страны создали сложный набор правил и норм, таких как Обязательство Сантьяго по обеспечению демократии (1991 г.), Протокол Манagua (1993 г.), Межамериканская демократическая хартия (2001 г.) и др., деятельность которых способствовала стабилизации положения латиноамериканских стран и выработке консолидированной позиции на международной арене. В недавнем прошлом подобные платформы обладали значительным политическим весом, содействуя диалогу между правительствами и создавая здоровую конкуренцию со стороны визави. Однако в последние годы на первый план отчетливо вышло политическое противостояние, поставившее под сомнение эффективность существующих интеграционных блоков.

Иллюстрацией этих процессов служит боливийский пример. Затянувшийся политический кризис в Боливии, вызванный общественными протестами после выборов в октябре 2019 г. и последовавшей отставкой Эво Моралеса, стал свидетельством ослабления роли региональных международных организаций и блоков. Так, в конце нулевых годов, когда боливийское руководство столкнулось с острым политическим противостоянием, грозившим потерей управляемости в стране, именно Союз южноамериканских наций (УНАСУР) сыграл одну из ключевых ролей в урегулировании конфликта [7, с. 125]. Сегодня, спустя десятилетие, такая включенность в региональный контекст едва ли была бы возможной. Несмотря на односторонние действия некоторых латиноамериканских стран³,

коллективных усилий в направлении снижения градуса напряженности в Андской стране предпринято не было.

Методы. Для анализа тенденций в двусторонних отношениях представляется уместным применение компаративистского подхода, который предполагает сопоставление деятельности латиноамериканских правительств и форм их реагирования на изменения в политике США. Выбор двух столь отличных по многим аспектам государств для анализа обусловлен задачей выявления общих черт и страновой специфики латиноамериканских стран в форматах их взаимодействия с Вашингтоном. В данном случае применимо сравнение политики правительств Л.И. Лулы да Силвы (2003–2011) и Дилмы Руссефф (2011–2016) в Бразилии и Э. Моралеса (2006–2019) в Боливии, принадлежащих к левому спектру, а затем принципов и действий переходных правительств – Мишеля Темера в Бразилии (2016–2019) и Жанин Аньес в Боливии (2019–2020). В обоих случаях властные полномочия последних имели временный характер, вызванный отстранением от власти их предшественников, и характеризовались отходом от ранее избранной левоориентированной политической траектории и резким разворотом «вправо». Исследование затрагивает также специфику деятельности нынешних администраций Жаира Болсонару (с 2019 г.) в Бразилии и Луиса Арсе (с 2020 г.) в Боливии.

Анализ. Ориентиры левых правительств. Отношения двух гигантов Западного полушария – Бразилии и США – в этот период переживали свои взлеты и падения. При общем стремлении к подчеркнутой независимости «параллельной» внешней политики Лулы, пожалуй, наиболее примечательной ее особенностью являлось отсутствие видимой жесткой антиамериканской риторики [4]. Несмотря на противоположные взгляды по многим аспектам, от развития мирового порядка до международной торговли, правительство РТ придерживалось дружественных экономических отношений с Вашингтоном. Сотрудничество включило переговоры по производству этанола, так называемый «этаноловый альянс», предложенный Дж. Бушем-младшим, а также усилия по разрешению торговых споров с помощью механизмов Всемирной тор-

говой организации (ВТО). Результаты активной внешней политики в экономической плоскости для Бразилии были положительными, демонстрируя умеренный рост (кроме 2020 г.) [22]. США занимали вторую строчку в ряду ее торговых партнеров, доля экспорта составляла около 12 %, импорт из США находился на уровне 16 % от общего объема зарубежных поставок [1, с. 138].

Расхождения с позицией США ощущались в политическом поле. Бразилия выступила с осуждением действий Вашингтона в Ливии, воздержавшись при голосовании по этому вопросу в ООН, солидаризируясь с позицией стран БРИКС. В 2013 г. после резонансного скандала о шпионаже американскими спецслужбами за высокопоставленными лицами Бразилии Дилма Руссефф отменила уже запланированный государственный визит в США. Тогда многие заговорили о серьезном охлаждении в двусторонних отношениях, преодолеть которое будет нелегко. Тем не менее трезвая оценка экономических перспектив и прагматизм бразильских политиков взяли верх. Оба правительства продолжили восстанавливать плодотворные отношения, которые в конечном итоге способствовали визиту Дилмы Руссефф два года спустя [2]. В 2015 г. Б. Обама и Д. Руссефф пришли к консенсусу и подписали ряд важных межгосударственных документов, в том числе в сфере военного сотрудничества.

Однако вскоре Бразилию накрыла серия коррупционных скандалов, в которые оказалась косвенно вовлечена президент. Падение экономики, ошибки в социальной политике и, в довершение всего, не слишком экономически и репутационно успешное проведение Чемпионата мира по футболу и Олимпиады в Рио привели к нарастанию противоречий в бразильских политических элитах. Реакция со стороны США на импичмент Д. Руссефф [6] подтвердила последовательность позиции Белого дома в отношении политических событий в Бразилии. В Вашингтоне признали законность решения бразильского Сената и отметили непоколебимость дальнейшего сотрудничества с новым правительством [5].

Перспективы успешной реализации своей линии для «петистов» были связаны с отказом в ряде стран Латинской Америке от

неолиберального проекта и расцветом «левого поворота». Роль Бразилии в региональных и субрегиональных блоках была призвана способствовать укреплению южноамериканского полюса мировой политики. В качестве приоритета было обозначено включение в центры принятия решений в системе глобального регулирования, в том числе активное отстаивание права Бразилии войти в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. В отношении развития континентальных и трансокеанских проектов был выбран курс на преференциальное сотрудничество с развивающимися странами. Взяв на себя роль регионального лидера, Бразилия активно продвигала идеи новых интеграционных форм, выступая активным членом УНАСУР, СЕЛАК, ИБСА и БРИКС. Главная роль отводилась разработке общей экономической стратегии Южной Америки посредством развития связей внутри МЕРКОСУР. Усиление этого направления происходило, как считали в рядах правой оппозиции, за счет ослабления позиций страны в отношениях с развитыми странами и ее традиционными партнерами, в том числе США [4]. Явным сигналом к обособлению общерегиональной повестки от северного соседа стало создание Южноамериканского сообщества наций в 2007 г., через год реорганизованного в УНАСУР, и в еще большей степени Южноамериканского совета обороны (2008 г.), который стал первым форматом в сфере безопасности и обороны в регионе без участия США.

Вступление Эво Моралеса на пост президента Боливии произошло в этом новом контексте, где доминировала «параллельная дипломатия» Бразилии и ориентация на сближение между латиноамериканскими странами. Региональная конъюнктура способствовала переориентации боливийской внешней политики и ее международной интеграции. Центральное место занял акцент на сотрудничестве Юг-Юг и укреплении региональных интеграционных проектов (в первую очередь АЛБА – *Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América* – Боливарианский альянс для народов нашей Америки), преимущественно за счет сближения с леворадикальными латиноамериканскими правительствами региона, прежде всего Венесуэлой и Кубой [13].

Боливия сохранила свою традиционную дипломатическую установку как «страна контактов», благодаря чему она стремилась использовать собственное геополитическое положение, воспринимаемое как центральное на континенте, в пользу возможностей для национального развития. Андская страна стремилась позиционировать себя как связующее звено между различными проектами региональной интеграции, усиливая свое положение в качестве одного из основателей Андского пакта [ставшего Андским сообществом наций (Comunidad Andina de Naciones) в 1996 г.] и ассоциированного члена Южного рынка МЕРКОСУР (в настоящее время находится в процессе полноправного вступления). В этой парадигме, например, предполагалось осуществление мегапроекта, привлечшего международное внимание – железная дорога, которая должна соединить тихоокеанский порт Мот в Перу с Сан-Паулу на атлантическом побережье Бразилии.

Совпадение внутренних интересов и внешних факторов закономерно означало существенную трансформацию в отношении США. Политические перемены в Боливии с момента первого избрания Эво Моралеса в 2005 г. были связаны с открытой критикой Вашингтона, государственным контролем в экономике, новой антинаркотической политикой, вовлечением коренных народов в политику государства и особым пониманием демократии, что в США воспринималось как частичный отход от либеральной модели и серьезные риски для демократических институтов. С 1980-х гг. ключом к боливийской политике для США были вопросы по борьбе с наркотрафиком и незаконным выращиванием коки, однако прежняя кооперация подверглась боливийскими властями кардинальной корректировке, связанной с отказом от помощи США в сокращении плантаций коки.

Первоначальная реакция Белого дома на избрание Эво Моралеса была довольно нейтральной. Несмотря на серьезные опасения по поводу его радикальной повестки, администрация Джорджа Буша-младшего не заняла явно конфронтационной позиции и не пыталась открыто дестабилизировать новое правительство. Вашингтон продолжил проявлять заинтересованность в своем присутствии в юж-

ноамериканской стране, содействуя продвижению принципов либерально-демократической модели. Однако форма и эволюция американской внешней помощи имели неоднозначный характер.

Стратегия по поддержке оппозиционных Моралесу сил сделала американское правительство причастным к внутреннему политическому конфликту в Боливии. Отношения были серьезно подорваны после того, как посол США в этой стране был обвинен в сотрудничестве с ключевыми фигурами оппозиции с целью свержения правительства Моралеса в разгар политических протестов в Санта-Круссе в 2008 г., за чем последовала взаимная высылка глав дипломатий. Вслед за дипломатическим кризисом значительно сократилось количество сотрудников Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID). Позднее из страны было выдворено Управление по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Administration, DEA). Реакцией на действия боливийских властей стала приостановка Соединенными Штатами Америки Андского закона о содействии торговле и искоренении наркотиков, предусматривающего компенсационные льготы за контроль над незаконным оборотом запрещенных веществ. Боливия потеряла преференциальный выход на текстильный рынок США, что существенно ударило по ее экономике. При администрации Барака Обамы главным элементом в американо-боливийских отношениях стал двусторонний диалог между двумя правительствами по возобновлению полноценных дипломатических контактов. В то же время Белый дом воздерживался от восстановления торговых преференций, и существенного прогресса в переговорах по улучшению отношений достичь не удалось [23].

Смена ориентиров в политике переходных правительств. Поворот от политики РТ в Бразилии начался при администрации Мишеля Темера с 2016 г., когда тот сменил Д. Руссефф на посту главы государства. Правительство Темера объявило о переориентации на так называемую «неидеологическую дипломатию», гораздо более ориентированную на торговлю, обвинив внешнюю политику РТ в излишней идеологической ангажированности [20].

На региональной арене Темер отдавал предпочтение Организации Американских Государств (ОАГ) как главному инструменту по урегулированию конфликтов, игнорируя прежнюю роль УНАСУР в эффективном урегулировании политических кризисов в регионе. Учитывая традиционно высокую степень влияния Вашингтона в ОАГ, этот разворот свидетельствовал о растущей перестройке отношений с Соединенными Штатами в противовес региональной независимости УНАСУР. Кроме того, постепенно ослабевало участие Бразилии в БРИКС. О сближении с США и отходе от принципа региональной интеграции, проводимого Лулой, явствовало намерение администрации вести переговоры по двустороннему торговому соглашению в обход МЕРКОСУР – объединения, для которого как раз не была характерна излишняя идеологизация экономических процессов [9]. Глава бразильского МИД А. Нунес Феррейра (2017–2019) утверждал, что две крупнейшие страны Западного полушария имеют много общего и должны работать вместе, чтобы построить взаимовыгодные отношения. Для продвижения такой повестки правительство одобрило меры, отвечающие интересам США, о прекращении обязательного участия государственной компании Petrobras в разведке нефтяных месторождений [20].

Внешняя политика при Темере приобрела более прагматичный характер в первую очередь в экономическом ракурсе, что способствовало притоку иностранных инвестиций и росту привлекательности страны для иностранного капитала [4, с. 238]. В 2015–2016 гг. бразильские предпринимательские круги в лице Национальной конфедерации промышленности Бразилии и Федерации промышленников штата Сан-Паулу выразили заинтересованность в большей открытости внешних связей и стали оказывать давление на правительство с целью диверсификации торговых связей, заключения соглашений с региональными и внерегиональными партнерами и в том числе расширении торговых потоков с США. В то же время Бразилия не присоединилась к антиросийским санкциям.

В Боливии временное руководство Жаин Аньес предприняло гораздо более резкие шаги по изменению политики предшественни-

ков. Область внешней политики находится в руках исполнительной власти, что позволило исполняющей обязанности президента, которая, тем не менее, не имела поддержки парламентского большинства, реализовывать свою радикальную программу именно в сфере зарубежных связей. Жесткое отрицание той парадигмы, в которой развивалась страна на протяжении 14 лет, в первую очередь отразилось на внешнеполитических действиях, таких как выход из ALBA, сближение с Вашингтоном (прежде всего восстановление после 11-летнего перерыва дипломатических отношений на уровне послов), высылка кубинских врачей и др.

Аньес стремилась к налаживанию тесных связей с Соединенными Штатами. Министр иностранных дел Карен Лонгарич назначила Уолтера Оскара Серрата Куэльяра главой временной специальной миссии в США. Она заявила, что это краткосрочное назначение поможет проложить путь к улучшению отношений с Соединенными Штатами, выразив уверенность, что следующая администрация назначит постоянных послов [10]. В Боготе прошла встреча Карен Лонгарич с госсекретарем Майком Помпео. Намерения Ла-Паса вернуть доверие Вашингтона сочеталось с призывом к боливийцам поверить в новый потенциал экономического сотрудничества с США, открыв для себя заново различные возможности инвестиций, торговли, сельского хозяйства и образования в США.

Индикатором новой латиноамериканской политики Ла-Паса стала жесткая позиция по Венесуэле. Вскоре после прихода к власти правительство Аньес разорвало дипотношения с правительством Н. Мадуро, выслав венесуэльский дипломатический персонал (за время президентства Эво Моралеса посольство Венесуэлы в Ла-Пасе было одним из крупнейших по численности, что свидетельствовало о значении венесуэльского вектора для Боливии под руководством MAS), признало самопровозглашенного президента Хуана Гуайдо и присоединилось Лимской группе, созданной в 2017 г. для урегулирования венесуэльского политического кризиса.

Актуальный вектор двусторонних отношений. С приходом Жаира Болсонару (2019 – наст. вр.) предыдущая внешняя поли-

тика, главным образом времен РТ, но также и администрации Мишеля Темера, была подвергнута критике. В предвыборных речах президент Болсонару не скрывал своих симпатий к США и лично Д. Трампу, подчеркивал важность поиска выравнивания отношений с северным соседом, вплоть до заявлений об открытии американской базы на бразильской территории, которое, впрочем, было опровергнуто. В ходе избирательной кампании президент Болсонару неоднократно брал на себя обязательства по деидеологизации внешней политики [18].

Свой первый зарубежный президентский визит Ж. Болсонару закономерно нанес в США с перспективой подписания соглашения о партнерстве со странами НАТО и переговоров по соглашению об использовании американцами базы Алкантара [20]. На встрече также была упомянута подтвержденная позднее перспектива вступления Бразилии в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). США направили в Организацию экономического сотрудничества и развития письмо с выражением поддержки приоритетному вступлению Бразилии в объединение, что открывало ей путь вступления в клуб развитых государств раньше Аргентины [8]. Тем не менее в Вашингтоне не стремились во всем идти на встречу южноамериканскому гиганту. Принятие Бразилии в ОЭСР не состоялось, а США поддержали Аргентину. Трамп и Болсонару взяли на себя обязательство «построить новое партнерство между двумя странами, направленное на повышение благосостояния, укрепление безопасности и содействие демократии, свободе и национальному суверенитету» [16]. Бразилия и Вашингтон связывали действия по различным направлениям: от военного сотрудничества, в рамках которого сотни бразильских военнослужащих были направлены для обучения в США, традиционных торговых соглашений, до региональных усилий по урегулированию политического кризиса в Венесуэле. В этом отношении Соединенные Штаты и Бразилия имеют общие интересы в регионе. Лидеров сближала позиция относительно поддержки Хуана Гуайдо, «демократически избранной Национальной ассамблеи и венесуэльского народа в их усилиях по мирному восстановлению конституционного порядка в Венесуэле» [16].

Риторика и Трампа, и Болсонару имела популистский уклон, но в дипломатических кругах обеих сторон надеялись, что со сменой в Овальном кабинете отношения будут меньше зависеть от личных отношений и больше от военно-политических и экономических связей. Джо Байден, вероятно, надеялся видеть Бразилию на международных форумах с более лояльной экологической повесткой, учитывая приверженность президента Соединенных Штатов активным действиям в области изменения климата. В ответ Болсонару, который намеревался выйти из Парижского соглашения по климату, заметно смягчил свою риторику, что говорило о преобладании намерений найти новые точки соприкосновения [12]. Болсонару не удалось решить торгово-экономические противоречия с США (квоты на импорт бразильской стали, санитарные барьеры на ввоз бразильской говядины и др. [3]) и вывести отношения на принципиально новый уровень. Принимая во внимание стиль политики и дипломатии администрации Байдена, США вернулись к более традиционным дипломатическим каналам и институционализму в противовес личной дипломатии эпохи Трампа. В то же время политика Болсонару, напротив, характеризовалась непредсказуемостью и противоречивостью. При этом можно говорить о сильном идеологическом уклоне «вправо» и разрыве с традициями преемственности Итамарати [15; 19].

В 2019 г. Бразилия была одной из трех стран, поддержавших американское эмбарго в отношении Кубы на ежегодном голосовании Генеральной Ассамблеи ООН. Тем самым правительство Болсонару отошло от принципа многосторонности и давней оппозиции бразильского истеблишмента экономическому принуждению США против острова. Тогда же боливийское правительство Аньес объявило о разрыве дипломатических отношений с Гаваной, на время став единственной страной в Западном полушарии, не имеющей дипломатических отношений с Кубой, и одной из трех в мире (наряду с Южной Кореей и Израилем) [17].

Внешнеполитическая линия нового боливийского руководства Луиса Арсе, избранного президентом от партии MAS в конце 2020 г., развивается в парадигме, выстроенной при

Эво Моралесе. МИД Боливии заявил о возобновлении работы посольских миссий и восстановлении отношений со странами, приостановленных кабинетом Аньес, – Венесуэлой, Кубой, Никарагуа. Состоялось возвращение Боливии в блок АЛБА (который существенно ослаб по ряду причин, в том числе и после выхода Боливии в период временного правительства), который сохраняет характер интеграции на основе антинеолиберальных и антиимпериалистических принципов.

Уровень экономических отношений между США и Боливией определяет товарооборот в размере около 1 млрд долларов. США по-прежнему входят в десятку крупнейших импортеров и экспортеров страны. Смена кабинетов, хотя бы пока на словах, открыла новые возможности для партнеров. Администрация Байдена демонстрирует более дружественный подход к развитию сотрудничества в первую очередь в том, что касается предоставления помощи по борьбе с пандемией в южноамериканской стране [14].

Результаты. Динамика анализируемых двусторонних отношений показывает преобладание субъективных факторов и идеологической доминанты в принятии внешнеполитических решений со стороны латиноамериканских стран. И в Бразилии, и в Боливии при сохранении конституционного строя и политической системы в целом большое значение имеет личность главы государства и установки партии или коалиции, стоящей у власти.

В эпоху «левого поворота» прослеживалось преобладание идеологических мотивов в политике обеих стран, позиции которых сближала ориентация на независимость и стремление противодействовать Вашингтону. Правительства взяли курс на развитие в рамках постнеолиберальной модели, где в центре внимания оказался переход к социально ориентированной политике, усиление государственного регулирования и сотрудничество в сфере социального развития и культуры. Внешняя торговля отошла на второй план, уступив место политическим интересам, в том числе в рамках антиамериканизма.

Вместе с тем отказ временного боливийского руководства от принципов предыдущего правительства и шаги навстречу Вашингтону не привели к долгосрочным ре-

зультатам. То же самое можно сказать и о Бразилии. Из-за переориентации в сторону протекционизма в политике Д. Трампа рывка в двусторонних отношениях и привлечении американских инвестиций в инфраструктурные проекты, на который рассчитывали в Бразилии, не состоялось, и в целом радикального улучшения взаимоотношений не произошло. Излишняя декларативность, характерная, как казалось, для правительств «левого поворота», так и не уступила свое место взвешенности и рациональности, какую ждали от правых сил. Однако нет оснований говорить о формировании тенденции к зависимости латиноамериканской стороны от изменений в политике США. Напротив, линия на самостоятельность и суверенитет, выработанная в предыдущее десятилетие, сохраняется.

В то же время латиноамериканский регион с политической точки зрения находится в состоянии глубокой разделенности, что ставит под сомнение способность государств эффективно решать проблемы совместными усилиями. Ослабление подобных коалиционных возможностей для латиноамериканских государств во многих случаях способствует сближению с США. Нарастающая поляризация общественного сознания усиливает противоречия между блоками стран, представляющие разные парадигмы развития – неолиберальную и постнеолиберальную [так, Бразилия приостановила свое членство в УНАСУР (в 2019 г.) и СЕЛАК (в 2020 г.) под предлогом того, что в них участвуют ее антагонисты Куба и Венесуэла]. Внешняя политика все больше становится индикатором этого противостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-014-00040 «Трансформация современной политики США в Западном полушарии: региональные последствия и роль глобальных акторов».

The research is financed by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 20-014-00040 “Transformation of US Modern Policy in the Western Hemisphere: Regional Consequences and the Role of Global Actors”.

² Бразильский МИД принято называть по названию дворца Итамарати, в котором располагается министерство.

³ Речь идет о поддержке Эво Моралеса со стороны Мексики и Аргентины после его отставки, а также шагах навстречу временному правительству Аньес, например, со стороны Бразилии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле. Серия «Саммит». – М. : ИЛА РАН, 2019. – 144 с.
2. Воротникова, Т. А. Политика США по ключевым конфликтам в Латинской Америке / Т. А. Воротникова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-poklyuchevym-konfliktam-v-latinskojamerike/> (дата обращения: 20.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Латинская Америка в системе международных экономических отношений / отв. ред. Л. Н. Сиимонова. – М. : ИЛА РАН, 2020. – 487 с.
4. Мартынов, Б. Ф. История внешней политики и дипломатии Бразилии / Б. Ф. Мартынов, А. Ю. Борзова. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 288 с.
5. Международная реакция на импичмент президенту Бразилии Дилме Руссефф. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3580976> (дата обращения: 12.08.2020). – Загл. с экрана.
6. Окунева, Л. В. Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы / Л. В. Окунева // Латинская Америка. – 2016. – № 10. – С. 5–22.
7. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В. Л. Хейфец. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 494 с.
8. СМИ: Бразилия может вступить в ОЭСР раньше Аргентины. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7521235> (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
9. Яковлев, П. П. Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений / П. П. Яковлев // Латинская Америка. – 2015. – № 7. – С. 4–18.
10. Bolivia designa a su primer embajador en EEUU en 11 años. – Electronic text data. – Mode of access: <https://mundo.sputniknews.com/20191126/bolivia-designa-a-su-primer-embajador-en-eeuu-en-11-anos-1089449102.html> (date of access: 01.02.2020). – Title from screen.
11. Ceppi, N. La política exterior de Bolivia en tiempos de Evo Morales Аума / N. Ceppi // Si Somos Americanos. – 2014. – Vol. 14, № 1. – P. 125–151.
12. Climate Change Front and Center in U.S. and Brazil Relations in Biden-Bolsonaro Era. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.newsecuritybeat.org/2021/01/climate-change-front-center-u-s-brazil-relations-biden-bolsonaro-era/> (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.
13. Coelho Farias de Souza, A. L. Changes in the Foreign Policy of Bolivia and Ecuador: Domestic and International Conditions / A. L. Coelho Farias de Souza, C. Cunha Filho, V. Santos // Brazilian Political Science Review. – 2020. – Vol. 14, № 3. – P. 1–37. – DOI: <https://doi.org/10.1590/1981-3821202000030004>.
14. Estados Unidos dice que construye “una relación de confianza” con Bolivia. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.swissinfo.ch/spa/bolivia-eeuu_estados-unidos-dice-que-construye—una-relaci%C3%B3n-de-confianza—con-bolivia/46759186 (date of access: 12.08.2020). – Title from screen.
15. Foreign policy under Bolsonaro: Going West. – Electronic text data. – Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1957301779&Country=Brazil&topic=Politics> (date of access: 29.08.2020). – Title from screen.
16. Joint Statement from President Donald J. Trump and President Jair Bolsonaro. – Electronic text data. – Mode of access: <https://br.usembassy.gov/joint-statement-from-president-donald-j-trump-and-president-jair-bolsonaro> (date of access: 16.08.2020). – Title from screen.
17. Long, G. Bolivia “Caretaker” Government Makes Radical Foreign Policy Changes – and Wins over Powerful Allies – Center for Economic and Policy Research / G. Long. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nodal.am/2020/02/bolivias-caretaker-government-makes-radical-foreign-policy-changes-and-wins-over-powerful-allies-center-for-economic-and-policy-research/> (date of access: 29.06.2020). – Title from screen.
18. Malamud, C. ¿Qué política exterior tendrá Brasil? / C. Malamud. – 12/11/2018. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/latin+america/ari120-2018-malamud-what-foreign-policy-now-brazil (date of access: 10.06.2020). – Title from screen.
19. Okuneva, L. S. Brasil consolida su rumbo a la derecha / L. S. Okuneva // Iberoamérica. – 2019. – № 4. – P. 44–62.
20. Rodriguez-Dominguez, M. No Longer Activa e Altiva: Brazil’s Foreign Policy Stumbles under Temer / M. Rodriguez-Dominguez. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.coha.org/no-longer-activa-e-altiva-brazils->

foreign-policy-stumbles-under-temer/ (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.

21. Saraiva, M. G. The democratic regime and the changes in Brazilian foreign policy towards South America / Miriam Gomes Saraiva // *Brazilian Political Science Review*. – 2020. – № 14 (3). – P. 1–39. – DOI: <https://doi.org/10.1590/1981-3821202000030001>.

22. Trading Economics. – Electronic text data. – Mode of access: <https://tradingeconomics.com/brazil/balance-of-trade> (date of access: 19.07.2020). – Title from screen.

23. Wolff, J. Re-engaging Latin America's Left? US relations with Bolivia and Ecuador from Bush to Obama. US relations with Bolivia and Ecuador from Bush to Obama / J. Wolff // Peace Research Institute Frankfurt-Report. – 2011. – № 103. – 46 p.

REFERENCES

1. *Braziliya: smena prioritetov v novom politicheskom cikle. Serija «Sammit»* [Brazil: Change of Priorities in the New Political Cycle]. Moscow, ILARAN, 2019. 144 p.

2. Vorotnikova T.A. *Politika SShA po ključevym konfliktam v Latinskoj Amerike* [US Politics on the Key Conflicts in Latin America]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-po-klyuchevym-konfliktam-v-latinskoyamerike> (accessed 20 August 2020).

3. Simonova L.N., ed. *Latinskaja Amerika v sisteme mezhdunarodnyh jekonomičeskikh otnošenij* [Latin America in the System of International Economic Relations]. Moscow, ILARAN, 2020. 487 p.

4. Martynov B.F., Borzova A.Ju. *Istorija vneshnej politiki i diplomatii Brazilii* [History of the Foreign Policy and Diplomacy of Brazil]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2021. 288 p.

5. *Mezhdunarodnaja reakcija na impichment prezidentu Brazilii Dilme Russeff* [International Reaction to the Impeachment of the Brazilian President Dilma Rousseff]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3580976> (accessed 12 August 2020).

6. Okuneva L.V. Impichment prezidenta Brazilii: razmyshlenija i vyvody [The Impeachment of the Brazilian President: Reflections and Conclusions]. *Latinskaja Amerika*, 2016, no. 10, pp. 5-22.

7. Kheyfets V.L., ed. *Ot bipoljarnogo k mnogopoljarnomu miru: latinoamerikanskij vektor mezhdunarodnyh otnošenij v XXI veke* [From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st Century]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2019. 494 p.

8. *SMI: Braziliya mozhet vstupit' v OJeSR ran'she Argentiny* [Media: Brazil Can Enter OECD Before Argentina]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7521235> (accessed 22 August 2020).

9. Jakovlev P.P. Latinskaja Amerika na perelome trendov. Opyt osmyslenija novyh javlenij [Latin America at the Turning Point of the Trends. Understanding of a New Phenomena]. *Latinskaja Amerika*, 2015, no. 7, pp. 4-18.

10. *Bolivia designa a su primer embajador en EEUU en 11 años*. URL: <https://mundo.sputniknews.com/20191126/bolivia-designa-a-su-primer-embajador-en-eeuu-en-11-anos-1089449102.html> (accessed 1 February 2020).

11. Ceppi N. La política exterior de Bolivia en tiempos de Evo Morales Ayma. *Si Somos Americanos*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 125-151.

12. *Climate Change Front and Center in U.S. and Brazil Relations in Biden-Bolsonaro Era*. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2021/01/climate-change-front-center-u-s-brazil-relations-biden-bolsonaro-era> (accessed 30 August 2020).

13. Coelho Farias de Souza A.L., Cunha Filho C., Santos V. Changes in the Foreign Policy of Bolivia and Ecuador: Domestic and International Conditions. *Brazilian Political Science Review*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 1-37. DOI: <https://doi.org/10.1590/1981-3821202000030004>.

14. *Estados Unidos dice que construye "una relación de confianza" con Bolivia*. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/bolivia-eeuu_estados-unidos-dice-que-construye-una-relaci%C3%B3n-de-confianza-con-bolivia/46759186 (accessed 12 August 2020).

15. *Foreign Policy Under Bolsonaro: Going West*. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1957301779&Country=Brazil&topic=Politics> (accessed 29 August 2020).

16. *Joint Statement from President Donald J. Trump and President Jair Bolsonaro*. URL: <https://br.usembassy.gov/joint-statement-from-president-donald-j-trump-and-president-jair-bolsonaro> (accessed 16 August 2020).

17. Long G. *Bolivia "Caretaker" Government Makes Radical Foreign Policy Changes – and Wins over Powerful Allies – Center for Economic and Policy Research*. URL: <https://www.nodal.am/2020/02/boliviast-caretaker-government-makes-radical-foreign-policy-changes-and-wins-over-powerful-allies-center-for-economic-and-policy-research> (accessed 29 June 2020).

18. Malamud C. *¿Qué política exterior tendrá Brasil? 12/11/2018*. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/latin+america/ari120-2018-malamud-what-foreign-policy-now-brazil (accessed 10 June 2020).

19. Okuneva L.S. Brasil consolida su rumbo a la derecha. *Iberoamérica*, 2019, no. 4, pp. 44-62.

20. Rodríguez-Domínguez M. *No Longer Activa e Altiva: Brazil's Foreign Policy Stumbles Under Temer*. URL: <https://www.coha.org/no-longer-activa>

e-altiva-brazils-foreign-policy-stumbles-under-temer (accessed 8 July 2020).

21. Saraiva M.G. The Democratic Regime and the Changes in Brazilian Foreign Policy Towards South America. *Brazilian Political Science Review*, 2020, no. 14 (3), pp. 1-39. DOI: <https://doi.org/10.1590/1981-3821202000030001>.

22. *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/brazil/balance-of-trade> (accessed 19 July 2020)

23. Wolff J. Re-Engaging Latin America's Left? US Relations with Bolivia and Ecuador from Bush to Obama. *Peace Research Institute Frankfurt-Report*, 2011, no. 103. 46 p.

Information About the Author

Tatiana A. Vorotnikova, Candidate of Sciences (Politics), Academic Secretary, Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Bolshaya Ordynka St, 21, 115035 Moscow, Russian Federation, vorotnikovat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2654-7405>

Информация об авторе

Татьяна Александровна Воротникова, кандидат политических наук, ученый секретарь, Институт Латинской Америки РАН, ул. Большая Ордынка, 21, 115035 г. Москва, Российская Федерация, vorotnikovat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2654-7405>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.18>

UDC 327
LBC 66.4(4/8)

Submitted: 12.01.2021
Accepted: 03.07.2021

THE TRANSFORMATION OF ARGENTINE-U.S. RELATIONS AT THE TURN OF THE DECADE¹

Iлона А. Гриценко

Centre for Political Studies, Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper examines Argentina-U.S. relations during the administrations of Mauricio Macri and Alberto Fernandez, as well as the transformation of the bilateral ties character at the turn of the decade. The author analyzes the changes paying attention to the challenges that the economic crisis posed to the Argentine leaders, and taking into account the motives of both countries. The study identified the risks for the successful interaction between Washington and Buenos Aires, as well as the leverage of the potential influence of the White House on the Argentine authorities. *Methods.* The study is based on extensive factual data from the period of the latest two Argentine administrations (2015–2021), the new sources, including documents of the U.S. Department of State. An integrated systematic approach allowed to consider the interaction of Buenos Aires and Washington in the dynamics of Argentine domestic political and economic processes, taking into account global and regional factors. When analyzing changes in the character of bilateral ties, a comparative approach was applied. *Analysis.* The relations between Washington and the government of Mauricio Macri in 2017–2019 were allied. The main areas of interaction were trade and investment, security and political cooperation. To support his ally and the continuity of government in Argentina, D. Trump facilitated the IMF's approval of the largest standby to Argentina for the period of Macri's administration. The problem of payment became a burden for the elected A. Fernandez. *Results.* The willingness of the White House to help resolve the debt issue and the American investments needed by Argentina deterred A. Fernandez from developing an autonomist foreign policy pushing him to choose a more balanced course. Both topics constitute the points of potential pressure from Washington on the Argentine leader. Bilateral relations became more restrained, but showing no signs of confrontation. Risks for Argentine-American cooperation are posed by the deepening partnership of the South American country with China and by the position of the Argentine authorities on resolving the Venezuelan crisis. Given its desire to be Argentina's partner of choice, the U.S. is unlikely to firstly use pressure. With the beginning of Joseph Biden's presidency, the climate agenda became a new area of cooperation.

Key words: Argentina, United States, Donald Trump, Mauricio Macri, Alberto Fernandez, IMF, Argentine-U.S. relations.

Citation. Gričenko I.A. The Transformation of Argentine-U.S. Relations at the Turn of the Decade. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnoŝeniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 215-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.18>

УДК 327
ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 12.01.2021
Дата принятия статьи: 03.07.2021

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРГЕНТИНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ¹

Илона Александровна Гриценко

Центр политических исследований Института Латинской Америки РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассмотрены отношения между Аргентиной и США в период администраций М. Макри и А. Фернандеса и трансформация характера двусторонних связей на рубеже десятилетия. Автор

анализирует изменения в связи с вызовами, которые поставил перед аргентинским руководством экономический кризис, и с учетом мотивов обеих сторон. В ходе исследования выявлены риски для успешного взаимодействия Вашингтона и Буэнос-Айреса, а также рычаги потенциального воздействия Белого дома на аргентинские власти. Исследование базируется на обширном фактическом материале периода последних двух аргентинских администраций (2015–2021), новейших источниках, в числе которых документы Госдепартамента США. Комплексный системный подход позволяет рассматривать взаимодействие Буэнос-Айреса и Вашингтона в динамике аргентинских внутривластных и экономических процессов, с учетом глобальных и региональных факторов. При анализе изменений характера двусторонних связей применен компаративистский подход. Отношения между Вашингтоном и правительством М. Макри в 2017–2019 гг. являлись союзническими. Основными направлениями взаимодействия были торговля и инвестиции, безопасность и политическое сотрудничество. В области экономики наблюдались как успехи, так и противоречия. В целях поддержки своего союзника и преемственности власти в Аргентине, Д. Трамп способствовал выдаче стране крупнейшего транша МВФ на период администрации М. Макри, проблема выплаты которого стала бременем для избранного А. Фернандеса. Готовность Белого дома содействовать решению долгового вопроса и необходимые Аргентине американские инвестиции удержали последнего от развертывания автономистской внешней политики и подтолкнули к выбору более сбалансированного курса. Обе темы являются точками потенциального давления Вашингтона на аргентинское руководство. Двусторонние отношения приобрели более сдержанный характер, но без признаков конфронтации. Риски для аргентино-американского сотрудничества несут углубление партнерства южноамериканской страны с Китаем и позиция ее руководства по урегулированию венесуэльского кризиса. Учитывая стремление иметь статус предпочтительного партнера для Аргентины, США вряд ли используют рычаги давления в первую очередь. С приходом администрации Дж. Байдена в число направлений взаимодействия вошла климатическая повестка.

Ключевые слова: Аргентина, США, Дональд Трамп, Маурисио Макри, Альберто Фернандес, МВФ, аргентино-американские отношения.

Цитирование. Гриценко И. А. Трансформация аргентино-американских отношений на рубеже десятилетий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 215–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.18>

Введение. На рубеже десятилетия по итогам выборов 27 октября 2019 г. к власти в Аргентине вернулись перонисты во главе с А. Фернандесом и К. Киршнер в роли вице-президента. После четырехлетнего правления М. Макри (декабрь 2015 – декабрь 2019) – сторонника открытой экономики, проводившего линию активного политического взаимодействия с США, это дало почву опасениям, что Буэнос-Айрес вернется к практикам автономизма и политической конфронтации в отношении Вашингтона, наблюдавшимся в период киршнеризма². Тем не менее нынешнее аргентинское руководство находится в условиях, весьма далеких от конъюнктуры «золотого десятилетия» в Латинской Америке. В самой Аргентине – экономический кризис [26], пугающий показателями инфляции, бедности и безработицы, и усугубившийся пандемией COVID-19. В этой связи представляет интерес трансформация отношений между Аргентиной и США, которую необходимо рассматривать в контексте вызовов, стоящих перед аргентинскими властями и с учетом мотивов двух стран. В лабиринте неблагоп-

приятных внутренних и внешних факторов, в котором сегодня находится Аргентина, особенно стоит вопрос выплаты долга Международному валютному фонду (МВФ) по займу, согласованному М. Макри. Именно в свете долговой проблемы следует анализировать новый этап аргентино-американских отношений.

Методы и материалы. Исследование основано на фактическом материале периода администраций М. Макри (2015–2019) и А. Фернандеса (2019–2021) в Аргентине, новейших источниках, в том числе стратегиях, разработанных Госдепартаментом США. Взаимодействие Буэнос-Айреса и Вашингтона рассмотрено в рамках комплексного системного подхода с учетом динамики аргентинских внутривластных и экономических процессов, глобальных и региональных факторов. Анализ изменений характера двусторонних связей проводится с применением компаративистского подхода.

Буэнос-Айрес как союзник США. Три из четырех лет президентского срока Д. Трампа (январь 2017 – январь 2021) в США

пришлись в Аргентине на мандат М. Макри. В этот период впервые за годы было озвучено, что южноамериканская республика является основным союзником США вне НАТО [9]. Формально Аргентина имеет этот статус с 1997 г., когда президент К. Менем (1989–1997), с целью сближения с Западным миром, произвел ряд серьезных изменений во внешнеполитическом курсе Аргентины по важным для Вашингтонской повестки направлениям. В частности, он остановил разработку баллистической ракеты Кондор II, вывел страну из Движения неприсоединения и санкционировал участие в операции «Буря в пустыне» в Ираке. Следствием стала формализация двустороннего альянса [28] между США и Аргентиной. Тем не менее, союзнический статус был постепенно забыт [32] в последующие годы, когда страна находилась под управлением левоориентированных перонистских правительств Н. Киршнера (2003–2007) и К. Киршнер (2007–2015). Они серьезно трансформировали внешнюю политику, отдав предпочтение латиноамериканской повестке, и отказались от углубления сотрудничества с Вашингтоном.

Придя к власти, М. Макри пересмотрел внешнеполитический курс, сделав сближение с США ключевым направлением. Президент незамедлительно урегулировал острый вопрос аргентино-американских отношений, унаследованный от предшественников: погасил долг перед иностранными кредиторами, отказавшимися реструктуризировать госзаймы страны после дефолта 2001 года. Уже в марте 2016 г. Аргентину впервые за годы посетил с официальным визитом американский президент – Б. Обама (2009–2017), что ознаменовало новый этап двусторонних отношений.

С тех пор в Аргентине побывал Д. Трамп (2018) и многие высокопоставленные чиновники США, что свидетельствовало о наращивании двусторонних контактов. Для Вашингтона смена власти в Аргентине означала не только конец напряженности в отношениях с Буэнос-Айресом, которая началась в период киршнеризма. Приход дружественного правительства в одну из крупнейших латиноамериканских стран давал США возможность через выстраивание связей с ним восстановить свои позиции в регионе, с которых их потесни-

ли ЕС и Китай. К тому же, Аргентина под руководством М. Макри могла, продемонстрировав экономические успехи, стать образцом для других государств – своеобразной «рекламой» правой политики в Латинской Америке.

М. Макри удалось наладить отношения с Д. Трампом. Приоритетными направлениями, по которым развивалось и углублялось двустороннее взаимодействие, были торговля и инвестиции, безопасность – борьба с оргпреступностью и терроризмом, «венесуэльский вопрос».

Что касается безопасности, в исследовании аргентинских экспертов отмечается, что больше всего договоров в этой сфере за 2015–2018 гг. было подписано именно с США – 8 (против 1–2 с латиноамериканскими партнерами, Россией, Китаем в тот же период) [7]. В их числе соглашение о размещении в аргентинском г. Посадас (провинция Мисьонес) базы для сотрудников антинаркотического ведомства США и передачи его технологий для совместной работы по противодействию незаконному обороту наркотиков в районе трехграничья между Аргентиной, Парагваем и Бразилией [34], а также договор о сотрудничестве с ФБР по обучению работников федеральной полиции Аргентины [4]. В мае 2018 г. появилась информация о возобновлении строительства на территории аргентинской провинции Неукен «базы гуманитарной помощи» США по ликвидации последствий стихийных бедствий [14].

Необходимо отметить, что множество аргентинских общественных организаций выступили против размещения баз под «флагом» борьбы с оргпреступностью [13]. В случае с объектом в Мисьонес активисты опасались милитаризации зоны трехграничья и угрозы контролю латиноамериканских стран над имеющимися там природными ресурсами. Новость о строительстве базы в Неукене также была воспринята неоднозначно, поскольку Южное командование США, выделившее средства на постройку, занимается не только гуманитарными миссиями, но и военными. В этой провинции находится крупное месторождение неконвенциональной нефти Вака Мурта, где ведут деятельность американские компании, в связи с чем некоторые аргентинские эксперты и общественные деятели

высказали опасения, что США намерены установить контроль над находящимися там ископаемыми с целью их последующего экспорта на свою территорию [25]. Кроме того, в Неукене размещена китайская космическая станция, построенная по соглашению К.Ф. де Киршнер с Си Цзиньпином 2015 г. и действующая с 2018 года. Несмотря на заявленные гражданские цели, она вызывает обеспокоенность Южного командования, считающего, что станция имеет потенциал сбора информации о положении и активности военных спутников США и их союзников [30]. В этой связи, эксперт Ф. де ла Бальзе назвал китайскую станцию объектом «двойного назначения» и предостерег от ситуаций, когда внешнеполитический прагматизм аргентинских властей приводит к росту напряженности между глобальными соперниками [8].

В июле 2019 г., накануне визита госсекретаря США М. Помпео, Аргентина признала террористической ливанскую шиитскую организацию Хезболла (Hezbollah), по одной из версий причастную к атаке на еврейский культурный центр АМИА в Буэнос-Айресе (1994). Этот шаг, на фоне симпатий Д. Трампа к Израилю и усилению напряженности между Вашингтоном и Тегераном, явился свидетельством «увязывания» аргентинской политики с линией Вашингтона.

Если говорить об идейно-политической составляющей отношений в период «Макри – Трамп», центральное место в двусторонней международной повестке занимал венесуэльский вопрос, по которому стороны демонстрировали схожесть позиций. В лице М. Макри Вашингтон имел наиболее резкого во всей Латинской Америке критика режима Н. Мадуро. Аргентинский президент охарактеризовал его как «диктатора, который стремится удерживаться у власти, проводя фиктивные выборы» [24]. В январе 2019 г. М. Макри первым из латиноамериканских лидеров вслед за США признал тогдашнего спикера Национальной ассамблеи Боливарианской Республики Х. Гуайдо временно исполняющим обязанности президента. Введение Аргентиной санкций в отношении венесуэльских чиновников и юридических лиц также коррелировало с действиями Вашингтона [11], чья позиция в период мандата Д. Трампа была непримиримой:

США призывали страны Латинской Америки усилить санкционное давление [29]. Аргентина во главе с М. Макри активно участвовала в работе Группы Лимы³, жестко критиковавшей правительство Н. Мадуро и призывавшей вооруженные силы Венесуэлы перейти на сторону оппозиции.

Торгово-экономическая двусторонняя повестка демонстрировала как успехи, так и очевидные противоречия. США – третий торговый партнер Аргентины по объему товарооборота (свыше US\$10 млрд в 2019 г.) [2] после Бразилии и Китая. При этом с 2006 г. торговый баланс имеет сальдо в пользу североамериканской страны. В соответствии с лозунгом Д. Трампа «Америка прежде всего», даже подчеркивая значимость Аргентины в качестве своего союзника, 45-й президент США далеко не всегда шел на уступки по торговым вопросам, если это не несло выгоды экономике его страны. Яркий пример – таможенный сбор в 72 % на поставки главного аргентинского экспортного товара – биодизеля, введенный США в апреле 2018 г. на пять лет, который республика безуспешно оспаривала. Запрет на поставки аргентинской говядины был снят США лишь после того, как южноамериканская страна согласилась на закупки американской свинины. Учитывая активное торговое сальдо США в двусторонней торговле, целью этих мер было его наращивание, а не выравнивание торгового обмена, о необходимости которого заявлял Д. Трамп.

Образец успешного сотрудничества – американская инвестиционная деятельность в Аргентине. Для М. Макри это направление было особенно важно ввиду его ставки на приток иностранного капитала для преодоления экономического кризиса. США – главный источник прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Аргентину (23 % от общего объема). В 2018 г. объем вложений США составил около US\$15 млрд [20]. Наибольший рост ПИИ наблюдался в секторе неконвенциональной добычи нефти и газа в Вака Муэрта. Корпорация частных зарубежных инвестиций (англ. Overseas Private Investment Corporation, OPIC) в сентябре 2019 г. одобрила выделение US\$450 млн для финансирования там работ латиноамериканских компаний Vista Oil и Aleph Midstream [10].

Транш МВФ для Аргентины М. Макри. В условиях резкого падения аргентинской экономики в мае 2018 г. М. Макри обратился за помощью к МВФ, невзирая на высокие внутривнутриполитические риски. Неудачи экономической политики президента могли привести к власти традиционно критически настроенную к политике США лево-перонистскую оппозицию. Будучи заинтересованными в сохранении Аргентины в качестве союзника в регионе и продолжении начатых в стране проектов, в Вашингтоне оказали поддержку правительству М. Макри. Благодаря содействию Д. Трампа соглашение с МВФ было подписано менее, чем за месяц. Аргентине был одобрен крупнейший транш в истории организации: US\$57 миллиардов.

Важным пунктом договора было то, что свыше 75 % предоставляемых МВФ средств поступили в распоряжение аргентинских властей в течение 2019 г., то есть во время мандата М. Макри и в год выборов. В связи с этим, А. Фернандес заявил [15], что фонд финансирует выгодные власти, а М. Макри в попытке удержаться на посту привел страну к долговой зависимости на десятилетия.

В целом, происходящее в аргентино-американских отношениях вплоть до президентских выборов в южноамериканской стране в октябре 2019 г. вписывается в концепцию отношений стратегического союзничества, предполагающих высокую степень совпадения идейно-политических ориентиров.

Д. Трамп поддерживал М. Макри и после неудач экономического курса аргентинского лидера, тем не менее, однозначно не рассчитывая на победу политического союзника. Известный аргентинский политолог Х.Г. Токатлиан со ссылкой на документ Госдепартамента США 2018 г. отмечал, что видение американским ведомством ситуации в Аргентине было реалистическим. В тексте утверждалось, что экономическая и политическая стабильность в стране не гарантированы, а правительство М. Макри должно проводить непопулярные реформы в условиях недовольства населения [23].

Политическое и экономическое содействие Вашингтона, и личная поддержка Д. Трампа не помогли переизбранию М. Макри, уже зарекомендовавшего себя в качестве

союзника США. Тем не менее, обязательства по выплате большого долга МВФ легли на плечи следующей аргентинской администрации, сильно ограничив пространство для маневра А. Фернандесу, в особенности во внешней политике. Это облегчило Вашингтону взаимодействие с аргентинскими властями, что явилось для США позитивным обстоятельством.

Риски и политика баланса А. Фернандеса. Приход к власти в Аргентине А. Фернандеса, будучи нежелательным для Белого дома, не был неожиданным, поскольку южноамериканская страна проводила выборы, когда победитель фактически определился заранее по результатам праймериз 11 августа 2019 года. До основного голосования кандидат Фернандес уже посылал сигналы как будущий президент своими заявлениями, по которым можно было делать выводы о его вероятном курсе. На встрече чиновников Госдепартамента США с видным аргентинским политиком-перонистом С. Массой были озвучены поводы для беспокойства Вашингтона, и прошло предварительное выяснение позиций А. Фернандеса по этим вопросам. С. Масса выразил и будущую формулу аргентино-американских связей: «Зрелые отношения без политики следования» [27].

Одной из интересующих американскую сторону тем было отношение А. Фернандеса к вопросу погашения долга перед частными кредиторами, связанными с США – крупнейшим акционером МВФ. В Вашингтоне опасались, что А. Фернандес воспользуется тактикой К.Ф. де Киршнер и откажется от выплат, но получили уверения, что такой сценарий не воплотится [27]. Сразу после выборов в Аргентине Д. Трамп позвонил А. Фернандесу и сообщил, что «поручил» МВФ работать с избранным президентом над решением долговой проблемы, показав себя его союзником. Молниеносность, с которой был сделан звонок, позволяет заключить, что решение было готовым. В свою очередь, А. Фернандес заявил, что надеется иметь с США «зрелые и теплые отношения» [3].

При объяснении действий Д. Трампа напрашивается аналогия с приходом к власти в Аргентине Н. Киршнера (2003) после дефолта страны и также в ситуации, когда предсто-

яло решать проблему с выплатой долгов МВФ. Внимание США тогда было приковано к борьбе с терроризмом после атак 11 сентября 2001 года. Вашингтон не оказал финансового и политического содействия союзнической Аргентине, чем подтолкнул Н. Киршнера искать поддержку у левых правительств региона – в Бразилии и Венесуэле. В краткосрочной перспективе это вылилось в отказ латиноамериканских стран от проекта США, всеамериканской зоны свободной торговли АЛКА (2005), а в долгосрочной – способствовало укреплению неприемлемого для Вашингтона тренда левого поворота. В отношении А. Фернандеса США повели себя иначе, сделав ставку на то, что избранный аргентинский глава представляет, в отличие от К.Ф. де Киршнер, умеренное крыло киршнеризма. В Белом доме учли ошибку начала века и первыми предложили посредничество, чтобы не настраивать лидера-перониста против США, побуждая искать альтернативу их поддержке в Китае и России, и таким образом упрочивать влияние последних в Латинской Америке. Готовность Белого дома оказать содействие по вопросу долга и необходимые для аргентинской экономики инвестиции стали факторами удержания А. Фернандеса от поворота к автономистской внешней политике в начале президентского срока и подтолкнули к выбору более сдержанного курса.

Заняв президентское кресло, А. Фернандес поставил перед собой непростую задачу – заключить обновленное соглашение с МВФ с отсрочкой до 2024 г. основных выплат, ранее назначенных на 2022 и 2023 годы. Согласно его позиции, ответственность за макроэкономический кризис в Аргентине лежит на правительстве М. Макри и МВФ, который не должен был одобрять огромный займ стране в столь сложной финансовой ситуации. Аргентина же, находясь в условиях рецессии и дефолта, позже усугубившихся пандемией, не в состоянии выплачивать долги по графику [1]. 4 августа 2020 г. была достигнута договоренность о реструктуризации с основными частными кредиторами, что позволило Аргентине вернуться на рынок международных кредитов. При этом аргентинской стороне оказал содействие МВФ, выпустив заявление в поддержку ее предложения [17]. Так, проблема, волновавшая американских

партнеров, была решена, однако длительные переговоры с фондом требовали от аргентинского руководства осторожности в международных вопросах по чувствительным для Вашингтона темам, поскольку США – единственная страна, обладающая полномочиями в совете директоров МВФ, чтобы наложить вето на любую сделку.

В числе тем, вызывающих беспокойство США – усиление китайского присутствия в Латинской Америке и, в частности, в Аргентине. После возвращения перонистов к власти, перспектива углубления сотрудничества страны с азиатским гигантом стала более отчетливой [33]. Китайско-аргентинские отношения, развившиеся в период киршнеризма, имеют статус всеобъемлющего стратегического партнерства. Китай не только второй партнер Аргентины по объему торговли (US\$15,58 млрд в 2019 г.) [18], но и активно инвестирует в экономику южноамериканской страны, развивая стратегические проекты. Углубление партнерства Буэнос-Айреса с Пекином, к которому стремятся стороны, представляет фактор риска для успешного сотрудничества Аргентины и США.

Другая важная региональная тема, несущая риски для аргентино-американских отношений – венесуэльский политический кризис и позиция А. Фернандеса. Лидер Аргентины солидаризировался с Мексикой и Уругваем, придерживающимися более нейтрального подхода в отношении режима Н. Мадуро, чем Группа Лимы, но долгое время не покидал организацию. Такое поведение можно объяснить нежеланием аргентинского президента совершать демонстративно резкие шаги в отношении Вашингтона, которые отразились бы негативно на двусторонних связях. Аргентина официально покинула Группу лишь в марте 2021 г. уже после смены американской администрации. Еще одним жестом в сторону Вашингтона аргентинский исследователь М.Л. Баррето считает, что А. Фернандес не пересмотрел решения о признании Хезболлы террористической организацией и в числе первых зарубежных визитов посетил Израиль [5].

«Венесуэльский» и «китайский» вопросы, представляя риски для двусторонних связей, одновременно являются темами, по которым Вашингтон, может добиваться уступок,

используя такие точки потенциального давления на администрацию А. Фернандеса как переговорный процесс с МВФ и американская инвестиционная деятельность в Вака Муэрта. Ранее «предупредительный сигнал» [31] от Вашингтона прозвучал, когда Аргентина предоставила политическое убежище экс-президенту Боливии Эво Моралесу. Тем не менее, если в случае с кризисом в Боливии ситуация разрешилась, причем Вашингтон потерпел политическое поражение, кризис в Венесуэле далек от исхода и сохраняет потенциал негативного влияния на аргентино-американские отношения в случае обострения разногласий сторон. Схожий эффект может иметь ситуация с арестами оппозиционных кандидатов в Никарагуа.

Темы китайского присутствия и венесуэльского кризиса затронуты в обновленной «Комплексной страновой стратегии» от ноября 2020 г., посвященной Аргентине [19]. В документе Госдепартамента США названы приоритетные направления деятельности американской дипломатии в стране на четыре года. Текст свидетельствует о стремлении Вашингтона сосредоточиться в отношениях с Буэнос-Айресом на том, что объединяет стороны в противовес разногласиям, ради выгодного долгосрочного сотрудничества в области экономики, безопасности и защиты демократии. Так, применительно к решению венесуэльского вопроса сказано, что, хотя подходы Вашингтона и Буэнос-Айреса различаются, конечная цель совпадает – это демократическая Венесуэла и продуктивный региональный партнер. Отмечается готовность Вашингтона к диалогу с Аргентиной для сглаживания противоречий [19, р. 2]. Принятие решения ОПИС выделить средства на работы в Вака Муэрта после победы А. Фернандеса на праймериз подтверждает, что США рассматривали аргентинский энергетический сектор в качестве долговременной сферы инвестиций, вне зависимости от политической конъюнктуры.

Некоторые из прописанных в Стратегии задач, в соответствии с другими документами Госдепартамента [21; 22], нацелены на противодействие КНР на территории Аргентины и восстановление конкурентного преимущества Соединенных Штатов. Предполагает-

ся способствовать тому, чтобы Аргентина усовершенствовала свою нормативно-правовую базу в части экономического регулирования, эффективности судебной системы, макроэкономической и денежно-кредитной политики, обеспечила равные условия для торговли и инвестиций. По замыслу разработчиков документа, это не только защитит интересы американских компаний в Аргентине и расширит их возможности, но также поможет стране выйти на траекторию устойчивого экономического развития. При этом США стремятся сохранить за собой статус предпочтительного партнера. Для этого предполагается продвигать позитивный образ Соединенных Штатов и ценности демократических институтов, в том числе, посредством установления диалога с аргентинским гражданским обществом [19, р. 6]. В то же время, после возвращения к власти перонистов, в документ был включен новый пункт – риски от невыполнения указанных задач. В случае, если Вашингтону не удастся реализовать свои планы в отношении Аргентины, страна в условиях рецессии вернется к протекционизму, усилит присутствие Китая, и окно возможностей для США сузится [19, р. 5].

Сегодня Аргентина в своей политике придерживается концепции «Третьего пути», в которой, в частности, заключено стремление поддерживать конструктивные отношения с выгодой для себя со всеми значимыми игроками. Об этом говорят как сами перонисты [27], так и Госдеп [19, р. 2]. Страна участвует в проекте правительства США в области инфраструктуры и инвестиций для латино-карибских государств «Рост для Америки» (англ. “Growth in the Americas”) [16], а в начале 2021 г. стало известно [12] о присоединении к китайской инициативе «Один пояс и один путь» со сходной направленностью. Учитывая сумму изложенного, представляется логичным, что А. Фернандес будет проводить взвешенную политику и прилагать максимум усилий, чтобы соблюдать баланс между Вашингтоном и Пекином, сотрудничество с которыми равно важно для Аргентины.

Результаты. Отношения между США и Аргентиной являлись союзническими в период мандата М. Макри и характеризовались политикой «следования» со стороны Буэнос-

Айреса по политическим вопросам и поддержкой Вашингтоном экономических мер аргентинских властей. Несмотря на успехи политического сотрудничества, в торгово-экономической повестке наблюдались сложности. Их корень – в протекционистских взглядах Д. Трампа и проводившейся им политике укрепления национального производства и наращивания экспорта из США.

Со сменой правительства в Аргентине на перонистское аргентино-американские отношения претерпели трансформацию, приобретя более сдержанный характер, но без признаков конфронтации. При этом поддержанное Д. Трампом соглашение Аргентины с МВФ 2018 г. из механизма содействия дружественному правительству М. Макри в ситуации экономического кризиса превратилось для А. Фернандеса в ограничивающий фактор на международной арене, поскольку для аргентинских властей было критически важно пересмотреть сделку с фондом, в котором США имеют право вето. Тем не менее, учитывая, что Вашингтон стремится восстановить позиции в Латинской Америке в качестве предпочтительного партнера и не заинтересован в потере Аргентины, вероятно, Белый дом не станет прибегать к инструментам давления, не исчерпав другие средства.

С приходом администрации Дж. Байдена (январь 2021) вопросы инвестиций, укрепления торговли и региональной безопасности остались в числе приоритетных направлений США в регионе. К ним добавилась климатическая повестка, имеющая шансы стать важной сферой аргентино-американского взаимодействия. Темы китайской экспансии в Латинской Америке и разрешения кризиса в Венесуэле также не потеряли актуальности [6], что сохраняет потенциал их влияния на двусторонние связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 20-014-00040 А «Трансформация современной политики США в Западном полушарии: региональные последствия и роль глобальных акторов».

The study was supported by RFBR grant 20-014-00040 А «Transformation of modern US Policy in

the Western Hemisphere: regional consequences and the role of global actors».

² Киришнеризм – политическое движение в Аргентине, преимущественно левоцентристской и перонистской ориентации, названное по фамилиям президентов Н. Киришнера (2003–2007) и К. Киришнер (2007–2015).

³ Группа Лимы – многосторонняя организация, созданная в 2017 г. с целью разрешения политического кризиса в Венесуэле.

REFERENCES

1. *Argentina debe renegociar con FMI y revisar acuerdo Mercosur-UE, afirma Alberto Fernández*. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/argentina-renegociar-fmi-alberto-fernandez.html> (accessed 27 June 2021).

2. *Argentina y Estados Unidos: Una relación estratégica*. URL: <https://mercado.com.ar/para-entender/argentina-y-estados-unidos> (accessed 27 June 2021).

3. *Argentine President-Elect Fernandez Holds Call with Trump*. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-argentina-election-trump/argentine-president-elect-fernandez-holds-call-with-trump-idUKKBN1XB52U> (accessed 27 June 2021).

4. Barreto M.L. El aspecto militar en las relaciones bilaterales Macri-Obama-Trump. *Diálogos de agenda internacional: una perspectiva federal*. Carlos Juárez Centeno; Federico Trebucq. 1a Ed, Córdoba: Editorial CEIC, Universidad Nacional de Córdoba, Centro de Estudios Avanzados, 2018, pp. 18-22.

5. Barreto M.L. Las relaciones entre Argentina y Estados Unidos en materia de seguridad y defensa durante los primeros meses de Alberto Fernández. Continuidades y matices ante un entorno estratégico heredado. *Anuario en Relaciones Internacionales*, 2020. URL: <https://www.iri.edu.ar/wp-content/uploads/2020/09/a2020americaNorteArtBarreto.pdf> (accessed 27 June 2021).

6. *Biden's Three Priorities for South America*. URL: <https://www.batimes.com.ar/news/latin-america/bidens-three-priorities-for-south-america.phtml> (accessed 27 June 2021).

7. Busso A.E. Política exterior y de defensa en Argentina. De los gobiernos kirchneristas a Mauricio Macri (2003–2019). *Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad*, 2020, no. 27, pp. 74-93. DOI: <https://doi.org/10.17141/urvio.27.2020.4376URVIO>. URL: <https://revistas.flacsoandes.edu.ec/urvio/article/view/4376/3356> (accessed 27 June 2021).

8. De la Balze F.A.M. La lucha por la hegemonía mundial (Estados Unidos, China y Argentina). *Estudios Internacionales*, 2019, vol. 51, no. 194, pp. 195-209. DOI: <https://doi.org/10.5354/0719-3769.2019.55738>.

9. *Declaración del Presidente Donald J. Trump. 4 de septiembre de 2018.* URL: <https://ar.usembassy.gov/es/declaracion-del-presidente-donald-j-trump-2> (accessed 27 June 2021).
10. *EE.UU. aprueba financiamiento por u\$s 1100 millones para Vaca Muerta, PPP vial y energías renovables.* URL: <https://www.cronista.com/economia-politica/EE-UU-aprueba-financiamiento-por-us-1100-millones-para-Vaca-Muerta-PPP-vial-y-energias-renovables-20190911-0046.html> (accessed 27 June 2021).
11. *EE.UU. y Argentina imponen nuevas sanciones contra Venezuela.* URL: <https://espanol.almayadeen.net/news/1156414/ee-uu-y-argentina-imponen-nuevas-sanciones-contra-venezuela> (accessed 27 June 2021).
12. *Embajador Kreckler: "Argentina se adherirá a la Franja y la Ruta".* URL: <http://www.polosproductivosreg.com.ar/2020/11/07/embajador-kreckler-argentina-se-adherira-a-la-franja-y-la-ruta> (accessed 27 June 2021).
13. *En Misiones se rebelan contra la base militar y de (in) seguridad de EEUU en la Triple Frontera.* URL: <https://www.agepeba.org/2018/02/15/en-misiones-se-rebelan-contra-la-base-militar-y-de-inseguridad-de-ee-uu-en-la-triple-frontera> (accessed 27 June 2021).
14. *Estados Unidos construirá una base de ayuda humanitaria en Neuquén.* URL: https://www.clarin.com/politica/unidos-construira-base-ayuda-humanitaria-neuquen_0_B1txmiW1m.html (accessed 27 June 2021).
15. *Fernández responsabilizó al FMI por pagarle a Macri «la campaña electoral más cara de la historia».* URL: <https://informepolitico.com.ar/fernandez-responsabilizo-al-fmi-por-pagarle-a-macri-la-campana-electoral-mas-cara-de-la-historia> (accessed 27 June 2021).
16. *Growth in the Americas. FAQs.* URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/America-Crece-FAQs-003-508.pdf> (accessed 27 June 2021).
17. *IMF Staff Statement on Argentina, 2020, February 19.* URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/02/19/pr2057-argentina-imf-staff-statement-on-argentina> (accessed 27 June 2021).
18. *Informe País: China. Agosto 2020.* URL: <https://www.inversionycomercio.org.ar/uploads/informes/Informe-pais-2020-China.pdf> (accessed 27 June 2021).
19. *Integrated Country Strategy: Argentina, 2020, November.* URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/ICS_WHA_Argentina_Public-Release.pdf (accessed 27 June 2021).
20. *Invierta en Argentina.* URL: <https://eeuu.cancilleria.gob.ar/es/invierta-en-argentina> (accessed 27 June 2021).
21. *Joint Regional Strategy for Latin America and the Caribbean.* URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/06/JRS_WHA-LAC_UNCLASS-508.pdf (accessed 27 June 2021).
22. *Joint Strategic Plan 2018–2022.* URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/Joint-Strategic-Plan-FY-2018-2022.pdf> (accessed 27 June 2021).
23. *La estrategia de EE.UU. hacia la Argentina.* URL: <https://www.elcohetalaluna.com/la-estrategia-de-ee-uu-hacia-la-argentina> (accessed 27 June 2021).
24. *Macri y Bolsonaro condenaron al régimen de Maduro: "Es un dictador que busca perpetuarse en el poder".* URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/mauricio-macri-jair-bolsonaro-argentina-brasil-nicolas-nid2211408> (accessed 27 June 2021).
25. *Neuquén: se retomó el plan para instalar una base norteamericana cerca de Vaca Muerta.* URL: <https://latinta.com.ar/2019/06/neuquen-retomoplan-instalar-base-norteamericana-vaca-muerta> (accessed 27 June 2021).
26. *Preliminary Overview of the Economies of Latin America and the Caribbean 2020.* URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46504/4/PO2020_Argentina_en.pdf (accessed 27 June 2021).
27. *Qué le preocupa a Donald Trump en un eventual gobierno de Alberto Fernández.* URL: <https://www.cronista.com/economia/politica/Que-le-preocupa-a-Donald-Trump-de-un-eventual-gobierno-de-Alberto-Fernandez-20191009-0012.html> (accessed 27 June 2021).
28. Reficco E. *Argentina como aliado extra-OTAN de los EE UU: los factores detrás de la alianza.* *Afers Internacionals*, 1998, no. 42, pp. 79-97.
29. Rozental D.M., Jefe V.L. *Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad.* *Iberoamerica*, 2018, no. 4, pp. 53-76.
30. *Top U.S. Military Chief Warns of Chinese Activity at Patagonia Space Station.* URL: <https://www.batimes.com.ar/news/argentina/top-us-military-chief-warns-of-chinese-activity-at-patagonia-space-station.phtml> (accessed 27 June 2021).
31. *U.S. Warns Argentina That IMF Deal Threatened by Leftist Allies.* URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-02/u-s-warns-argentina-that-leftist-allies-threaten-new-imf-deal> (accessed 27 June 2021).
32. *Washington ya no incluye a la Argentina como aliado extra OTAN en un informe.* URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/eeuu-cree-que-la-argentina-ya-no-es-aliado-estrategico-nid1392668> (accessed 27 June 2021).
33. *Xi Calls for Closer Partnership with Argentina.* URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/04/c_139640432.htm (accessed 27 June 2021).
34. *¿Cuál es la relación en Argentina con Estados Unidos?* URL: <http://www.cristina.com.ar/2018/03/relacion-argentina-con-estados-unidos> (accessed 27 June 2021).

Information About the Author

Ilona A. Gritsenko, Researcher, Centre for Political Studies, Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Bolshaya Ordynka St, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation, gritsenko_ilona@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1298-1323>

Информация об авторе

Илона Александровна Гриценко, научный сотрудник, Центр политических исследований Института Латинской Америки РАН, ул. Б. Ордынка, 21/16, 115035 г. Москва, Российская Федерация, gritsenko_ilona@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1298-1323>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19>

UDC 327.8(73)
ЛБС Ф4(7)

Submitted: 20.03.2021
Accepted: 19.04.2021

EVOLUTION OF THE U.S. ARCTIC STRATEGY'S CONCEPTUAL BASIS

Valery N. Konyshchev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander A. Sergunin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the features of the main stages in the evolution of the U.S. Arctic strategy in the period after the end of the Cold War that helps to understand the future of American regional policy. The United States is one of the main participants in the Arctic policy, on which the state of security and cooperation in the region largely depends. *Methods and materials.* The empirical basis for the study was the documents of various institutions and departments involved in the planning, implementation and control of the U.S. Arctic policy. These documents include the directives and public papers of the president, documents of the Department of Defense, the Arctic strategies of ministries and departments, reports of the Congressional Research Service, documents of “think tanks”. *Analysis.* The article concludes that the Arctic became a priority of U.S. policy only in the early 2000s after the revival of Russia’s activity in the Far North. The U.S. strategy was finalized only under President Barack Obama. It directed to achieving American dominance in all spheres by combining political, diplomatic, economic, military instruments. If B. Obama considered international cooperation in the Arctic productive, then the next President D. Trump shifted the American strategy towards nationalism and isolationism, curtailing many cooperation projects. *Results.* The development of the American strategy was inconsistent, and so far it does not represent a coherent, consistent vision of American policy in the Arctic. Relations between the United States and Russia in the Arctic decreased in the aftermath of the Ukrainian crisis, but objective conditions for cooperation remain. The scenario for the further evolution of bilateral relations remains uncertain under J. Biden. *Authors’ contribution.* Valery Konyshchev: introduction, contours of the Arctic policy after the end of the Cold War: strategic interests, development of the U.S. Arctic Doctrine: limited cooperation. Alexander Sergunin: methods and materials, revision of the Arctic doctrine: from cooperation to rivalry, results.

Key words: Arctic, strategy, Russian-American relations, security, foreign policy.

Citation. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Evolution of the U.S. Arctic Strategy’s Conceptual Basis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 225-236. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19>

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

Валерий Николаевич Коньшев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Анатольевич Сергунин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются особенности основных этапов в эволюции арктической стратегии США в период после окончания холодной войны, которые позволяют понять ее дальнейшие перспективы. США являются одним из основных участников арктической политики, от которых во многом зависит состояние безопасности и сотрудничества в регионе. Эмпирической базой для исследования послужили документы различных учреждений и ведомств, участвующих в планировании, реализации и контроле арктической политики США. Среди них директивы и публичные выступления президента, документы министерства обороны, арктические стратегии министерств и ведомств, доклады Исследовательской службы конгресса, документы «мозговых центров». В статье показано, что Арктика стала приоритетом политики США только в начале 2000-х гг. после активизации политики России на Крайнем Севере. Стратегия США получила окончательное оформление только при президенте Б. Обаме. Ее суть сводится к достижению американского доминирования во всех сферах путем сочетания политических, дипломатических, экономических, военных инструментов политики. Если Б. Обама считал продуктивным международное сотрудничество в Арктике, то следующий президент Д. Трамп сдвинул американскую стратегию в сторону национализма и изоляционизма, свернув многие проекты сотрудничества. Формирование американской стратегии носило непоследовательный характер, и до сих пор она не представляет собой цельного, непротиворечивого видения американской политики в Арктике. Отношения США и России в Арктике ухудшились после украинского кризиса, однако сохраняются и объективные условия для сотрудничества. Сценарий дальнейшей эволюции двусторонних отношений остается неопределенным при Дж. Байдене. *Вклад авторов.* В.Н. Коньшев: разделы «Введение», «Контуры арктической политики после окончания холодной войны: стратегические интересы»; «Формирование арктической доктрины США: ограниченное сотрудничество»; А.А. Сергунин: «Методы и материалы», «Ревизия арктической доктрины: от сотрудничества к соперничеству», «Результаты».

Ключевые слова: Арктика, стратегия, российско-американские отношения, безопасность, внешняя политика.

Цитирование. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 225–236. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19>

Введение. США являются важным участником политики в Арктике благодаря статусу прибрежного государства и глобальному влиянию в важнейших регионах мира. Основные интересы США в Арктике можно сгруппировать в несколько категорий: экономические, транспортные коммуникации, военно-стратегические, международно-правовые.

Пересмотр интересов и политики США в Арктике начался к концу нулевых годов. С тех пор наблюдается тенденция к постоянному повышению значимости арктического региона в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Чтобы понять направ-

ленность и особенности эволюции арктической стратегии США, а также дальнейшие перспективы американской политики в регионе, в статье на основе оригинальных документов выявляются основные этапы становления арктической политики США, для которых характерны специфические черты.

Методы и материалы. В статье использованы методы истории и политологии. Из исторических – метод периодизации и конкретно-исторический анализ, из политологических – кейс-стадис, анализ систем принятия решений, институциональный анализ. Основные источники включают в себя

документы, регламентирующие арктическую политику США. Среди них директивы и публичные выступления президента, документы министерства обороны, арктические стратегии министерств и ведомств, доклады Исследовательской службы конгресса, документы «мозговых центров», материалы ведущих СМИ.

Анализ. Основные этапы эволюции арктической политики США связаны с приходом к власти администраций демократов и республиканцев, причем каждая из них имела свою конкретно-историческую специфику.

Контуры арктической политики после окончания холодной войны: стратегические интересы. После окончания холодной войны угроза нападения со стороны Арктики значительно снизилась, и США не проявляли особого интереса к этому региону. Возвращение интереса впервые зафиксировано в 1994 г. в директиве Б. Клинтона о политике в Арктике и Антарктике [2, с. 2]. Новая, более доверительная атмосфера в отношениях с РФ создала перспективу для сотрудничества между арктическими государствами по различным направлениям. В США особое внимание уделялось инициативам по прекращению захоронения ядерных отходов в арктических морях РФ [2, с. 4]. Б. Клинтон поддержала создание Арктического совета (АС) как инструмента международного сотрудничества.

Значительный рост интереса США к Арктике происходит при Дж. Буше-мл. в связи с «возвращением» России в Арктику. Особенную озабоченность вызвало возобновление регулярных полетов стратегической авиации России, начавшаяся модернизация Северного флота и экспедиции в Арктику, которые занимались поиском научных обоснований для расширения континентального шельфа путем подачи заявки в ООН.

Состоявшаяся в 2007 г. российская экспедиция с участием А. Чилингарова, когда в точке Северного полюса был установлен флаг России, еще более спровоцировала волну алармистских настроений в США [8; 14]. Пересмотру арктической политики дал старт доклад заместителя госсекретаря Э. Блума, в котором давались оценки американским интересам в Арктике применительно к новым условиям, а также перспективам деятельно-

сти АС. Арктика по-прежнему не называлась приоритетом [29], но все же в американском руководстве созрело намерение переформулировать национальные интересы.

9 января 2009 г. была принята Директива по арктической политике США, опубликованная незадолго до окончания президентства Дж. Буша-младшего. В документе впервые заявлено о существенных интересах США в Арктике: «В Арктике США имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо, либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов» [15]. Директива обозначила пять главных интересов США:

– военно-стратегические интересы, в том числе развитие систем ПРО и раннего предупреждения о ракетном нападении, поддержание сил стратегического сдерживания, свободы навигации и полетов в арктических пространствах; США оставили за собой и право на односторонние действия для защиты своих интересов;

– интересы внутренней безопасности: предупреждение террористических атак и других преступных действий;

– политико-экономические интересы: расширение американского экономического присутствия и демонстрация морского могущества;

– международно-правовые интересы: осуществление суверенитета над внутренними водами, исключительной экономической зоной, континентальным шельфом и прилегающей территорией [15].

В сферу интересов США в Арктике были внесены новые нюансы – изменение климата, деятельность АС, активизация России, дискуссии вокруг расширения континентального шельфа, защита окружающей среды, укрепление международных институтов сотрудничества. Признавалась позитивная роль АС, хотя Вашингтон и не ставил перед собой цели превращения этого межправительственного дискуссионного форума в полноценную международную организацию, имеющую право принятия обязывающих соглашений. Впервые было обращено внимание на более активное вовлечение коренных народностей Севера в процесс принятия решений по Арктике [15].

В документе выражалась надежда на то, что сенат США ратифицирует Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (КМП ООН), а Госдума РФ одобрит договор о делимитации Берингова моря 1990 года. При этом США обязались решать все спорные вопросы в регионе мирным путем.

Формирование арктической доктрины США: ограниченное сотрудничество. В развитие военно-стратегической части доктрины Дж. Буша-мл при следующем президенте Б. Обаме в октябре 2009 г. была опубликована «Арктическая дорожная карта» для ВМС США, раскрывавшая планы по расширению морских операций [30]. Одной из целей политики документ называл адаптацию систем оружия, связи, наблюдения и управления к условиям Арктики.

В дорожной карте говорилось о создании рабочей группы по изучению последствий изменения климата для ведения морских операций в Арктике [30]. Дело в том, что из-за уменьшения размеров постоянного ледяного покрова в центре Северного Ледовитого океана (СЛО), с одной стороны, улучшаются условия для надводных сил ВМС, а с другой – утрачивается скрытность действий подводного флота [30].

Положения арктической директивы и дорожной карты ВМС 2009 г. достаточно последовательно воплощались на практике. Произошло увеличение военной спутниковой группировки США в Арктике, активизировалась работа средств ПВО по сопровождению патрулирующей российской стратегической авиации. Увеличилось присутствие американских атомных подводных лодок в Баренцевом море. В Чукотском море, вблизи территориальных вод России, стали проводиться учения ВМС США. В коридорах власти началось обсуждение вопроса о строительстве атомных ледоколов для обеспечения морских операций в Арктике [6].

В период первого президентского срока Б. Обамы для координации арктической политики были созданы специализированные подразделения в Исполнительном управлении президента, Министерстве внутренней безопасности и госдепартаменте, а также несколько межведомственных групп [2]. Б. Обама выступил с инициативой по ратификации се-

натором КМП ООН, что повысило бы эффективность арктической политики США, но он не нашел поддержки законодателей. На этом фоне внутри США президента продолжали критиковать за недостаточное внимание к Арктике [23].

Следует отметить, что на тот момент только США из всех арктических государств не имели формальной арктической стратегии. Лишь во второй президентский срок Б. Обамы выдвинул собственную арктическую доктрину. Документ «Национальная стратегия в Арктическом регионе» [17] (Стратегия-2013) был опубликован 15 мая 2013 г., за несколько дней до министерской встречи АС в г. Кируне (Швеция), в ходе которой были приняты важные решения: некоторым неарктическим государствам (Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Италия) присвоен статус постоянных наблюдателей и подписан международный договор по борьбе с разливами нефти в Арктике.

В Стратегии-2013 были намечены три ключевых направления арктической политики США: защита интересов безопасности; рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды; расширение международного сотрудничества. Содержательно этот документ продолжил линию, намеченную при Дж. Буше-мл. США подтвердили готовность по своему усмотрению действовать в одностороннем порядке, но в более гибкой форме – «путем сочетания независимых действий, двусторонних инициатив и многостороннего сотрудничества» [17, р. 6].

Одновременно с намерением развивать сотрудничество с АС Стратегия-2013 продолжала линию Директивы-2009 по вопросу о статусе Совета, считая его «форумом содействия сотрудничеству арктических государств» [17, р. 9]. Это означало, что Вашингтон не хочет превращать АС в полноценную международную организацию, которая была бы правомочна принимать обязательные решения. Свобода трансарктических перелетов и мореплавания вновь была названа национальным приоритетом применительно ко всей Арктике [17, р. 10]. На практике это означало, что США заинтересованы перевести СМП и СЗП в статус международных транспортных маршрутов.

В отличие от Директивы-2009, в Стратегии-2013 главное внимание отводилось «мягким» вопросам безопасности: угрозам природных и техногенных катастроф, защите арктической природы, энергетической безопасности. Основной акцент был сделан на диалог с арктическими государствами, чтобы сделать Арктику «регионом мира и сотрудничества». Позиция администрации Б. Обамы оказала прямое влияние на решение АС о предоставлении статуса постоянного наблюдателя ряду неарктических государств.

США пошли на расширение круга наблюдателей в АС чтобы снизить влияние других прибрежных арктических государств (в основном Канады и России). С другой стороны, была надежда увеличить собственное влияние, возглавив неформальную коалицию арктических и неарктических государств [1]. Согласно Стратегии-2013, с помощью неарктических государств США были намерены бороться за свободу мореплавания в Арктике [17, p. 10].

Документ нацеливал на дальнейшее изучение последствий изменения климата, которые касались среды обитания коренных народов и природы Крайнего Севера в целом. Дальнейшее потепление грозило таянием ледников Гренландии, что приведет к повышению уровня Мирового океана и появлению множества айсбергов, которые затруднят морские перевозки. Из этого делался вывод о необходимости ответственной экологической политики США в Арктике.

В самих США отношение к Стратегии-2013 имело неоднозначный характер. Критики отмечали, что в документе не названы конкретные ресурсы для достижения намеченных целей, не было бюджетного обеспечения стратегии и планов привлечения инвестиций, развития инфраструктуры, обеспечения экологической безопасности [17, p. 6]. В документе содержалось противоречие между намерениями США по быстрому экономическому освоению арктических районов, с одной стороны, и природосберегающей деятельностью – с другой. Не было создано единого органа по управлению арктической политикой государства. Ряд влиятельных экспертов назвали документ просто «благим пожеланием» [5; 9; 12].

И все же принятие Стратегии-2013 послужило толчком к разработке ведомственных арктических стратегий. В мае 2013 г. Береговая охрана США опубликовала свою арктическую доктрину [27], в которой обращалось внимание на отставание США в развитии ледокольного флота. В строю было лишь два дизельных ледокола для полярных условий, но и они находились на грани списания.

В ноябре 2013 г. была опубликована Стратегия Министерства обороны США в Арктике (далее – Стратегия МО-2013) [7]. В ней указывалось, что Пентагон придерживается расширительной трактовки безопасности, включая различные виды невоенной деятельности: добычу минеральных ресурсов, коммерческую деятельность, научные исследования, ликвидацию последствий стихийных бедствий, оказание гуманитарной помощи, ведение поисково-спасательных работ. Для этого министерство планировало широкое взаимодействие с гражданскими ведомствами. При этом вновь подтверждалась готовность вооруженных сил действовать в одностороннем порядке. Такие действия США были названы «ответственным контролем за арктическим регионом», что означает намерение односторонних действий [7].

Большая часть документа была посвящена характеристике конкретных военных планов США в регионе по следующим направлениям: участие учениях, ведение операций, развитие инфраструктуры, адаптация систем боевого управления к условиям Арктики, модернизация НОРАД (Командование воздушно-космической обороны Северной Америки). Стратегия МО-2013 предусматривала впечатляющую программу действий и предполагала несколько направлений деятельности.

Особое внимание было уделено обеспечению свободы навигации в морских и воздушных пространствах в рамках международного права, но в своеобразной американской интерпретации. В случае «неумеренных требований» прибрежных государств в отношении прохода любых американских судов через их территориальные воды или исключительные экономические зоны ВМС будут проводить демонстративные учения по программе «Свобода навигации». Очевидно, объектами подобной «воспитательной политики»

должны стать Россия и Канада, которые против перевода СМП и СЗП под международную юрисдикцию [7].

В 2014 г. была опубликована «Арктическая дорожная карта военно-морских сил США на 2014–2030 гг.». Новый документ определял задачи ВМС в Арктике на кратко- (2014–2020 гг.), средне- (2020–2030 гг.) и долгосрочную (после 2030 г.) перспективы. Перед ВМС ставились следующие стратегические задачи: защита суверенитета США в Арктике; готовность к реагированию на различные сценарии развития ситуации в регионе; обеспечение свободы мореплавания; содействие развитию партнерских связей с зарубежными партнерами [25, р. 3, 15–16].

В документе признавался факт, что в Арктике нет военной угрозы безопасности США, но в будущем возможно обострение конкуренции и конфликтов. По этой причине США должны сохранять достаточный военно-морской потенциал в регионе. Ставилась задача к 2030 г., когда, по мнению климатологов, большая часть СЛО освободится ото льда, обучить личный состав ведению морских операций в арктических условиях [25, р. 18–19].

Завершая формирование организационного обеспечения арктической стратегии, 21 января 2015 г. Б. Обама издал распоряжение по вопросам координации деятельности органов исполнительной власти. В качестве руководящей инстанции при Белом доме был создан Координационный комитет по вопросам Арктики [18].

Несколько отличная позиция по развитию арктической политики США была высказана по линии госдепартамента. В сентябре 2016 г. был опубликован доклад по Арктике Консультативного комитета по международной безопасности (ККМБ) [21]. И хотя ККМБ имеет лишь статус совещательного органа, многие восприняли этот документ как попытку скорректировать арктическую стратегию Вашингтона после начала украинского кризиса. Авторы доклада обращали внимание на «агрессивную» политику России в Арктике. Они указывали на значительный рост российского военного присутствия в регионе, нарушения Россией положений КМП ООН и неправомерное навязывание национальных правовых норм при регулировании международного судоходства по СМП [21, р. 2].

В докладе ККМБ даны рекомендации по усилению позиций США. Для этого на политическом уровне необходимо возглавить усилия арктических и неарктических государств для решения насущных региональных проблем. Необходимо нейтрализовать «российский фактор», обозначив неприятие российских претензий на полный контроль за акваторией ИЭЗ, включая СМП. Следует продолжить отстаивать свое право на свободу мореплавания, в том числе для военного флота. С другой стороны, нужно дать понять Москве, что Вашингтон не желает идти на усиление военной конфронтации и стремится развивать меры военного доверия, оповещения о военной деятельности, совместные инспекции, обмен гидрографическими данными [21, р. 38–52]. В целом авторы этого документа выступали за то, чтобы «вынести Арктику за скобки» конфликта между Россией и Западом.

Что касается реализации доктринальных установок на практике, то «политическое наследие» администрации Б. Обамы в сфере арктической стратегии имеет весьма противоречивый характер. С одной стороны, был ряд достижений: приняли первую полноценную арктическую доктрину США, разработали «ведомственные» арктические стратегии, подписали международные соглашения по сотрудничеству. Среди них поисково-спасательные работы, борьба с разливами нефти, Парижское соглашение по климату, Полярный кодекс, запрет на нерегулируемый вылов в центральной части СЛО. Характерной особенностью политики Б. Обамы в Арктике было пристальное внимание к вопросам сотрудничества, «мягкой безопасности» и охране окружающей среды.

С другой стороны, арктическая политика администрации Б. Обамы была непоследовательной. Санкции в отношении России вследствие украинского кризиса закончились остановкой перспективных российско-американских проектов по разработке нефтегазовых месторождений на шельфе СЛО. В результате нефтяной бизнес США понес крупные убытки. Только корпорация ExxonMobil потеряла 6 млрд долларов. Прекратились контакты по военной линии, замедлились другие направления двустороннего сотрудничества в Арктике.

Ревизия арктической доктрины: от сотрудничества к соперничеству. После прихода к власти Д. Трампа на пост государственного секретаря был назначен Р. Тиллерсон, бывший президент ExxonMobil. Это дало надежды на возобновление российско-американского сотрудничества. Однако мощное давление антироссийского лобби сделало невозможным улучшение отношений и даже привело к расширению санкций. Американский нефтегазовый бизнес вынужденно переориентировался на другие проекты.

Партнеры Вашингтона по арктической политике довольно долго не имели ясного представления о намерениях администрации Д. Трампа в Арктике [3]. Показательно, что в Стратегии национальной безопасности 2017 г. Арктика упоминалась один раз, в связи с тезисом о свободе мореплавания и доступа к «зонам глобальной ответственности» [16].

Позже обозначился общий сдвиг в трактовке интересов США в сторону национализма и изоляционизма, который коснулся и Арктики. Д. Трамп объявил о выходе из Парижского соглашения по климату, поскольку оно сдерживало развитие американской промышленности [3]. В противовес политике «энергетической безопасности» Б. Обамы он выдвинул идею «энергетического доминирования» [16], частью которой стала выдача лицензий на разведку и нефтегазовую добычу в районах Аляски, где она ранее была фактически запрещена.

Сдвиг вправо нового президента привел к серьезным кадровым перестановкам. В 2017 г. в отставку ушли практически все ключевые чиновники госдепартамента, отвечавшие за арктическую политику страны. Посол по особым поручениям Р. Папп подал в отставку со своего поста практически сразу после инаугурации Д. Трампа. В течение почти трех с половиной лет вакансия оставалась свободной. Это порождало неопределенность для других участников арктической политики.

Первые конкретные инициативы Д. Трампа стали прорисовываться лишь с принятием в январе 2019 г. документа под названием «Стратегическое видение Арктики» (далее – Видение ВМС). ВМС США ставили перед собой четыре основные стратегические цели в Арктике:

- защита американского суверенитета и отражение возможной атаки на территорию США из Арктики;

- обеспечение региональной стабильности;

- обеспечение свободы мореплавания в регионе;

- взаимодействие между органами исполнительной власти, с союзниками и региональными партнерами для достижения трех указанных выше целей [31, р. 4–13].

Хотя в документе констатировалась довольно благоприятная обстановка в регионе, Видение ВМС ориентировалось на развитие боевого потенциала и готовность к любым вариантам развития ситуации.

Наряду с публикацией своей новой арктической доктрины командование военного флота регулярно заявляло о намерениях направлять в СЛО свои корабли в рамках программы по обеспечению свободы мореплавания, принятой еще в 1979 г., но до сих пор не распространявшейся на Арктику [13; 19]. В мае 2020 г. Вашингтон реализовал эти планы на практике, проведя совместные с британскими ВМС учения в Норвежском и Баренцевом морях.

В апреле 2019 г. Береговая охрана США приняла «Видение арктического региона» (далее – Видение БО) [24]. Документ подчеркивал, что под влиянием природно-климатических и геополитических факторов в регионе возникают новые вызовы национальной безопасности США. Видение БО сделало основной акцент на соперничестве с Россией и Китаем. Россию обвиняли в «агрессивном поведении», наращивании военного потенциала и ограничении свободы мореплавания по СМП.

В документе упоминается наращивание военной инфраструктуры России в Арктике. Отмечалось, что Китай пока имеет ограниченные возможности для военного присутствия в Арктике, но в будущем это может измениться. Например, путем экономического сотрудничества и инвестирования в арктические государства, включая Россию, как в случае завода «Ямал-СПГ». Пекину был приписан экспансионизм на основании того, что Китай объявил о важности региона, а себя «приближенным к Арктике государством» [27, р. 3–12].

Ужесточение позиции США отразилось и в новой арктической стратегии министер-

ства обороны, принятой в июне 2019 г. (далее – Стратегия МО-2019). Стратегия Пентагона определяла отношения в Арктике как «стратегическое соперничество» [22, р. 2] с Китаем и Россией. При этом говорилось, что США не признают притязаний на особые права в Арктике со стороны государств, не входящих в «арктическую восьмерку». США рассматривали в качестве полноценных партнеров в регионе только своих союзников по НАТО. Право на коллективную самооборону может быть использовано для сдерживания гипотетической агрессии в регионе.

В новой стратегии Пентагона практически не уделяется внимания АС, и в этом плане Стратегия МО-2019 находится в резком противоречии с позицией администрации Б. Обамы [4]. Д. Трамп неоднократно критиковал «неудовлетворительную работу» международных институтов в Арктике. Хотя он не стал блокировать соглашения о расширении научного сотрудничества в Арктике (май 2017 г.) и запрете нерегулируемого рыболовства в центральной части СЛО (октябрь 2018 г.), США дали понять, что не спешат с их имплементацией.

В августе 2019 г. последовало неожиданное заявление Д. Трампа о намерении купить у Дании остров Гренландия, которое вызвало бурю эмоций в мире. Шокировала не только сама идея, но и форма, в которой она была выражена: без тщательной дипломатической проработки и обсуждений ответственных политиков и дипломатов. Премьер-министр Дании М. Фредериксен официально заявила, что предложение президента выглядит абсурдно: «Гренландия не продается. Гренландия – не датская территория. Гренландия принадлежит Гренландии. Я действительно надеюсь, что это было сказано не всерьез» [11]. Ее поддержали бывший премьер-министр Дании Л. Расмуссен, представитель Датской народной партии С. Есперсен, министр иностранных дел Гренландии Ане Лоне Баггер [10].

«Серию» ведомственных доктрин при Д. Трампе продолжила арктическая стратегия ВВС 2020 года. Она развивала положения Стратегии МО-2019 применительно к действиям военно-воздушных и космических сил в Арктике. Ее основные задачи сводились к

поддержанию высокого уровня боеготовности, подготовке к ведению операций и углублению сотрудничества с союзниками по НАТО.

9 июня 2020 г. Д. Трамп опубликовал меморандум, претенциозно названный «О защите национальных интересов США в Арктике и Антарктике» [26]. На деле речь шла лишь о перспективах модернизации ледокольного флота страны до 2029 фин. года. Характерно, что необходимость модернизации и расширения ледокольного флота обосновывалась соображениями национальной безопасности и обороны. Использование ледоколов в научных и промышленных целях стояло на втором плане.

В январе 2021 г., буквально за несколько дней до ухода администрации Д. Трампа, были приняты также новая арктическая доктрина ВМС и первая стратегия сухопутных сил США на Крайнем Севере. Оценивая в целом итоги деятельности администрации Д. Трампа, следует отметить тот факт, что она так и не выработала цельной арктической стратегии, ограничившись принятием ведомственных документов и ряда декларативных заявлений чиновников. Позиция пришедшего к власти в 2021 г. Дж. Байдена по арктической «повестке дня» пока еще не определилась в концептуальном плане и сохраняет значительный элемент непредсказуемости.

Результаты. После окончания холодной войны происходил пересмотр национальных интересов и приоритетов политики Вашингтона в Арктике. В настоящее время для США основное значение имеют экономические интересы и доступ к морским и воздушным коммуникациям. Вместе с тем американская элита не забывает о военно-стратегической роли Арктики для национальной безопасности США, значимость которой вновь возросла на фоне ухудшения отношений с Россией и Китаем.

Пересмотр политики США не в последнюю очередь был связан с оживлением деятельности России и других стран в Арктике. С тех пор наблюдается тенденция к постоянному повышению значимости арктического региона в системе приоритетов Вашингтона. Конкретные приоритеты американской стратегии на Крайнем Севере менялись от одной администрации к другой. При Б. Обаме зна-

чительное внимание уделялось сотрудничеству в различных сферах арктической политики, а при Д. Трампе на передний план вышли соображения военного и геостратегического характера.

Только администрация Б. Обамы смогла выработать цельную общенациональную стратегию США в Арктике, послужившую концептуальной основой для разработки «ведомственных» документов. Арктические доктрины У. Клинтона и Дж. Буша-младшего нельзя назвать стратегиями в полном смысле этого слова, так как они были оформлены в виде президентских директив, имели довольно общий характер и были весьма лаконичны в описании приоритетов политики Вашингтона.

Администрация Д. Трампа вообще оказалась не в состоянии «породить» какой-либо документ на уровне национальной стратегии, ограничившись рядом заявлений ответственных чиновников, а также «ведомственными» доктринами, подчас не очень-то скоординированными между собой и с общим курсом администрации.

В итоге современная арктическая стратегия США представляет собой довольно противоречивое сочетание различных компонентов. С одной стороны, заявляется о стремлении к сотрудничеству, с другой – подчеркивается решимость действовать любыми средствами, включая односторонние и военно-силовые. США прямо заявляют о стремлении к доминированию в Арктике во всех сферах.

В США до сих пор не сложился консенсус по арктической политике. Интересы отдельных экономических, политических, региональных и этнических группировок весьма различаются, поэтому федеральному правительству сложно придерживаться последовательного курса в отношении Арктики.

Кризисы на Украине и в Сирии сыграли свою негативную роль в отношениях между Москвой и Вашингтоном по многим направлениям, включая Арктику. Некоторые американские политики и эксперты экстраполируют политику России в отношении Украины на Арктику. В то же время объективные условия говорят о необходимости международного сотрудничества в Арктике, где обострение невыгодно ни одной из сторон. Освоению этого

региона препятствуют его недостаточная изученность, суровые климатические условия, низкая заселенность, недостаточно развитая транспортная, логистическая и телекоммуникационная инфраструктура. Все это и делает предпочтительными координацию и сотрудничество, а не конфронтацию в регионе.

Основной тренд во взаимодействии США с Россией, Китаем и другими заинтересованными государствами в Арктике остается достаточно противоречивым и включает в себя элементы соперничества и сотрудничества. В обозримом будущем тенденция к противоречивости арктической стратегии США сохранится, что сделает их непростым партнером для других участников арктической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капила, Ю. Арктическое напряжение / Ю. Капила, Х. Миккола. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/themes/1698/53313/> (дата обращения: 20.03.2021). – Загл. с экрана.
2. Коньшев, В. Н. Арктическая стратегия США и национальные интересы России / В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 48. – С. 2–10.
3. Коньшев, В. Н. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? / В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 9. – С. 103–111. – DOI: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>.
4. Котлова, А. В. Новая стратегия США в Арктике: международно-правовые аспекты / А. В. Котлова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, вып. 7А. – С. 305–311.
5. Споттс, П. США представили арктическую стратегию, но не отстают ли они от других стран? – / П. Споттс // InoPressa. – 2013. – 13 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/13may2013/csmonitor/Arctic.html> (дата обращения: 12.07.2018). – Загл. экрана.
6. США намерены контролировать Арктику // Дни. – 2008. – 25 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/society/2008/9/25/149804.html> (дата обращения: 05.06.2016). – Загл. с экрана.
7. Arctic Strategy / U.S. Department of Defense. – 2013, Nov. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/>

2013_Arctic_Strategy.pdf (date of access: 05.07.2018). – Title from screen.

8. Borgerson, S. Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Global Warming / S. Borgerson // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, № 2. – P. 63–77.

9. David, M. U.S. National Strategy for the Arctic Region: Strong Foothold or on Thin Ice? / M. David // The Arctic Institute. – 2013. – May 13. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arctic-region/> (date of access: 05.06.2018). – Title from screen.

10. Greenland Tells Trump It is Open for Business Not for Sale // Reuters. – 2019. – Aug. 16. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-greenland/greenland-tells-trump-it-is-open-for-business-but-not-for-sale-idUSKCN1V60AQ> (date of access: 10.11.2019). – Title from screen.

11. Interest in Buying Greenland Seemed Like a Joke. Then It Got Ugly // The New York Times. – 2019. – 21 Aug. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/08/21/us/politics/trump-greenland-prime-minister.html> (date of access: 10.11.2019). – Title from screen.

12. Kerry Heads to Kiruna. – May 13, 2013. – Electronic text data. – Mode of access: https://nunatsiaq.com/stories/article/65674white_house_releases_u.s._arctic_strategy_kerry_heads_to_kiruna/ (date of access: 05.06.2018). – Title from screen.

13. Kesling, B. Cold War Games: U.S. Is Preparing to Test the Waters in Icy Arctic / B. Kesling // Wall Street Journal. – 2019. – Jan. 11.

14. Lundestad, I. U.S. Security Policy in the European Arctic in the Early 21st Century / I. Lundestad // 51st ISA Convention in New Orleans. – 2010. – Febr. 18. – [S. l. : s. n.].

15. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). Arctic Region Policy. Jan. 9, 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (date of access: 05.06.2018). – Title from screen.

16. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. – Washington : The White House, 2017. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (date of access: 06.12.2019). – Title from screen.

17. National Strategy for the Arctic Region. – Washington : Governmental Printing Office, 2013. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arctic-region/> (date of access: 05.07.2018). – Title from screen.

18. Obama, B. Executive order – Enhancing Coordination of National Efforts in the Arctic. – 2015. –

Jan. 21 / B. Obama. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/21/executive-order-enhancing-coordination-national-efforts-arctic> (date of access: 11.01.2017). – Title from screen.

19. Osborne, S. US Navy to Sail Warship Through Arctic Waters in Show of Strength to Russia and China / S. Osborne // Independent. – 2019. – Jan. 14.

20. Presidential Decision Directive / PDD NSC-26. United States Policy on the Arctic and Antarctic Regions. – 1994. – June 9. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (date of access: 11.02.2018). – Title from screen.

21. Report on Arctic Policy. International Security Advisory Board. – 2016. – Sept. 21. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (date of access: 18.04.2018). – Title from screen.

22. Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy. June 2019. – Washington : Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

23. Senate Democrat's Reelection Pitch to Alaskans: I'm a Thorn in Obama's Side. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/politics/senate-democrats-reelection-pitch-to-alaskans-im-a-thorn-in-obamas-side/2014/07/13/a6a7c60e-083a-11e4-a0dd-f2b22a257353_story.html (date of access: 20.03.2021). – Title from screen.

24. The United States Coast Guard's Vision for the Arctic Region. – 2019. – Apr. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/navy/uscg-arctic_strategic_outlook_20190422.pdf (date of access: 11.06.2019). – Title from screen.

25. The United States Navy Arctic Roadmap. Task Force on Climate Change. – 2014. – Febr. – Electronic text data. – Mode of access: <http://info.publicintelligence.net/USNavy-ArcticRoadmap.pdf> (date of access: 07.04.2019). – Title from screen.

26. Trump, D. Memorandum on Safeguarding U.S. National Interests in the Arctic and Antarctic Regions. – 2020. – June 9 / D. Trump. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/memorandum-safeguarding-u-s-nationalinterests-arctic-antarctic-regions/> (date of access: 10.07.2020). – Title from screen.

27. U.S. Coast Guard Arctic Strategy. – 2013. – May. – Electronic text data. – Mode of access: http://uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CG_Arctic_Strategy.pdf (date of access: 05.07.2018). – Title from screen.

28. U.S. Department of Air Force. Arctic Strategy. – 2020. – July. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.af.mil/Portals/1/documents/>

2020SAF/July/ArcticStrategy.pdf (date of access: 10.08.2019). – Title from screen.

29. U.S. Maritime Strategy: A Cooperative Strategy for 21st Century Sea-Power. – Washington : Department of Navy, 2007. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110hhrg44078/pdf/CHRG-110hhrg44078.pdf> (date of access: 10.08.2020). – Title from screen.

30. U.S. Navy Arctic Roadmap. – Washington : Department of Navy, 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <http://tvernedra.ru/ArktikplandeistviiUSA.pdf> (date of access: 03.03.2019). – Title from screen.

31. U.S. Navy. Strategic Outlook for the Arctic. – 2019. – Jan. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.navy.mil/strategic/Navy_Strategic_Outlook_Arctic_Jan2019.pdf (date of access: 01.02.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Kapila Yu., Mikkola Kh. *Arkticheskoe napryazhenie* [Arctic Tension]. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1698/53313> (accessed 20 March 2021).

2. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Arkticheskaja strategija SShA i natsionalnye interesy Rossii [U.S. Arctic Strategy and Russia's National Interests]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost*, 2012, no. 48, pp. 2-10.

3. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Rossiisko-amerikanskije otnosheniia v Arktike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? [U.S.-Russia Relations in the Arctic: Cooperation or Competition?]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 9, pp. 103-111. DOI: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>.

4. Kotlova A.V. Novaia strategija SShA v Arktike: mezhdunarodno-pravovye aspekty [The New Arctic Strategy of the USA: International Law Dimension]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2019, vol. 9, iss. 7A, pp. 305-311.

5. Spotts P. SShA predstavili arkticheskuiu strategiiu, no ne ostaiut li oni ot drugikh stran? [US Unveils Arctic Strategy, but is It Keeping Pace with Other Countries?]. *InoPressa*, 2013, May 13. URL: <http://www.inopressa.ru/article/13may2013/csmonitor/Arctic.html> (accessed 12 July 2018).

6. SShA namereny kontrolirovat Arktiku [The U.S. Intend to Control the Arctic]. *Dni*, 2008, September 25. URL: <http://www.dni.ru/society/2008/9/25/149804.html> (accessed 5 June 2016).

7. *Arctic Strategy*. U.S. Department of Defense, 2013, November. URL: <https://dod.defense.gov/>

[Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf](https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf) (accessed 5 July 2018).

8. Borgerson S. Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Global Warming. *Foreign Affairs*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 63-77.

9. David M. U.S. National Strategy for the Arctic Region: Strong Foothold or on Thin Ice? *The Arctic Institute*, 2013, May 13. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arctic-region> (accessed 5 June 2018).

10. Greenland Tells Trump It is Open For Business Not for Sale. *Reuters*, 2019, August 16. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-greenland-greenland-tells-trump-it-is-open-for-business-but-not-for-sale-idUSKCN1V60AQ> (accessed 10 November 2019).

11. Interest in Buying Greenland Seemed Like a Joke. Then It Got Ugly. *The New York Times*, 2019, August 21. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/21/us/politics/trump-greenland-prime-minister.html> (accessed 10 November 2019).

12. *Kerry Heads to Kiruna*, 2013, May 13. URL: https://nunatsiaq.com/stories/article/65674white_house_releases_u.s._arctic_strategy_kerry_heads_to_kiruna (accessed 5 June 2018).

13. Kesling B. Cold War Games: U.S. Is Preparing to Test the Waters in Icy Arctic. *Wall Street Journal*, 2019, January 11.

14. Lundestad I. U.S. Security Policy in the European Arctic in the Early 21st Century. *51st ISA Convention in New Orleans*, 2010, February 18.

15. *National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). Arctic Region Policy. January 9, 2009*. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (accessed 5 June 2018).

16. *National Security Strategy of the United States of America. December 2017*. Washington, The White House, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 6 December 2019).

17. *National Strategy for the Arctic Region*. Washington, Governmental Printing Office, 2013. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/us-national-strategy-for-arctic-region> (accessed 5 July 2018).

18. Obama B. *Executive Order – Enhancing Coordination of National Efforts in the Arctic*, 2015, January 21. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/21/executive-order-enhancing-coordination-national-efforts-arctic> (accessed 11 January 2017).

19. Osborne S. US Navy to Sail Warship Through Arctic Waters in Show of Strength to Russia and China. *Independent*, 2019, January 14.

20. *Presidential Decision Directive / PDD NSC-26. United States Policy on the Arctic and Antarctic Regions*, 1994, June 9. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (accessed 11 February 2018).

21. *Report on Arctic Policy. International Security Advisory Board*, 2016, September 21. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (accessed 18 April 2018).

22. *Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy. June 2019*. Washington, Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (accessed 13 September 2019).

23. *Senate Democrat's Reelection Pitch to Alaskans: I'm a Thorn in Obama's Side*. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/senate-democrats-reelection-pitch-to-alaskans-im-a-thorn-in-obamas-side/2014/07/13/a6a7c60e-083a-11e4-a0dd-f2b22a257353_story.html (accessed 20 March 2021).

24. *The United States Coast Guard's Vision for the Arctic Region*, 2019, April. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/navy/uscg-arctic_strategic_outlook_20190422.pdf (accessed 11 June 2019).

25. *The United States Navy Arctic Roadmap. Task Force on Climate Change*, 2014, February. URL:

<http://info.publicintelligence.net/USNavy-ArcticRoadmap.pdf> (accessed 7 April 2019).

26. Trump D. *Memorandum on Safeguarding U.S. National Interests in the Arctic and Antarctic Regions*, 2020, June 9. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/memorandum-safeguarding-u-s-nationalinterests-arctic-antarctic-regions> (accessed 10 July 2020).

27. *U.S. Coast Guard Arctic Strategy*, 2013, May. URL: http://uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CG_Arctic_Strategy.pdf (accessed 5 July 2018).

28. *U.S. Department of Air Force. Arctic Strategy*, 2020, July. URL: <https://www.af.mil/Portals/1/documents/2020SAF/July/ArcticStrategy.pdf> (accessed 10 August 2019).

29. *U.S. Maritime Strategy: A Cooperative Strategy for 21st Century Sea-Power*. Washington, Department of Navy, 2007. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110hrg44078/pdf/CHRG-110hrg44078.pdf> (accessed 10 August 2020).

30. *U.S. Navy Arctic Roadmap*. Washington, Department of Navy, 2009. URL: <http://tvernedra.ru/ArktikplandeistviiUSA.pdf> (accessed 3 March 2019).

31. *U.S. Navy. Strategic Outlook for the Arctic*, 2019, January. URL: https://www.navy.mil/strategic/Navy_Strategic_Outlook_Arctic_Jan2019.pdf (accessed 1 February 2019).

Information About the Authors

Valery N. Konyshev, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, Konyshev06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Alexander A. Sergunin, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, Sergunin60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Информация об авторах

Валерий Николаевич Конышев, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Konyshev06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Александр Анатольевич Сергунин, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Sergunin60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.20>

UDC 327(73:470+571)
LBC 66.4(7Coe),9

Submitted: 11.01.2021
Accepted: 30.03.2021

POLICY TOWARD RUSSIA: AMERICAN EXPERT COMMUNITY DEBATING FUTURE IN THE FALL OF 2020

Ivan I. Kurilla

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Contemporary Russian-U.S. relations have reached freezing point, but expert community continues to analyze possibilities and produce recommendations for the Russian policy of the incoming administration. The study of the debate is important not only for the political and diplomatic purposes but also for better understanding of the mechanisms shaping Russia's image in the United States. *Methods and materials.* The article provides an analysis of the exchange of expert opinions published in the USA in August – November of 2020, including five open letters published on Politico web site, report of the Atlantic Council and several articles addressing similar themes on the pages of American periodicals. *Analysis.* Texts of the letters are analysed for their argument and recommendations and compared between each other. The author underlines the difference between the groups of the signatories, depending on their relative experience in working in and on Russia or in the Eastern Europe and suggests correction to the Tsvetan Todorov's approach to the understanding of links between knowledge about and practice towards the "Other". *Results.* The author notes the existence of the centuries-old legacies of the American approaches to Russia: similar descriptions of Russia persist from the late 19th century to 2020. He also highlights an absence of a Russian position in the debate, while positions of Eastern Europeans and Ukrainians were provided by separate letters.

Key words: Russian-U.S. relations, American image of Russia, political debate in the USA, U.S. expert community, Biden administration.

Citation. Kurilla I.I. Policy Toward Russia: American Expert Community Debating Future in the Fall of 2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 237-244. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.20>

УДК 327(73:470+571)
ББК 66.4(7Coe),9

Дата поступления статьи: 11.01.2021
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ: ДЕБАТЫ В АМЕРИКАНСКОМ ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ ОСЕНЬЮ 2020 ГОДА

Иван Иванович Курилла

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Современные российско-американские отношения находятся в глубоком кризисе, но американское экспертное сообщество, тем не менее, анализирует возможности изменений и формулирует рекомендации для новой администрации. Изучение этих дебатов важно не только для политики и дипломатии, оно также помогает понять механизмы формирования образа России в Соединенных Штатах. Статья предлагает анализ экспертных дебатов, состоявшихся летом и осенью 2020 г. на страницах издания Politico, а также в докладе Атлантического Совета и публикациях некоторых средств массовой информации. Автор сравнивает тексты писем и подчеркивает разницу между группами подписавших эти рекомендации. Это отличие связано с опытом работы в России или специализацией по России и такая связь заставляет скорректировать подход Цветана Тодорова, провозгласившего независимость «оси» знания и «оси» практики по отношению к «Другому». Автор отмечает преемственность в американских подходах к России на протяжении столетия: похожие описания России находятся в конце XIX и начале XX века. Он также подчеркивает непредставлен-

ность в дебатах собственно российской позиции, при наличии выраженной позиции восточноевропейских и украинских экспертов и политиков.

Ключевые слова: российско-американские отношения, образ России в США, политические дебаты в США, Американское экспертное сообщество, администрация Байдена.

Цитирование. Курилла И. И. Политика по отношению к России: дебаты в американском экспертном сообществе осенью 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 237–244. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.20>

Введение. Современные российско-американские отношения находятся в глубоком кризисе. В обеих странах продолжается экспертная работа по анализу причин и характеристик этого кризиса и возможных путей выхода из него [3; 5; 6; 7; 8; 9; 16]. Работа эта не всегда востребована политиками, но в периоды смены президента в Соединенных Штатах¹ запрос на новые подходы усиливается и стимулирует дебаты, позволяющие оценить соревнующиеся концепции отношений России и США, бытующие и развивающиеся в американском политическом сообществе. В последние месяцы президентства Дональда Трампа в американском экспертном сообществе состоялись дебаты в виде открытых писем и возражений на них, посвященные вопросу дальнейшей американской политики в отношении России. Президентство Трампа характеризовалось отходом администрации США от традиционных принципов американской внешней политики, а российско-американские отношения все четыре года использовались противниками президента для давления на него. В результате перед следующей администрацией стояла задача заново сформировать российское направление американской внешней политики. Более того, именно в связи с большим накалом использования «российской темы» во внутриполитических спорах предыдущего четырехлетия, обсуждение этого вопроса вынужденно касалось не только внешней, но и перспектив внутренней политики США. Издание Politico, в котором состоялись дебаты в виде открытых писем, занимает в американском экспертном сообществе место наиболее близкого к вашингтонским правительственным кругам издания: как правило, именно там впервые появляются новости о назначениях в администрации или о перспективах той или иной программы. В силу этого авторы статей избрали его как место публикации своих мнений, очевидно, рассчи-

тая, что они окажутся на столе у тех, кто будет определять американскую политику в следующее четырехлетие. Эти дебаты и являются предметом настоящей статьи.

Методы. Автор рассматривает проблему с помощью конструктивистского подхода к изучению политики и международных отношений. Действительно, авторы рассматриваемых открытых писем предлагали конкурирующие между собой образы России для обоснования той или иной политики по отношению к ней. Вместе с тем эти различные описания России являются вариантами «Другого», то есть страны, по отношению к которой Соединенные Штаты определяют собственную идентичность [1; 4; 14; 17]. Именно поэтому спор о политике по отношению к России является частью внутриполитических дебатов в США и часто диктуется соображениями этих дебатов. Важным в этом смысле является замечание Цветана Тодорова о трех «осях» – знания, отношения и действия, во взаимоотношении двух стран, независимых друг от друга: лучшее знание не обязательно гарантирует лучшее отношение, а действие диктуется не знанием и не отношением, а (я бы добавил. – *И. К.*) внутриполитическими процессами [19, р. 185–186]. Российские и американские ученые использовали эти подходы к изучению истории российско-американских отношений [2; 12], и мне представляется, они вполне уместны при анализе современной ситуации.

Анализ. Первое открытое письмо было опубликовано на сайте влиятельного издания Politico 5 августа 2020 г. под заголовком «Настало время переосмыслить нашу политику по отношению к России» [15]. Письмо было написано шестью «тяжеловесами» американской внешней политики – Роуз Гетемюллер, бывшей заместителем госсекретаря США и заместителем генерального секретаря НАТО, Томасом Грэмом, бывшим помощником пре-

зидента Джорджа Буша-младшего и директором по России и Евразии Совета национальной безопасности США, Фионой Хилл, лишь недавно покинувшей пост помощника президента Дональда Трампа по российским и европейским делам, Джоном Хантсманом, послом США в России в 2017–2019 гг., Робертом Легволдом, профессором Колумбийского университета и Томасом Пикерингом, послом США в России в 1993–1996, бывшим заместителем госсекретаря и бывшим представителем США в ООН.

К этому письму присоединились 103 эксперта, среди которых бывшие госсекретарь и министр обороны, сенаторы, еще два бывших посла в России и множество других экспертов и профессоров.

В этом письме существующее состояние отношений между Россией и США было охарактеризовано как «опасный тупик», который препятствует решению «экзистенциальных угроз ядерной войны и изменения климата» [15]. После перечисления обычных для современных американских оценок прегрешений России («захват территорий Грузии и Украины», вызов американской роли мирового лидера и мировому порядку, построенному США, вмешательство во внутреннюю политику Америки для усиления раскола и подрыва ее демократической репутации), авторы письма заявили, что, несмотря на необходимость противостоять всему этому, Соединенные Штаты должны «вовлечь Россию в переговоры вдали от общественного внимания, сосредоточенные на возможностях каждой стороны нанести существенный урон критической инфраструктуре другой стороны» [15]. Авторы осудили сокращение дипломатического представительства между Россией и США, подчеркнув, что дипломатические контакты – это «не награда за хорошее поведение, а способ продвижения наших интересов и доведения до сведения серьезных посланий» [15].

Эксперты уверены, что стратегически США должны вернуться к политике, которой придерживались во времена холодной войны, «баланса между сдерживанием и разрядкой» [15]. Конкретные предложения авторов письма включали активизацию работы по продлению договора СНВ-III, а также поддержа-

ние мер доверия в Европе (таких как договор об Открытом небе). Особое внимание авторы уделили возможной роли России как союзника в случае роста напряженности в отношениях США с Китаем: «Наша нынешняя политика усиливает готовность России связать себя с наименее конструктивными аспектами китайской политики по отношению к США. Движение в противоположном направлении не будет легким, но оно должно стать нашей задачей» [15].

Авторы также обратили внимание на то, что санкции, принятые Конгрессом, перестают работать, а накопление санкций затрудняет работу дипломатов. Поэтому необходимо «восстановить гибкость в нашем режиме санкций» [15].

В последней части письма авторы выразили убеждение, что «Россия при Владимире Путине оперирует в рамках стратегического подхода, глубоко укорененного в националистической традиции, которая одинаково близка элитам и публике. Преемник [Путина], даже более демократически настроенный, скорее всего будет руководствоваться тем же подходом» [15]. Поэтому невозможно ставить целью политики США изменение этого подхода, надо иметь дело с Россией, «какая она есть, а не какой мы хотели бы ее видеть» [15].

Меньше, чем через неделю, Politico опубликовал ответное письмо, возражающее на основные пункты первого. Автором этого текста под заголовком «Нет, сейчас не время для еще одной перезагрузки с Россией» был Дэвид Крамер, заместитель госсекретаря США в 2008–2009 гг. и бывший президент Фридом Хауз [18]. К его письму присоединились 33 американских политика и дипломата, включая бывших американских послов в Польше, Чехии, Украине. Главный тезис письма виден уже из заголовка: сейчас не время для новой перезагрузки, напротив, «действия режима Владимира Путина представляют угрозу для американских интересов и ценностей, и потому требуют сильного ответа» [18]. Автор настаивал на том, что любая политика по отношению к России должна начинаться с четкого обозначения «главного ответственного за плачевное состояние российско-американских отношений, – режим Путина» [18]. Крамер, как и авторы первого письма, пере-

числил «основные преступления российского режима», но включил в него «уничтожение гражданского авиалайнера и гибель 298 пассажиров» и «убийство критиков России в западных странах с помощью особо опасных радиоактивных и химических веществ». По мнению политика, пока Путин не признает своей вины, «диалог никуда не приведет» [18].

Автор письма отверг возможность «торговли» с Россией по вопросам возможности членства в НАТО Грузии и Украины, принадлежности Крыма, игнорирования «ужасной ситуации с правами человека в России». Такой подход противоречит «американским ценностям, интересам и принципам». Крамер также не согласился с мнением авторов первого письма, что стратегические подходы Путина коренятся в националистической традиции русских, напомнив, что большинство россиян, согласно опросам, не считают США врагом.

Крамер считает, что американская политика по отношению к России должна опираться на сотрудничество с союзниками, «особенно НАТО и ЕС» в сдерживании российской угрозы, на различение российского режима и народа, сохранение и усиление санкций, поддерживать соседей России военными, дипломатическими и экономическими средствами. Америка «должна продемонстрировать нашу готовность работать с российским правительством только когда станет ясно, что Москва не рассматривает Соединенные Штаты в качестве врага», а до этого момента «мы должны избегать бесцельного бесконечного диалога, который никогда не решает проблемы» [18].

Вскоре к дебатам в форме открытых писем подключились другие силы, стремящиеся оказать влияние на американскую политику в отношении России.

31 августа 2020 г. Politico опубликовала третье письмо. Текст под заголовком «Уберите ее из Восточной Европы: Сейчас не время смягчаться по отношению к России» написали Славомир Дембски, директор Польского института международных отношений, Джеймс Шерр из Эстонского института международных отношений и Якуб Янда из пражского центра политики безопасности и европейских ценностей [11]. К этому письму также присоединились 40 экспертов из Восточ-

ной Европы, включая бывших президентов и премьер-министров Литвы, Эстонии, Латвии и Польши.

В этом письме было уделено много внимания критике первого текста, а рекомендации начинались с требования «поддерживать оборону и безопасность Евро-Атлантического пространства, в тесных консультациях и сотрудничестве с союзниками». Среди других требований заметно «восстановление политического единства Евро-Атлантического региона, которому нанесли урон идеи «Сначала Америка» (America First) и «Европейской стратегической автономии», а также «поддержание порядка, установленного после холодной войны, и сдерживание тех, кто хотел бы его развернуть» [11].

Вскоре к критике авторов письма присоединились другие издания. Так, журнал Foreign Policy опубликовал 3 сентября интервью действующего посла США в ОБСЕ Джеймса Гилмора, который сказал, что его «разъярило» предложение коллег нормализовать связи с Россией [13].

Наконец, 25 сентября тот же Politico опубликовал четвертое письмо под заголовком «Умиротворение России Владимира Путина только поощрит ее» [10]. Оно было написано украинскими политиками и интеллектуалами из самой Украины и из диаспоры (первым среди подписей, присоединившихся к письму, стоит имя бывшего президента Виктора Ющенко), и предлагало, среди других рекомендаций, «признать Россию государством-спонсором терроризма» и «поддержать надежды Украины на вступление в НАТО».

В тот же день был опубликован и ответ авторов первого письма на критику [21]. Они дистанцировались от понимания их предложений как новой «перезагрузки», уточнили, что призывают к диалогу «не между партнерами, а между соперниками», повторили мысль о «балансе между сдерживанием и разрядкой» и снова указали, что этот подход работал в годы холодной войны и был поддержан тогда обеими партиями, – к этому надо стремиться и сейчас.

Наконец, своеобразным завершением дискуссии стала публикация в ноябре доклада Атлантического Совета «Как Западу следует поступить с Россией», написанного Алек-

сандром Вершбоу и Дэниелом Филдом, еще двумя людьми из того же экспертно-политического сообщества, что и авторы первых двух писем в Politico (первый из них был в прошлом послом США в России и заместителем генерального секретаря НАТО, а второй – послом США в Польше) [20]. Этот доклад включает длинное историческое введение, описывающее эволюцию российского общества и американской политики по отношению к России, как неудавшейся попытки интегрировать страну в западный мир. В описании перспектив авторы этого доклада идут дальше, чем их коллеги, предполагая, что к моменту, когда российское руководство (после нынешнего президента) будет снова готово к взаимодействию с мировым сообществом, это сообщество окажется более приемлемым вариантом, потому что избавится от униполярного доминирования США, с которым столкнулась Россия в 1990-е годы.

Результаты. Авторы писем позиционировали себя как независимые эксперты, не связанные ни с одной из партий, либо же составляли письма, включая в число подписавших людей, работавших как в республиканских, так и в демократических администрациях. Изучение списков подписавших показывает, что американские дипломаты, имевшие в своей карьере пост в Москве или исследователи, изучавшие специально Россию, подписали первое письмо, призывающее к восстановлению диалога хотя бы на уровне холодной войны, тогда как люди, профессионально связанные со странами Восточной Европы, оказались среди подписантов более жесткого письма – возражения. Этот факт ставит вопрос о природе такого разделения. Можно предположить, что лучшее знание страны (России в одном случае, ее соседей – в другом) подталкивает профессионалов к занятию позиции, несколько лучше учитывающей ее интересы. Этот вывод заставляет скорректировать тезис, высказанный Цветаном Тодоровым в его классической книге «Открытие Америки», о независимости «оси» знания о «Другом» от «оси» действия по отношению к нему [19, р. 185–186]. Некоторая зависимость существует, но она опосредована интересами носителей этого знания: эксперты не просто рекомендуют ту или иную политику, но и (мно-

гие из них) претендуют на позиции в новой администрации.

Авторы третьего и четвертого писем на сайте Politico – политики и эксперты из стран Восточной Европы и Украины, то есть их мнение нельзя отнести к американской экспертной дискуссии, однако своими письмами они участвуют в ней, используя возможность высказать свои позиции и свои озабоченности. По контрасту видно отсутствие в этих дебатах точки зрения россиян, как условно «правительственных», так и оппозиционных. Судя по тому, что российского варианта не появилось не только в Politico, но и на других возможных платформах, дело не в отказе публиковать, а, вероятно, в отсутствии у россиян желания участвовать в дебатах об американской политике в отношении своей страны. В результате Россия выступает лишь как объект приложения американской политике уже на этапе обсуждения возможных перспектив, тогда как восточноевропейская и украинская точки зрения интегрируются в эту дискуссию.

Однако любопытно и то, что в этих дебатах не приняли участие американские эксперты, занимающие третью позицию по отношению к российско-американским отношениям. Это круг авторов журнала Nation. Чтобы понять их подход, можно обратиться к статье, опубликованной на его страницах в июле 2020 г. профессором Ратгерского университета Дэвидом Фоглесонгом: «Демонизация России вызвана желанием отвлечь внимание от неправомерных действий Соединенных Штатов, подтвердить моральное превосходство Америки над греховной Россией и очернить внутривосточные оппонентов, связав их с Россией» [12]. Эти авторы, самым известным из которых был скончавшийся осенью 2020 г. профессор Стивен Коэн, призывают отказаться от мышления холодной войны и планировать будущее, в котором нет противостояния двух государств. Насколько известно автору, такое письмо готовилось, но опубликовано не было.

Глядя на эту дискуссию в перспективе долгой истории российско-американских отношений, нетрудно заметить преемственность позиций американских авторов по отношению к России, воспроизводящую варианты, описанные Викторией Журавлевой в дискурсе конца

ХІХ – начала ХХ в.: консервативно-пессимистический миф «об обреченности России на вечное отставание <...>, об авторитарной природе ее политической системы <...>, об извечной “русскости” и негативных последствиях реализации “русского пути” для внешнеполитических интересов США и всего цивилизованного сообщества» вновь, как и в начале прошлого столетия берет верх над либерально-универсалистским мифом «о способности русского народа совершить революцию западного образца и создать “Соединенные Штаты России”, о демократическом по своей природе обществе и ксенофобствующем, ретроградном правительстве», о том, что «у России нет иной судьбы, как поступательно двигаться по пути, проложенному странами Запада во главе с США» [2, с. 1014–1015]. Столь длительное существование этих вариантов взгляда на Россию в Соединенных Штатах Америки свидетельствует о структурной стабильности в представлениях о мире на протяжении этого времени. Можно предположить, что смена их произойдет лишь при качественном изменении структуры современных международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Можно ожидать, что подобные дебаты активизируются и в России, когда она подойдет к смене президента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: НЛЮ, 2003. – 560 с.
2. Журавлева, В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914 / В. И. Журавлева. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – 1136 с.
3. Лукьянов, Ф. Российско-американские отношения: почему так вышло : интервью / Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – 2020. – 13 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/rf-us-pochemu-tak-vyshlo> (дата обращения: 05.04.2021). – Загл. с экрана.
4. Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
5. Россия и США в XXI веке: Особенности отношений / отв. ред. Т. А. Шаклеина. – М.: Аспект-пресс, 2020. – 352 с.
6. Стент, А. Мир Путина: Россия и ее лидер глазами Запада / А. Стент. – М.: Интеллектуальная литература, 2020. – 390 с.
7. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
8. Тренин, Д. Выборы в США и российско-американские отношения / Д. Тренин // Россия в глобальной политике. – 2020. – Янв./Фев. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/vybory-v-ssha-i-rossijsko-amerikanskiye-otnosheniya> (дата обращения: 05.04.2021). – Загл. с экрана.
9. Шаклеина, Т. А. Антироссийские настроения в США и политика администрации Трампа / Т. А. Шаклеина // Россия и Америка в современном глобальном мире : сб. докл. XXVII Рос.-амер. семинара в СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. – С. 20–27.
10. Appeasing Vladimir Putin’s Russia Will Only Embolden It / A. Gic [et al.] // Politico. – 2020. – Sept. 25. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/09/25/open-letter-russia-ukraine-421519> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.
11. Dębski, S. Take It From Eastern Europe: Now Is Not the Time to Go Soft on Russia / S. Dębski, J. Sherr, J. Janda // Politico. – 2020. – Aug. 31. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/31/open-letter-not-time-to-go-soft-on-russia-405266> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.
12. Foglesong, D. S. With Fear and Favor: The Russophobia of ‘The New York Times’ / D. S. Foglesong // The Nation. – 2020. – July 17. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.thenation.com/article/world/new-york-times-russia> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.
13. Gramer, R. U.S. Envoy Says Former Officials’ Call for Russia Rethink Is ‘Shameful’ / R. Gramer, A. Mackinnon // Foreign Policy. – 2020. – Sept. 3. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2020/09/03/trump-putin-russia-west-reset-osce-gilmore-huntsman-russia-rethink-shameful> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.
14. Hixson, W. L. The Myth of American Diplomacy: National Identity and U.S. Foreign Policy / W. L. Hixson. – New Haven: Yale University Press, 2008. – 377 p.
15. It’s Time to Rethink Our Russia Policy / R. Gottemoeller [et al.] // Politico. – 2020. – Aug. 5. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/05/its-time-to-rethink-our-russia-policy> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

www.politico.com/news/magazine/2020/08/05/open-letter-russia-policy-391434 (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

16. Legvold, R. *Return to Cold War* / R. Legvold. – Cambridge, MA : Polity, 2016. – 187 p.

17. Neumann, I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations* / I. B. Neumann. – N. Y. : Routledge, 2017. – 214 p.

18. No, Now Is Not the Time for Another Russia Reset / D. J. Kramer [et al.] // *Politico*. – 2020. – Aug. 11. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/11/russia-reset-response-open-letter-393176> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

19. Todorov, T. *The Conquest of America: The Question of the Other* / T. Todorov. – N. Y. : Harper & Row, 1982. – P. 185–186.

20. Vershbow, A. How the West Should Deal with Russia / A. Vershbow, D. Fried // *Atlantic Council*. – 2020. – Nov. 23. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/russia-in-the-world> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

21. Why We Still Need to Rethink Russia Policy: A Rebuttal / R. Gottemoeller [et al.] // *Politico*. – 2020. – Sept. 25. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/09/25/russia-open-letters-rebuttal-421546> (date of access: 05.04.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, NLO, 2003. 560 p.

2. Zhuravleva V.I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify, 1881–1914* [Understanding Russia in the United States: Images and Myths, 1881–1914]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2012. 1136 p.

3. Luk'janov F. Rossijsko-amerikanskije otnoshenija: pochemu tak vyshlo: interv'y [Russian–American Relations: Why It Happened Like it Did?]. *Rossija v global'noj politike*, 2020, December 13. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rf-us-pochemu-tak-vyshlo> (accessed 5 April 2021).

4. Nojmann I. *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2004. 336 p.

5. Shakleina T.A., ed. *Rossija i SShA v XXI veke: Osobennosti otnoshenij* [Russia and the USA in the 21st Century: Particularities of Relations]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2020. 352 p.

6. Stent A. *Mir Putina: Rossija i ee lider glazami Zapada* [Putin's World: Russia and Her Leader Under the Western Eyes]. Moscow, Intellektual'naja literature Publ., 2020. 390 p.

7. Stent A. *Pochemu Amerika i Rossija ne slyshat drug druga?* [Why Do America and Russia Not Listen to Each Other?]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2015. 464 p.

8. Trenin D. Vybory v SShA i rossijsko-amerikanskije otnoshenija [US Elections and Russian–American Relations]. *Rossija v global'noj politike*, 2020, January/February, no. 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybory-v-ssha-i-rossijsko-amerikanskije-otnosheniya> (accessed 5 April 2021).

9. Shakleina T.A. Antirossijskie nastroyeniya v SShA i politika administracii Trampa [Anti-Russian Feelings in the USA and Trump Administration's Politics]. *Rossija i Amerika v sovremennom global'nom mire: sb. dokl. XXVII Ros.-amer. seminara v SPbGU* [Russia and America in the Modern Global World. Proceedings from the 27th Russian–American Seminar at Saint Petersburg State University]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2020, pp. 20–27.

10. Gic A., Hopko H., Sohn R. Appeasing Vladimir Putin's Russia Will Only Embolden It. *Politico*, 2020, September 25. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/09/25/open-letter-russia-ukraine-421519> (accessed 5 April 2021).

11. Dębski S., Sherr J., Janda J. Take It From Eastern Europe: Now Is Not the Time to Go Soft on Russia. *Politico*, 2020, August 31. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/31/open-letter-not-time-to-go-soft-on-russia-405266> (accessed 5 April 2021).

12. Foglesong D.S. With Fear and Favor: The Russophobia of ‘The New York Times’. *The Nation*, 2020, July 17. URL: <https://www.thenation.com/article/world/new-york-times-russia> (accessed 5 April 2021).

13. Gramer R., Mackinnon A. U.S. Envoy Says Former Officials' Call for Russia Rethink is ‘Shameful’. *Foreign Policy*, 2020, September 3. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/09/03/trump-putin-russia-west-reset-osce-gilmore-huntsman-russia-rethink-shameful> (accessed 5 April 2021).

14. Hixson W.L. *The Myth of American Diplomacy: National Identity and U.S. Foreign Policy*. New Haven, Yale University Press, 2008. 377 p.

15. Gottemoeller R., Graham T., Hill F., Huntsman J. Jr., Legvold R., Pickering T.R. It's Time to Rethink Our Russia Policy. *Politico*, 2020, August 5. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/05/open-letter-russia-policy-391434> (accessed 5 April 2021).

16. Legvold R. *Return to Cold War*. Cambridge, MA, Polity, 2016. 187 p.

17. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. New York, Routledge, 2017. 214 p.

18. Kramer D.J. et al. No, Now Is Not the Time for Another Russia Reset. *Politico*, 2020, August 11. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/11/russia-reset-response-open-letter-393176> (accessed 5 April 2021).

19. Todorov T. *The Conquest of America: The Question of the Other*. New York, Harper & Row, 1982, pp. 185-186.

20. Vershbow A., Fried D. How the West Should Deal with Russia. *Atlantic Council*, 2020, November 23. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/russia-in-the-world> (accessed 5 April 2021).

21. Gottemoeller R., Graham T., Hill F., Huntsman J. Jr., Legvold R., Pickering T. Why We Still Need to Rethink Russia Policy: A Rebuttal. *Politico*, 2020, September 25. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/09/25/russia-open-letters-rebuttal-421546> (accessed 5 April 2021).

Information About the Author

Ivan I. Kurilla, Doctor of Sciences (History), Professor, Faculty of Political Science, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1A 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

Информация об авторе

Иван Иванович Курилла, доктор исторических наук, профессор факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.21>

UDC 327.83(470+571)

LBC 66.4(2Рос),0

Submitted: 20.03.2021

Accepted: 20.07.2021

“SOFT POWER” TOOLS IN THE USA AND THE RUSSIAN FEDERATION¹

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Kenneth Julius Kovach

Notre Dame College, South Euclid, USA; Cuyahoga Community College, Highland Hills, USA

Abstract. *Introduction.* In this article, Russian Federation’s public diplomacy (hereinafter – the RF) and the public diplomacy of the United States of America (hereinafter – the USA) are considered as one of the main tools for implementing the principles of modern “soft power”. Today, the importance of implementing certain areas of public diplomacy of the RF is significantly increasing, which is primarily determined by the current contradictory international situation. It is necessary to emphasize that public diplomacy’s certain areas are in the process of formation, however, a comprehensive study of these areas will reveal the weaknesses and strengths of public diplomacy as an effective tool for the implementation of Russian and American “soft power”. It is important to refer to the American experience of building public diplomacy, as a country with advanced experience in this area, as the public diplomacy has become a key tool of U.S. foreign policy in recent years. *Methods.* The comparative method makes it possible to compare the practices of implementing public diplomacy, the demonstration of “soft power” of the RF and the USA, and also helps to identify the mechanisms of public diplomacy’s influence on international processes in the formation of “soft power” strategies. This method allowed us to establish that the mechanisms for public diplomacy’s implementing and “soft power” realization are identical. Documents’ content analysis of the describing of the RF and the USA foreign policy peculiarities helped to determine the mechanisms and principles of the implementation of “soft power” under consideration by the states. *Analysis.* Public diplomacy’s activities analysis of the RF and the USA public diplomacy, its relationship with the principles of “soft power” is connected with the search for common and distinctive features of the considered types of diplomacy, comparing it with the “soft power” concept. Attention is drawn to the fact that many public diplomacy’ functions intersect with the tasks of “soft power”, identifying the characteristic features of a joint vector in the “soft power” implementation in the context of the RF and the USA diplomacy. *Results.* As the study’s result, it was found out that public diplomacy is one of the most important tools of the “soft power” demonstration of the RF and the USA soft power demonstration. Such definitions as “public diplomacy” and “soft power” were distinguished in the article. The approaches of domestic and foreign researchers for understanding public diplomacy from the points of the RF and the USA, as well as directions of its activities, were also determined. In this article, Elena F. Parubochaya identified the characteristic differences Russian interpretation of the terms “public diplomacy”. The author revealed the connection between public diplomacy of the RF and its “soft power”. Kenneth J. Kovach paid attention to the instruments of the USA modern public diplomacy.

Key words: public diplomacy of the RF, public diplomacy of the USA, “soft power”, foreign policy of the RF, foreign policy of the USA.

Citation. Parubochaya E.F., Kovach K.J. “Soft Power” Tools in the USA and the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 245-254. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.21>

ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В США И РФ¹

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Кеннет Джулиус Ковач

Колледж Нотр-Дам (Огайо), г. Саут-Эуклид, США;
Муниципальный колледж Кайяхога, г. Хайланд Хиллс, США

Аннотация. В данной статье публичная дипломатия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки рассматривается как один из основных инструментов реализации принципов современной «мягкой силы». Важно сослаться на американский опыт построения публичной дипломатии как страны с передовым опытом в этой области – публичная дипломатия стала ключевым инструментом внешней политики США в последние годы. Сравнительный метод позволяет сопоставить практики реализации публичной дипломатии, демонстрации «мягкой силы» РФ и США, а также помогает выявить механизмы влияния публичной дипломатии на международные процессы в формировании стратегии «мягкой силы». Обращается внимание на то, что многие функции публичной дипломатии пересекаются с задачами «мягкой силы», выявляя характерные черты совместного вектора реализации «мягкой силы» в контексте дипломатии обоих государств. В статье определены подходы отечественных и зарубежных исследователей к пониманию публичной дипломатии с позиций РФ и США, а также направления ее деятельности. *Вклад авторов.* Е.Ф. Парубочая определила характерные отличия российской трактовки термина «публичная дипломатия», раскрыла связь между публичной дипломатией РФ и ее «мягкой силой». К.Дж. Ковач обратил внимание на инструменты современной публичной дипломатии США.

Ключевые слова: публичная дипломатия РФ, публичная дипломатия США, «мягкая сила», внешняя политика РФ, внешняя политика США.

Цитирование. Парубочая Е. Ф., Ковач К. Дж. Инструменты реализации «мягкой силы» в США и РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 245–254. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.21>

Introduction. At the turn of the 20th – 21st centuries the public diplomacy issue has become highly significant, its possible role in the process of formation and further implementation of the country's foreign policy. This definition of “public diplomacy” has a broad interpretation in the Russian Federation. This causes a large number of discussions in the scientific community, and they are usually devoted to identifying their characteristic differences. In foreign literature, it is used to say that there is no one single interpretation of the “public diplomacy” term [16, p. 198]. Today because of the changing formats of interpersonal communication, the widespread implementation in our life information technologies and the Internet, the public diplomacy's role is also changing. The use of social media as a major platform for interpersonal communication raises many concerns about “misinformation”, outright “lies”, and “cancel culture” [28].

For a deeper understanding of its features, it is necessary to refer to the experience of our American colleagues. In the United States, the public diplomacy is given great importance at the state level. In these cases, an important reason is the emphasis on the consideration of public diplomacy as a tool for implementing the “soft power” of the Russian Federation, while the USA “soft power” can be implemented through public diplomacy. However, the mechanisms for implementing the “soft power” of the two countries are different.

Russian expert in the field of public and people's diplomacy A. Bobrov notes that “public diplomacy” is actually synonymous with the definition of “people's diplomacy” [2].

According to N.A. Tsvetkova, public diplomacy is a certain set of actions and measures aimed at promoting the interests of the state, protecting national interests, and ensuring national

security [21, p. 115; 22, p. 190]. A.I. Kubyshkyn and N.A. Tsvetkova note that in this context, the action of public diplomacy takes place through the study of various moods of public opinion in foreign countries, as well as through the influence on the people or state institutions that form certain opinions [10, p. 154].

According to A.V. Dolinsky, the main task of NGOs in the field of public diplomacy is directly related to the development of relations between public circles around the world to promote the ideas of mutual understanding and tolerance between different peoples [7]. In our opinion, this meets the tasks of people's diplomacy, rather than public diplomacy. Non-governmental organizations played the important role in "people's diplomacy" by connecting individuals interested in activism and advocacy with organizations established to promote mutual understanding and mutual respect. Sometimes "tolerance" is not enough to change relations. There is a continuum from tolerance, to acceptance, to understanding.

Namely Russian way of understanding, "public diplomacy" is the type of the foreign policy activity aimed to create non-traditional communication channels, as the special platform for the international dialogue's building. In our opinion public diplomacy can be revealed in the "soft power" context. The main institutions and mechanisms of public diplomacy create a solid foundation for the positive image's formation of the state in the international stage.

In the report of the president of the organization "Creative Diplomacy" Natalia Burlinova, presented within the framework of the Volgograd State University Center for Public Diplomacy's international project "The role of humanitarian interaction and youth diplomacy in the EU-Eurasian Economic Union" (November 5–6, 2020), it was noted that public diplomacy combines such types as "people's diplomacy", "scientific diplomacy", "digital diplomacy", "youth diplomacy", "parliamentary diplomacy", "sports diplomacy", "forum diplomacy", "business diplomacy", as well as other variants of diplomatic activity through the efforts of non-state or quasi-state structures. Such structures in the Russian Federation, according to N. Burlinova, are the Russian international affairs council, the Gorchakov Foundation, the Roscongress Foundation, the Center for International

Promotion, Rethinking Russia, and the World Alumni Association "Alumni Russia". Public diplomacy is a comprehensive concept that includes all kinds of efforts to create effective international communication at different levels beyond the pale of official channels, such as the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and "Rossotrudnichestvo".

According to A. Bobrov, the following areas of activity of people's and public diplomacy can be distinguished, which consist in ensuring national security and protecting national interests, enhancing the impact on the audience of foreign countries, forming a positive opinion about the state policy [2]. This undoubtedly affects on the state positive image's formation in the international stage.

American researchers are also not united in offering their own interpretations of the definition. According to E. Gullion, public diplomacy goes beyond the boundaries of the spheres of official diplomacy, it is aimed at a broader coverage of events in the international relations field, and also contributes to the interaction's formation between civil society and state institutions, affects the formation of the state foreign policy agenda [36]. At the same time, if a particular state does not have a positive image, then public diplomacy does not have the ability to influence the foreign community [28]. The proposed interpretation largely reflects the Western approach to the definition and use of the public diplomacy's concept. J. Nye tried to characterize the "soft power" and to divide the definitions of the "soft power" and "public diplomacy" [32; 33]. Besides, he initially revealed three sources of the "soft power" as the political values, foreign policy and culture. The concept of the "soft power" was developed within the new conception, known as the "smart power". According to J. Nye and R. Armitage it is necessary to understand the "smart power" concept as the principal approach that underscores the necessity of a strong military, but it also invests heavily in alliances, partnerships, and institutions of all levels to expand one's influence and establish legitimacy of one's action [31]. J. Ernest in his work also paid attention on the differences between the categories of hard power, soft power and smart power, and he supposes these three types of power within the international relations are linked between each other [27; 35].

A. Sergunin and L. Karabeshkin revealed the principal points of the Russian Federation “soft power” strategy. In their opinion, Russian understanding of soft power seriously deviates from the “soft power” concept, offered by J. Nye [18, p. 359]. In another words, the Russian interpretation of “soft power” is more pragmatic, which the Russian Foreign Policy Concept (2013) demonstrates. Within the “soft power” practices’ realization in the Russian Federation it based on the resources of civil society institutions, communication interaction, which can help Moscow to defend its interests in foreign countries and to improve the international image of the Russian Federation [18, p. 359].

In this regard, the presented research purpose is to identify the mechanisms of public diplomacy of the RF and public diplomacy of the USA implementation in the context of their “soft power” demonstration in relation to other actors of the international relations.

Research methods. The comparative method helps to compare the features of people’s diplomacy, “soft power” and public diplomacy, which allows us to come to the conclusion these diplomacy types are tools fulfilling the tasks of the state’s “soft power”.

Foreign policy implementing strategies of the RF and the USA content analysis allows us to identify methods and directions for implementing the “soft power” of these states, to predict possible options for using their “soft power”.

Analysis. In the modern Russia, “soft power” is usually understood as a way of pressure on various actors in international relations, excluding the force options of influence. However, at the same time, quite often “soft power” in this regard is perceived as state propaganda.

According to M.M. Lebedeva, public diplomacy has the following fundamental characteristics: 1) does not allow imposition or stimulation; 2) within the framework of the theory of international relations neo-liberal concept, it allows to pay attention to the interests of another; 3) is focused on long-term interaction; 4) avoids manipulative strategies; 5) is focused on dialogue; 6) assumes trusting relationships of actors in international relations [11, p. 215]. In this regard, “soft power” seeks to protect national interests.

Today, in the format of incessant information wars, attempts are being made to “rewrite

history”, which is typical for events related to the contribution of the Soviet people to the Victory over Nazism. In this regard, people’s diplomacy, based on the principles of historical memory, seeks to protect domestic values from external negative encroachments and to bring to the community of the world the truth of the events that took place. This is done by holding commemorative events (for example, in the framework of the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War celebration), which include numerous exhibitions, the traditional holding of the “Immortal Regiment” campaign, but already using the online broadcast of this event to Russian and foreign audiences [6].

Russian “soft power”, according to the Russian President Vladimir Putin, is a set of certain methods and the goals achievement of the state’s foreign policy, excluding the possibility of using weapons. At the same time, “soft power” relies mainly on the levers of influence of a media nature [17].

As media tools of influence, it is necessary to consider, first of all, the popularization of state culture, values, and language. It is closely related to the RF public diplomacy activities and functions. Examples can be numerous international competitions and events which are implemented by Rossotrudnichestvo [14]. They examples of this kind of events and international competitions are (“Year of Russian Cinema”, “Ambassador of Russian Cuisine”, etc.). However, nowadays are existing the systemic problems in the field of people’s and public diplomacy forced the leadership of the Russian Federation to reformat the activities of this agency. In mid-2020 a new head of Rossotrudnichestvo has been appointed, and there is a change in the internal structure and management, the areas of activity and the format of interaction with the Russian Center for Science and Culture, as well as the partners of the agency.

People’s diplomacy is defined by Rossotrudnichestvo as one of the main areas of activity. In this context, it is understood, in particular, as the interaction of state and non-state institutions aimed at expanding international and public relations of the country [14]. People’s diplomacy promotes the promotion of specific foreign policy interests of the state at the public and interpersonal levels [14]. At the same time, public diplomacy relies on numerous actors,

including private organizations, state institutions and bodies, as well as, those interested in improving the state image of the mass media [1, p. 134]. In this regard, the people's diplomacy of the Russian Federation pursues the following strategically important goals: the promotion of Russian national values and the expansion of partnership dialogue in the international space [13, p. 86].

In the understanding of the RF, public diplomacy is the example of Western European interaction of an interethnic nature, in which various media resources are used, forming a particular "image" of actors in international relations, influencing the formation or destruction of stereotypes. This, in general, has many common features with the terminological content of the concept "propaganda". People's diplomacy refers to the interaction of civil society in order to establish a dialogue within the country for the subsequent formation of mutually beneficial relations with foreign public circles, while public diplomacy can be understood as an important demonstration of "soft power" [24, p. 186].

Today, we can distinguish the following non-governmental organizations on the territory of the RF that are directly involved in the public diplomacy's development: 1) NGO "Scientific and Practical Center "People's Diplomacy"; 2) NGO "Center for Support and Development of Public Initiatives – "Creative Diplomacy"; 3) The Foundation for the Development of Civil Society Institutions "People's Diplomacy"; 4) The Regional Public Organization for the Promotion of International Cooperation of the Republic of Bashkortostan-Agency for International Cooperation "People's Diplomacy"; 5) Interregional Charitable Foundation "People's Diplomacy"; 6) NGO "Scientific and Practical Center" People's Diplomacy" [9]. The organizations under consideration are aimed at ensuring interaction between Russian and foreign experts in order to discuss problems of an international nature and build a positive dialogue at the interstate level [3, pp. 26–27].

Now, the RF public diplomacy has as one of its goals the development of interaction with many states of the former USSR, but in recent decades there has been a significant reduction in the role of the Russian language in the interstate relations implementation, and in this regard, it is important

for the RF to increase its humanitarian influence in the Post-Soviet space [12, p. 109]. Therefore, Rossotrudnichestvo has launched such projects as Eurasian Week, the International Business Forum within the Eurasian Economic Union, the "New Generation program", and numerous events to promote the Russian language [20].

The RF public diplomacy has 12 main areas of activity: 1) raising the status of the RF in the international space; 2) activating the civil society of the RF in foreign policy activities; 3) the modernization of the country; 4) developing the public diplomacy's humanitarian dimension; 5) intensifying work with compatriots abroad; 6) participating in the international relations system development; 7) improving the image of the RF abroad; 8) supporting the public diplomacy activities; 9) Participation of the RF in the projects of international integration; 10) interaction with religious organizations to maintain interreligious peace; 11) countering the history's falsification; 12) ensuring human rights and freedoms; 13) participation in solving the world globalization problems [25].

It's become essential to develop public diplomacy centers to promote public diplomacy's initiatives. Volgograd State University plays a special role in the public diplomacy of Volgograd, especially in sister's cities relations movement [15]. The development of sister's cities cooperation between Volgograd and Cleveland (Ohio, USA) has a particular importance. Representatives of Cleveland took part in the events of the Volgograd State University's Center for Public Diplomacy, dedicated to the celebration of the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. In turn, Volgograd's representatives continued to participate in the Cleveland Sister Cities Conference. A significant event of sister's cities cooperation between the two cities was the opening of the exhibition "The way to a joint Victory over Nazism: from Stalingrad to Prague" at the Cleveland Public Library in October 2020 [5].

An important actor that implements public diplomacy is public organizations that interact with different foreign organizations or volunteers in order to promote a positive informative agenda. Their activities' support is provided by the Gorchakov Foundation, the Presidential Grants Fund, and the Russian World Foundation. The grants are allocated on a competitive basis, for a

certain period of time, the project and the possibility of achieving results in the long term period is rather questionable. In modern Russian conditions, it is difficult to encourage repeated grants on the same subject. The problem is that the centers that implement public diplomacy projects and work on the basis of universities, do not have the opportunity to submit grant applications to the above-mentioned funds. At the same time, these projects proposed by the centers set long-term goals, have the possibility of long term implementation with their partners, achieving the intended results, creating a solid basis for communication and a platform for building an international dialogue.

Countering the falsification of history is one of the most important areas of public diplomacy in the RF, which corresponds to the Russian state foreign policy tasks implementation. The desire to cooperate with foreign countries in this aspect was noted during the 39th meeting of the Organizing Committee "Victory" in April 2017 [8]. In his speech, Vladimir Putin stressed the importance of developing relations with compatriots abroad, and contacts between twin cities [8].

The RF foreign policy concept, approved by the President of the RF on November 30, 2016, in the part on the modern world and foreign policy of the RF, mentions "soft power" as an integral component of modern international policy for solving foreign policy problems, the civil society capabilities, communication and information, humanitarian and other methods and technologies, in addition to the methods of traditional diplomacy [19]. The document highlights international humanitarian cooperation as a subsection, where among its tasks, the Russian Federation sees the consolidation of compatriots living abroad in order to more effectively ensure their rights in the residence states, to promote the Russian diaspora identity preservation and its ties with the historical Homeland, the voluntary resettlement of compatriots in the RF, the dissemination of the Russian language as an integral part of world culture and international and interethnic communication instrument, supporting and developing of the Russian educational organizations system abroad, providing support to the different branches and representative offices of Russian educational organizations located on the

foreign countries territory. It is necessary to involve civil society institutions in solving of the international problems in order to improve the effectiveness of the Russian foreign policy, as well as developing of public diplomacy resources, international cultural and humanitarian cooperation as a means of establishing inter-civilization dialogue, reaching agreement and ensuring mutual understanding between different people, who are paying special attention to interreligious dialogue [19].

The document attaches great importance to the information support of the Russian foreign policy activities, bringing to the world public objective information about Russia's position on major international issues, its foreign policy actions and initiatives [19]. In order to achieve an objective perception of the RF in the world, it develops its own effective means of information influence on public opinion abroad, promotes the Russian positions strengthening and Russian-speaking mass media in the global information area providing them with the necessary state support, and participates in international cooperation within the information sphere [19].

Public diplomacy of the USA is aimed at implementing the objectives and goals of the American foreign policy through strengthening national security and promoting national interests. This is done through the deployment of a broad campaign of influence on the public in various world countries in order to approve the American foreign policy course [28]. Analysis of the U.S. National Security Strategy approved in December 2017 by U.S. President Donald Trump. It shows that the American political leadership seeks to use not "soft", but "smart power". It is a combination of elements of "soft" and "hard" force, as evidenced by the content of the chapter of this document "Preserving peace through force" [30]. In the United States, public diplomacy is defined as a set of strategic communications, and in the Russian Federation, this term means working with the expert community and socio-political circles, which meets the objectives of official diplomacy, which is designated by the term "frontline public diplomacy" [4]. American public diplomacy includes working with foreign audiences, promoting various research and educational grants, international academic exchange programs, and media mechanisms to counter terrorism and some of the United States'

geopolitical rivals. In the United States, one of the largest centers that implement public diplomacy is the University of Southern California's Center for Public Diplomacy, which holds various events devoted to intercultural interaction, current problems of international relations [36]. The analysis of the website of this Center showed that this structure is also a kind of a guide of interests of modern American foreign policy.

The structures responsible for planning and public diplomacy in the USA include the State Department, the Advisory Commission on Public Diplomacy (the Advisory Commission on PD / ACPD), and the Broadcasting Board of Governors (the Broadcasting Board of Governors / BBG). The Bureau of Education and Cultural Affairs develops and works for implementing educational, professional, and cultural exchange programs designed to maintain mutual understanding with other countries in order to achieve U.S. foreign policy goals [25]. Within the leadership of the Assistant Secretary of State, the Bureau's programs foster interpersonal connections between current and future world leaders to create sustainable networking and interpersonal relationships that promote U.S. values and national security. The Bureau of Global Public Relations, which deals with internal communication with the U.S. audience, aims to effectively convey the priorities of the country's foreign policy [26].

The Global Engagement Center, as its primary mission, aims to guide, synchronize, integrate, and coordinate the federal government's efforts to identify and counter foreign propaganda and disinformation efforts by governmental and non-governmental actors aimed at undermining the influence or security and stability of the USA, its allies and partner countries [26; 29]. According to N.A. Tsvetkova, digital diplomacy is the actual direction of the USA public diplomacy, the new format of interaction within the digital diplomacy is "data diplomacy", which allows to the specialists to form the strategies of digital diplomacy, to make effective digital columns, messages and to identify the disinformation sources immediately [23, p. 45]. The Office of Public Diplomacy Policy, Planning, and Resources and Public Relations allows more effective task execution by focusing resources on urgent national security issues and providing a

realistic measurement of public diplomacy performance [34; 37].

Since 1948, the U.S. Public Diplomacy Advisory Commission has evaluated the activities of the country's government of aimed at understanding, informing and influencing the foreign public, to increase understanding and support for these actions. It conducts research and organizes symposia to identify the effectiveness of government efforts in the field of public diplomacy. The Commission reports to the President, the Secretary of State, and Congress [36].

The Major Exhibitions Division is responsible for U.S. participation in international exhibitions. Together with the Bureau of International Exhibitions, this division of the State Department mobilizes international support from the United States for candidates to host World Exhibitions [36].

Results. In general, public diplomacy implements "soft power" through the retransmission of cultural, linguistic, and ideological values of the RF, which contributes to the formation of positive ideas about Russia, as well as through the principles of respect, dialogue, and equality recognition. At the same time, public diplomacy of the RF in the resent moment at the stage of its formation, and the vectors of its further development are still being formed and it is still a day before the fair to talk about its institutionalization.

The American demonstration of "soft power" currently is closely interrelated with the presence of various cultural, educational and exchange programs, the distribution of scientific and educational literature, and the opening of many centers for learning English. It is necessary to say that this "soft power" is actively combined with the use of "hard power", in the case of ineffective action of the first. This confirms the thesis about the development and strengthening of the position of "smart power" in U.S. foreign policy. However, a certain "hegemony" of the American foreign policy course, the desire to maintain its leadership in the world gives the U.S. public diplomacy a peculiar, contradictory shade, the mechanisms for its implementation often acquire a hard, "pushing" character, which does not correspond to the principles of "soft power".

In general, the mechanisms for implementing the "soft power" in the USA and in the RF are

different in their component. If American public diplomacy seeks to combine efforts for influencing an international audience within the framework of “smart power”, then “soft power” of the RF is in its infancy, its development is limited by constrained by bureaucratic obstacles, the lack of a clear state vector in the context of public diplomacy development, the presence of a tendency to short-term implementation of many projects and programs, as well as the existence of obvious problems in the implementation of grant support to NGOs and public diplomacy centers in the implementation of their tasks.

NOTE

¹ This study was carried out as part of the activities of the center for American studies “Americana” of Volgograd State University.

REFERENCES

1. Bahriev B.H. Publichnaia diplomatiia v sovremennom issledovatel'skom diskurse [Public Diplomacy in the Modern Research Discourse]. *Vestnik Tadzhiškogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series], 2017, no. 1 (70), pp. 131-147.
2. Bobrov A. Diplomatiia publichnaia ili obshchestvennaia – vot v chem vopros [Public Diplomacy or Public – That’s the Question]. *Mezhdunarodnaia zhizn: zhurnal* [International Life], 2017. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1865> (accessed 29 November 2020).
3. Borishpolets K.P. Publichnaia diplomatiia: pragmatichnyi vzgliad na raznoobrazie realnogo opyta [Public Diplomacy: A Pragmatic View of the Diversity of Real Experience]. *Mezhdunarodnaia analitika* [International Analytics], 2018, no. 1 (23), pp. 22-32.
4. Velikaya A. Publichnaia diplomatiia SShA v transformiruiushchemsia mirovom poriadke [Public Diplomacy of the United States in the Transforming World Order]. *Mezhdunarodnaia zhizn: zhurnal* [International Life]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1864> (accessed 29 November 2020).
5. *V publichnoi biblioteke Klivlenda pri uchastii Tsentra obshchestvennoi diplomatii VolGU otkrylas vystavka, posviashchennaia Vtoroi mirovoi voine* [An Exhibition Dedicated to the Second World War Was Opened at the Cleveland Public Library with the Participation of the Volgograd State University Center for Public Diplomacy]. URL: https://volsu.ru/?ELEMENT_MAIN_ID=36721 (accessed 17 December 2020).
6. *God pamiati i slavy 2020* [Year of Memory and Glory 2020]. URL: https://volsu.ru/year_of_memory_and_glory_2020 (accessed 12 December 2020).
7. Dolinsky A. Chto takoe obshchestvennaia diplomatiia i zchem ona nuzhna Rossii? [What is Public Diplomacy and Why Does Russia Need It?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council for International Affairs], 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zchem-ona-nuzhna-> (accessed 5 November 2020).
8. *Zasedanie orgkomiteta «Pobeda»* [Meeting of the Organizing Committee “Pobeda”]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54347> (accessed 10 November 2020).
9. *Informatsionnyi portal Ministerstva iustitsii Rossiiskoi Federatsii. Otchety nekommercheskikh organizatsii* [Information Portal of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Reports of Non-Profit Organizations]. URL: http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx?request_type=nko (accessed 19 December 2020).
10. Kubyshkin A.I., Tsvetkova N.A. *Obshchestvennaia diplomatiia SShA* [USA Public Diplomacy]. Moscow, Aspect Press Publ., 2013. 271 p.
11. Lebedeva M.M. «Miagkaia sila»: poniatie i podkhody [“Soft Power”: The Concept and Approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2017, no. 3, pp. 213-222.
12. Marchukov A.N. «Publichnaia diplomatiia 2.0» vo vneshnepoliticheskoi deiatelnosti RF: problemy i perspektivy razvitiia [“Public Diplomacy 2.0” in the Foreign Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects of Development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* [Bulletin of the Moscow State University. Ser. 25. International Relations and World Politics], 2014, no. 3, pp. 95-114.
13. Mukhametov R.S. Spetsifika obshchestvennoi diplomatii kak instrumenta vneshnei politiki gosudarstva [Specificity of Public Diplomacy as an Instrument of Foreign Policy of the State]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Ural Federal University. Vol. 3. Social Sciences], 2014, no. 2 (128), pp. 84-90.
14. Obshchestvennaia diplomatiia [Public Diplomacy]. *Rosstrudnichestvo*. URL: <https://rs.gov.ru/ru/activities/4> (accessed 29 November 2020).
15. Parubochaya E.F., Kiselev A.A. *Volgograd i Khiosima: obshchestvennaia diplomatiia gorodov-pobratimov v borbe za mir* [Volgograd and Hiroshima:

Public Diplomacy of Twin Cities in the Struggle for Peace]. URL: <http://www.welcomevolgogradcity.com/News.aspx?idn=496> (accessed 12 November 2020).

16. Parubochaya E.F., Piskunov N.V. Obshchestvennaia diplomatiia kak instrument realizatsii rossiiskoi «miagkoi sily» [Public Diplomacy As a Tool of the Russian Soft Power Implementation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, no. 6 (23), pp. 197-207. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.16>.

17. Putin V.V. Rossiia i meniaiushchiisia mir [Russia and the Changing World]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012. URL: <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (accessed 16 November 2020).

18. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics*, 2015, vol. 35 (3-4), pp. 347-363.

19. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 30.11.2016 g. № 640 Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [The Decree of the President of the Russian Federation No. 640 Dated November 30, 2016 "On the Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation"]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (accessed 29 November 2020).

20. Ukreplenie pozitsiy russkogo yazyka [Strengthening of the Russian Language Position]. *Rossotrudnichestvo* [Russian Cooperation]. URL: <http://rs.gov.ru/ru/activities/9> (accessed 21 November 2020).

21. Tsvetkova N.A. Programmy Web 2.0. v publichnoi diplomatii SShA [Web-Programs 2.0. in Public Diplomacy of the USA]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA and Canada: Politics, Economy and Culture], 2011, no. 3, pp. 109-122.

22. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. Publichnaia diplomatiia vedushchikh gosudarstv: traditsionnye i tsifrovye metody [Public Diplomacy of Principal Countries: Traditional and Digital Methods]. *Severnaia Niva* [St. Petersburg. Severnaya Niva], 2014. 234 p.

23. Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniakh i metodologiiia ego izucheniia [The Digital Diplomacy As a Phenomenon of International Relations: Research Methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriiya. Mezhdunarodnye otnosheniia»* [RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"], 2020, vol. 2, pp. 37-47. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.

24. Shershnev I.L. Napravleniya deyatelnosti obshchestvennoy diplomatii vo vneshney politike Rossii v epokhu globalizatsii [Activity Directions of Public Diplomacy in Russian Foreign Policy in

Globalization Epoch]. *Vestnik MGLU*, 2015, iss. 2 (713), pp. 184-195.

25. Bureau of Education and Culture. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-educational-and-cultural-affairs> (accessed 29 November 2020).

26. Bureau of Global Public Relations. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-global-public-affairs> (accessed 28 November 2020).

27. Ernest J.W. III. Hard Power, Soft Power, Smart Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 110-124.

28. Expo Unit. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/expo-unit> (accessed 27 November 2020).

29. Mitchell A., Jurkowitz M., Oliphant J. Baxter, Shearer E. Americans Who Mainly Get Their News on Social Media are Less Engaged, Less Knowledgeable. *Pew Research Center. Journalism & Media*. URL: <https://www.journalism.org/2020/07/30/americans-who-mainly-get-their-news-on-social-media-are-less-engaged-less-knowledgeable> (accessed 19 May 2021).

30. National Security Strategy of the United States of America (December 2017). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed 13 November 2020).

31. Nye J., Armitage R. *A Smarter, More Secure America. Report of the Center for Strategic and International Studies*. Center for Strategic and International Studies, 2007. URL: <https://docplayer.net/24239-Csis-csis-commission-on-smart-power-a-smarter-more-secure-america-cochairs-richard-l-armitage-joseph-s-nye-jr-international-studies.html> (accessed 7 November 2020).

32. Nye J. *Soft Power: The Mean to Success in World Politics. Public Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2004-05-01/soft-power-means-success-world-politics> (accessed 7 November 2020).

33. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 94-109.

34. Office of Policy, Planning and Resources for Public Diplomacy and Public Affairs. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/office-of-policy-planning-and-resources-r-ppr> (accessed 28 November 2020).

35. Snow N., Taylor P.M. The Propaganda State: US Propaganda at Home and Abroad Since 9/11. *The*

International Communication Gazette, 2006, vol. 68 (5-6), pp. 399-400.

36. *The US Advisory Commission on Public Diplomacy*. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and->

[public-affairs/united-states-advisory-commission-on-public-diplomacy](https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/united-states-advisory-commission-on-public-diplomacy) (accessed 29 November 2020).

37. *USC Center on Public Diplomacy*. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org> (accessed 19 December 2020).

Information About the Authors

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Kenneth Julius Kovach, Adjunct Professor of Sociology, Department of Social Sciences, Notre Dame College, 4545 College Road, South Euclid, Ohio 44121 USA; Cuyahoga Community College, 4250 Richmond Rd, Highland Hills, Ohio 44122 USA, kkovach@ndc.edu, <https://orcid.org/0000-0002-0701-8858>

Информация об авторах

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Кеннет Джулиус Ковач, адъюнкт-профессор социологии кафедры социальных наук, Колледж Нотр-Дам (Огайо), Колледж Роуд 4545, 44121 г. Саут-Эуклид, США; Муниципальный колледж Кайяхога, Ричмонд Роуд 4250, 44122 г. Хайланд Хиллс, Огайо, США, kkovach@ndc.edu, <https://orcid.org/0000-0002-0701-8858>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.22>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 19.11.2020
Accepted: 20.04.2021

INDIA – A POTENTIAL MAJOR NON-NATO ALLY

Olga A. Bazhenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Allied relations between India and United States were based during Barack Obama administration and were further developed with Donald Trump coming to power. The interplay that has intensified between states in recent years can contribute to the creation of a new geopolitical space – the Indo-Pacific region. Trade in arms and military equipment is the catalyst for cooperation and the major non-NATO ally status can create all favorable conditions for thus cooperation. United States and India rapprochement, caused, in particular, by geopolitical situation in the Asia-Pacific and the change of power in United States, has led to the emergence of discussions in the American political society about assigning India major non-NATO ally status. Seventeen states in various regions of the world already own this status. *The methodological basis* of the study was made up of the basic research principles of modern humanities: general scientific methods of cognition, comparison, complex analysis and synthesis. *Analysis.* The legal framework for cooperation between India and the United States in the military-technical area is formed by agreements on technology transfer, organization of joint development and production of weapons: Defense Cooperation Framework Agreement (2005), Arms and Military Technologies Trade Initiative (2012), Updated framework agreement (2015), Memorandum on material and technical exchange (2016), etc. On the basis of these agreements, a number of projects were successfully implemented. Despite the successes achieved in the development of military-technical cooperation, interaction is complicated by the difference in procedural approaches. As one of the ways to remove bureaucratic barriers, inconsistency in the transfer of technology, joint development and production of weapons systems was considered “major non-NATO ally status”. It could become an alternative to the allied security treaty and an addition to the previously concluded agreements. The proposal to grant India major non-NATO ally status was first received from congressmen led by Republican Joe Wilson. Authors recommended to expand bilateral defense and security cooperation to advance U.S. interests in South Asia and the Indo-Pacific region. Despite their efforts, bill did not receive enough votes. In 2019, similar bills were introduced to grant India as MNNA, which have not been implemented yet. *Results.* There are agreements that have already been implemented in bilateral cooperation. However, the challenge of building the Indo-Pacific region requires the use of all the tools that U.S. has in its arsenal. One of these tools is status. This study has shown that in the foreseeable future India is unlikely to join major non-NATO allies group because its policy has no place for American interests.

Key words: United States, major non-NATO ally, MNNA, India, D. Trump, arms export.

Citation. Bazhenova O.A. India – a Potential Major Non-NATO Ally. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 255-264. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.22>

© Баженова О. А., 2022

УДК 327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 19.11.2020
Дата принятия статьи: 20.04.2021

ИНДИЯ – ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗНИК США ВНЕ НАТО

Ольга Алексеевна Баженова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сближение США с Индией, обусловленное, в частности, геополитической обстановкой в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сменой власти в США, привело к появлению в американском политическом обществе дискуссий о присвоении Индии статуса основного союзника вне НАТО (ОСВН), которым уже обладают семнадцать государств различных регионов мира. Катализатором сотрудничества явилась торговля вооружением и военной техникой. Методологическая база исследования – общенаучные методы познания, сравнение, комплексный анализ и синтез. Нормативно-правовую базу взаимодействия Индии и США в военно-технической области составляют соглашения о передаче технологий, организация совместных разработок и производства вооружения: Рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере обороны 2005 г., Инициатива в сфере торговли вооружениями и военными технологиями 2012 г.; Обновленное рамочное соглашение 2015 г.; Меморандум о материально-техническом обмене 2016 г. и др. На базе достигнутых договоренностей удалось успешно реализовать ряд проектов, однако взаимодействие осложняется различием процедурных подходов. В качестве одного из способов снятия бюрократических барьеров, несогласованности в вопросах передачи технологий, совместной разработки и производства систем вооружений рассматривался «статус основного союзника вне НАТО». Предложение о присвоении Индии статуса ОСВН впервые поступило от конгрессменов во главе с республиканцем Джо Уилсоном. Было рекомендовано расширить двустороннее сотрудничество в области обороны и безопасности с целью продвижения интересов США в Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. Несмотря на приложенные усилия конгрессменов, законопроект не получил достаточное количество голосов. В 2019 г. были представлены схожие законопроекты о присвоении статуса ОСВН Индии, к настоящему времени еще не реализованные. В двустороннем взаимодействии есть определенное количество соглашений, которые уже реализованы. Тем не менее задача по строительству Индо-Тихоокеанского региона требует применения всех инструментов, которые есть в арсенале США. Одним из таких инструментов является статус. Проведенное исследование показало, что присвоение статуса основного союзника США вне НАТО Индии в обозримом будущем маловероятно из-за индийского внешнеполитического курса, который не предполагает подчинение американским интересам.

Ключевые слова: США, основной союзник вне НАТО, ОСВН, Индия, Д. Трамп, экспорт вооружений.

Цитирование. Баженова О. А. Индия – потенциальный союзник США вне НАТО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 255–264. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.22>

Введение. К 2020 г. Индия достигла высоких показателей, в первую очередь в экономическом секторе. Сегодня это государство Южной Азии является седьмой экономикой мира по объему ВВП (в 2019 г. он составил 2,9 трлн долл.) [11], основным экспортером услуг в области информационных технологий, территорией локализации производства для многих транснациональных корпораций и поставщиком технических специалистов в ведущие страны мира. Кроме инвестиционной привлекательности экономики государства, очевидный коммерческий интерес представляет индийский рынок вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ).

На протяжении последних десятилетий руководство Индии придерживалось политики диверсификации источников закупки вооружений. Эта тенденция сформировалась в

связи с бурным ростом экономики государства, позволившим увеличить расходы на военные нужды. Так, Индия получила возможность осуществлять закупку ВВСТ, основываясь на конкурентной привлекательности товаров государств-производителей. Это, в свою очередь, позволило минимизировать политические риски зависимости от одного поставщика и получить доступ к наиболее современной продукции военного назначения. Несмотря на то что Индия является ведущим импортером ВВСТ, государство стремится к достижению полной самодостаточности в разработке и создании систем вооружений и военной техники. Присвоение статуса основного союзника вне НАТО позволит государству не только приобретать ВВСТ американского производства по льготным тарифам, но и получать технологии и лицензии на производство.

Учитывая вышесказанное, необходимо обратиться к нормативно-правовой базе взаимодействия Индии и США в военно-технической области, провести анализ законопроектов о присвоении Индии статуса ОСВН и оценить роль статуса для обеих сторон.

Методы и материалы. При анализе теоретического материала применяются общенаучные методы познания, при структуризации содержания работы основными методами стали сравнение, комплексный анализ и синтез. В работе используется системный подход, который позволяет рассмотреть союзные отношения Соединенных Штатов как систему, состоящую из множества взаимосвязанных и взаимовлияющих элементов. Для изучения нормативно-правовой базы военно-технического сотрудничества США и Индии используются контент-анализ и анализ документов.

В качестве источниковой базы привлечены официальные документы президентов США, Государственного департамента, Министерства обороны, Совета национальной безопасности, слушаний и законопроектов Конгресса, периодических печатных и электронных изданий.

Для раскрытия темы статьи особенно полезны были отчеты Госдепартамента США по странам, которые помогли проследить степень вовлеченности Индии во взаимодействие с США в военной сфере [3]. Экономические данные правительственных агентств США помогли проанализировать товарооборот Соединенных Штатов с Индией. Для изучения законопроектов о присвоении Индии статуса основного союзника вне НАТО были привлечены материалы электронной Библиотеки Конгресса США.

Использование представленных источников позволяет максимально полно раскрыть тему представляемой статьи.

Анализ. Процесс приобретения ВВСТ контролирует Совет по оборонным поставкам, возглавляемый министром обороны Индии (Defence Acquisition Council, DAC). Основным документом, регламентирующим военно-техническое сотрудничество с зарубежными государствами, является свод правил – «Процедура оборонных закупок» (Defence Procurement Procedure, DPP, ПОЗ). Он содер-

жит категории приобретаемой продукции с целью стимулирования роста внутреннего производства. Согласно ПОЗ от 2016 г. (включающей все поправки до 1 ноября 2019 г.) [5] наивысший приоритет имеет продукция с локализацией производства на национальной территории минимум в 40 % в ценовом или компонентном выражении, или техника, разработанная и произведенная за рубежом компонентной составляющей индийского производства не менее 60 %. Особое внимание при подписании контрактов на продажу ВВСТ уделяется вопросам получения технологий и лицензий на производство.

Стремление Индии к развитию национальной оборонной промышленности нашло свое отражение и в государственной программе «Делай в Индии» (Make in India), инициированной в 2014 г. премьер-министром Индии Нарендрой Модии [16]. К настоящему времени, однако, она не принесла заметных результатов, поэтому в среднесрочной перспективе руководство Индии сохранит свой статус импортера товаров военного и двойного назначения.

Одним из основных поставщиков ВВСТ в Индию по состоянию на 2020 г. являются Соединенные Штаты. Отправной точкой в установлении контакта между странами можно считать изменения в американском внешнеполитическом курсе после событий 11 сентября 2001 года. Пересмотр политики затронул, в частности, ограничения на поставку Индии вооружений и технологий двойного назначения¹. После их отмены возросли качественные и количественные показатели взаимодействия вооруженных сил двух государств.

Упрочению отношений Индии и США в XXI в. в значительной мере способствовал «китайский фактор». Обе страны обеспокоены его растущей военной и экономической мощностью. Руководство Соединенных Штатов рассматривает Индию в качестве основного партнера и ключевого элемента своей Индо-Тихоокеанской стратегии. Индийское правительство, в свою очередь, позиционирует Соединенные Штаты не только как одного из основных экспортеров вооружений и военной техники, но и в качестве потенциального донора ВВСТ.

Нормативно-правовую базу взаимодействия Индии и США в военно-технической области составляют соглашения о передаче технологий, организации совместных разработок и производства вооружений. Среди них следует выделить следующие:

– Рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере обороны «Framework for the U.S. – India Defense Relationship» 2005 г. [7];

– Инициатива в сфере торговли вооружениями и военными технологиями «Defense Technology and Trade Initiative» 2012 г. [20];

– Обновленное рамочное соглашение «Framework for the U.S. – India Defense Relationship» 2015 г. [8];

– Меморандум о материально-техническом обмене 2016 г. «Logistics Exchange Memorandum of Agreement» (LEMOA) [13];

– Закрепление статуса «основного партнера в области обороны» (Major Defense Partner) в американском законе о национальной обороне (National Defense Authorization Act) в 2016 г. [21];

– Соглашение о совместимости средств связи и безопасности 2018 г. «Communications Compatibility and Security Agreement» (COMCASA) [7].

На базе достигнутых договоренностей удалось успешно реализовать ряд проектов, в том числе:

– учреждение в 2009 г. предприятиями «Сикорский» (Sikorsky Aircraft) и Tata Advanced Systems Limited (TASL) совместной компании по производству кабин для среднего транспортного вертолета S-92 на территории Индии [19];

– соглашение TASL с корпорацией Lockheed Martin о производстве компонентов для самолетов C-130J от 2011 г. [18];

– соглашение TASL с корпорацией Lockheed Martin о производстве в Индии крыльев для истребителей F-16 Fighting Falcon от 2018 г. [12];

– соглашение между подразделением по оборонным инновациям при министерстве обороны США (Defense Innovation Unit, DIU) и схожей индийской организацией (Defence Innovation Organisation, DIO) от 2018 г. [4].

Объем товарооборота Индии и США в оборонной сфере при поддержке бюро по военно-политическим вопросам госдепартамента США (Bureau of Political-military affairs) вы-

рос с практически нулевой отметки в 2008 г. до более чем 20 млрд долл. в 2020 году. Среди последних крупных продаж в Индию: вертолеты MH-60R Seahawk (2,8 млрд долл.), Apache (796 млрд долл.) и авиационные системы противодействия и подавления в инфракрасном диапазоне (189 млрд долл.) [22].

Индия стала первым партнером, не имеющим союзного договора с США, которому была предложена беспилотная воздушная система БПЛА Sea Guardian производства General Atomics. Бюро по военно-политическим вопросам продолжает продвигать Lockheed Martin F-21 и Boeing F / A-18 Super Hornet и F-15EX Eagle в рамках будущих закупок истребителей [22]. Выбор любой из этих платформ повысит совокупный военный потенциал Индии и совместимость с США.

Соединенные Штаты с 2015 г. одобрили закупку Индией оборонных изделий на сумму более 3 млрд долл. через программу «прямых коммерческих продаж» (Direct Commercial Sales, DCS), в рамках которой осуществляется лицензирование экспорта военной продукции, услуг и сопутствующих производственных технологий всех категорий «Списка боеприпасов США» (United States Munitions List, USML) [1]. Наиболее востребованными категориями в Индии в этот период стали военная электроника (категория XI); системы управления вооружением, лазерные технологии, визуализация и наведение (категория XII), а также самолеты и сопутствующие товары.

С целью обеспечения конкурентоспособности американских компаний, в 2018 г. Министерством торговли США Индия была включена в приоритетную категорию стран-партнеров США по торговле стратегическими товарами, которым предоставлен статус STA-1 (Strategic Trade Authorization-1). Он предоставляет право безлицензионного приобретения широкого спектра американской высокотехнологичной продукции, в том числе оборонного значения [22]. Таким статусом обладают члены НАТО и некоторые² основные союзники вне НАТО (major non NATO allies, OSBN). При подключении Индии к группе STA-1 администрация Трампа сделала исключение, так как государство Южной Азии не является членом группы ядерных поставщи-

ков (ГЯП). Традиционно США присваивали статус STA-1 участникам всех четырех режимов экспортного контроля: режима контроля за ракетными технологиями (РКРТ), Васенаарских договоренностей, Австралийской группы (АГ) и ГЯП.

Бюро по военно-политическим вопросам госдепартамента США, в частности, является уполномоченным государственным органом по налаживанию миротворческого сотрудничества с Индией. Государство Южной Азии входит в пятерку крупнейших поставщиков военного и полицейского персонала для миротворческих операций ООН.

Индия также принимает участие в американской программе международного военного образования и подготовки (International Military Education & Training, IMET) и ежегодно с 2003 г. получает в качестве финансирования не менее 1 млн долларов. Курсы IMET повышают профессионализм военнослужащих и уровень оперативной совместимости вооруженных сил с ВС США, а также обеспечивают техническую и оперативную подготовку специалистов. В ноябре 2019 г. США и Индия провели первое в истории межвидовое учение (сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы) между двумя странами – Tiger Triumph. Индия участвует в учениях на территории Тихого океана под руководством США (Rim of the Pacific Exercise, RIMPAC) и трехсторонних учениях Malabar с США и Японией. Такие совместные мероприятия способствуют не только военной модернизации Индии, но и ее постепенному превращению в ключевого союзника США в Индо-Тихоокеанском регионе.

Несмотря на наличие общих интересов и достигнутые успехи в развитии военно-технического сотрудничества, взаимодействие осложняется различием процедурных подходов. Сохраняются бюрократические барьеры, несогласованность по передаче технологий, совместной разработке и производству систем вооружений.

Принимая во внимание особенности индийского рынка, Соединенным Штатам, при желании сохранить и укрепить свои позиции основного экспортера ВВСТ, необходимо изучить потребности Индии и предложить соответствующие им новые форматы сотрудничества.

В качестве одного из таковых рассматривался «статус основного союзника вне НАТО»³. Он мог бы стать альтернативой союзному договору по безопасности и дополнением к ранее заключенным соглашениям.

Вопрос о присвоении статуса ОСВН южно-азиатскому государству был поднят 25 июля 2018 г. на 115-м Конгрессе США [15]. Группа из четырех конгрессменов во главе со старшим членом комитета палаты представителей по иностранным делам от второго избирательного округа Южной Каролины, республиканцем Джо Уилсоном, представили законопроект H.R. 6506 «О расширенном сотрудничестве между США и Индией» (H.R. 6506: United States – India Enhanced Cooperation Act of 2018) [10].

Во вступительной части документа говорится: «беспорядки в мире представляют серьезную угрозу интересам национальной безопасности Соединенных Штатов и требуют сотрудничества с дружественными странами, которые готовы работать с США для достижения общих целей» [10]. Среди таких государств авторы выделяют Индию за ее стремление наращивать внутренний оборонно-промышленный потенциал. Отмечается, что двусторонние связи в сфере обороны послужат «якорем стабильности». Для успешной интеграции Индии в глобальную цепочку поставок американских вооружений и военной техники авторы билля рекомендуют всесторонне содействовать экспорту товаров и технологий в соответствии с национальным законодательством США.

Согласно законопроекту необходимо провести оценку совокупного военного потенциала Индии под руководством государственного секретаря и министра обороны США на предмет ее готовности к обеспечению будущих военных операций. Ключевое значение имеет оценка правил и политики экспортного контроля оборонной промышленности, которые нуждаются в соответствующих изменениях.

По мнению авторов, именно налаженный механизм технических аспектов сотрудничества послужит основой будущих совместных проектов и программ в области обороны и безопасности. В интересах эффективного практического развития и расширения двустороннего взаимодействия министру обороны и го-

сударственному секретарю США рекомендовано предпринять определенные действия по укреплению и развитию стратегического сотрудничества с Индией. К таковым авторы относят:

- присвоение Индии статуса основного союзника США вне НАТО;
- расширение сотрудничества с Индией в области противодействия общим угрозам, координации действий и проведения совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки вооруженных сил и специальных служб;
- обеспечение взаимной осведомленности о морской обстановке, координация усилий на море по борьбе с пиратством и другими общими угрозами;
- расширение военного сотрудничества в оказании гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий;
- формирование благоприятного имиджа США у правительства Индии посредством признания приоритетности безопасности поставок оборонных средств и ее обеспечения в соответствии с национальным законодательством;
- сотрудничество с правительством Индии в разработке взаимоприемлемых механизмов проверки безопасности оборонной продукции, услуг и сопутствующих технологий, в том числе в области кибербезопасности и мониторинга конечного использования;
- поощрение эффективного анализа и санкционирование продаж и экспорта оборонной продукции в Индию;
- всестороннее содействие укреплению сотрудничества с Индией в области обороны и безопасности с целью продвижения интересов США в Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе [15].

На обсуждении Комитета Палаты представителей США по иностранным делам в 2018 г. законопроект не получил достаточное количество голосов. На этом основании председателем Комитета Палаты от шестнадцатого избирательного округа Нью-Йорка, представителем демократической партии Элиотом Энгелем было принято решение не пропускать билль на рассмотрение в Сенат.

Тем не менее спустя год, на 116-м Конгрессе 8 апреля 2019 г. группа конгрессменов повторно представила законопроект H.R. 2123 «О расширенном сотрудничестве между США

и Индией (H.R.2123: United States-India Enhanced Cooperation Act) [9] о присвоении статуса основного союзника вне НАТО Индии.

Согласно документу статус предоставляется с целью юридического закрепления условий, требований и ограничений передачи американских оборонных изделий и услуг. Законопроект уполномочивает президента США сокращать или отказываться от определенных административных и исследовательских расходов, связанных с продажей оборонных изделий и услуг в Индию; предоставлять Индии услуги, связанные с передачей оборонных изделий, такие как проверка качества, на безвозмездной основе. Законопроект также предусматривает расширение существующих требований к ежегодной отчетности, касающихся взаимодействия США и Индии в области обороны, и включает в себя отчет о прогрессе, достигнутом в реализации существующих двухсторонних соглашений.

Несмотря на приложенные усилия конгрессменов по корректировке и повторному внесению законопроекта на рассмотрение, билль H.R.2123 постигла та же участь, что и его предшественника – процесс был остановлен на уровне комитета Палаты представителей по иностранным делам.

Усилия по продвижению идеи присвоения статуса ОСВН предпринимали и другие конгрессмены, в частности, сенаторы Джон Корнин от штата Техас и Марк Уорнер от штата Вирджиния. Согласно стенограмме Конгресса [14] сенатор Корнин выразил надежду на включение предложенных им положений для укрепления отношений с Индией: «Я надеюсь, что окончательная версия этого законопроекта будет включать положение, которое я внес для усиления нашего взаимодействия с Индией, это станет важным шагом на пути к укреплению наших союзных связей» [14]. Совместный труд конгрессменов, однако, не принес результатов, так как окончательный вариант «Закона о национальной обороне на 2020 финансовый год» и «Закона о контроле над экспортом вооружений» [17] были приняты без положений о присвоении Индии статуса основного союзника США вне НАТО. При утверждении закона о национальной обороне на 2021 г. вопрос о включении Индии в список ОСВН уже не поднимался.

В чем же кроется причина неудачи подключения Индии к сети союзников вне НАТО и почему сами представители законодательной власти США не приняли идею своих коллег? Вероятно, американское руководство признает, что юридическое закрепление новой формы сотрудничества между двумя государствами преждевременно ввиду позиции индийской стороны по нескольким вопросам.

Во-первых, сближение с США неминуемо приведет к ослаблению военно-технических связей с другими государствами, прежде всего с Россией. Индия импортирует более 56 % вооружения и военной техники российского производства. В настоящее время влияние России будет особенно серьезной проблемой для руководства США ввиду неготовности Индии производить многие виды военной техники на внутреннем рынке в больших количествах в короткие сроки. К примеру, на разработку и принятие на вооружение собственного многоцелевого истребителя «HAL TEJAS» по национальной программе Создание легкого боевого самолета потребовалось почти три десятилетия (1983–2012 гг.); отечественный ОБТ «ARJUN» и винтовка «INSAS» не соответствовали требованиям, поэтому российский танк Т-90 остается опорой индийских бронетанковых войск. Совместно с РФ Индия работает над созданием оружейного завода в г. Амети для производства автоматов АК-203, которыми планируется оснащать подразделения индийских сухопутных войск. Как показывают эти примеры, импорт оружия из России будет продолжаться в течение многих лет, пока не окрепнут собственные производственные мощности.

Полный переход на импорт западной продукции не представляется для руководства Индии возможным. Несмотря на превосходство некоторых образцов западного оборудования и вооружений над российскими, получить лицензию на передачу технологий для их производства в Индии в большинстве случаев невозможно. К тому же западное оборудование обычно намного дороже. Это в сочетании с отсутствием лицензии на производство и передачу делает приобретение оружия непомерно дорогим.

Другая причина, по которой Индия не стремится пополнять ряды основных союзни-

ков США, – это ее многогранная политика, ограничивающая присоединение к блокам и вступление в союзные отношения⁴. Придерживаясь такого внешнеполитического курса, Индия выстраивает взаимодействие с множеством государств по ключевым вопросам, не ограничиваясь одним союзником. Так, правительство Индии может объединиться с Китаем и развивающимися странами в противовес США на площадке ВТО, но в то же время противостоять КНР на другом форуме, сотрудничать при этом с Пекином и Москвой в ШОС, рассматривая четырехсторонний диалог с США, Японией и Австралией в качестве противовеса Китаю. Это позволяет сохранить гибкость и помогает Индии играть роль глобальной «колеблющейся державы» (swing power), поддержки которой ищут другие страны.

Индия придерживалась политики неприсоединения в годы холодной войны, будучи дружественной СССР, она не вступила в Варшавский договор, не стала советским марионеточным государством. Цель неприсоединения заключалась в том, чтобы предотвратить разделение мира на военные блоки и дать новым независимым странам Азии и Африки шанс избежать втягивания в дорогостоящие и бессмысленные конфликты и не стать инструментами внешней политики двух великих держав. В современном мире политика неприсоединения уступила место аналогичной, но более гибкой многогранной политике, которая позволяет Индии поддерживать дружественные отношения как с Западом, так и с Россией. Выбор в пользу кого-то одного нарушит этот хрупкий баланс, и десятилетия усилий будут потрачены зря.

Более того, взаимодействие в рамках статуса грозит Индии оказаться втянутыми в конфликты, не представляющие непосредственной угрозы для национальной безопасности страны. При вероятном вооруженном столкновении США и сил НАТО с Китаем, Индия, находясь в непосредственной близости от Китая, может понести тяжелые потери.

Немаловажно, что Индия и Китай, при наличии некоторых разногласий, сохраняют партнерские отношения. Индийская сторона инвестирует в китайские проекты, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвести-

ций, получая, в свою очередь, кредиты на различные национальные проекты. Индия также является постоянным членом ШОС, участником БРИКС. Сближение с США, вероятно, приведет не только к напряженности в индийско-китайском сотрудничестве, но и к потере самостоятельности в принятии решений.

Присоединение к группе союзников ОСВН, получающих право на приоритетные и льготные поставки вооружений и военной техники, неминуемо влечет за собой следование американским интересам, в частности, предоставление национальных территорий для строительства американских военных объектов [6]. Несмотря на опущение этого пункта в юридической документации о статусе, на практике почти каждый основной союзник вне НАТО имеет на своей территории те или иные пункты базирования США. Учитывая тот факт, что Индия все еще является развивающейся страной с внутренними проблемами и нерешенными территориальными спорами, строительство иностранных баз на национальной территории может привести к массовым протестам и будет рассматриваться как нарушение суверенитета.

Результаты. Принимая во внимание представленные факты, в ближайшее время Индия с малой долей вероятности будет подключена к сотрудничеству вне Североатлантического альянса. Присвоение Индии статуса ОСВН, однако, помогло бы снять имеющиеся бюрократические и процедурные барьеры в реализации военно-технического взаимодействия с США и создать условия для углубления научного сотрудничества. Привилегии, приобретаемые с присвоением статуса, послужили бы необходимым подспорьем для обеспечения безопасности границ и противостояния внешним вызовам, к которым индийское руководство относит потенциальные конфликты с Китаем и Пакистаном [2]. Более того, подключив Индию к сотрудничеству с другими обладателями статуса в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Япония, Южная Корея), США смогли бы расширить геополитическое влияние за счет Южной Азии.

Стоит отметить, что в настоящее время стремление к укреплению сотрудничества

присутствует у обеих сторон. Этому во многом способствует политическая конъюнктура. «Деградация отношений США и Китая становится константой современных международных отношений. Этот вывод важен для сегодняшнего разговора об Индии»⁵, – отмечает российский экономист, академик Российской академии наук, президент ИМЭМО РАН А.А. Дынкин [22].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ограничения были введены руководством США в 1998 г. в связи с осуществлением Индией ядерных испытаний.

² Аргентина, Австралия, Канада, Япония и Южная Корея.

³ Сегодня статусом основного союзника США вне НАТО (ОСВН) обладают семнадцать государств – Австралия, Египет, Израиль, Япония, Южная Корея, Иордания, Новая Зеландия, Аргентина, Бахрейн, Филиппины, Таиланд, Кувейт, Марокко, Пакистан, Афганистан, Тунис и Бразилия.

⁴ Политика неприсоединения была величайшим достижением Д. Неру, Индия и сегодня следует этому протоколу, хотя и в измененной форме.

⁵ Этими словами российский экономист, академик Российской академии наук, президент ИМЭМО РАН А.А. Дынкин открыл третью онлайн-сессию «Примаковских чтений».

REFERENCES

1. 22 CFR § 121.1 – The United States Munitions List. *Cornell Law School*. URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/22/121.1> (accessed 1 September 2020).

2. Benefits of Becoming a U.S. Major Non-NATO Ally. *Gateway House Indian Council on Global Relations*. URL: <https://www.gatewayhouse.in/non-nato-ally-status> (accessed 1 February 2021).

3. Country Reports on Terrorism. *U.S. Department of State*. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/195768.pdf> (accessed 18 October 2020).

4. Defense Innovation Report: Applying MIT's Innovation Ecosystem & Stakeholder Approach to Innovation in Defense on a Country-by-Country Basis. *MIT Innovation Initiative*. URL: <https://innovation.mit.edu/assets/Defense-Innovation-Report.pdf> (accessed 2 September 2020).

5. Defence Procurement Procedure 2016 Capital Procurement (Incorporating All Amendments up to

Information About the Author

Olga A. Bazhenova, Candidate of Sciences (Politics), Researcher, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, Bld. 1/51, 119991 Moscow, Russian Federation, ol.bazhenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-2754>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Баженова, кандидат политических наук, научный сотрудник факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, стр. 1/51, 119991 г. Москва, Российская Федерация, ol.bazhenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-2754>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 2080 руб. 12 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 2080.12 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

